

Эдуард Косарев

УГОЛОК СВЕТА

Эдуард Косарев

УГОЛОК СВЕТА

Роман

Ярославль

2017

Косарев Э. Ю

Уголок света. Роман. / Э. Ю. Косарев; Ред. О. В. Васильева.— Ярославль: 2017,— 324 с.: ил.

ISBN 978-5-600-01631-6

В романе «Уголок света» повествуется о маленькой научной экспедиции, отправившейся изучать растительный мир болот. Завязка, характерная для приключенческого романа, постепенно перерастает в психологическую драму. На первый план выходят характеры героев, их мысли и поступки. Книга изобилует описаниями природы, жизни и быта людей. Для широкого круга читателей.

Данная электронная книга распространяется бесплатно. Разрешается полное или частичное копирование текста, цитирование, распечатка и распространение, за исключением тех случаев, когда вышеупомянутые действия осуществляются с целью получения какой бы то ни было прибыли. При использовании текста указание авторства обязательно.

Все события, описанные в книге, имена и фамилии, обстоятельства и действия, являются вымышленными. Любые совпадения с действительно имевшими место делами и событиями, а также совпадения имён и фамилий с именами и фамилиями реальных людей - случайны и не носят преднамеренного характера.

ISBN 978-5-600-01631-6

© Косарев Эдуард Юрьевич, 2016

© Оформление и иллюстрации.

Косарев Эдуард Юрьевич, 2016

© www.ugoloksveta.ru

Косарев Эдуард Юрьевич, 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Последний час пути показался ей особенно долгим. Извилистая лесная дорога петляла среди деревьев нескончаемой полосой препятствий. Огромный чёрный внедорожник раскачивался, кренился на ухабах, содрогался всем корпусом. Двигатель ревел. Вещи в багажнике подскакивали в такт тряске, исполняя какую-то фантастическую чечётку под аккомпанемент кустов, то и дело хлеставших зелёными ветками по стёклам проезжавшей машины. Ирина, худенькая, невысокая девушка лет двадцати, расположившаяся на заднем сидении автомобиля, уже начинала жалеть, что позволила профессору втянуть себя в эту поездку.

Вначале, когда они только выехали из города и вдоль шоссе потянулись поля, перелески, сонные деревни, придавленные плотным покрывалом июньской духоты, она была рада, что не осталась дома. Возможность провести две недели на природе, заработав при этом немного денег, казалась намного привлекательней бесцельного хождения взад и вперёд по пустой квартире, раскалённой палящим солнцем. В такую жару даже чтение не приносило ей привычного удовольствия.

Теперь её подташнивало. Она закрыла глаза и попыталась сосредоточиться, надеясь обмануть дурноту, как когда-то, в детстве, обманывала зубную боль. Способ был простым, но довольно действенным. Прислушиваясь к себе, Ирина заметила, что в её сознании боль всегда звучала одной длинной, напряжённой нотой, перекрытой нестройным хором разрозненных мыслей и чувств. Расчистив эту путаницу, можно было выделить неприятное ощущение, понять, с чем имеешь дело и перестать бороться. Со временем она научилась сознательно отдаваться на милость боли, привыкать к ней, как к одному из неизбежных атрибутов собственного существования. При этом боль не утихала совсем, она лишь отходила куда-то на задний план и ныла там несколько менее настойчиво, не слишком мешая обычному ходу повседневной жизни.

На сей раз старый, проверенный временем приём не действовал. Волны дурноты накрывали её одна за другой, не давая времени расслабиться. Ей захотелось выйти из машины, вдохнуть свежего воздуха, ощутить под ногами твёрдую, надёжную землю.

«Скоро! – подумала она. – Потерпи! Мы почти на месте. И хватит уже жалеть себя! Ещё расхныкайся, как маленькая!»

Отчитав себя подобным образом, Ирина стала смотреть в окно, хотя в нём ничего не было видно, кроме необыкновенно густых зарослей тёмно-зелёных кустарников.

К счастью, довольно скоро кусты начали редеть, а потом и вовсе расступились в стороны, подобно театральному занавесу перед началом спектакля. Впереди, за занавесом, показался обширный луг, заросший высокой, в пояс, травой. За лугом, на возвышении, виднелась крыша какой-то деревянной постройки, тёмная, провалившаяся посередине, как будто прогнувшаяся

под весом взгромоздившихся на неё грозových облаков. Очевидно, пока они плутали по лесным дорогам, погода испортилась. Белесоватое от водяных испарений небо затянулось сизыми с проседью тучами, заполнившими весь небосвод от горизонта до горизонта. Стало темно. Сгущавшийся мрак то и дело вспыхивал тревожными огоньками далёких молний. Звуки грома пока ещё не долетали до луга, притихшего в ожидании грозы.

– Вот оно, село Матвейцево! – радостно воскликнул молодой человек, сидевший за рулём внедорожника. Он обернулся к Ирине, желая разделить с ней своё воодушевление. Лицо его сияло. В этот момент машина подпрыгнула, едва не перевернувшись на каком-то особенно крутом ухабе.

– Володя, смотрите на дорогу! – завопил профессор Кочетков, занимавший место переднего пассажира.

– Не беспокойтесь, Сергей Сергеевич! – невозмутимо отвечал Володя, ничуть не обеспокоенный кульбитом, только что совершённым громоздким внедорожником. – У этой машины пониженный центр тяжести. Она специально создана для таких дорог.

Он неожиданно резко выкрутил руль. Повинуясь воле водителя, автомобиль выпрыгнул из промятой колеи на край луга, по которому быстро и сравнительно плавно понёсся в сторону села, оставляя за собой длинный след из примятой травы.

– Судя по координатам, мы на месте! А вы сомневались! – торжествующе продолжал Володя, указывая пальцем на экран навигатора, ярко светившийся в сгущавшемся полумраке. – На технику всегда можно положиться. А представьте, если бы мы ориентировались по солнцу, как советовал тот пастух! Кто знает, где бы мы сейчас плутали!

Володя обожал всё электронное и механическое и с увлечением предавался коллекционированию того и другого. В его машине имелись не один, и не два, а целых три навигатора: два переносных и один – встроенный в приборную панель автомобиля. Впрочем, справедливости ради ему следовало бы признать, что в тот день показания приборов отличались крайней противоречивостью. Когда машина свернула с разбитой асфальтовой дороги на просёлок, а затем в лес, они начали показывать разные версии дальнейшего пути. Спустя некоторое время один из навигаторов совсем потерял дорогу, а два других предрекали её скорый конец в тупике, прямо посреди леса. Ехать в тупик они не решились, вместо этого при первой же возможности свернули на какую-то просеку с едва заметной тропинкой посередине, которая вывела на небольшой луг, со всех сторон окружённый лесом. На лугу паслось стадо чёрно-белых коров, апатично жевавших траву и совсем не удивившихся внезапному появлению автомобиля. Володя остановил машину возле опушки леса и заглушил двигатель. В этот момент всем троим стало ясно: они окончательно заблудились.

– Смотрите! – воскликнул Сергей Сергеевич, отстёгивая ремень безопасности. – Там пастух! Давайте спросим у него дорогу!

Не дожидаясь ответа, профессор вышел из машины, впус­тив внутрь прохладного салона влажный, горячий воздух, наполненный запахом полевых цветов. Высоко поднимая ноги от непривычки ходить по высокой траве, он направился в сторону стада.

Пастух оказался добродушным стариком с загорелым лицом. Несмотря на жару, он был одет в подбитый ватой пиджак, а на голове его красовалась старая войлочная шляпа с обвисшими полями. В отличие от равнодушных коров пастух с нескрываемым интересом рассматривал приближавшего человека. Даже издали многое в фигуре незнакомца выдавало в нём чужака: и нелепая, прыгающая, спешащая походка, и узкие плечи, и не вполне соответствующий общей худобе тела круглый животик из числа тех, что в народе почему-то называются «солидными». Когда незнакомец приблизился, стали видны его тщательно уложенные волосы цвета соломы, обрамлявшие продолговатое лицо, отличавшееся довольно правильными чертами. Такое лицо можно было бы назвать приятным, если бы его не портили узкие, какие-то слишком уж бескров­ные губы.

«Городской! – с некоторым разочарованием подумал пастух. – Верно, заблудились».

Будучи, видимо, в силу своей одинокой профессии, крайне словоохотливым человеком, старик был рад любому событию, способному разбавить однообразие дня. Его разочарование объяснялось отнюдь не самим визитом, но вполне оправданным опасением, что разговор окажется весьма коротким. Долгий жизненный опыт пастуха говорил о полной невозможности подолгу беседовать с городскими. Эти странные люди всегда в пути, всегда движутся из одного места в другое, почти никогда не останавливаясь. При этом они постоянно торопятся, говорят быстро, а слушают рассеян­но и неохотно. Вздыхнув, пастух поднялся с земли, повесил на плечо свой кнут и пошёл навстречу горожанину.

– В Матвейцево-то? – спросил он, отвечая на вопрос, обращённый к нему Сергеем Сергеевичем. – Да так просто и не расскажешь! Вы, знаете, лучше на солнышко смотрите. Теперь уже четвёртый час пошёл, стало быть, солнышко покати­лось на закат, а вы держитесь как-нибудь так, чтобы оно было по левую руку, тогда точно не ошибётесь. Точнее не скажу. Кто теперь эти лесные дороги знает? Заросло всё, прости Господи! Вот раньше в Матвейцево вела хорошая дорога от самой Центральной усадьбы, а как мост рухнул лет десять тому назад, так её и забросили. Матвейцевские по ней до сих пор ходят, конечно, только кому там ходить? Во всем селе, небось, человек тридцать осталось. Больно далеко они живут, на отшибе. Мне туда ездить незачем, так я и не ез­дею. – Он так и сказал: «не ез­дею», чем вызвал едва заметную усмешку на лице Сергея Сергеевича.

– А вы что же, по делу туда или в гости к кому? – любопытствовал пастух.

– По делу, – ответил профессор Кочетков, не слишком удовлетворённый полученными указаниями. – Значит, подробнее объяснить не можете?

– Не могу, – развёл руками старик. – Дороги в лесу старые, ещё со времён леспромхоза остались, а ведь леспромхоза-то уже, почитай, лет двадцать, как нет. Больше ими никто не пользуется, и куда они ведут теперь, наверно, никто вам толком не скажет. Места у нас безлюдные. Матвейцево ваше – аккурат последнее село, а дальше, за ним, – озеро, потом болота, и никаких людей – сплошные топи да непролазный лес, может быть, на тысячу километров. Вот такая глушь. Так что я вам направление покажу, – он махнул рукой на север, в сторону, где, по его представлению, находилось Матвейцево. – А точнее сказать – не скажу.

– И на том спасибо, – ответил профессор. Он попрощался с пастухом и вернулся назад, в относительный комфорт кабины, охлаждаемой мощным кондиционером.

– Ну, что? – спросил Володя, наблюдавший за беседой сквозь закрытое окно.

– Ничего он мне толком не сказал, кроме того, что ехать, очевидно, нужно на север, – ответил Сергей Сергеевич.

– Это мы и так знаем. А дорога туда есть?

– Видимо, есть. Должна быть, ведь ездят же туда люди каким-то образом. Давайте ориентироваться по компасу: если встретятся перекрёстки, постарайтесь держать севернее. Поедем, Володя.

Они повернули назад, миновали просеку, выехали на прежнюю дорогу и ещё несколько часов петляли по лесу, ориентируясь не по солнцу, которого совсем не было видно из-за деревьев, а всё по тем же навигаторам, указывавшим направление сторон света. Конечная точка их маршрута, отмеченная на карте географическими координатами, то приближалась, то удалялась, оставаясь по-прежнему недостижимой. В конце концов, им стало казаться, будто они ездят по одной и той же дороге вокруг Матвейцева. Догадка была верной: полузаросшая лесная дорога широкой дугой огибала село с юга и уходила на запад. Нечего и говорить, что она не была обозначена на картах навигаторов.

– Должен же быть где-нибудь поворот на север! – кипятился Володя, всматриваясь в сплошную стену леса. Но поворота не было. Только в третий раз медленно проезжая по всё той же дороге, они обнаружили едва заметную брешь, разрезающую изгородь из молодых осин. Судя по отпечаткам колёс на влажной земле, там недавно проезжали автомобили. И действительно, за брешью оказалась слабо набитая колея, с обеих сторон окружённая густыми кустами. Она и вывела их к Матвейцеву уже в десятом часу вечера.

Глава 2

Люди начали селиться на холме, где впоследствии возникло Матвейцево, в начале девятнадцатого века. В основном это были старообрядцы, вольные охотники и рыбаки, беглые крепостные крестьяне, расстриженные монахи, дезертиры и прочий люд, по разным причинам предпочитавший держаться подальше от властей и закона. Постепенно из нескольких охотничьих заимок

выросла целая деревня, никому не принадлежавшая, не платившая никаких налогов и никем как следует не управлявшаяся. Пользуясь отсутствием дорог, местные жители пребывали в состоянии анархии вплоть до знаменитой всероссийской переписи населения 1897 года, когда деревня Матвейцево впервые оказалась нанесённой на карту Российской империи и официально вошла в состав уезда. В те времена в ней насчитывалось около тридцати дворов.

После Октябрьской революции и последовавшей вслед за ней гражданской войны настал период преобразований, изменивший весь уклад жизни местного населения. Из города в деревню приехали энергичные люди, проложили дорогу и устроили лесопилку. Вместе с дорогой в Матвейцево пришло электричество, радио и телефон. Деревня начала расти, богатеть, получив со временем статус села.

Матвейцево было устроено на традиционный русский манер, то есть состояло из двух рядов домов, выстроившихся друг против друга в две длинные шеренги, оседлавшие вершину большого круглого холма. Между этими рядами с севера на юг тянулась главная и единственная улица, отгороженная от дворовых территорий разнообразными заборами, различавшимися цветом, формой и высотой. Жилые дома располагались в глубине дворов, а позади них находились сараи, огороды, небольшие садики со старыми раскидистыми яблонями и всевозможные хозяйственные постройки, которые так любят городить и лепить друг к другу, а то и друг на друга, в некоторых русских селениях. Теперь эти постройки по большей части лежали в руинах, да и сами дома на северной окраине села выглядели заброшенными и необитаемыми.

Унылые развалины, обнесённые мокрыми от дождя, серыми, покосившимися изгородями, произвели на Ирину гнетущее впечатление. Профессор тоже погрузился в невесёлую задумчивость. Лишь Володя по-прежнему сохранял свою всегдашнюю жизнерадостность. Даже двенадцать часов, проведённых за рулём, мрачная картина запустения, окружавшая их снаружи, темнота и ливень, начавший барабанить по крыше, не оказывали на него удручающего воздействия.

– Ну, куда теперь? – спросил он, остановив машину в самом широком месте улицы, в центре села, перед колодцем. – Где же весь народ? Как будто вымерли все. Темнотища-то какая! Ни единого огонька!

И правда: со всех сторон их окружала темнота, наполненная шорохом воды. Изредка вспыхивали молнии, освещавшие небо, но их призрачный свет был бессилен перед мраком, густо разлившимся по земле. Оглушительные раскаты грома начинались треском, переходили в грохот и заканчивались низким гулом, придававшим темноте дополнительную глубину.

– Как бы там ни было, нам всё равно нужно найти проводника на завтра, – объявил профессор, вынырнув из пучины своих размышлений. – И какое-нибудь сухое место, где мы сможем переночевать. Все устали, особенно, я думаю, Ирина.

Ирина ничего не ответила. У неё не было желания разговаривать. Ей хотелось и дальше слушать стук дождя по крыше машины, молчать и главное – сидеть неподвижно, чтобы не провоцировать едва утихшую головную боль.

– Сделаем так, – решил Сергей Сергеевич. – Медленно поедем вдоль домов, пока не увидим где-нибудь свет. Там остановимся и попросимся на ночлег.

– А если не пустят? – спросил Володя. – Я бы с чужими людьми в таком месте да в такое время даже разговаривать бы не стал.

– Не пустят, заберёмся в какой-нибудь пустой дом и там переночуем.

– А вдруг там крысы? Лучше уж в машине ночевать. Сложим сиденья, достанем спальные мешки...

– Поедем, Володя, – перебил его профессор, – а то дождь, кажется, ещё сильнее расходится. Чем темнее и дождливее будет снаружи, тем меньше у нас шансов устроиться. Ты ведь верно говоришь – люди в таком месте должны быть подозрительными. Мало ли кто может шататься по улицам в такую погоду.

Они медленно поехали вдоль заборов, всматриваясь вглубь дворов, и почти тотчас же заметили, как в окне второго или третьего дома, считая от колодца, мелькнул неровный, дрожащий свет. Володя нажал на тормоз. Машина остановилась.

– Ну что, все вместе пойдём? – спросил он.

– Не стоит, – отозвался профессор, открывая дверь. – Я схожу, а вы тут подождите.

Он вышел из машины и бегом, чтобы не очень вымокнуть, но всё же не слишком быстро, дабы не уронить своего достоинства, потрусил к калитке, оказавшейся не запертой. В свете молнии ему удалось разглядеть внутри сада очертания крыльца и дверь, расположенную под резным навесом. Добежать до неё было делом нескольких секунд. Укрывшись от дождя, Сергей Сергеевич достал из кармана платок и вытер им мокрое лицо. Дождь лился с неба сплошной стеной. С навеса на землю низвергались шумные водопады воды. Машина, находившаяся всего в десятке шагов, на улице, перед калиткой, была почти не видна из-за дождя, а главное – из-за разросшихся кустов смородины, посаженных в ряд вдоль забора.

Сергей Сергеевич собрался с духом и постучал в дверь. Никто не ответил. Он постучал снова, посильнее. И вновь не получил никакого ответа.

«Что за незадача? – подумал он. – Ведь мы же точно видели свет в окне, или показалось?» – Он постучал в третий раз, теперь уже изо всех сил, и снова услышал за дверью только тишину.

Тем временем Володя, оставшийся в машине, заглушил двигатель и с удовольствием потянулся.

– Давай включим музыку! – предложил он Ирине.

– Может, не надо? – ответила та и сама удивилась, насколько резко, даже грубо, прозвучал её голос. «Что со мной такое? – подумала она про себя. – Всё время

у меня так с мужчинами. Веду себя, как ёжик. А этот Володя, кажется, совсем не такой самодовольный болван, каким казался мне прежде».

– Извини, – добавила она более дружелюбно. – У меня голова не то болит, не то кружится.

– Это от голода, – авторитетно заявил Володя. – Говорил я вам: «Давайте остановимся, перекусим», вы же сами отказались. Хочешь печенья?

Он вытащил из бардачка распечатанную пачку овсяного печенья и протянул ей.

– Спасибо, – ответила Ирина. – А воды нет? У меня вся закончилась.

Нашлась и вода. Они поделили печенье пополам и уже доедали его, когда в свете фар из дождя возникла фигура профессора, и он, весь промокший, забрался на заднее сиденье, рядом с Ириной. Вода капала с его волос, с лёгким стуком ударяясь о мягкое кожаное кресло.

– Никого нет дома, – объявил профессор, – или делают вид, что никого нет, не разберёшь. Я прикладывал ухо к двери – ни звука внутри. В окна заглядывал – темнота. Может, и правда нет никого.

– А свет кто зажжёт? – спросил Володя.

– Не знаю. Когда я бежал обратно к машине, света уже не было. Я нарочно остановился, чтобы посмотреть.

– Жутковато, – сказала Ирина.

– Не то слово, – согласился Володя. – Я думаю, нам лучше поехать назад, к лесу. Переночуем как-нибудь. Если найти место повыше, то я могу лечь внизу, под машиной. Хотя, лучше всего будет сложить сиденья, тогда мы втроём и внутри легко поместимся. Только вот куда девать вещи из багажника?

– Нет, так не годится, – возразил профессор. – Давайте попробуем найти ещё какой-нибудь обитаемый дом. В машине мы всегда успеем переночевать, однако прежде нужно исследовать все остальные возможности. Владимир, – обратился он к Володе, – а ты уверен, что здесь вообще живут люди? Что там, в Интернете, про это написано?

– Ну что вы, Сергей Сергеевич! Я же перерыл кучу сайтов, как вы просили, специально зарегистрировался на нескольких охотничьих форумах. Практически все, кто здесь бывал, говорят, что прошлым летом видели людей.

– Так с прошлого лета целый год прошёл. Может, с тех пор все отсюда уехали, – ответил профессор.

– Вот и я также подумал, – подтвердил Володя. – Поэтому нарочно спросил через форум у охотников, не приезжал ли кто-нибудь из них в Матвейцево более или менее недавно. Мне ответил один человек, сказал, что месяц назад, в начале мая, он с друзьями ловил здесь рыбу. Так вот: они видели дым, поднимающийся из трубы над одним из домов, и коз с козлятами, которые паслись на лугу, недалеко от села.

– Но людей не видели?

– Людей не видели. В само село они не заезжали, сразу проехали на озеро.

– Ладно, – вздохнул профессор, – будем искать дальше. Смотрите внимательнее, а то сквозь этот ливень ничего уже не видеть.

Володя завёл мотор. Машина медленно двинулась вперёд. Нигде не было заметно ни малейших отблесков света, лишь тёмные очертания заборов медленно проплывали мимо них полосатым частоколом. В конце села Володя развернулся, и они опять проехали всю улицу от начала до конца, сосредоточив внимание на противоположной стороне, оказавшейся столь же тёмной и безжизненной.

– Может быть, все легли спать? – предположил Володя. – Я слышал, в деревнях рано ложатся.

– Может быть и так, – согласился профессор. – Нам от этого не легче. Поедем-ка обратно к тому дому, где горел свет, попробуем постучаться ещё раз. Только теперь уже пойдём все вместе.

Володя остановил машину возле колодца таким образом, чтобы фары освещали калитку нужного дома.

– Я полагаю, – сказал он, – что Ирине незачем идти с нами. Пусть остаётся здесь, а то мало ли что. Я, конечно, заблокирую двери, но всё-таки машина – наш единственный способ выбраться отсюда. Было бы неразумно оставлять её без присмотра. Давайте мы с вами вдвоём пойдём, – сказал Володя Сергею Сергеевичу.

– Резонно, – согласился Кочетков.

– Я бы лучше с вами, – робко запротестовала Ирина.

– Да чего там! – возразил Володя. – Только вымокнешь без толку. А мы скоро вернёмся. Не переживай, я тебя запроу и включу сигнализацию.

Скрепя сердце, Ирина согласилась. Володя извлёк откуда-то из-под сиденья большой жёлтый фонарь с ручкой, и они вместе с профессором вышли из машины на улицу. Мелькнули оранжевые огоньки подфарников, щёлкнули замки дверей. Ирина осталась запертой в машине, посреди дождя, совершенно одна.

Прошло несколько минут. Вода продолжала сыпаться с неба бесформенной массой. Попав на землю, капли сливались в струи, струи – в потоки. Мощный свет фар, будучи не в силах пробить сплошную стену дождя, рассеивался, изгибался, рассыпаясь яркими полосками радуги. Засмотревшись на эти цветные вспышки, Ирина постепенно перестала слышать привычный гул собственных мыслей. Её сознание плавно растворилось в причудливой смеси из дождя и света, погрузилось в покой, проникший до самых глубин её естества. Время исчезло и не могло уже более испытывать её своей мучительной неопределённостью.

Ирина, сама того не ведая, довольно легко впадала в состояние глубокой отрешённости от внешнего мира, напоминавшее транс. Чаще всего это происходило с ней в периоды усталости после особенно интенсивного физического или умственного напряжения. То, что с таким трудом даётся иным людям при помощи усердных занятий медитацией, получалось у неё без всяких усилий.

Иногда она могла провести несколько минут, а иной раз – и несколько часов, сидя в полной неподвижности, совершенно ни о чём не думая. Только потом, очнувшись и продолжив, как ни в чем не бывало, прерванное дело, она удивлялась, на что могла потратить такую уйму времени. Впрочем, хотя со стороны и казалось, будто она дремлет или пребывает в глубокой задумчивости, её связь с реальностью не терялась окончательно, и органы чувств продолжали следить за окружающим миром, собирая неостребованную разумом информацию. Видимо, поэтому она сейчас же выпрямилась и задержала дыхание, когда кто-то неожиданно постучал в окно машины.

Погружённая в свои грёзы Ирина не заметила, как в темноте к автомобилю приблизился какой-то человек, постоял немного, очевидно, ожидая развития событий, происходивших на улице. Ничего особенного не случилось: безмолвная машина продолжала неподвижно стоять под дождём, освещая фарами распахнутую настежь калитку. Тогда человек подошёл ближе и заглянул в водительское окно. Днём он вряд ли разглядел бы что-нибудь сквозь тонированные боковые стёкла. Теперь же, когда снаружи было темно, а кабина была освещена приборами, горевшими на панели водителя, ему удалось различить внутри салона силуэт человека, расположившегося на заднем сидении. Постояв ещё несколько мгновений, незнакомец, как будто решившись, поднял руку и тихонько постучал в окно задней двери.

Стук мгновенно вывел Ирину из полузабытья. Он разительно отличался от беспорядочной барабанной дробы дождя, усердно колотившего по широкой крыше внедорожника. Удары были негромкие, но чёткие, в них чувствовалось осознанное намерение, не свойственное безразличной стихии. К тому же они прозвучали совсем близко, возле самого её уха. Она взглянула в окно. На улице, в неясном, размытом дождём свете фар, был виден человек, показавшийся Ирине огромным. Приложив руки к стеклу, чтобы закрыть свет от панели приборов, она постаралась получше рассмотреть невесть откуда взявшегося великана. Мокрое стекло, дождь и темнота не позволили ей различить деталей. Незнакомец в свою очередь наклонился к стеклу, видимо, тоже пытаясь понять, с кем имеет дело. В глаза Ирине бросилась чёрная, густая борода, и хотя в фигуре за окном не было ничего особенно угрожающего, вид этой бороды почему-то вызвал в ней панику. Она отпрянула от окна, стремительно перебралась на другой конец сиденья и прижалась к противоположной двери. Человек с бородой постучал ещё раз.

«Что делать? – пронеслась в голове у Ирины первая из беспорядочной череды мыслей, продиктованных паникой. – Бежать! Куда бежать? Здесь я в безопасности. В безопасности ли я? Совсем одна. Нет, не одна, со мной профессор и Володя. Да где же они?»

В самом деле – она не имела ни малейшего представления о том, как давно они ушли. Воспоминание о времени вернуло ей способность к здравым рассуждениям.

– Конечно! Сергей Сергеевич! Надо поскорее вызвать его!

Она бросилась к своему рюкзаку и стала копаться в нём в поисках телефона, потом передумала, протиснулась между передними сиденьями и сильно надавила на середину руля. Раздался приглушённый рев. На всякий случай она ещё дважды нажала на звуковой сигнал, затем вернулась на заднее сиденье, чтобы посмотреть сквозь тонированное окно, как отреагировал на её действия бородастый незнакомец.

Тот, по-видимому, совсем не спешил действовать. Он спокойно стоял возле машины, словно ожидая чего-то. Такое поведение вполне устроило Ирину. Судя по всему, от неё не требовалось немедленного принятия решений. Можно было подождать, пока придут мужчины и разберутся в сложившейся ситуации. Она считала себя современной девушкой и гордилась своей самостоятельностью, но это, разумеется, отнюдь не обязывало её каждый раз проявлять характер. Ей нечего было доказывать самой себе, а мнения других людей мало интересовали её, поскольку Ирина пребывала в полной уверенности, будто знает себя намного лучше, чем кто бы то ни было другой. Поэтому она легко, без всяких сомнений пожертвовала инициативой во имя осторожности, мысленно приготовившись действовать, только если в этом возникнет крайняя необходимость.

Прошла минута, за ней другая. Наконец, в свете фар перед машиной дважды промелькнуло что-то тёмное: из калитки показался Сергей Сергеевич, вышедший посмотреть, что случилось с Ириной. Заметив постороннего, он испытал смутное неудовольствие, всегда посещавшее его в моменты, когда неожиданно возникшие обстоятельства заставляли его менять уже сложившиеся планы. Едва он решил, что деревня совершенно безлюдна и смирился с этим, едва они с Володей нашли сухой чердак для ночлега, как пожалуйста: появляется новое действующее лицо и все планы идут насмарку. И всё-таки игнорировать появление незнакомца было нельзя, тем более что тот, увидев Сергея Сергеевича, сделал несколько шагов ему навстречу. Профессор потихоньку вздохнул и отправился выяснять намерения неизвестного. Но не успел он сделать и двух шагов, как задняя дверь машины распахнулась. Из неё показалось взволнованное лицо Ирины.

– Сергей Сергеевич! У него топор! – крикнула она.

Услыхав позади себя женский голос, неизвестный человек обернулся, и тут уже сам профессор заметил за спиной незнакомца небольшой топорик, торчавший из-за пояса, повязанного поверх его телогрейки. Сергей Сергеевич опешил, не зная, как реагировать на неожиданно возникшую угрозу. Он остановился, потом начал осторожно отступать назад, не сводя глаз с топора. А незнакомец, понявший причину его замешательства, вдруг улыбнулся, вынул топорик и аккуратно положил его на траву возле дороги. Потом, держа руки на виду, он подошёл к профессору и произнёс низким, спокойным голосом:

– Не бойтесь, зла вам не сделаю! Меня зовут Николай. Я здесь живу. А вы кто такие будете?

Говорил он медленно, тщательно выговаривая слова, как разговаривают иногда иностранцы, хорошо владеющие русским языком. Но в наружности его не было ровно ничего иностранного. Напротив, в слабом свете направленных в противоположную сторону фар он походил на покрытый мхом, обломанный ствол старого дерева, каким-то таинственным образом высвободивший свои корни из земли и теперь разгуливавший по её поверхности. Он казался такой же неотъемлемой частью здешней природы, как холмы, гигантские валуны или косматые, чёрные ели, прятавшиеся в зарослях непролазных кустов. Его возраст не поддавался точному определению: ему с одинаковой вероятностью можно было дать и тридцать лет, и пятьдесят. И нельзя было даже вообразить, какая могучая физическая сила таилась в нём, скрытая от глаз стареньким ватником, подпоясанным кожаной тесьмой без пряжки. Сергей Сергеевич с невольным уважением смотрел на мощную фигуру незнакомца, внутренне радуясь, что тот, судя по его словам, не вынашивает агрессивных намерений.

– Здравствуйте! – поспешил ответить профессор. – Я – Сергей Сергеевич Кочетков, сотрудник медицинского университета. Со мной двое студентов. Мы приехали с научной целью. Думали переночевать в Матвейцеве, а назавтра найти проводника, но никого здесь пока ещё не встретили, кроме вас, конечно.

Николай пристально посмотрел на Кочеткова, как будто соизмеряя сказанное профессором с результатами своих наблюдений. В этот момент дождь неожиданно кончился. Откуда-то с озера по земле пополз холодный ветерок. Промокший до нитки Сергей Сергеевич начал дрожать крупной дрожью. Он попытался взять себя в руки и перестать стучать зубами, но это оказалось выше его сил.

– И-и-и-звините, – пробормотал он. – Я п-промок и очень замёрз. М-мне нужно п-п-переодеться.

– Да как же вы, прямо на улице станете переодеваться? – удивился Николай.

– Х-хотя бы к-куртку надену, – ответил Сергей Сергеевич, направляясь к машине, возле которой всё ещё стояла Ирина, осторожно выглядывавшая из-за полуоткрытой задней двери.

– Надевайте свою куртку, – ответил Николай, – да и пойдём ко мне! Печка ещё горячая, как раз отогреетесь.

– С-сп-пасибо, – простучал зубами профессор, пытаясь надеть куртку поверх мокрого свитера и не попадая в рукава. Ирина поспешила прийти ему на помощь.

– А где же ваш второй студент? – поинтересовался Николай.

– В том доме, напротив, – указал рукой Сергей Сергеевич. – Остался на чердаке. Мы уж решили было там заночевать. Совершенно сухой чердак. Володя там наверху с фонарём осматривается.

– Давайте-ка, я за ним схожу! – предложил Николай.

– Не надо! – ответила осмелевшая Ирина. – Только напугаете его понапрасну. Я сама пойду.

– Вас-то, выходит, напугал?

– Не-а, я просто растерялась от неожиданности. – Она посмотрела на него с вызовом, почти надменно – взглядом, обыкновенно предназначавшимся незнакомым молодым людям, пытавшимся заговорить с ней на улице. Николай, однако, ничуть не смутился. Он улыбнулся простой, обезоруживающей улыбкой и развёл руками. Бесхитрость жеста понравилась Ирине. Она почувствовала, как ответная улыбка начинает растягивать кончики её губ, и едва успела одёрнуть себя: это было бы уже слишком. Она повернулась и, высоко подняв голову, отправилась в сторону дома, на чердаке которого оставался Володя.

Глава 3

Удалившись от калитки всего лишь на несколько шагов, Ирина очутилась в полной темноте. Частый забор вкупе с разросшимися деревьями и кустами не позволяли свету фар проникать в глубину сада. Дом был едва виден как особенно тёмное пятно на фоне всё той же непроглядной, но несколько менее однородной темноты. Вытянув руки прямо перед собой, чтобы защитить лицо от ветвей, нависавших над тропинкой, Ирина шла вперёд, слегка увязая ногами в липкой, размокшей земле, пока не наткнулась на перила крыльца. Всё вокруг молчало. Даже ночные насекомые притихли, затаившись после дождя. Только капли воды, падавшие с крыши и глухо ударявшиеся о землю, нарушали глубокую тишину. На секунду Ирине почудилось, будто она стоит посреди подземной пещеры, до того огромной, что даже эхо не долетало до неё, теряясь в закоулках подземного лабиринта.

– Володя! – позвала она негромко. Ответа не последовало. – Володя! Ты где?

Прямо над её головой послышалось слабое шуршание, и откуда-то сверху донёсся тихий голос Володи:

– Ира? Это ты?

– Я. А ты кого ожидал?

– Не знаю. Это ты убрала лестницу?

– Какую лестницу?

– Понятно. Я так и думал, что не ты. Представляешь, минут десять тому назад слышу – шум, подхожу к выходу с чердака, а лестницы нет. Потом внизу что-то промелькнуло и пропало в темноте. Чертовщина какая-то!

– Кто-то убрал лестницу, по которой ты забрался на чердак и теперь ты не можешь спуститься?

– Именно! Я как раз об этом и говорю!

Ирине снова стало не по себе от противного, мелкого страха, прикоснувшегося к ней холодными, гладкими щупальцами, но она взяла себя в руки и спросила:

– А куда он её дел?

– Не знаю. Далеко унести не мог, она длинная. Наверно бросил где-нибудь там, внизу.

Ирина пошарила наощупь возле передней стены дома, но не смогла нащупать лестницу. В темноте ей казалось, что она копается в беспорядочной груде каких-то деревянных обломков.

– Володя! – позвала она. – Посвети мне, пожалуйста!

– Не могу.

– У тебя же был фонарь!

– Был.

– Так где же он?

– Понятия не имею! Я нарочно оставил его у входа на чердак, чтобы вам было видно, куда идти. Стоило мне отвернуться на минуту, как он потух. Теперь не могу его найти. Должно быть, упал вниз, только как? Я ведь припёр его дверь. Сам по себе он бы не вывалился.

– Без фонаря мне тут ничего не видно.

– У меня в машине есть запасной, лежит в багажнике, в кармашке, справа. Только, слушай, наверно тебе не стоит ходить туда одной.

– Ты же не сможешь составить мне компанию.

– Давай, я попробую прыгнуть, – ответил Володя. – Сейчас зацеплюсь руками за открытую дверь чердака, повисну на ней и прыгну вниз, а ты меня поддержи, на всякий случай.

– Скажи, пожалуйста, сколько ты вешишь? – поинтересовалась Ирина.

– Около девяноста килограммов.

– А я – около пятидесяти. Если ты на меня свалишься, от меня останется мокрое место, в прямом и переносном смысле. К тому же тут внизу навалены какие-то доски или дрова. Вот сломаешь ногу, что мы будем с тобой делать? Лучше сиди на чердаке, а я сейчас быстренько схожу за фонарём.

И действительно, через несколько минут она вернулась с фонарём, и не одна, а в сопровождении огромного человека в телогрейке.

– Это Николай, – представила его Ирина изумлённому Володе. – Он нам поможет.

Вдвоём Ирина с Николаем быстро нашли лестницу, которая действительно лежала на земле прямо перед домом. Володя спустился вниз, несколько сконфуженный. Предпринятые вслед за тем поиски фонаря не дали результатов: большой, массивный жёлтый фонарь как сквозь землю провалился.

– Закатился куда-нибудь, – прокомментировал Николай. Володя отнюдь не разделял его фатализма:

– Куда же он мог закатиться? Ведь он длинный, почти с мою руку! Да и жёлтый цвет ручки легко заметить даже в темноте.

– Пойдёмте уже, – сказала Ирина. – Профессор совсем замёрз, ещё простудится, пока мы тут с вами копаемся.

Они бросили искать фонарь и отправились к машине, где Сергей Сергеевич, забившийся на заднее сиденье, действительно до сих пор дрожал крупной дрожью. Вид у него был довольно жалкий.

– Что теперь? – спросил Володя.

– Поезжайте прямо по дороге, – велел Николай. – Мой дом – четвёртый от колодца по левой стороне. А я пойду вперёд, открою вам ворота.

Так и поступили. Машину загнали на просторный двор, окружённый посе­ревшим от времени глухим деревянным забором с массивными воротами. Вслед за хозяином трое путешественников поднялись на высокое крыльцо, а оттуда прошли через тёмные сени в довольно большую комнату, освещённую слабым светом керосиновой лампы.

Судя по всему, комната служила одновременно кухней и столовой. Посреди неё стоял громоздкий, круглый, полированный стол, принадлежавший к числу тех старомодных предметов обихода, что были в ходу в первой половине двадцатого века, до появления типовых многоквартирных домов с их крохотными кухоньками, в которых уже не помещались подобные мебельные динозавры. Из прочей обстановки в комнате имелись несколько стульев, старинный дерматиновый диван, шкаф с посудой и большая русская печь, частично скрытая от глаз гостей занавеской, подвешенной к низкому дощатому потолку.

Сергея Сергеевича отправили в соседнюю комнату, переодеваться, а Николай захлопотал, заново разжигая печь. Ветер завывал в трубе, защёлкали, зашипели, разгораясь, берёзовые поленья. Отблески пламени, проникавшие сквозь заслонку, смешались с тусклым светом керосиновой лампы, помогая ограждать комнату от натиска ночи, стремившейся влиться внутрь сквозь маленькие, подслеповатые окна без штор. Слабо-слабо запахло сладковатым дымом.

Ирина присела на диван. Скрипнули, заходили под её весом старинные пружины. Диван оказался на удивление удобным. Ирине, сидевшей на нём в полной неподвижности, всё ещё чудилось, будто она продолжает ехать, двигаться вперёд. Это странное ощущение, усугублённое усталостью, придавало всему окружающему сюрреалистический оттенок. Граница реальности пересекала пространство комнаты размытой гранью, мерцавшей на стыках света и тени. Всё вокруг представлялось ей лишённым субстанции ровно настолько, чтобы потерять неоспоримые признаки материальности, и в то же время реальным до такой степени, что невозможно было полностью игнорировать происходящее.

«Усталость, голод и обезвоживание, – решила она. – Чего ещё можно ожидать?»

Тем временем Николай взял длинный ухват, при помощи которого вы­тащил из недр печи круглый чугунок. Стол был уже накрыт белой, чистой скатертью. На нём стояли четыре глубокие глиняные тарелки, а посередине лежал черпак. Николай осторожно поставил чугунок на край стола и снял с него крышку. По комнате начал медленно распространяться аппетитный кисло­ватого-пряный запах варёной капусты.

– Садитесь щи хлебать! – пригласил он гостей. – Вот только хлеба нет, намедни весь вышел.

– Так у нас есть! – спохватился Володя, сидевший на стуле и с интересом наблюдавший за всеми действиями хозяина. Он выбежал за дверь, а по возвращении выложил на стол батон хлеба в пластиковой упаковке, чай, печенье, сахар и ещё что-то съестное. Николай посмотрел на гору продуктов, покачал головой, и, пробормотав себе под нос что-то вроде: «Уж не знаю, кто кого здесь угощает!», сел за стол. Из соседней комнаты показался Сергей Сергеевич, переодетый во всё сухое. Загрохотали отодвигаемые стулья, зазвенели высыпанные на стол ложки, застучал по тарелкам черпак. Все, и хозяин, и гости, принялись с удовольствием уплетать вкусные, наваристые щи.

Глава 4

После ужина и двух чашек крепкого чаю Ирину начало неудержимо клонить ко сну. Однако Сергей Сергеевич настаивал на том, чтобы сегодня же поговорить с Николаем о завтрашних планах. Ей не хотелось пропускать этот важный разговор. От него, по всей вероятности, зависела дальнейшая судьба их предприятия. Если Николай не сможет или не захочет им помочь, то завтра они будут вынуждены отправиться домой. Мысль о возвращении обрадовала Ирину. Впрочем, она сейчас же одёрнула себя: «Опять малодушные мысли! Что же такое со мной сегодня творится?»

Сергей Сергеевич не терял времени даром. Едва закончив пить чай, он обратился к хозяину:

– Скажите, Николай, а много ли народу живёт сейчас в Матвейцеве?

– Никого кроме меня не осталось, – ответил хозяин. – Нынешнюю зиму пришлось одному зимовать.

– Куда же все подевались?

– Уехали. Как раз год назад, то есть прошлым летом, откуда ни возьмись, нагрянули важные люди из Центральной усадьбы и говорят: «Переселяйтесь, дескать, к нам, а то нерентабельно ради вас содержать электрическую линию. И почтальонка с пенсиями к вам ходить больше не будет». У нас ведь и вправду оставался всего десяток жилых дворов. Люди подумали, подумали, собрались да и переехали. А мне куда? У меня хозяйство: конь, козы, корова, куры. Пенсия мне пока не полагается. Опять же, летом у меня тут заработок, какой-никакой. Рыбаки, знаете ли, приезжают, лодки у меня напрокат берут, охотники тоже бывают. Я им помогаю, за ихними машинами приглядываю, на постой пускаю. Они меня не обижают. Зимой только туго одному. Бог даст, к осени придётся-таки и мне переехать в усадьбу.

– Значит, вы живёте здесь совершенно один?

– Один. Рыбаки третьего дня уехали, так что теперь тут только я да леший.

– Что-то вы то про бога, то про лешего, – улыбнулся Сергей Сергеевич. Николай замешкался с ответом, пристально посмотрел на профессора, как будто оценивая, что представляет собой этот человек, потом открыл, было, рот, чтобы сказать что-то, передумал и промолчал. Ирина с интересом наблюдала

за его пантомимой, в то время как профессор, видимо, не ожидавший ответа и не заметивший колебаний собеседника, продолжил разговор, переходя к самому главному:

– В таком случае, я хочу попросить вас об одной услуге. Как вы уже знаете, я – сотрудник кафедры общей биологии, фармакогнозии и ботаники медицинского университета. Со мной двое студентов – Ирина и Владимир. Мы приехали в ваши места для изучения фитоценоза болот. Попросту говоря, нам хотелось бы выяснить, как изменился комплекс растительных организмов в связи с фактическим прекращением хозяйственной деятельности человека. Я работаю над составлением справочника лекарственных растений области. В моём распоряжении имеются данные исследований начала двадцатого века, есть кое-какие сведения, собранные в семидесятые годы, а вот свежей информации о наших болотах очень мало. Я бы сказал, её попросту нет. Мы планировали добраться до Варсонофьевского скита, остановиться там и поработать неделю-другую, собрать образцы растений, почвы, воды. Не согласитесь ли вы проводить нас туда?

– Эка вас угораздило! – воскликнул Николай. – На что вам туда? Давайте-ка я вас лучше в какое-нибудь другое место отведу! Мало ли здесь болот! Нешто негде больше собирать образцы, кроме как на Чёртовой заимке?

– Ну вот, теперь ещё и чёрта припомнили, – рассмеялся Сергей Сергеевич, пришедший после ужина в прекрасное расположение духа. В отличие от Ирины он не ощущал сонливости. Напротив, ему казалось что он уже давно не чувствовал себя таким бодрым и энергичным.

– Как не припомнить! – ответил Николай. – Тёмное это место, глухое. Не зря ж его у нас так называют. Даже во времена леспромхоза туда никто не заглядывал, а теперь и подавно. А сколько людей там пропало! Местные-то ещё ничего, а случись какой-нибудь приезжий – беда! Уж на что мой дед, а он был в этих местах первым охотником и лес знал, как свои пять пальцев, так и тот туда не совался. «На том берегу нам не рады, – говаривал он мне, бывало. – Пока день, да если вести себя как следует, не шуметь, то ничего, ходить можно. А как начинает темнеть, лучше убраться восвосяси подобру-поздорову. Бояться, конечно, не надо, а уважать – уважай, знай своё место». Сам он был не робкого десятка: привёз с войны кучу медалей, трижды был ранен, прошёл с боями от Ленинграда до Берлина, штурмовал Рейхстаг. Одно слово – коммунист! Не верил ни в бога, ни в чёрта, и вообще ни во что не верил, кроме Советской власти. Только одно дело – верить, а другое – чувствовать на собственной шкуре. Собственный опыт – лучшая наука, как же можно ему не доверять.

– Суеверия, не более того, – снисходительно возразил продолжавший благодушествовать Сергей Сергеевич. – Мы нарочно искали подобное место. Во-первых, вблизи болот. Во-вторых, подальше от людей, по уже упомянутой мною причине. В-третьих, с каким-нибудь убежищем поблизости, вроде заброшенной лесной сторожки, где можно было бы ночевать. Хотелось, знаете

ли, обойтись без палатки, а вместо неё взять побольше продуктов и снаряжения, нести-то ведь всё на себе придётся. Варсонофьевский скит – идеальный вариант, он подходит нам по всем параметрам: с одной стороны – порядочная глушь, с другой – ехать недалеко, и жильё, всё-таки, какое-никакое поблизости имеется. Так, Володя? – повернулся он к задремавшему молодому человеку.

– Что? – спросил очнувшийся Володя.

– Я говорю, Варсонофьевский скит идеально отвечает всем нашим требованиям.

– Да! – подтвердил Володя. – Я несколько недель копался в Интернете, изучил охотничьи и рыбацкие форумы. Лучше места не придумаешь – прямо как на заказ. Даже домик есть, прямо на болоте.

Николай, однако, вовсе не был убеждён их доводами:

– Да какой там домик! – воскликнул он. – Бревенчатый сруб без крыши, в лучшем случае. Мыслимое ли дело, чтобы деревянный дом простоял на болоте двести с лишним лет и не развалился?

– Охотники говорят – стоит, – уверил его Володя. – И даже в довольно хорошем состоянии: в нём есть каменная печь, и крыша практически не течёт.

– Не бывает такого, чтобы это было само по себе! – упирался Николай. – Раз стоит, значит, кто-то его ремонтирует, следит за ним. А кто, как вы думаете? В той стороне на сотни километров нет ни одной живой души. Да и на этом берегу озера один я остался. А я туда – ни ногой.

– Так что же, значит, вы и дорогу туда не знаете? – с плохо скрытым разочарованием спросил Сергей Сергеевич.

– Дорогу знаю, но сам туда не хожу и вам не советую.

– А вы нас только до тропинки доведите, покажите, куда идти, а дальше мы сами, по координатам на навигаторе, – предложил Володя. – Вокруг озера, да и вообще в окрестностях, больших дорог, конечно, нет, но тропинки должны быть, раз охотники туда добираются.

– Вокруг озера ходу нет, и какие там тропинки – мне неизвестно, – сказал Николай. – Берега заболочены, а лес – дикий, чаща непролазная. По верху – кусты, бурелом, овраги, по берегу – трясина. Единственный верный способ туда добраться – переплыть на лодке через озеро, а оттуда – пешком, через гать. Гать старинная, ненадёжная, даже не знаю, можно ли по ней теперь пройти. Раньше, конечно, хаживали...

– Ну, вот и прекрасно! – обрадовался Сергей Сергеевич. – Вы нас только до гати проводите, а дальше мы как-нибудь сами доберёмся!

– Стало быть, моего совета слушать не станете?

– Мы его уже выслушали и приняли к сведению.

– Скажите, а не за золотом ли вы туда идёте? – слегка прищурившись, спросил Николай.

– За каким золотом? – удивился Сергей Сергеевич.

– Неужто не знаете?

– Первый раз слышим. Правда, Володя?

Володя замялся.

– Разве нет? – спросил профессор, с подчёркнутым любопытством посмотрев на молодого человека.

– Не совсем... Я подумал, что это несущественная деталь, и не стал о ней упоминать. Мало ли всяких слухов и легенд можно найти в Интернете.

– Что же это за легенда? Давай уж, теперь, рассказывай!

И Володе ничего не осталось, как приняться за рассказ.

– Если верить легенде, – начал он, – во время Гражданской войны, летом тысяча девятьсот восемнадцатого года, настоятель одного из здешних монастырей сбежал от большевиков, прихватив с собой всю монастырскую казну, включавшую средства, вверенные ему на сохранение богатыми горожанами. Никто не знал в точности, какова была общая сумма, но предполагалось, что она была весьма внушительной. Помимо денег, вместе с настоятелем исчезли дорогостоящие предметы культа: золотые кресты, иконы в драгоценных окладах, серебряные чаши и тому подобная церковная утварь. Впоследствии монахи рассказывали, будто под покровом ночи из монастыря увезли два больших сундука. Потом, под влиянием слухов, два сундука превратились в четыре, затем – в восемь, а спустя некоторое время сплетники стали утверждать, будто в этих сундуках хранился как минимум миллион золотых червонцев. Само собой, это явное преувеличение. Я уже прикидывал. Представьте себе: вес золотой десятки составлял, в зависимости от года выпуска, от восьми с половиной до тринадцати граммов. Предположим, средний вес – десять граммов. Помножим на миллион, и у нас получится десять миллионов граммов, или десять тысяч килограммов. Пять тонн золота не выдержит ни один сундук. Даже если сундуков действительно было больше и если считать, что по плохой дороге лошадь может везти груз, не превышающий массу её собственного тела, им потребовались бы...

– Володя, не отвлекайтесь! – перебил его профессор.

– Извините, – улыбнулся Володя, и продолжал:

– Словом, сколько было денег, доподлинно неизвестно. Также долгое время оставалось неясно, где именно укрылся настоятель вместе с золотом и немногочисленной группой сопровождавших его монахов. Они как будто в воду канули. Люди говорили – сгнули на болоте, хотя тел их никто не находил. Впрочем, их и не искали. Сами понимаете, время смутное, видно, было не до того.

Постепенно вся эта история стала забываться, как вдруг в середине двадцатых годов в городе объявился человек, утверждавший, что он принадлежал к числу тех самых монахов, которые вместе с настоятелем отправились спасать монастырскую казну. К тому времени монастырь давно распустили, поэтому не нашлось никого, кто мог бы подтвердить или опровергнуть его историю, или хотя бы удостоверить его личность. По словам этого человека, настоятель бежал в Варсонофьевский скит, надеясь пересидеть там смуту, а потом вернуться назад, как ни в чём не бывало. Но смутное время всё не кончалось,

монахи роптали. В конце концов, между ними возник раскол: некоторые решили вернуться в лоно цивилизации и потребовали свою часть золота. Настоятель отказался наотрез. Он решил, втайне от всех, спрятать золото неподалёку от скита, посвятив в свои планы только двух, самых преданных ему, лиц. Пришлый человек утверждал, что сокровища всё ещё находятся на болоте, и обещал указать место, где их следует искать.

История вызвала большой интерес у состоятельных горожан. Начавшийся угар НЭПа не подорвал стремление предпринимателей к личному обогащению. Нашлись частные инвесторы, снарядившие тайную экспедицию на поиски пропавшего золота. Бывший монах требовал назначить его главой предприятия, но в итоге вынужден был согласиться на роль консультанта и двойную долю в случае успеха. Разумеется, вся затея была абсолютно нелегальной. Впрочем, охота за сокровищами всегда, так или иначе, вступает в противоречие с законодательством.

Прибыв на болото, участники экспедиции перерыли всю землю возле скита, обшарили все дупла, перевернули все камни, но так ничего и не нашли. И после них многие искали, но тоже безуспешно.

– А что стало с настоятелем и остальными монахами, которые не вернулись в город? – впервые вступила в разговор Ирина.

– Не знаю. Скорее всего, они просто разошлись в разные стороны, когда ударили первые холода. Остаться на болоте – значило умереть от холода или голода. Но вообще, на этот счёт нет никакой информации.

– Тёмная история, – заключил Николай.

– Как и всякая легенда, – согласился Сергей Сергеевич. – Нет, – добавил он, – монастырские сокровища нас совершенно не интересуют. Единственная наша цель – научная. Так поможете нам? Перевезите нас хотя бы на ту сторону озера, а вопрос о вознаграждении мы с вами, разумеется, обсудим.

При упоминании о вознаграждении Николай видимо смягчился.

– Ладно, так и быть, довезу вас на лодке до начала гати, а уж дальше вы сами. Это хорошо, – добавил он, – что с вами девушка.

– Это почему же? – удивился профессор.

– Старухи говорили, леший женщин не трогает. Авось, и вас через неё пожалеет. Только сокровища он вам всё равно не отдаст. Стережёт он их там, на болоте. – Николай улыбнулся и подмигнул Ирине.

– Зачем же лешему сокровища? Что он будет с ними делать? – шутливо спросил Сергей Сергеевич. – Давайте-ка лучше отправим молодых людей спать, а сами обговорим детали, – предложил он.

Так и сделали.

Глава 5

Несмотря на недавний ливень, на сеновале, куда отправились ночевать Ирина и Володя, было сухо и тепло. Дошчатые стены сарая, покатая крыша,

крытая рубероидом и само прошлогоднее сено впитали жару минувшего дня и теперь понемногу отдавали её слегка затхлому, застоявшемуся воздуху. Пока молодые люди распаковывали спальные мешки и устраивались на ночлег, Николай светил им керосиновой лампой. В доме оказалась всего одна кровать, принадлежавшая хозяину. Ирина наотрез отказалась занять её. Она не хотела злоупотреблять гостеприимством Николая. К тому же ей никогда ещё не приходилось ночевать на сеновале. В таком необычном ночлеге присутствовал несомненный элемент новизны и даже романтики.

После того, как Николай, пожелав им спокойной ночи, ушёл, в сарае воцарилась глубокая тишина. Впрочем, очень скоро Ирина начала замечать тихие шорохи, комариный писк, слабый шум ветра, доносившийся снаружи, а тьма из абсолютно чёрной, непроницаемой чернильной массы превратилась в серую, едва-едва прозрачную завесу, сквозь которую можно было различить очертания дверей, крыши, непонятных силуэтов каких-то предметов, громоздившихся по углам. Сонливость, совсем недавно казавшаяся непреодолимой, покинула Ирину. Из её головы не выходили мысли о легенде, услышанной за ужином.

«Сокровища, – думала она. – Не за этим ли они приехали сюда на самом деле? Не была ли научная программа лишь предлогом?»

Она вспомнила, как несколько месяцев назад, в марте, профессор Кочетков предложил ей принять участие в поездке, которую сам не без гордости именвал «экспедицией». Тусклым пасмурным утром, до краёв наполненным бесчисленными оттенками серого цвета, он остановил её на скудно освещённой лестнице, ведущей из вестибюля на второй этаж учебного корпуса, где проходили занятия, и спросил своим обычным, ровным голосом, лишённым эмоций:

– Не могли бы вы прийти сегодня в два часа дня к нам на кафедру общей биологии?

– Да, конечно, – машинально ответила Ирина, которая в тот ранний час ещё не успела окончательно проснуться.

Настал день, такой же пасмурный, как и предвоявшее его утро. Кончились лекции. Ирина, разумеется, забыла о приглашении профессора. Спускаясь вниз по той же лестнице, она вновь наткнулась на Сергея Сергеевича. Тот не спеша прогуливался по лестничной площадке, время от времени поглядывая на лица проходивших мимо него студентов. Увидев Ирину, он сделал несколько решительных шагов ей навстречу и молча, по-старомодному, предложил ей взять его под руку. После этого Ирине ничего не оставалось, как проследовать вместе с профессором в его кабинет – чистую, маленькую комнатку, содержащуюся в образцовом порядке. Даже три стула, стоявшие вдоль стены, были выровнены как будто по линейке.

Сергей Сергеевич Кочетков слыл в своём кругу если не выдающимся, то, по крайней мере, необычным человеком. По какой-то никому не ведомой причине коллеги в университете относились к нему с настороженностью, как будто

не вполне понимая, чего от него можно ожидать. Это могло показаться тем более странным, что он никогда не совершал неожиданных и тем более шокирующих поступков, не пытался выставиться напоказ, а напротив, был почти незаметен, держался в тени и разговаривал негромким, спокойным голосом, употребляя минимальное количество интонаций. Даже внешность его нельзя было охарактеризовать иначе, как вполне заурядной. На вид ему было лет тридцать или тридцать пять, ростом он был невысок, волосы стриг коротко, пытаясь скрыть досадные следы облысения, более всего заметные на затылке. Его прямой, без малейшей горбинки нос как нельзя лучше подходил к очкам в тонкой металлической оправе, которые Сергей Сергеевич снимал только на ночь и к которым привык до такой степени, что воспринимал их как часть собственного тела. Светло-голубые глаза профессора смотрели на мир подчёркнуто серьёзно. Правда, по временам на его лице вспыхивало оживлённое, лукавое выражение, но отчего – нельзя было догадаться, так как происходило это чаще всего без всякой видимой причины, совершенно внезапно.

Бытовало мнение, что, несмотря на свои ненавязчивые, почти застенчивые манеры, Сергей Сергеевич отличался незаурядной проницательностью, помогавшей ему превосходно разбираться в людях. Впрочем, отчего сложилось такое мнение, также было неизвестно. Другими словами, мало кто мог сказать что-нибудь определённое о профессоре Кочеткове, даже его ближайшие коллеги, знавшие его на протяжении многих лет. Что же касается друзей, то таковых, кажется, у него не было вовсе. Он одинаково ровно обходился со всеми, никого не подпускал к себе близко, держался особняком и при всём этом умудрялся иметь ощутимое влияние в университете и пользоваться значительным авторитетом.

Если для коллег Сергей Сергеевич был закрытой книгой, то Ирина и по-прежнему не имела возможности составить о нём сколько-нибудь сложившегося мнения. Для неё он был одним из представителей малоинтересной когорты ничем не примечательных преподавателей, знавших своё дело, но лишённых энтузиазма, и оттого неспособных заинтересовать своим предметом по обыкновению скептически настроенных студентов. Два года назад, на первом курсе, она посещала его лекции, потом сдавала по ним зачёт. На этом их взаимоотношения закончились, не оставив в ней ярких воспоминаний. В течение последнего семестра он еженедельно вёл у её группы занятия по микробиологии, но при этом никогда не обращал на неё особенного внимания. Поэтому Ирина могла лишь теряться в догадках, чем вызван неожиданный интерес, проявленный к ней профессором Кочетковым.

– Присаживайтесь, – сказал Сергей Сергеевич, указывая на стул. Сам он сел за стол, сложив на нём руки, правую поверх левой. – Вы, наверно, недоумеваете, зачем я пригласил вас, – продолжал он.

Ирина кивнула. Репутация профессора, его облик и манеры не давали ей причин для беспокойства. Она не ожидала ничего неприличного, грубого или компрометирующего. Профессор, как ей казалось, был совершенно

неспособен на решительные, безрассудные поступки. Если же исключить всё, что относится к данной категории, то оставались лишь скучные, повседневные университетские дела.

– Скажите, вас не интересует поездка в короткую экспедицию в июне? – спросил Сергей Сергеевич. – Я планирую привлечь двух студентов для исследования экосистемы болот на севере области. Десять или двенадцать дней, максимум – две недели. Должен признаться, финансирование слабое: факультет выделяет лишь небольшую сумму. Но в качестве компенсации за потраченное время я готов предложить вам определённое денежное вознаграждение.

Он назвал сумму, которая показалась Ирине более чем достаточной, особенно для гонорара, полученного за десять дней активного отдыха на природе.

– Почему вы предлагаете это именно мне? – спросила она. – Я никогда не бывала в экспедициях и даже не знаю, смогу ли быть вам полезной.

– Преподаватели рекомендуют вас как честную, очень трудоспособную студентку, на которую можно положиться. К тому же, по моим сведениям, вы круглая отличница. Рассматривайте моё предложение как своего рода поощрение.

– А кто ещё поедет из студентов, кроме меня?

– Пока не знаю, но обещаю, что сообщу вам, как только определюсь. Надеюсь, вам не придётся возражать против моего выбора.

И она согласилась.

Глава 6

Ирина росла в небогатой, интеллигентной семье. Её отец работал учителем истории, а мама заведовала детской библиотекой. Жили они скромно, но всегда умудрялись сводить концы с концами, главным образом благодаря укоренившейся привычке к бережливости и тщательному планированию расходов на недели, а порой и на месяцы вперёд. Ирина рано узнала цену денег, заключавшуюся в труде, но, то ли в силу своего воспитания, то ли от отсутствия в обиходе, да и во всём её образе жизни малейших намёков на роскошь, имела лишь смутное представление об их ценности.

Как известно, любовь к деньгам отнюдь не свойственна людям от рождения. Ею можно, пожалуй, заразиться, но Ирине было не от кого. Иногда подобная любовь возникает сама собой по причине крайней бедности или же, чаще, от непривычного, свалившегося на голову богатства. Ирине не пришлось испытать ни того, ни другого, поэтому материальная сторона жизни мало интересовала её. Она научилась соизмерять свои желания с доходами, приходившимися на её долю, и вполне довольствовалась этим. Постепенно выяснилось, что в мире вещей нет ничего такого, без чего нельзя было бы обойтись, по крайней мере в той или иной степени. Со временем она стала воспринимать вещи как нечто необязательное, лишённое внутренней сути,

заклучавшейся в них самих. Вместо конкретных, осязаемых предметов, нарочно или случайно выхваченных из бесконечной витрины реальности, её юношеский интерес сосредоточился на различных переживаниях, связанных с так называемой духовной сферой жизни.

Ирина много читала, но при этом, а может быть, именно из-за этого была мало знакома с привычками и образом жизни обычных людей, от которых её ограждала невидимая стена, возведённая из глыб тяжеловесной мудрости, позаимствованных их книг. Несмотря на её наружную приветливость и ровный, доброжелательный характер, окружающие считали Ирину странно-ватой особой, живущей в её собственном мире. Мысли и идеи, приходившие ей в голову, чувства, волновавшие её, не были интересны сверстникам. Неудивительно, что она держала свои чувства и мысли при себе, как будто и вправду обитая в двух параллельных мирах: внешнем и внутреннем. Впрочем, это не представляет собой такой уж редкости в наше время, переполненное слишком доступной и оттого чрезвычайно обесценившейся информацией, от переизбытка которой приходится, волей или неволей, защищаться.

Будучи, наравне со всеми, солдатом в этой информационной войне, год за годом занимая глухую оборону, Ирина с бессознательным упорством работала над созданием барьера вокруг своего внутреннего мира, не без оснований казавшегося ей слишком хрупким и ранимым, способным легко раствориться в океане расхожих фраз, шаблонных поступков, общепринятых мнений. И всё же её крайне интересовал этот почти незнакомый внешний мир, в котором она ощущала себя ни на что не годной и ни к чему не приспособленной. Что же мешало ей интегрироваться, стать полноценной частью общего? После длительных размышлений Ирина решила, что виной всему – её неумение, а главное – нежелание заботиться о собственной выгоде вопреки всем остальным соображениям.

«Эгоизм и стяжательство, – думала она, – совершенно естественны с точки зрения эволюции. Они являются результатом соперничества, а соперничество лежит в основе человеческой иерархии. Я не готова к соперничеству, поэтому люди не принимают меня. Я им просто неинтересна. Как же я стала такой? И вообще, откуда берётся самоотверженность, сочувствие, способность разделять чужую боль, откуда происходит представление о личной чести, наконец? Ведь всё это только мешает жить!»

О таких вещах она могла беседовать только с отцом.

– Видишь ли, – сказал он ей однажды осенью, когда они вместе гуляли по аллее парка, густо усыпанной жёлтыми и красными кленовыми листьями. – Эволюция не заботится об отдельном индивидуе. Ты или я – мы оба слишком незначительны для неё. Для эволюции важен только вид, то есть весь человеческий род целиком. Всё, что хорошо для людей в целом, продолжает возрождаться в каждом новом поколении, а то, что вредно или ни к чему не служит, постепенно сходит на нет. Так и самоотверженность: если один

человек готов пожертвовать своими интересами, а то и собственной жизнью во имя других людей, во имя всего человечества, то такое стремление полезно для вида в целом. Значит, подобные люди будут появляться снова и снова, даже в периоды наивысшего упадка общественной морали и общечеловеческих ценностей.

«Всё это логично и похоже на правду», – думала Ирина. Но её все равно не покидало недоумение: отчего одни готовы к великодушию и самоотверженности вопреки собственным интересам, а другие – нет? Что делает людей хорошими? От рождения ли они получают свой характер, или же он создаётся в результате воспитания? И самое главное – способна ли она сама действительно сочувствовать другим людям, или это всего лишь самообман, попытка выдать желаемое за действительное?

Она хотела видеть себя хорошей, доброй, благородной, похожей на героев литературных произведений, но продолжала сомневаться в собственных способностях, и прежде всего в своей искренности. Действительно ли это желание происходило из глубин её души, из глубочайших недр сознания, составлявших самое сокровенное «я», или же оно было наносным, позаимствованным из совсем уже неактуальных теперь сюжетов старинных книг? Вдруг это стремление не имеет ничего общего с её настоящим характером? «Где на самом деле проходит граница между тем, что я есть, и тем, чем я хотела бы быть?» – думала она.

Не исключено, что именно такие мысли повлияли на выбор её профессии. По окончании школы она решила стать врачом-кардиологом, чтобы доказать себе неподдельность своих убеждений. С её аттестатом и медалью «За особые успехи в учении» она могла бы избрать другое поприще, научиться зарабатывать много денег, тех самых денег, которых всё время недоставало её семье. Но не избрала и не научилась.

Впрочем, это совсем не означало, что Ирина была начисто лишена обыкновенной житейской практичности. Когда Сергей Сергеевич предложил ей принять участие в экспедиции, она тотчас же ухватилась за его предложение. У неё не было никаких особенных планов на июнь, а вот в июле и августе ей предстояло работать в госпитале, где она замещала постовую сестру во время летних отпусков. Нечего и говорить, что возможность сменить обстановку, побывать на природе, отдохнуть и к тому же заработать немного денег, показалась Ирине весьма привлекательной.

Глава 7

Володя зашевелился на сеновале. Открыв глаза, Ирина увидела, как в темноте возник светящийся циферблат его часов, повисел немного, колыхаясь в пространстве, и снова исчез. Видимо, Володе тоже не спалось.

– Который час? – шёпотом спросила Ирина.

– Два часа пятнадцать минут, – также шёпотом ответил Володя.

Его тихий голос, прозвучавший в темноте, неожиданно разбудил в ней приятные чувства. Ей стало как-то особенно уютно и хорошо лежать не двигаясь, дышать воздухом, наполненным запахами сена и дёгтя, наслаждаться безопасностью и теплом. Эти чувства были несомненно связаны с присутствием Володи. Ирина находилась под его защитой, и оттого на душе у неё сделалось удивительно спокойно. Она начала медленно сползать в сладкую полудремоту, но тут Володя опять заговорил, распугав первых вестников сна, проплывавших в её сознании чередой бессвязных, фантазмагорических видений.

– Знаешь, что Николай заливает в свою керосиновую лампу? – спросил он.

– Ну, раз ты спрашиваешь, надо думать, не керосин, – не сразу ответила Ирина.

– Скипидар! – шёпотом воскликнул Володя. – Представляешь, на дворе двадцать первый век, а народ до сих пор освещает свои дома скипидаром! Каково?

– Во-первых, – ответила Ирина, улыбаясь никому не видимой в темноте улыбкой, – Николай не кажется мне таким уж типичным представителем народа, а во-вторых, чего же тут такого необычного? Я читала, что партизаны во время войны заправляли скипидаром танки и грузовики.

– Ну, так то во время войны! И потом, военную технику нарочно конструируют так, чтобы можно было использовать разные типы горючего. Газотурбинные двигатели современных танков могут работать даже на женских духах. Не о том речь. Я его спросил перед ужином: оказывается, он сам изготавливает этот скипидар.

– Ну и что?

– Не знаю. Дико это как-то, несовременно.

– Каждый живёт, как может, или как в жизни повезло, – заметила Ирина. – Ты мне лучше вот что скажи: Сергей Сергеевич точно не за сокровищами сюда приехал?

– Конечно, нет! – В голосе Володи послышались возмущённые нотки. – Он ведь не знал ни о каких сокровищах. Я ему не рассказывал. Да и вообще, чепуха это всё.

– Ну, хорошо. А ты? Ты-то зачем согласился ехать? Не из-за денег же?

– Из-за денег? – удивился Володя.

– Разве он не предлагал тебе вознаграждение?

– Нет.

– А ты спрашивал?

– Мне это даже в голову не пришло.

– Тогда как же он тебя уговорил?

Володя помолчал с минуту. Снова стали слышны тонкие комариные песни и непонятный, едва уловимый шорох, доносившийся снизу, из-под сена.

– Он сказал, что ты поедешь. Ну, я и согласился, за компанию, – выговорил, наконец, Володя каким-то нарочито безразличным тоном.

«Вот уж не знала, что тебе так приятна моя компания», – хотела ответить Ирина, но в самый последний момент прикусила язык и промолчала. Володя тоже молчал, ожидая ответа и надеясь, что ответа не последует. Таким образом, разговор закончился сам собой, но мысли в голове Ирины приняли новое течение.

«Значит, он приехал сюда ради меня, – думала она. – Вот так сюрприз! Может быть, подсмеивается надо мной? – Не похоже. Кажется, он говорил серьёзно и совсем не смеялся. Поди, пойми этих мужчин, тем более с моим мизерным опытом. Если же размышлять с сугубо практической точки зрения, всё сходится. Для экспедиции Сергея Сергеевича с его «недостаточным финансированием», Володя – просто находка. Деньгами его не заманишь, всё, что он хочет, родители ему и так купят, поэтому профессор использовал в качестве наживки меня. Весьма коварный ход».

Станным образом, эта мысль совсем не разозлила Ирину. Она даже испытала что-то похожее на невольное уважение к Сергею Сергеевичу.

«Подумать только, заметил то, о чём я сама ни капельки не подозревала! – размышляла она. – А ещё говорят, будто этого нельзя не заметить. Вот так живёшь и не знаешь, что за тобой наблюдают, и для кого-то обстоятельства твоей жизни более просты и очевидны, чем для тебя самой».

В связи с этим вставал вопрос: как вести себя дальше? Ирина ужасно не любила ссор и старалась избегать выяснения отношений, полагая, что проявление эмоций отнюдь не способствует разрешению конфликтов. В конце концов, в поступке Сергея Сергеевича не было ничего оскорбительного, напротив, его действия представляли собой нечто необычное, особенно по меркам нынешней, глубоко предсказуемой жизни, и это нечто определённо льстило самолюбию Ирины.

Поразмыслив, она решила оставить всё по-прежнему, то есть не подавать виду, будто догадывается о чём-то.

«Будет любопытно наблюдать за ними, – думала она, имея в виду профессора и Володю. – Интересно, а сам Володя отдаёт себе отчёт в том, каким образом он здесь оказался? Или ему всё равно?»

В этом месте ход её мыслей был прерван появлением Сергея Сергеевича, только теперь освободившегося после долгой беседы с Николаем о завтрашнем походе. Очевидно, профессор как всегда скрупулёзно обговорил с хозяином все сколько-нибудь значимые, с его точки зрения, детали.

Сергей Сергеевич долго возился в темноте, пытаясь расположиться с наибольшим комфортом и не разбудить при этом своих студентов. Те, однако, не спали, но делали вид, что спят, с тем, чтобы избежать разговоров. С разговорами той ночью было покончено.

Глава 8

Наутро Ирина проснулась поздно. Взглянув на часы, она с удивлением обнаружила, что близился полдень. В сарае было тихо. С улицы тоже не

доносилось ни звука. Косые лучи солнца проникали внутрь сквозь маленькое отверстие под самой крышей, образуя большое яркое пятно на серой дощатой стене сарая.

«Странно! А я-то думала, что день в деревне начинается с рассветом. Проспали!» – подумала она.

Впрочем, оказалось, что проспала только она одна. Сергея Сергеевича и Володи уже не было на сеновале. Ирина не без труда выбралась из спального мешка, надела кеды и вышла на улицу.

Солнечный день сиял торжественным, свежим, умытым синим небом. Было тепло, но не душно. От вчерашней сырости не осталось и следа. Ничто не шевелилось, ничто не двигалось вокруг, только жаворонки, забравшиеся на немыслимую высоту, распевали свои жизнерадостные песни, да стрекотали в траве какие-то невидимые глазу насекомые.

Как уже было упомянуто выше, село располагалось на холме. Дом Николая стоял на самой его вершине. С высокого крыльца, на которое поднялась Ирина, открывался вид на обширный луг, покрытый белыми пятнами цветущего клевера. Ещё ниже, за лугом, тёмной стеной стоял лес, вгрызавшийся в синеву неба зубчатой пилой еловых макушек. Слева была видна деревенская улица и кусочек совершенно высохшей за ночь дороги, по которой они приехали в Матвейцево. Проследив глазами дорогу, Ирина заметила, что та расходилась надвое. Один рукав поворачивал влево и терялся из виду в лесу, другой, гораздо менее заметный, продолжался прямо. Конца его также не было видно, но там, куда вела ползаросшая травой колея, в отдалении, можно было рассмотреть уголок озера, тёмная гладь которого почти не отражала яркую синеву полуденного неба.

Воздух был до того чист и неподвижен, что Ирине на секунду показалось, что стоит ей протянуть руку, и она сможет прикоснуться к деревьям в далёком лесу, или даже к самой глади озера. Иллюзия была необычайно убедительной. Ирина невольно поёжилась. Ей, всю жизнь прожившей в городе и почти никогда не выбиравшейся на природу, и вправду было трудно судить о расстояниях, непривычных её глазомеру. Ничем не ограниченное пространство, лишённое обычных городских ориентиров, казалось ей одновременно огромным и крошечным. Введённый в заблуждение разум то и дело перескакивал с одной меры масштаба на другую, что вызывало у Ирины ощущение, схожее с дежавю, и лёгкое головокружение.

С трудом оторвав взгляд от горизонта, она заметила Сергея Сергеевича, сидевшего на скамейке возле крыльца и лукаво смотревшего на неё.

«Интересно, догадывается ли он о том, что я только что испытала?» – подумала Ирина.

– Доброе утро! – бодро сказал профессор. – Вы так сладко спали, что мы с Володей не решились вас разбудить. Но теперь вам придётся поспешить! Умывайтесь, завтракайте, через час отправляемся!

Ирина кивнула и, стараясь не смотреть на лес и озеро, отправилась заниматься своим утренним туалетом. Из всех удобств современной цивилизации

жилище Николая могло похвастаться лишь умывальником с холодной водой, установленным прямо на улице, во дворе. Ирина с удивлением и удовольствием обнаружила возле умывальника большую кастрюлю с горячей водой, очевидно приготовленную специально для неё. Рядом с кастрюлей лежал алюминиевый ковш.

Завтрак, состоявший из овсяной каши и крепкого чая, дожидался её в гостиной, где они ужинали накануне вечером. При свете дня комната показалась Ирине ещё более просторной.

По словам Сергея Сергеевича, поднявшегося наверх, чтобы составить ей компанию, кашу рано утром, ещё до рассвета, приготовил сам Николай. Потом он занялся какими-то важными хозяйственными делами, из-за которых начало экспедиции откладывалось на послеобеденное время. Сам профессор тоже встал ни свет ни заря и всё утро посвятил сборам и распределению снаряжения с таким расчётом, чтобы все инструменты, а также провизию и прочие припасы можно было унести троём за один раз.

Профессор наложил ей каши из тёплого чугунка, потом подумал и достал ещё одну тарелку для себя.

– А где Володя? – спросила Ирина, приступая к еде.

– Ушёл искать фонарь, который вы потеряли вчера вечером. Обещал скоро вернуться, да вот пропал. Ему бы тоже надо поесть, кто знает, когда ещё доберёмся до места. Еды пришлось взять в обрез, только-только хватит на двенадцать дней. Это просто удивительно, какое количество пищи необходимо человеку! Надеюсь, рюкзаки получились не слишком тяжёлыми. Хорошо ещё, что палатку не нужно нести, иначе нам было бы ни за что не управиться.

Потом Сергей Сергеевич принялся скрупулёзно перечислять, что именно он уложил и в чей рюкзак, что, к его немалой досаде, пришлось оставить, но Ирина уже не слушала его, как не слушают телевизор, включённый для создания эффекта чужого присутствия. Она вдруг обнаружила у себя необыкновенный аппетит и с крайним удовольствием смаковала сладкую кашу, сваренную каким-то неведомым ей способом.

Володя вернулся, когда она заканчивала пить чай. Собрав тарелки, Сергей Сергеевич пошёл к колодцу мыть посуду. Не говоря ни слова, молодой человек сел на место профессора и задумался.

– Ну что, нашёл свой фонарь? – спросила его Ирина.

– Нет, – рассеянно ответил Володя. – Как сквозь землю провалился!

– Да ладно тебе, не огорчайся! У тебя же есть запасной, – сказала она, чувствуя, что Володя расстроен и не понимая причины столь нехарактерного для него состояния. Насколько она могла судить, угрюмая отрешённость была совсем не в его характере.

– Да я не огорчаюсь, я просто не могу понять. Хорошо, фонарь мог куда-нибудь закатиться, хотя там и некуда, но куда девались следы?

– Следы фонаря? – в голосе Ирины выразилось искреннее недоумение.

– Да нет же! Наши вчерашние следы. Я хорошо помню, как вчера вечером ходил перед домом, как мы с Сергеем Сергеевичем нашли и поставили лестницу. Земля была мокрая, рыхлая, ноги в ней вязли, помнишь? Травы-то там, под яблонями, почти нет, и почва глинистая. Посмотри на мои ботинки, – он вынул ноги из-под стола.

Ирина взглянула на его высокие, прочные кожаные ботинки армейского образца. Прежде чистые и блестящие, теперь они были покрыты мокрой рыжей глиной, налепившейся поверх вчерашней глины, уже сухой.

– Я прекрасно помню, – продолжал Володя, – как вчера проваливался чуть ли не по колено, особенно когда доставал лестницу. А сегодня там, перед домом, нет никаких следов: ни моих, ни Сергея Сергеевича, ни ваших с Николаем.

– Ну и что, – возразила Ирина. – Был дождь, вот и смыло все следы.

– Когда ты вчера пришла, дождь уже кончился. К тому же некоторые следы были слишком глубокими для дождя.

– Так что же ты думаешь? Куда они подевались?

– Не знаю. Мне показалось, кто-то нарочно их разравнил, присыпал землёй. Сразу незаметно, но если присмотреться, можно разглядеть неровности. Потом, глина ведь не везде одного цвета.

– Кто же мог это сделать? И зачем?

– Понятия не имею, но сработали не очень хорошо. Если бы они заодно убрали следы на тропинке и перед крыльцом, я бы ни за что не догадался обратить на них внимания. Странность как раз заключается в том, что следы повсюду остались, где были, а перед входом на чердак – пропали. Причём вмятина от лестницы всё ещё там. Выходит, я к этой лестнице прилетел, а не по земле пришёл. Да и вы с Николаем тоже должны были порядочно наследить. Приходится сделать единственно возможный вывод: вчера ночью или сегодня утром кто-то нарочно уничтожил все следы. Скорее всего, утром. Ночью было слишком темно.

– Сам-то подумай, кому и зачем это нужно? – повторила Ирина, всё ещё не вполне убеждённая выводами Володи.

– Думал, – ответил он. – Как ни крути, выбор невелик: если здесь на самом деле никого нет, кроме Николая, значит, это он, потому что кроме него – никому. А если есть кто-нибудь ещё, значит, Николай нам врёт, что тоже нехорошо. Обрати внимание: мы будем полностью зависеть от него, когда он повезёт нас на тот берег. Не нравится мне всё это, вот что я хочу сказать.

Ирина задумалась. После некоторых размышлений ей пришлось признать себе, что она почему-то склонна доверять Николаю, хотя и без какого бы то ни было весомого повода. Оценивая людей, она бессознательно полагалась на интуицию. В большинстве случаев интуиция оправдывалась, но присущий Ирине здравый смысл всё равно восставал против неё, требуя доказательств. В то же время опыт говорил ей, что попытки проанализировать интуитивные выводы неизменно оборачиваются провалом, поэтому она привыкла с

осторожностью относиться к своим чувствам, и лишь изредка прислушивалась к ним, когда не было другого, логического способа разобраться с проблемой.

– Скажи, Николай кажется тебе подозрительным или способным на какой-нибудь скверный поступок? – спросила она Володю.

– Не знаю, но факты остаются фактами.

– Ну, фактов, положим, не так уж много: пропавший фонарь, исчезнувшие следы... Этого недостаточно для обвинений, или даже подозрений, тем более что вчера он нас приютил, накормил и вёл себя при этом вежливо и вполне прилично. Если бы он хотел нам навредить, давно бы навредил, у него было достаточно возможностей, например, когда мы спали.

– Это правда, – нехотя согласился Володя.

– Вот и Сергей Сергеевич ему доверяет, а он, судя по всему, не из тех, кого можно легко провести.

– Довольно просто судить о людях своего круга. Они, по крайней мере, связаны теми же правилами и привычками, что и мы с тобой. Странные личности, живущие отшельниками в заброшенных деревнях, – совсем другое дело, с ними надо держать ухо остро.

– Что ты предлагаешь?

– Кто-нибудь знает, куда ты поехала?

– Мама, папа... больше, наверно, никто.

– Я имею в виду, они знают, куда именно?

– Нет. Я и сама этого не знала как следует.

– Вот и я никому не сообщал подробностей. Давай сделаем так: ты позвонишь своим родителям, расскажешь, где мы, и продиктуешь им координаты. Вот они, я записал их на бумажке, – он протянул ей листок, вырванный из записной книжки. – Тогда, в случае чего, они будут знать, где нас искать. А я позвоню отцу и попрошу его начать поиски в случае, если мы не вернёмся через две недели или не дадим о себе знать. Что ты думаешь по этому поводу?

– Боюсь испугать родителей, вот что, – ответила Ирина.

– Чего им пугаться? Вполне разумная предосторожность.

– Может, и разумная, но не из той категории благоразумия, которой они от меня ожидают.

– Пустяки! Впрочем, если не хочешь родителям, позвони кому-нибудь другому.

– Нет уж, лучше родителям. По крайней мере, им я полностью доверяю.

– Отлично! – обрадовался Володя. – Только звони прямо отсюда, со двора. Если спуститься с холма, сотовая связь пропадает. Там, за озером, на болоте, её, наверно, совсем не будет. Так что давай поскорее покончим с этим, пока есть возможность. А за Николаем я буду присматривать, на всякий случай.

Ирина пожала плечами. Беспокойство Володи казалось ей напрасным. «Ему просто хочется приключений, – решила она, – вот он и придумывает их на ходу, как мальчишка, играющий в индейцев».

– Поешь-ка лучше каши, – сказала она вслух, – там ещё осталось немного в чугуне.

Не дожидаясь ответа, она стала накладывать остатки каши в чистую тарелку, лежавшую на столе.

Володя, не споря, принялся за еду. Глядя, как он ест, Ирина ощутила приступ острого удовольствия, вызванного его доверием к ней. В это мгновение он вдруг как-то разом перестал быть чужим. Чувство нечаянно возникшей близости к некогда постороннему человеку было новым для неё и ужасно приятным.

– Кстати, спасибо за горячую воду, – сказала Ирина.

Володя смутился. Его рот очень кстати оказался занятым пережёвыванием каши, поэтому он только кивнул в ответ и слегка покраснел, напрасно надеясь, что коричневатый загар скроет предательский румянец. Но Ирина не смотрела на него. Вытащив из кармана куртки сотовый телефон, она вышла во двор, чтобы позвонить родителям.

Глава 9

Как и договаривались, Николай вернулся в первом часу дня. Он выглядел довольным и энергичным, как будто не трудился где-то с раннего утра, а только что встал с постели, и притом в прекрасном расположении духа. За его спиной важно шагал рослый конь красивой гнедой масти.

– Ну что, готовы? – спросил он Сергея Сергеевича, в который раз перебиравшего содержимое огромного рюкзака.

– Давно уже готовы! – несколько раздражённо заявил профессор, досадовавший на промедление. Но взглянув на сияющее лицо Николая, он всё-таки не смог сдержать ответной улыбки.

– Вот и отлично! Машина ваша так пусть и стоит во дворе, мне она не мешает, а на улице бросать – негоже. Давайте сюда ваши мешки! Сейчас приторочим их к седлу и сразу же пойдём.

– Да вы бы хоть чаю попили или пообедали! – сказала Ирина.

– Я уже в поле давеча отобедал, – ответил Николай. – Картошки испёк.

Приторочив рюкзаки, Николай оценивающе посмотрел на своих гостей.

– Что же, значит, вы в этой одежде на болото собираетесь? – спросил он неодобрительно.

– А что с ней не так? – возмутился Володя.

– Да всё так, – ответил Николай, – только не годится.

– Это ещё почему?

– Для начала не мешало бы надеть резиновые сапоги, – спокойно, рассудительно сказал Николай, – иначе ноги промочите, а это в лесу – последнее дело.

Володя не опасался за свои берцы, но, взглянув на кеды Ирины и белые, стоптанные кроссовки Сергея Сергеевича, не мог не согласиться с Николаем. Как же он сам не подумал об этом прежде, ещё до отъезда?

Выяснилось, что другой обуви у профессора и Ирины припасено не было. Николай вздохнул, ушёл в дом и вернулся оттуда с парой огромных резиновых сапог неизвестного, но очень большого размера. Сапоги были связаны шпагатом, чтобы их удобнее было нести, перекинув через плечо. Ирине они, конечно же, негодились, да и Сергею Сергеевичу были слишком велики как по размеру, так и по высоте.

– Ничего, возьмите с собой, – сказал Николай. – Будете надевать в самых мокрых местах.

– Да как же? – возражал профессор. – Они весят не меньше десяти килограммов! Куда нам ещё такую тяжесть тащить?

– Ну, так тут наденьте, на ногах и потащите, – задумчиво ответил Николай, не обращая внимания на протесты профессора. Он пристально смотрел на ноги Ирины, как будто думая: «Ну, и что же нам делать с такими-то ногами?» Этот взгляд почему-то очень насмешил Ирину. Она с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться. Николай нравился ей всё больше и больше, она ничего не могла с этим поделать.

Почесав в затылке, Николай опять ушёл в дом и вынес оттуда два прорезиненных мешка вместе с мотком верёвки.

– Вот! Засунете ноги в мешки, прямо поверх вашей обуви, – сказал он ей, – а сверху закрутите верёвкой. Только, чур, осторожней, на острые сучки не наступайте!

Взглянув, поморщившись, на её синюю спортивную куртку на молнии, он критически осмотрел головные уборы путешественников. Ирина собиралась отправиться в путь с непокрытой головой, Володя был в бежевой бейсболке, а Сергей Сергеевич – в старой, круглой, сморщенной шляпе с маленькими полями. Николай в третий раз сбегал домой и вынес яркий платок с вышитыми на нём цветами. Он велел Ирине повязать его на голову после того, как она войдёт в лес.

– И сеток от гнуса у вас нет? – спросил он напоследок.

– Нет, – ответил Володя, – но есть репеллент от насекомых.

Николай с загадочным выражением лица посмотрел на Володю, но от комментариев воздержался.

– У нас есть марля, большой кусок, – сказала Ирина. – В случае чего, мы сможем сделать что-нибудь вроде сетки.

– Хорошо, – одобрил Николай. – Нынче гнуса немного, не то, что в прошлом году. По вечерам да ночью, однако, непременно будут донимать. И за клещами смотрите, куртки застёгивайте доверху!

Покончив с инструкциями, Николай взял коня под уздцы, и они тронулись в путь, вниз по холму, к озеру.

По озеру гулял ветер. Несмотря на пронзительную синеву неба, вода казалась совершенно чёрной, непрозрачной, таинственной. Заросли осоки, прятавшие берега, шелестели тревожным, переливчатым шёпотом. Пахло свежестью, тиной, смолой, тёплым запахом прелой земли и немного – рыбой.

Высокое полуденное солнце почти не рождало теней. Все краски выступили наружу: неразбавленные оттенки зелёного, синего, серого и коричневого цветов, белизна высоких, полупрозрачных облаков, чёрная глубина озера, – всё слилось, смешалось в единую картину безраздельного торжества природы.

Озеро имело продолговатую форму, сильно вытянутую с запада на восток. Оно лежало как раз поперёк направления, в котором должна была двигаться маленькая экспедиция. Южный берег полого поднимался вверх, постепенно превращаясь в холм, на котором располагалось Матвейцево. Противоположный ему северный берег, находившийся на расстоянии не менее трёх километров, был намного более плоским. С того места, где стояла Ирина, он походил на тонкую зеленоватую тесьму, скреплявшую воду и небо на горизонте. Вытянутые концы озера, справа и слева, не имели чётко очерченных берегов. Они постепенно переходили в низовые болота, тянувшиеся попеременно с суши на значительные расстояния. Именно в силу этих особенностей ландшафта Николай наотрез отказался идти в обход озера. Учитывая отсутствие дорог, или хотя бы тропинок, обходной маршрут мог оказаться слишком долгим и трудным предприятием. И в прежние времена, если кому-то приходила нужда переправиться на противоположную сторону, это делали на лодках. В последние же годы лишь рыбаки да охотники изредка ступали на дальний берег.

Поросшая травой дорога из Матвейцева заканчивалась перед маленьким участком прибрежной полосы, свободным от растительности. Здесь находилась хорошо утоптанная площадка, перед которой были устроены мостки на деревянных сваях, вколоченных в илистое дно. Почерневший от времени настил образовывал крошечную пристань, к которой были привязаны три лодки, две деревянные и одна – металлическая плоскодонка. Моторов у лодок не было.

– Мы с Николаем договорились взять с собой вторую лодку, – сказал Сергей Сергеевич, обращаясь к молодым людям. – Она останется на том берегу. Через две недели Николай обещал вернуться за нами, чтобы помочь переправиться назад, но если мы решим вернуться раньше, мы сможем сделать это в любой момент, не дожидаясь его приезда.

Николай, зараз поднявший три огромных рюкзака, чтобы перенести их в плоскодонку, одобрительно хмыкнул, подтвердив, таким образом, слова профессора. Покончив с погрузкой вещей, он расседлал и привязал коня. Затем под его руководством все разместились на жёстких сиденьях плоскодонки, Ирина – на носу, за спиной Николая, Володя с профессором – сзади, на корме. Одну из деревянных лодок – довольно угловое, самодельное судёнышко – привязали сзади, после чего Николай приладил вёсла и принялся грести. Он легко, привычно вывел лодку на открытую воду и ловко направил её в сторону дальнего берега.

С самого начала Володя настоял, чтобы мужчины гребли по очереди. Через двадцать минут он сам сменил Николая на вёслах и грёб лихо, мощно, делая

вид, будто это упражнение – самое плёвое дело и ровно ничего ему не стоит. Правда, хватило его ненадолго: он быстро выдохся, и вёсла были переданы Сергею Сергеевичу. Под управлением профессора лодка начала двигаться рывками и не прямо, а выписывая замысловатые зигзаги на воде, к тому же брызги, возникавшие при каждом взмахе вёсел, грозили неминуемо вымочить пассажиров. Вскоре Николай опять взял управление лодкой в свои руки, и до самого окончания пути грёб сам, не проявляя при этом ни малейших признаков усталости.

По общему молчаливому соглашению, Ирина была исключена из числа гребцов, поэтому она просто глазела по сторонам, созерцала солнечные блики на воде, разглядывала далёкие берега и радовалась. Чувство жизни переполняло её. Каждая мимоходом замеченная картина, каждый запах, каждый услышанный ею птичий крик с необыкновенной чёткостью отражался в её сознании. Завладевшее ею накануне представление о мире, как о царстве полутонов, мягких очертаний и расплывчатых теней, стало менее аморфным, кристаллизовалось под напором новых впечатлений. Здесь, в этом диком, безлюдном месте, она смотрела на мир другими глазами, как будто сквозь бинокль, настроенный на максимальную резкость. И всё в этом новом, резком мире казалось ей прекрасным. Станный, необъяснимый восторг её рос вместе с каждым взмахом весла, с каждым громким ударом волны о железный борт лодки, с каждым маленьким кусочком облака, оторванным ветром и рассеивавшимся у неё на глазах. В конце концов, радость сделалась почти невыносимой. Ей стало стыдно держать всё это счастье, весь этот восторг внутри себя, для себя одной, но она не знала, можно ли им поделиться и не покажется ли она смешной, если затеет разговор о своих теперешних переживаниях. Сможет ли она объяснить их? Не примут ли её за глупую, экзальтированную девицу, не посмеются ли в душе? Она промолчала, и желание разделить своё счастье постепенно прошло. Восторг потерял остроту, как всегда бывает со всяким восторгом, стремительно рождающимся и не менее стремительно угасающим. Вместо него осталось тёплое чувство тихого умиротворения, которое уже не хотелось нарушать словами, произнесёнными вслух.

Остальные тоже молчали. Николай продолжал грести и, по всей видимости, не испытывал неудобства от тишины, царившей в лодке. Володя был задумчив, а Сергей Сергеевич углубился в чтение каких-то бумаг, которые достал из кармана своей куртки.

Противоположный берег постепенно приближался. Сначала приобрели очертания стволы отдельных деревьев, прежде неразличимые в сплошной массе леса. Потом стало возможно разглядеть неровную кромку берега, длинную траву, полоскавшуюся в воде, а спустя ещё несколько минут лодка с мягким шуршанием уткнулась в прибрежную глину.

Володя первым выпрыгнул из лодки, погрузившись по пояс в холодную воду. Он ухватился за поручень и вытащил на берег нос плоскодонки, чтобы остальные пассажиры смогли высадиться, не замочив ног. Николай

одобрительно покосился в сторону молодого человека, чуть заметно кивнул ему головой и стал перекидывать на нос рюкзаки, лежавшие на корме. Потом на берег сошёл Сергей Сергеевич. Ирина слегка замешкалась. С трудом сохраняя равновесие на носу качавшейся лодки, она поймала на себе взгляд Николая. Мужчины, стоявшие на берегу, были заняты рюкзаками и не смотрели в их сторону.

– Вы это... – несколько неуверенно обратился к ней Николай. – Не уходите от них далеко. Старайтесь всё время держаться вместе. Ну, и в лес далеко не заходите, а то заплутать недолго.

– Хорошо, – серьёзно ответила Ирина. Ей показалось, что Николай хотел сказать что-то ещё, может быть, что-то совсем другое, но тот уже отвернулся и стал отвязывать запасную деревянную лодку.

Ирина осторожно спустилась на берег. В тот момент, когда её нога ступила на землю, солнце забегало за одинокое облако, и лес погас, как будто где-то выключили электрический рубильник. Из только что нарядной и весёлой зелёной чащи в мгновение ока превратилась в тёмную, суровую и негостеприимную. Ирина лишь краешком глаза заметила эту перемену, но интуиция опять заёрзала в ней, настойчиво и неприятно. Впрочем, времени на размышления уже не оставалось. Володя с Николаем вытащили деревянную лодку на берег. На всякий случай, Николай привязал её к коряге, торчавшей из берега. Настало время прощаться и отправляться в заключительный этап пути.

Николай махнул им рукой и без лишних слов столкнул плоскодонку в воду, ловко запрыгнув в неё на ходу. Через десять минут его лодка была уже далеко от берега. Ирина впервые примерила свой рюкзак. Он показался ей совершенно неподъёмным, но она видела, что рюкзаки мужчин были гораздо больше и тяжелей.

Володя сбегал в лес, отыскал там три длинные палки и обстругал их ножом. Вооружившись этими шестами, все трое направились вдоль берега, рассчитывая отыскать небольшой овраг, рядом с которым, по словам Николая, должна была начинаться гать. Они шли по высокой траве, скрывавшей неровную землю, стараясь избегать сюрпризов для ног в виде кочек, рытвин и обломков корней. Очень скоро они действительно наткнулись на небольшой овраг. Прямо за ним из земли торчала старинная деревянная гать.

Глава 10

Гать оказалась узкой, не шире полутора метров. Когда-то давно она представляла собой крепко сколоченный, сплошной настил из брёвен, уложенных поперёк двух или трёх рядов продольных брусев. Эти брусья, обнажившиеся из-под земли, до сих пор производили впечатление мощи и надёжности. Они были вытесаны из цельных стволов, доходивших до метра в диаметре. Почерневший от времени и местами совершенно истлевший настил сохранился гораздо хуже. Судя по всему, его несколько раз ремонтировали, используя

вместо брёвен обыкновенные доски. Но и эти доски уже успели сгнить, так что ходить по ним следовало с большой осторожностью.

– Ничего себе, дорога! – восхитился Володя глядя на гать. – И ведь строили её лет сто тому назад, без всякой техники, вручную!

– Больше, чем сто, судя по виду этих больших брёвен, – уточнил Сергей Сергеевич.

– А человека выдержит? – поинтересовалась Ирина.

– Продольные брёвна, наверно, и грузовик выдержат, – ответил Володя. – Поперечные – тоже ничего. Выглядят они, конечно, неважно, но должны быть крепкими. А вот доски совсем сгнили. Старайся идти по брёвнам и не ступать на доски. Ну что, пойдём?

Он первым взобрался на настил и слегка попрыгал на нём, проверяя на прочность. Конструкция не явила признаков немедленного катастрофического разрушения, поэтому вначале Ирина, а вслед за ней и профессор вскарабкались на брёвна настила.

Конец гати несколько возвышался над лугом, видимо, по причине половодий: весной луг затапливало, и тогда гать могла служить одновременно дорогой и причалом. Сверху было видно озеро, на котором уже нельзя было разглядеть лодку Николая. Володя вытащил из кармана рюкзака небольшой бинокль. Приложив его к глазам, он осмотрел противоположный берег.

– Николай уже почти на той стороне. Его причала отсюда не видно. Села тоже не видно, и вообще не видно никаких следов жилья или присутствия человека. Что за дикие места! – воскликнул он.

– Ну, пойдёмте же! Третий час дня, а мы всё ещё не добрались до места, – ответила Ирина. – Что, если не успеем до темноты?

– Если верить Николаю, тут и пути-то всего километров пять, а может быть и меньше, – возразил Володя. – За час-другой доберёмся.

Он повернулся и двинулся вперёд, вначале осторожно, ощупывая ногой каждое поперечное бревно, прежде чем ступить на него, потом, осмелев, более уверенно, перепрыгивая лишь через самые хлипкие доски.

Через несколько десятков метров гать нырнула в лес. Когда-то она проходила по широкой просеке, теперь же лес подступал к ней вплотную с обеих сторон, загораживая небо разросшимися кронами деревьев. Низенькие молодые кустарнички выглядывали из-под настила, но ни одно дерево не выросло на самой гати, и этот факт немало удивил Сергея Сергеевича.

– Такое ощущение, что эту гать кто-то чистит и поддерживает в более-менее сносном состоянии, – сказал он, пытаясь говорить ровно, несмотря на одышку, возникшую у него вследствие непривычной физической нагрузки. – Иначе она давно уже заросла бы лесом, и следов от неё тут не осталось бы. Вы видели больницу на Индустриальной улице, которую начали строить лет тридцать тому назад, а потом бросили?

– Ага, – ответила Ирина, сама еле переводившая дух, но слишком хорошо воспитанная, чтобы оставить без ответа обращённые к ней слова

собеседника. Володя ушёл шагов на десять вперёд и не мог принимать участия в разговоре.

– В прошлом году я водил туда студентов, на экскурсию, – продолжал Сергей Сергеевич. – Так, поверите ли, всё заросло! Буквально всё и везде! Я уж не говорю о мхах и грибах, но там и кусты, и даже деревья умудрились укорениться прямо в бетонных плитах! Замечательное зрелище, весьма поучительное не только с биологической, но и с философской точки зрения.

Володя, энергично шагавший впереди, неожиданно остановился. Прямо перед ним на дороге стояла большая птица с серой головой и красным брюхом. Спина птицы была покрыта крапинами. Её блестящие чёрные глаза с интересом смотрели на человека.

Володя замер от удивления. Ирина, внимательно смотревшая себе под ноги, уткнулась в его спину. Она подняла глаза, а птица, вместо того, чтобы улететь, как полагается представителям её рода, с необыкновенной прытью помчалась в лес, так что Ирина успела заметить лишь сероватую тень, юркнувшую в кусты.

– Ты чего? – спросила она Володю.

– Видела? – ответил тот. – Птицу видела?

– Не очень хорошо. Даже не уверена, была ли это птица. Разве птицы так бегают?

– Точно птица! – уверил её Володя. – Я хорошо её разглядел.

– Что за птица? – вмешался Сергей Сергеевич.

– Не знаю, – сказал Володя. – Серая с красным. Носится бегом, как кролик.

– Наверно, коростель, – сказал профессор, снимая рюкзак, чтобы передохнуть. – В наших местах они редко встречаются, любят климат потеплее, да и в лесу обычно не живут. Впрочем, тут ведь луг недалеко, верно оттуда забрёл. Тише! Давайте послушаем! Если закричит, мы его сейчас же узнаем!

Все сняли рюкзаки и присели на настил, отдыхая и прислушиваясь к тому, что ещё пять минут назад казалось им тишиной. Только теперь они обратили внимание на то, как поёт, стрекочет и шелестит эта мнимая тишина.

– Вот это, слышите, вначале пение, а потом быстрый свист? Это чёрный дрозд, – сказал Сергей Сергеевич.

– А это, как будто кто-то трещоткой крутит? – спросила Ирина.

– Это кедровка, или ореховка, что, собственно, одно и то же.

Профессор был в своей стихии:

– Ага! Ну, кукушку, я думаю, вы и без меня узнали. А вот этот крик, «фить-фить-фить, чирик-чирик», – это клесты. Так, а вот и наш коростель закрипел! – ликующе воскликнул Сергей Сергеевич. На его лице засияла довольная улыбка.

Посидев ещё немного, они поднялись и продолжили путь. Тем временем в лесу становилось всё темнее. В воздухе запахло нездоровой сыростью и тленом. Почва сделалась болотистой, а стволы деревьев отрасли густые бороды из зелёного мха. Кустарник всё ближе и ближе подступал к гати, словно

стремился задушить её в своих объятиях. Настил стал ещё более ветхим и, к тому же, скользким. Ноги ехали по склизким брёвнам, пропитанным влагой. Путешественникам приходилось проявлять двойную осторожность, балансируя с тяжёлыми рюкзаками на плечах на неровном, скользком покрытии настила.

Спустя пару часов пути они подошли к месту, где гать прерывалась. Значительный участок настила, длиной в несколько десятков метров, сгнил и провалился, полностью скрывшись под водой. Не было видно даже могучих продольных брёвен. Лишь кое-где на неподвижной зеркальной поверхности болота торчали бесформенные кочки, покрытые мхом и пучками травы. Даже кусты исчезли, уступив место широкой запруде.

Володя, по-прежнему шагавший впереди, первым заметил препятствие. Он снял рюкзак и остановился на краю сохранившегося настила, нависавшего над водой.

– Ну, что теперь будем делать? – спросил он.

Сергей Сергеевич подошёл к краю гати и в свою очередь задумчиво уставился на болото, преграждавшее им путь. Ирина скинула свою ношу, порядочно натиравшую плечи, села на круглое, пористое бревно, выступавшее из общего ряда, обхватила руками ноги и положила подбородок на колени. Она устала. «Пусть принимают решение без меня», – подумала она.

Володя прощупал шестом глубину запруды. Возле самого конца гати она оказалась неглубокой, но чуть подалее дно круто уходило вниз. Определить максимальную глубину, не заходя в воду, не представлялось возможным.

– Что-то не хочется мне туда лезть, – сказал Володя, мрачно глядя на стоячую, пахнущую тиной и гнилью топь, на поверхности которой плавали зелёные пятна мелких водорослей и гниющие останки какой-то органики.

– Что же остаётся? – возразил Сергей Сергеевич.

– Может быть, поищем обход?

– Мне кажется, обход будет ещё хуже.

– Это правда. Так что же, раздеваться?

Володя с неудовольствием подумал о комарах, которые и без того роем кружились вокруг его потного лица, и о пиявках, несомненно обитавших в гнилой воде.

– Полностью раздеваться я бы не советовал, – косвенно подтвердил его опасения Сергей Сергеевич. – Но, не замочив ног, мы это место не пройдем. У тебя в рюкзаке есть смена чистой одежды, верно? Я видел, как ты укладывал: брюки, рубашка, несколько футболок...

– Есть. Но куртки нет, и запасной обуви – тоже.

– Давай сделаем так, – предложил профессор. – Ты снимешь всё, кроме джинсов и футболки. Я дам тебе эти огромные сапоги – зря, что ли, я их тащил всё это время? Попробуешь зайти в воду, насколько сможешь, проверишь, нет ли где-нибудь брода. А там уж решим, что делать дальше.

Так и поступили. Володя снял свою охотничью куртку защитного цвета, отличавшуюся наличием множества накладных карманов, ботинки и бейсболку,

обильно опрыскал себя репеллентом от насекомых и надел сапоги Николая прямо на босу ногу. Репеллент, как ни странно, совсем не испугал комаров. С каждой минутой их становилось всё больше. Володя не стал дожидаться, пока его съедят заживо и с обречённым видом зашёл в воду, опираясь на длинный шест. Он осторожно ощупывал дно, прежде чем ступить вперёд, однако, несмотря на все предосторожности, уже через несколько шагов провалился в яму и скрылся под водой.

Громкий всплеск привлёк внимание Ирины. Она встала, подошла к запруде и увидела, как вынырнувший Володя, отфыркиваясь, возвращается к краю настила. Он вымок до нитки, с его слипшихся волос тоненькими струйками стекала вода. Некогда белая футболка несла на себе обильные следы бурой грязи.

– Глубоко! – сказал Володя, отплёвываясь и дёргая головой, чтобы вытряхнуть воду из ушей.

– Давайте, я попробую, – предложил Сергей Сергеевич. В нём шевельнулись смутные угрызения совести, разбуженные появлением Ирины. Он как глава экспедиции должен был сам проявить инициативу, взять судьбу предприятия в свои руки, продемонстрировать решительность, а не вынуждать Володю первым лезть в вонючую воду.

– Не стоит, – ответил Володя. – Я всё равно уже промок. Сейчас попробую ещё раз. Дайте мне ваш шест, мой сломался.

Он принялся мерить глубину с другой стороны. Там дела пошли лучше – вода нигде не доходила ему до пояса. Он сумел добраться до половины пути через запруду, но дальше снова стало глубоко. Вернувшись назад, Володя поинтересовался, нет ли у кого-нибудь верёвки. Профессор хлопнул себя по лбу:

– Как же я сам об этом не подумал! – воскликнул он.

Сергей Сергеевич достал длинный моток синтетической верёвки и подал один конец Володе. Тот вынул из ножен, висевших у него на поясе, большой охотничий нож, которым отрезал два куска, каждый примерно в полметра длиной. Ирина с интересом наблюдала за его манипуляциями, не понимая, как эти куски верёвки помогут ему найти брод. Между тем Володя выбрался на край настила, снял сапоги, вылил из них воду, снова надел и накрепко привязал голенища сапог к ногам, пониже коленей.

– Сваливаются, – коротко пояснил он в ответ на озадаченное выражение, появившееся на лице Ирины.

Затем Володя обвязал свой конец верёвки вокруг пояса. Противоположный конец остался в руках у Сергея Сергеевича. Очень медленно и осторожно ступая по дну, Володя сумел добраться до противоположного конца гати. Там он выбрался на настил, отдышался, потом опять спрыгнул в воду и через несколько минут оказался рядом с профессором. Зубы его стучали.

– Замёрз? – участливо спросила Ирина. В самом деле, несмотря на летнюю пору, вечер, – а был уже вечер, – выдался прохладным и ветреным. Сиявшее

целый день солнце скрылось за низкими, сероватыми облаками, незаметно захватившими всё небо.

– Давайте сюда рюкзаки. Перенесу их на ту сторону, глядишь, согреюсь, – сказал Володя посиневшими от холода губами.

Один за другим он перетаскал все рюкзаки, потом, несмотря на протесты Ирины, перенёс и её, оставив на другом конце гати совершенно сухой и очень смущённой. Сергей Сергеевич решил перейти сам. Он снял куртку и как был, в джинсах, кроссовках и рубашке, пересёк топкое место, ступая след в след за Володей.

Продрогшие до костей Володя и Сергей Сергеевич представляли собой жалкое зрелище.

– Переодевайтесь же скорее! – хлопотала вокруг них Ирина, развязывая рюкзаки и вытаскивая оттуда сухие брюки, рубашки и носки.

– Ещё одна такая переправа, – сказал Володя, – и нам придётся ходить по лесу нагишом. Ничего сухого не останется.

К счастью, переправ больше не случилось. Мало того, состояние гати значительно улучшилось: исчезли гнилые доски, а наряду со старинными брёвнами стали встречаться свежие, почти не тронутые распадом. Все они были плотно пригнаны друг к другу, так что идти по ним стало намного проще, чем прежде. Путешественники прибавили шагу и постепенно согрелись.

Смеркалось. Перед самым закатом солнце вырвалось из плена облаков и залило красным светом узкую полоску неба над западным горизонтом. Тени сделались густыми, непроницаемыми. Тьма начала подниматься от земли, заполняя собой низины, потом поглотила траву, кусты, затопила стволы деревьев и добралась до самых верхушек, мрачно темневших на фоне гаснущих облаков. Ветер стих. Стихли птицы и насекомые. Настал хрупкий момент вечернего вневременья, когда день уже сдал вахту, а ночь ещё не успела вступить в свои законные права.

Ирину мучил голод. Это было не то смутное ощущение, которое изредка настигало её в городе. Там, среди обилия доступной пищи, голод не успевал развиваться, останавливаясь на стадии лёгкого дискомфорта. Здесь, вдали от благ цивилизации, он причинял ей настоящее физическое страдание. Можно было бы, конечно, остановиться и перекусить, но они и так потеряли слишком много времени. Ирина понимала: если им не удастся вовремя добраться до укрытия, придётся ночевать в лесу, скорее всего, прямо на неровном настиле этой самой гати, где невозможно будет развести даже крошечный костёр без того, чтобы на него не слетелись все комары с окрестных болот.

Комаров, между тем, было великое множество. Ирина без конца, как, впрочем, и без особого толку, отмахивалась от них сорванной ветхой ольхи. Лишь частые взгляды на широкую, атлетичную спину Володи, всё так же бодро шагавшего впереди, приносили ей некоторое облегчение. Его походка ничуть не изменилась, как будто и не было этих нескончаемых километров пути, пройденных почти без остановок по неровной, коварной, теперь уже едва

различимой в сумерках гати. В воображении Ирины Володя рисовался несокрушимым, не знающим усталости титаном. Глядя на него, она стыдилась своей слабости, вдохновляясь его примером, и продолжала двигаться вперёд.

Глава 11

Шёл уже одиннадцатый час ночи, когда гать неожиданно кончилась. Перед путешественниками возник низкий, пологий холм, густо усыпанный хвоей и потому начисто лишённый травы. Гигантские, в несколько обхватов, сосны, захватившие всю поверхность холма, стояли, как часовые, возвышаясь над всем остальным лесом, подобно живому острову, плывущему над зелёным морем. Последние слабые лучи света, не проникавшие в глубину леса, здесь продолжали ещё струиться с неба, создавая торжественную атмосферу. Казалось, будто яркие оранжевые стволы сосен светятся в полумраке, словно колонны таинственного храма, освещённого невидимыми свечами, установленными неведомо кем в честь неизвестных, давно забытых богов.

Володя остановился, не решаясь ступить на холм и нарушить своим появлением торжественную суровость этого места. Вслед за ним остановилась и Ирина. Только Сергей Сергеевич как ни в чём не бывало продолжал идти вперёд. Ирина поняла, что они прибыли к своей цели: именно в таком месте, скорее всего, и должна была находиться святая обитель.

– Так что, пойдём? – спросил Володя, не повышая голоса.

– Пойдём, – устало вздохнув, ответила Ирина.

Володя покачал головой и двинулся вслед за ней, на этот раз замыкая их маленькую колонну.

Бревенчатый сруб, некогда служивший пристанищем монахам-старобрядцам, стоял между холмом и лесом, справа от гати. Он был собран из огромных, толстенных сосновых брёвен. Циклопические брёвна растрескались, но до сих пор сохраняли свою цельность, а стало быть, и целостность всего сооружения. С архитектурной точки зрения это была немудрёная, квадратная постройка размером примерно восемь на восемь метров, крытая дёрном. Вся крыша поросла мхом, травой, кое-где сквозь траву пробивались побеги мелких кустарников.

– И как эта крыша до сих пор не провалилась? – удивился Володя.

Они остановились перед домом и сняли, наконец, свои рюкзаки. Плечи и спина Ирины ныли от перенесённой нагрузки, ноги подкашивались. Она чувствовала сильную дрожь в икрах ног и совсем не была уверена, что сможет снова подняться, если присядет хоть на минуту. В этот момент устройство крыши интересовало её менее всего. Главным её желанием было поскорее ощутить эту крышу над своей головой.

Володя чувствовал себя немногим лучше, но не желал поддаваться усталости. Он вытащил из рюкзака подвесной светодиодный фонарь и направился к двери, которая представляла собой грубо сколоченный деревянный щит без

петель, прислонённый к дверному проёму. Володя отставил дверь в сторону и вошёл внутрь. Судя по всему, там он зажёл фонарь, так как с улицы стало видно вспыхнувшее синеватым светом маленькое оконце размером не больше бойницы, выходявшее на полянку перед домом.

Ирина с Сергеем Сергеевичем ждали результатов осмотра стоя снаружи. Силы их были на исходе, поэтому им не хотелось делать лишних движений. По мокрой от пота спине Ирины забегал противный холодок. Она с тревогой заметила, как деревенеют остывающие мышцы ног. Нужно было двигаться, но как же трудно было заставить себя сделать хотя бы ещё один шаг!

На пороге показалась фигура Володи, слабо освещённая светом фонаря.

– Заходите же! – крикнул он и снова скрылся внутри.

Кое-как подняв свой тяжеленный рюкзак, профессор медленно побрёл к двери. Ирине почудилось, что она слышит, как хрустят его натруженные за день суставы. Собрав последние остатки сил, она последовала за ним.

Внутри дома было светло. Володя уже успел приладить фонарь к передней стене, рядом с оконцем-бойницей. Он висел на сучковатой палке, просунутой в щель между двумя брёвнами. Свет выхватывал из темноты и выставлял на всеобщий обзор пыль и грязь, скопившиеся на дощатом полу, простые, ничем не украшенные бревенчатые стены, и главное – пустоту. В комнате не было абсолютно никакой мебели. В ней не было совсем ничего, и от этого помещение казалось невероятно просторным, как будто дом был намного больше внутри, чем снаружи.

Задняя стена, обращённая к лесу, была едва ли не полностью занята большой печью, сложенной из красного кирпича, местами обвалившейся, но всё ещё сохранявшей первоначальную форму. В дальнем углу, за печью, располагался крохотный тёмный уголок, к которому сейчас же направилась Ирина. Это было единственное место в пустой комнате, способное обеспечить минимум уединённости. Она положила рюкзак в угол и с наслаждением уселась на пыльный пол, привалившись спиной к стене. Ей не хотелось двигаться, не хотелось ни о чём думать. Даже голод временно оставил её в покое.

Тем временем в противоположном углу комнаты Володя с энтузиазмом объяснял едва державшемуся на ногах Сергею Сергеевичу:

– Вот поэтому крыша и не проваливается! Видите? Скаты сделаны из брёвен! Обратите внимание, какая остроумная система поддержки! Нагрузка распределяется по стенам вот этими стропилами, – он указал на почерневшие, грубо вытесанные брусья у себя над головой, – так что вес крыши частично принимают на себя вон те толстенные брёвна, вкопанные в землю по периметру постройки. Замечательная конструкция!

Сергей Сергеевич молча кивал головой, мало вникая в слова Володи. По-видимому, он не разделял его восторга. Этонисколько не смущало молодого человека. Закончив разглагольствовать, он вытащил из рюкзака куски верёвки, которыми привязывал сапоги во время переправы через запруду. Ирина не заметила, когда он успел отвязать и убрать эти куски, но, увидев их

теперь, внутренне одобрила подобную рачительность. Привязав один конец верёвки к толстому брусу, проходившему под потолком посередине комнаты, Володя прикрепил к нему фонарь, соорудив нечто похожее на висячую люстру. Качество освещения значительно улучшилось: фонарь больше не слепил глаза.

Затем Володя подошёл к печи, критически осмотрел её со всех сторон, пожал плечами. Заслонки на месте не оказалось. Поддувало зияло тёмным бесформенным пятном. Зато чугунная колосниковая решётка была на месте, а топка показалась Володе вполне рабочей. Он зажег спичку, чтобы проверить тягу. Тяга была в порядке. Стоя перед домом, они не заметили на крыше трубы. Скорее всего, она давно рассыпалась от времени. К счастью, обломки рухнули не внутрь, а наружу, не перекрыв отверстие дымохода.

Не говоря ни слова, Володя вышел на улицу. Спустя двадцать минут, в течение которых Ирина успела задремать, он вернулся с охапкой хвороста в руках. Шум его шагов разбудил Ирину. После короткого сна она почувствовала в себе прилив новых сил. Вместе с силами возвратился и голод.

– Тебе помочь? – спросила она Володю, с треском ломавшего сухие сучья.

– Не надо, – ответил он. – Лучше распакуй мой рюкзак. В наружном кармане есть большой кусок полиэтиленовой плёнки. Расстели его вон там, в углу, – он указал рукой на дальний угол у передней стены. – Потом выкладывай сверху всё содержимое, съедобное – в одну сторону, несъедобное – в другую.

Ирина занялась распаковыванием Володиного рюкзака, потом заодно распаковала и свой. Глядя на неё, ожил доселе неподвижный Сергей Сергеевич. Он встал, потянулся и начал разбирать свою мокрую одежду, наспех сложенную и привязанную верёвкой поверх рюкзака.

Вскоре в печке весело загудело пламя. Терпкий дымок поплыл по комнате, скапливаясь под потолком. Вместе с ним по помещению начало распространяться тепло.

Все наскоро поужинали холодными мясными консервами с крекерами, запив их остатками воды из пластиковых бутылок. От сытости и тепла Ирина совсем разомлела, щёки её покраснелись, по телу поползла приятная нега. Ей ужасно не хотелось выходить на улицу, но естественные потребности требовали удовлетворения. Представив себя в полном одиночестве в лесу, ночью, она содрогнулась, и всё же просить кого-нибудь из мужчин сопровождать её было немыслимо.

Делать, однако же, было нечего. Она поднялась с пола и направилась к двери. Володя, потихоньку наблюдавший за ней, догнал её в дверях и шёпотом произнёс:

– Я посижу тут, на пороге, возле двери. Если что-нибудь случится – кричи. И... в общем, не отходи очень далеко, ладно?

Ирина вспыхнула, кивнула головой и, противясь глупому желанию закрыть лицо руками, чтобы спрятаться от нахлынувшего на неё смущения,

быстро вышла на улицу. Она ощупью побрела вдоль стены, осторожно ступая по мягкому покрову хвои, не слыша своих шагов и почти ничего не разбирая вокруг в сгустившейся темноте. Стоило ей завернуть за угол, как исчез последний отблеск света, сочившегося сквозь окошко. Зрачки её глаз расширились, впуская доселе незаметные лучи света, затерявшиеся посреди леса. Чернота посерела. Сами собою возникли, как будто ниоткуда, детали окружающего мира, облёкся в едва заметное движение бесплотный шелест деревьев.

Лес начинался сразу за домом. От задней стены его отделяла узкая полоса, заросшая кустами и невысокой травой. Ирина не рискнула углубляться в чащу, да в этом и не было необходимости: окраина леса вполне годилась для её целей.

Покончив с вечерним туалетом, она хотела уже вернуться обратно в дом, но тут её глаза, успевшие привыкнуть к темноте, случайно остановились на неподвижном кусочке неба, застывшем по ту сторону слегка шевелившихся крон гигантских сосен. Никогда ещё ей не приходилось видеть столько звёзд. Ирина прислонилась спиной к дереву, опустила на колени и стала с удивлением смотреть на них.

Чем дольше она сидела в темноте, тем больше звёзд появлялось на чёрном небосводе. Ни отсветы фонарей, ни зарева городских огней не высвечивали этой бархатной, лоснящейся черноты, щедро усыпанной мерцающими огоньками. Ирина знала, что мерцание происходит от влияния атмосферы, рассеивающей призрачный свет далёких светил. Ей показалось, что одна из наиболее ярких звёзд вспыхивает и гаснет как-то особенно регулярно. Присмотревшись внимательней, Ирина заметила, что звезда медленно перемещается по небосклону. «Самолёт! – догадалась она. – Люди, которые в нём летят, наверняка не подозревают, что кто-то, сидящий здесь, посреди тёмного леса, смотрит на них. Интересно, что они там делают? Не подают ли им теперь, к примеру, ужин? Всё-таки странный обычай: забираться на десять километров в высоту и закусывать там как ни в чём не бывало, а потом, напившись чаю, со скучающим видом смотреть телевизор».

Погружённая в созерцание звёздного неба, Ирина совершенно забыла о времени. Присутствие Володи на крыльце дома развеяло все её страхи. Теперь ей было даже приятно сидеть под мерцающим небосводом, вдали от незнакомых людей, летящих в самолёте и, в то же время мысленно – рядом с ними, как будто их связывала вместе невидимая нить, сплетённая из лучей звёздного света.

В лесу, прямо за спиной Ирины, раздался внезапный треск. Испуганная птица взметнулась в воздух. Спустя несколько мгновений треск повторился. То, что издавало его, находилось совсем рядом.

Ирина вздрогнула от неожиданности, но тотчас же взяла себя в руки. «Наверно, Володя меня ищет, – решила она. – Сколько же времени я здесь сижу?» Она перестала дышать и прислушалась. Стал явственно слышен тихий звук человеческих шагов, как будто кто-то украдкой, стараясь не шуметь,

ступал на мягкую траву подлеска. Этого Ирина уже не вынесла. Она вскочила с колен и стремглав бросилась к дому.

Володя сидел на пороге, выстругивая деревянную фигурку при помощи своего внушительного ножа. Увидев выбежавшую из-за угла Ирину, он быстро поднялся и вынужден был схватить её в охапку, иначе она сбила бы его с ног.

- Что случилось? – спросил он, сам невольно заражаясь её испугом.
- Там, в лесу, кто-то ходит, – задыхаясь от волнения, проговорила она.
- Кто? Что ты видела?
- Ничего. Только слышала звуки шагов.
- Должно быть, какой-нибудь зверь.

Ирине сделалось немного стыдно, что она не подумала о диких животных, однако звук шагов был совершенно не похож на походку зверя. В этих шагах чувствовалось осознанное намерение, явное желание скрыть своё присутствие. «Впрочем, что я знаю о животных и их повадках?» – подумала она.

- Может быть, – неуверенно ответила Ирина.
- Давай схожу, посмотрю? – предложил Володя.
- Не надо! Вдруг там какой-нибудь хищник!
- Нет в лесу более страшного хищника, чем человек, – заявил Володя.

Они вошли в дом. Володя взял запасной фонарь – точную копию того, что пропал на чердаке в Матвейцеве, и направился было к выходу.

- Подожди! – воскликнула Ирина.
- Что такое? – спросил Сергей Сергеевич, стоявший одной ногой в спальном мешке.

– Ирине только что показалось, что в лесу за домом кто-то бродит. Я собираюсь пойти, посмотреть, – объяснил Володя.

- Кто там может бродить? – удивился профессор.
- Вот я и выясню!

– Пойдёмте все вместе! – предложила Ирина. – Пожалуйста! – добавила она. – Или давайте совсем не пойдём!

– Я бы тоже не пошёл, – осторожно согласился Сергей Сергеевич. – Внутри дома у нас больше шансов выдержать оборону, будь то против зверя или против человека. Во-первых, здесь светло. Во-вторых, вход всего один – эта дверь, через окошко и младенец не протиснется. И, в третьих, если это какой-нибудь хищник, то без оружия у нас нет ни малейших шансов. В лесу он – в своей стихии, поэтому в дом вряд ли сунется. Хищники умны и понимают, где их может ждать опасность. Так что предлагаю закрыть дверь поплотнее и дождаться утра. Не стоит лезть на рожон.

Доводы профессора произвели на Володю отрезвляющее впечатление. Он поставил дверь на место, прислонив её с внутренней стороны, а не снаружи. Тут же стало очевидно, что в незакреплённом виде дверь не обеспечивала надёжной защиты, а припереть её оказалось нечем.

– Вы правы, Сергей Сергеевич, – сказал Володя. – Дождёмся утра, а до тех пор я предлагаю дежурить по очереди. Так будет безопаснее. Мы ведь не знаем, кто там ходит. Что скажете?

– Володя, все устали! Я не думаю, что опасность настолько велика, чтобы прибегать к таким крайним мерам.

– Какие же они крайние? – кипятился Володя. – Простая и вполне разумная предосторожность.

– Ну, хорошо, – нехотя согласился профессор. – Давайте дежурить, если вы настаиваете. Который теперь час?

– Половина первого ночи, – ответил Володя, взглянув на часы.

– Скажем, по три часа. Годится? – спросил Сергей Сергеевич.

– Годится, – подтвердил Володя. – Я буду дежурить первым, а вы с Ириной пока отдыхайте. В половине четвёртого я вас разбужу, ну, а уж вы потом разбудите Ирину.

– Договорились, – ответил профессор, зевая. Он поправил бельё, вымокшее во время переправы через запруду и теперь сушившееся на верёвке, натянутой возле печи, забрался в спальный мешок и через несколько секунд громко засопел во сне.

Ирина молча ушла в свой угол, где лежали её спальные принадлежности. Володя погасил фонарь. Угли, тлевшие в печи, осветили противоположную стену тревожным красным светом. Ирина разделась и с удовольствием растянулась на полу. Спать было жестковато.

«Надо будет завтра днём натаскать сюда травы и листьев, чтобы было помягче», – подумала она. После этого её мысли начали путаться, заплетаться, разветвляться в самых странных, причудливых формах. Усталость взяла своё – медленно-медленно она погрузилась в глубокий, удивительно спокойный сон.

Глава 12

На следующее утро Ирина проснулась первой. Струя сероватого света вливалась в крошечное окошко, чертя, подобно комете, длинный, пыльный след, тянувшийся поперёк комнаты и терявшийся где-то за печкой.

Ирина расстегнула спальный мешок и почувствовала, как приятный холодок обдал её грудь, окончательно развеяв последние тенёта сна. Она взглянула на часы. Шёл седьмой час утра. К ней постепенно начали возвращаться воспоминания вчерашнего дня. Вспомнился, между прочим, и уговор дежурить по очереди всю ночь, который был явно нарушен. Володя и Сергей Сергеевич мирно спали на полу, недалеко друг от друга. Профессор слегка похрапывал. Очевидно, он даже не потрудился выбраться из спального мешка, когда Володя разбудил его в три часа ночи.

Ирина улыбнулась и решила не выдавать Сергея Сергеевича. Если Володя не спросит, как прошло её дежурство, она не станет сама начинать этот

разговор. В конце концов, ночь прошла спокойно, ничего плохого не случилось, значит, можно и должно было избежать пустых обид и бесплодных дискуссий на пустом месте.

Она с удовольствием потянулась, встала, оделась, и тихонько, на цыпочках, вышла на улицу, слегка отклонив прислонённую к притолоке тяжёлую дверь. Снаружи её встретила тишина. Взбалмошный ветер унёс остатки облаков и сам улетел куда-то, оставив притихший лес нежится в лучах утреннего солнца. Вчерашние ночные страхи казались ей теперь не более чем смутным, нелепым воспоминанием, порождённым усталостью, чрезмерной впечатлительностью, да что там – трусливостью отдельных изнеженных особ.

Когда Ирина бывала недовольна своими поступками, а случалось это довольно часто, она нередко думала о себе в третьем лице, иронично подтрунивая над собой. Теперь ей неожиданно пришло в голову, что безобидная на первый взгляд ирония не так уж безобидна и на самом деле является не чем иным, как малодушным способом избавиться от ответственности. Она привыкла возлагать вину на плечи безымянного суррогата её собственной персоны, обитавшего в каком-то пыльном чулане на задворках сознания и извлекавшегося оттуда лишь изредка, чтобы быть обвинённым в очередном проступке и тотчас изгнанным обратно в чулан, с глаз долой.

«Любопытная мысль», – подумала Ирина, но не стала на ней останавливаться. Ей хотелось поскорее найти чистую воду и умыться.

Воды вблизи заимки оказалось более чем достаточно. Когда-то давно холм, на котором тогда ещё не росли сосны, был частью дна огромного озера, возникшего вследствие таяния ледника. Со временем плейстоценовое¹ озеро обмелело, заросло травой, заилилось, дно его начало подниматься из-под воды. Сперва появились мелкие островки, потом они выросли, слились друг с другом, образовав длинные гряды. Влаголюбивые растения колонизировали оставшиеся водоёмы, ускорив процесс обмеления. На кислую, пропитанную влагой почву легли мощные слои торфа. Лишь самая глубокая, центральная часть озера всё ещё оставалась скрытой под водой. Именно эту часть наши путешественники пересекли накануне в лодке Николая.

Рельеф в окрестностях холма красноречиво говорил о геологическом прошлом этих мест. Он состоял из небольших, заполненных водой и более или менее заросших котловин, перемежавшихся с плоскими, сухими участками, на которых росли кривые, чахлые деревца и кустарники. Вдоль пологих возвышенностей, представлявших собой холмистые гряды, пролегли узкие полосы смешанного леса, закрывавшие обзор с вершины холма. Но к самому холму лес подступал лишь в одном месте: с восточной стороны, там, где стоял

¹ *Плейстоцен* – эпоха четвертичного периода, начавшаяся 2,5 миллиона лет назад и закончившаяся 11,5 тысячи лет назад. Отличалась значительными климатическими колебаниями. В течение Плейстоцена в Северном полушарии сменились четыре периода оледенения. Во время таяния ледниковых покровов образовывалось множество озёр. Некоторые из них существуют по сей день (*Прим. редактора*).

старинный сруб заброшенного скита. Чуть поодаль, на западе, разрозненные озера переходили в настоящие топи, сплошь покрытые предательским зелёными покровом из травы и водорослей. На самой границе трясины из воды, как неровные зубы, торчали чёрные обломки мёртвых берёз.

Спустившись вниз с северной стороны холма, можно было обнаружить крохотное, абсолютно круглое проточное озеро, из которого струился чистый ручеёк, весело журчавший в своём песчаном ложе, терявшемся в камышах. Несмотря на небольшой размер, озеро отличалось необыкновенной живописностью. Стоило пробраться сквозь сочную, тёмно-зелёную осоку, и взгляду открывалась блестящая, неподвижная поверхность воды, словно зеркало отражавшая всё вокруг: и небо, и солнце, и кусты багульника, разросшиеся по берегам, и нависавшие над самой водой тонкие, молодые побеги ольхи.

Вода в ручейке оказалась весьма холодной, но Ирина с удовольствием умыла ею лицо, отчего оно тут же покрылось ярким румянцем. Теперь она чувствовала себя по-настоящему бодрой и очень голодной.

После завтрака, состоявшего из сухого пайка в виде крекеров с сыром и очень крепкого, очень сладкого чая, приготовленного Володей на походной газовой плитке, Сергей Сергеевич начал распаковывать свой рюкзак, так и лежавший нетронутым со вчерашнего вечера. В рюкзаке, помимо прочего, находились большой зеркальный фотоаппарат со вспышкой, переносной микроскоп, способный делать цифровые снимки, компьютер-планшет, целая коробка тяжелых электрических батарей, футляр с пробирками для сбора проб воды и ещё какие-то странные приборы неизвестного Ирине назначения. Она с уважением следила за увеличивавшейся горой снаряжения, подсчитывая в уме, сколько мог бы весить этакий рюкзак. Судя по всему, в нём было не менее тридцати килограммов.

Потом стали думать, где расположить инструменты. В комнате не было ни стола, ни полка, ни даже какого-нибудь старого ящика или сундука. В итоге, после тщетной попытки соорудить некое подобие грубого верстака при помощи ножа и энтузиазма Володи, решили устроить лабораторию прямо на полу, расстелив большой кусок полиэтиленовой плёнки в дальнем углу комнаты, поблизости от запечного угла, занятого Ириной.

Сергей Сергеевич объявил, что займётся установкой и настройкой инструментов, а затем – обедом.

– Вас же я попросил бы немедленно приняться за дело, – сказал он. – Начнём с предварительного исследования окрестностей для определения видового состава местной флоры. Каждое растение, которое покажется вам хоть сколько-нибудь необычным, нужно тщательно сфотографировать: вначале само растение целиком, затем отдельный лист, цветок, если таковой имеется, и корень. Пока что ограничимся фотографиями. Вечером рассмотрим результаты поисков и решим, какие из найденных вами растений удостоятся чести быть собранными для гербариев. Дождей, кажется, больше не предвидится, так

что, когда соберём образцы, нам потребуется пара дней для предварительной сушки, а солнышко поможет нам высушить прессы. Прошу обратить особенное внимание вот на эти растения.

Он передал Ирине несколько листов бумаги, на которых простым карандашом были мастерски набросаны эскизы листьев, цветов и трав.

– Это особенно ценные лекарственные виды. До сих пор считалось, что в нашей области они не встречаются. Я думаю, здесь, на болотах, самое подходящее место для их поиска: климат подходящий, почвы – тоже. Если найдёте нечто похожее, помечайте место красным флажком. Сами растения не трогайте.

Профессор протянул Володе связку красных бумажных флажков на длинных, гибких пластмассовых ножках.

– Ну и вообще, если заметите что-нибудь интересное, тоже помечайте и записывайте в журнал наблюдений.

Сергей Сергеевич выдал Володе блокнот и механический карандаш с тонким выдвижным стержнем.

– Вроде, пока всё! – закончил он.

– Это вы сами рисовали? – спросила его Ирина, указывая на наброски.

– Ага, – ответил профессор, как будто не придавая большой важности своим художественным способностям.

– Красиво! – восхитилась Ирина.

Сергей Сергеевич, внутренне очень довольный похвалой, лишь пожал плечами и с озабоченным видом занялся прилаживанием фотографической части к окуляру микроскопа.

Молодые люди вышли на улицу. Возле сруба, да и вообще – на всём холме, практически ничего не росло. Земля была покрыта годами копившимся толстым слоем сосновой хвои, глушившей траву. Здесь фотографировать было нечего.

– Начнём с осоки? – спросил Володя, указывая в сторону озера.

– Давай лучше поищем чего-нибудь более экзотического, – предложила Ирина. – Осоки здесь везде полно, успеем ещё её сфотографировать.

– Так куда же тогда?

– Для начала обойдём вокруг озера. Я видела там большую поляну, на ней растёт уйма всякой травы. Нам с тобой на целый день работы хватит.

Вопреки предположению Ирины, видовой состав травы на поляне оказался на редкость однообразным. Они насчитали всего семь видов различных растений. Закончив с их описанием и тщательной фотосъёмкой, молодые люди двинулись дальше, за озеро, где вскоре обнаружили новых представителей растительного царства.

Работали молча. Ирине не то чтобы не хотелось разговаривать, просто, как она ни старалась, ей не удавалось найти подходящей темы для непринуждённой беседы. Володя тоже не раскрывал рта. Молчание казалось им обоим неловким, а спустя какое-то время стало даже мучительным, но каждый

боялся начать разговор, опасаясь сказать что-нибудь глупое, и тем ещё более усугубить возникшую между ними взаимную неловкость.

Наконец, Ирина не выдержала. Она не знала, зачем сравнительно малознакомым людям, будучи вдвоём, непременно нужно разговаривать, однако чувствовала: если молчание продлится хотя бы ещё одну минуту, она либо расхохочется, либо расплечется. Сейчас, сейчас, немедленно выпалить любую глупость, лишь бы предотвратить постыдный, неконтролируемый выброс эмоций! А тем временем темп отрывочных мыслей, сменявшихся в её голове, всё нарастал, нарастал, пока не превратился в бешено вращающийся тяжёлый маховик, центробежной силой своей разбрасывавший по сторонам слова, идеи, заготовки фраз, не позволяя им сплестись в единую канву связного высказывания. И коль скоро она не могла подобрать собственных слов, то процитировала пришедшую ей на ум фразу из «Анны Карениной», разбуженную в её памяти видом лохматого цветка пушицы, целиком состоявшего из тонких белых ворсинок.

– Всё разнообразие, вся прелесть, вся красота жизни слагается из тени и света, – сказала Ирина.

Она произнесла эти слова тихо, как будто бы про себя, но Володя, как раз фотографировавший пушицу, сейчас же с облегчением ухватился за возможность завязать разговор. Он прекрасно понимал суть слов Ирины, но, к сожалению, когда речь заходила о возвышенном, ему редко удавалось выразить вслух то, что он хотел сказать на самом деле. И неудивительно, ведь ему почти никогда не приходилось разговаривать о подобных вещах. Так, можно с удовольствием читать стихи, но при этом не уметь сочинить даже простейшего четверостишия, или хотя бы передать суть прочитанного при помощи собственных слов. Володя предпринял попытку сформулировать своё отношение к мысленным образам, рождённым в нём словами Ирины, но его язык, как-то сам по себе, начал произносить что-то совершенно другое, неуместное, но очень привычное по форме и содержанию:

– Да, да, – ответил он. – Такие белые цветки с волокнистой структурой как будто нарочно созданы природой, чтобы быть проводниками света. Каждый волосок несёт солнечное тепло к центру. Между прочим, по такому же принципу устроена шерсть полярных медведей. Белый мех у них не только для камуфляжа. Прозрачные ворсинки проводят тепло прямо к телу, но не наоборот. Другими словами, они проводят фотоны видимого света, но блокируют инфракрасное излучение кожи, сохраняя накопленное тепло...

Володя совершенно запутался и остановился, глядя на Ирину с довольно растерянным видом. Она же, увидав его замешательство, внезапно громко, с удовольствием расхохоталась. Её смех не показался Володе обидным. Напротив, он принёс ему долгожданную эмоциональную разрядку. Он немедленно присоединился к Ирине, и они принялись хохотать, теперь уже вместе, совершенно не сдерживаясь и нисколько не стесняясь друг друга.

Нахохотавшись, Ирина, едва переводившая дух, сказала Володе полушутливо:

– Какой же ты всё-таки прозаичный!

– Увы! – ответил тот. – Что ещё остаётся молодому человеку в наше нигилистическое время? Того и гляди начнёшь есть ножом!

«Ах, вот как, значит, и ты читал «Каренину»!» – подумала про себя Ирина, с новым интересом глядя на Володю. Сама она несколько раз перечитывала эту книгу, и многие места были знакомы ей почти наизусть. До сих пор ей не приходилось встречать людей, за исключением, пожалуй, её мамы, которые могли бы цитировать по памяти отдельные, совсем не знаменитые места из сочинений Толстого.

«А что я вообще знала о Володе до этой поездки? – подумала Ирина. – Немного. Он сын богатых родителей, поэтому я предполагала, что он избалован. Это оказалось неправдой. Время от времени он принимает участие в проказах, глупых шутках, розыгрышах, из-за чего я считала его легкомысленным. Теперь он не кажется мне таким уж легкомысленным».

Она вспомнила про тёплую, специально для неё согретую воду, оставленную возле умывальника во дворе Николая, вчерашний дозор Володи на пороге заимки, его сильные руки, легко перенёсшие её через гнилую запруду, и покачала головой.

«Что ещё? Он интересуется всякими электронными и механическими штуками, поэтому я думала, будто он ничего не смыслит в искусстве и литературе. И тут, кажется, ошибалась. Либо я совершенно ненаблюдательна, либо он – многогранная личность, либо весь его образ жизни – всего лишь поза, игра на публику. Либо, – добавила она про себя немного погодя, – я делаю слишком поспешные выводы на основании одной-единственной цитаты».

Вслух она спросила:

– А если серьёзно, как ты думаешь, есть ли какое-нибудь рациональное объяснение красоте? Почему этот скромный цветок кажется нам красивым, а городская свалка – безобразной?

Обычно Ирина избегала разговоров на абстрактные темы, но сейчас её разбирало любопытство. Ей хотелось выяснить, что же на самом деле представляет собой Володя, каким образом в нём умудряются сочетаться обыкновенно несовместимые черты характера.

– Я думаю, всё дело в контексте, – сказал Володя, совершенно переставший робеть. У разговора появилась тема, да ещё такая, о которой он и сам не раз уже размышлял. Ему оставалось только разобраться в собственных мыслях, подобрать подходящие слова.

– По-моему, нет ничего абсолютно красивого самого по себе. Красивым можно быть только на фоне безобразного, а безобразным – на фоне красивого. Это как в принципе неопределённости: мы способны разглядеть либо одну сторону явления, либо другую в зависимости от того, на какую из них смотрим в данный момент. Вторая сторона при этом только подразумевается. Вместе с тем обе стороны неотделимы друг от друга: красивое от некрасивого, светлое от тёмного, глубокое от мелкого.

Володя мельком посмотрел на Ирину, оценивая, не сказал ли он чего-нибудь лишнего. «Чёрт ведь дёрнул с этим принципом, – подумал он. – И зачем я лезу в дебри, как нарочно подбирая самые неудачные примеры?»

Но Ирина больше не улыбалась. Она тихонько водила ладошкой по мягкому цветку пушицы, осторожно поглаживая его круглую, лохматую голову. Её глаза были задумчиво устремлены куда-то вдаль.

«Видимо, слышала о соотношении Гейзенберга», – подумал Володя, и это почему-то обрадовало его. Воодушевлённый, он продолжал, как ни в чём не бывало:

– Мне кажется, красота не присуща самим предметам. Она рождается в сознании людей под воздействием этих предметов, или мыслей, или чего угодно. Даже математическая формула может показаться красивой тем, кто способен понять её суть и почувствовать в ней порядок, резонирующий с нашим внутренним чувством гармонии. Знаешь ведь, что может сделать один луч солнца с душой человека?

Он снова взглянул на Ирину, теперь уже с шутливым вызовом: «вот, дескать, и я не лыком шит, тоже приходилось читать классиков!» Ирина же, хотя и узнала цитату из книги Достоевского, не смогла припомнить какую-нибудь другую в ответ. Она подняла голову и впервые прямо, настойчиво посмотрела в глаза Володе, как будто надеясь найти в них что-то скрытое, потаённое. Их взгляды встретились на мгновение, застыли в хрупком равновесии и, наконец, разошлись. Володе показалось, что за всю свою жизнь он не видел ничего прекраснее её лица, залитого ярким солнечным светом, сбросившим привычную вуаль теней. Этого простого лица с едва заметными ямочками на щеках, рождёнными таинственной улыбкой, с точёным носом, с гордым, высоким лбом, и главное – с большими серыми глазами, в которых горела весёлая, лукавая искорка понимания. Он готов был продолжать говорить, неважно что, неважно о чём, лишь бы не погасла эта улыбка, лишь бы не потухли искорки в глазах, лишь бы никогда не кончался этот нестерпимо прекрасный момент.

И слова, каким-то таинственным образом, безо всяких усилий с его стороны, стали сами складываться в его голове. Он вдруг остро ощутил, что внутри него накопилось огромное количество невысказанного. Мысли, выбравшиеся из-под спуда деспотичного благоразумия, толпились, сталкивались и перебивали друг друга. Но Володя не разбирал их, произносил первое, что приходило на ум, нисколько не сдерживаясь. Он чувствовал, что сейчас это можно. Нельзя было только сказать о своём восторге и восхищении ею. Несмотря на разброд в голове, он очень хорошо понимал это. Оставив сиюминутные переживания для будущей рефлексии, он заговорил о давно забытых впечатлениях, некогда волновавших его юношески пытливый ум.

– Всё, что угодно, может показаться красивым, – говорил он, – если иметь подходящий ключ. Ключом тоже может быть всё, что угодно. Нарочно такой ключ не подберёшь, потому что чаще всего даже не знаешь, что он у тебя есть. А ведь в свалке знаний и впечатлений, накопленных в памяти человека, чего

только не встретишь! Но стоит возникнуть благоприятной ситуации, и ключ сам по себе находится и поворачивается в замке. Понимаешь, о чём я?

– Не очень, – ответила Ирина. – Приведи какой-нибудь пример.

– Ну, например, тебе нравятся картины Сальвадора Дали?

– Не особенно. На них интересно смотреть, но почему-то не трогают за душу.

– И мне не нравились. А есть люди, которым нравятся, кое-кто от них даже в восторге. Я сам этого не понимал и не очень об этом задумывался, пока родители не привезли меня в Испанию. Мне было тогда лет шестнадцать. Жара стояла невероятная. Я уже весь обгорел, а мы всё ездили и ездили на машине по горам Андалусии, осматривали какую-то строительную технику, карьеры, шахты. Отец вёл переговоры, а мы с матерью и сестрой жарились на солнышке, часами глядели из окон гостиниц на кактусы, пыль, выгоревший песок или гуляли по безлюдным улицам маленьких городков в самый разгар сиесты. Помню, мне очень хотелось домой. Напоследок заехали в Мадрид. Там-то я и попал на выставку работ Дали. До того времени я смотрел на его картины и статуэтки, как на предметы или, вернее, на изображения реальности, только не настоящей, а нарочно искривлённой фантазией художника. Напрасно! Вечером, после выставки, меня осенило: это же совсем не предметы, даже, может быть, крайняя противоположность предметов.

– Что же они такое, по-твоему? – спросила Ирина.

– Не могу как следует объяснить! – сокрушённо воскликнул Володя.

– А ты попробуй!

– Ну ладно. Я думаю, это своего рода окна в другой мир. Звучит глупо, я знаю. Я хочу сказать – они ничего не значат сами по себе, зато сквозь них можно увидеть кусочки самых простых вещей, самых обычных, повседневных сцен из жизни, только не напрямую, а вскользь, как будто смотришь на них краем глаза. Знаешь, бывает иногда, едешь или идёшь куда-нибудь, и вдруг замечаешь что-то необыкновенное. Обернёшься, присмотришься – ничего нет, промелькнуло и исчезло, сколько ни проезжай мимо, больше ничего не увидишь. И думаешь про себя: наверно, померещилось. В глубине картин Дали скрывается что-то похожее. В них есть элемент движения, только не каждый разглядит, что именно там изображено, что и куда движется. Я тоже ничего не видел, потому что не мог: не было ключей. Не было до этого в моей голове свирепого испанского солнца, выгоревшего белого неба, горячего песка, не было прибитых жарой камней, искорёженных, вывороченных пластов осыпающихся гор, шума горячего ветра в ушах, сонного спокойствия сиесты. Как только у меня появились эти впечатления, как только сложились в контекст, так и картины приобрели в этом контексте свой особенный смысл. Только тогда я увидел в них красоту.

– Интересно, – задумчиво сказала Ирина. – Но, может быть, было бы лучше просто изучить историю создания этих картин, почитать биографию Дали или мнения специалистов о его произведениях. Про это написано огромное количество книг.

– Нет! – Володя даже замахал руками. – Я никогда не читаю биографий писателей или художников. Или композиторов. Вообще не хочу ничего знать о жизни великих людей! Их сочинения говорят о них намного больше всяких мемуаров. Те и приврать могут, и приукрасить, и умолчать о чём-нибудь. Лучше уж иметь дело с первоисточником в виде книги или картины, тут, по крайней мере, я сам смогу судить, что к чему.

– Так ты же говоришь, что иногда не понимаешь. И понять можешь неправильно, – поддразнивала его Ирина, на самом деле отчасти разделявшая неприязнь Володи к мемуарам и прочей биографической литературе.

– Как же можно неправильно понять? Можно понять или не понять, а правильность тут не причём. У меня может быть свой ключ к пониманию, а у другого человека – его собственный. Только мой ключ мне намного дороже, ведь я его сам раздобыл, он – частица меня, я заплатил за него своим опытом, кусочком своей жизни. Пользоваться чужим ключом, то есть чужим мнением и чужими впечатлениями, – всё равно что пользоваться отмычкой. Нехорошо это.

– То есть ты считаешь, что человек сам должен заработать своё право на понимание красоты?

– Интересная мысль. Я об этом так прямо не думал, но, наверно, так и есть. Что на свете даётся даром? С другой стороны, что достаётся даром, то не очень-то и ценится. Больше всего дорожат тем, что особенно трудно раздобыть, или над чем пришлось особенно долго трудиться.

– Можно тебя кое о чём спросить? Правда, это не относится к предмету разговора, – в голосе Ирины звучали нотки нерешительности. Она не привыкла задавать личные вопросы.

– Конечно! – весело ответил Володя. Он готов был отвечать на любые вопросы и выполнять любые её желания, радуясь, как восторженная собачка, выведенная на прогулку добродушным хозяином.

– Почему ты поступил в медицинский?

– По семейным обстоятельствам.

– Как это?

– Ну, как... Отец приобрёл сеть аптек и медицинских клиник. Хочет, чтобы я ими управлял. Иначе, говорит, от меня нет никакого толку, а тут, в случае чего, буду иметь свой кусок хлеба.

Глаза Володи потухли. Ирина поняла, что ему было неприятно обсуждать эту тему, и пожалела, что перевела разговор. Тёплое чувство душевной близости, только что объединявшее их, внезапно пропало. Ирина встала с травы, на которой сидела во время беседы. Вслед за ней поднялся и Володя.

– Ну что, давай дальше фотографировать растения? – спросила она, глядя на Володю и стараясь понять, не обиделся ли он. Но тот широко улыбнулся, и у неё отлегло от сердца.

– Давай! – ответил он. – И, кстати, видишь вон тот фиолетовый цветок? Не он ли это изображён на одной из картинок?

Они достали рисунки Сергея Сергеевича. После первоначальных сомнений оба решили, что цветок и на самом деле очень похож, и Володя торжественно установил рядом с ним красный флажок.

Глава 13

Солнце достигло наивысшей точки, грузно перевалилось через неё, покатилося к закату, розовея, краснея, приобретая редкий для северных широт пунцовый оттенок, усиливавшийся по мере приближения к западному горизонту.

Уходящий день показался Ирине чрезвычайно долгим. Она посмотрела на часы. Маленькая стрелка приближалась к девятому часу вечера. Пришло время возвращаться назад, к займке.

В течение всего дня, не считая перерыва на обед, молодые люди тщательно исследовали местность поблизости от холма. Десятки трав были описаны в журнале и сфотографированы Володей. Как выяснилось вечером, некоторые растения попали в блокнот по несколько раз. Лишь один экземпляр удостоился быть отмеченным флажком.

– Ааа! – протянул Сергей Сергеевич, глядя на фотографии растения с фиолетово-пурпурными цветками, толстым стеблем и длинными, узкими листьями, – пальчатокоренник нашли! У него, знаете ли, очень ценные клубни. Любопытно, любопытно... А я после обеда брал пробы воды. Здесь мы не сможем их проанализировать, повезём в город. Так, значит, ужинать?

– Ужинать! – с энтузиазмом подтвердил Володя.

С ужином решили не скупиться:

– Надо отпраздновать начало наших трудов! – заявил Сергей Сергеевич.

Открыли банку тушёнки, приготовили картофельное пюре, смешанное с молочным порошком, разведённым в кипячёной воде. На десерт достали со дна Володиного рюкзака единственную банку фруктового компота.

По случаю хорошей погоды ужинали на открытом воздухе. Пока Володя с Ириной кипятили воду, открывали банки и замешивали картошку, Сергей Сергеевич развёл свой собственный маленький костёр и принялся печь какие-то беловато-серые полоски.

– Что это? – спросила Ирина, заинтригованная действиями профессора.

– А вот увидите! – таинственно отвечал Сергей Сергеевич.

Прямо перед домом расстелили большой кусок тонкого клетчатого брезента, выбрав для этого самую живописную полянку между тремя огромными соснами. Здесь, на холме, вдали от зарослей кустарников, наполненных в этот вечерний час несметными полчищами комаров, воздух был чист и спокоен. За неимением стульев все расселись прямо на земле, покрытой колючим ковром из прошлогодней хвои. Сергей Сергеевич с видом заговорщика извлёк из внутреннего кармана своей джинсовой куртки плоскую металлическую фляжку.

– Водка! – торжественно объявил он. – Давайте понемножку, за успешное начало нашего предприятия!

– Я не пью! – ответила Ирина. Ей и вправду всего лишь раз в жизни приходилось пробовать спиртное. Тогда оно ей очень не понравилось.

– И я тоже, – присоединился к ней Володя. – Тренер по гандболу меня убьёт!

– Ты играешь в гандбол? – удивилась Ирина. С каждым часом личность Володи обростала всё новыми гранями.

– Играю немного.

– Почему же именно в гандбол? Не в футбол, не в хоккей?

– Так получилось. У меня в школе был учитель физкультуры, бывший гандболист. Он научил меня играть, а потом я как-то привык, что ли. Так до сих пор и занимаюсь.

– Да ладно вам! – перебил Сергей Сергеевич. – Тут всего-то несколько капель! Не умрёте, если выпьете по чуть-чуть за компанию со мной.

Молодым людям пришлось нехотя согласиться. Они выпили действительно по чуть-чуть – на каждого пришлось не более половины пластикового стаканчика – после чего с удовольствием принялись за еду. Хмель быстро ударил в голову Ирине. На сей раз это было скорее приятное ощущение. Где-то, в каком-то центре, отвечающем за анализ её чувственных восприятий, возникла выпуклая линза, сквозь которую начали преломляться, слегка мерцая, все внешние впечатления. Это показалось ей очень забавным. Захотелось смеяться. Володя тоже был весел, разговаривал без умолку, как-то особенно активно, порой не к месту размахивая своими длинными руками.

Поговорили о природе, о заимке, о необычайной уединённости этого замечательного уголка, затерянного на болоте, о монахах, строивших скит.

– И как только они отыскивали это место? – восклицал Володя, накладывая себе вторую порцию картошки и поглядывая в сторону фляги Сергея Сергеевича. Но профессор больше не предлагал им водки. Володе пришлось смириться – просить он не решался.

От монахов разговор перешёл к религии вообще. Серьёзная тема плохо вязалась с легкомысленным настроением, охватившим участников беседы. Ирина то и дело хихикала, по-девичоночь прикрывая рот рукой. Володя пытался острить, чаще всего – неудачно. Сергей Сергеевич кивал головой, время от времени вставлял короткие реплики, но большей частью помалкивал, благодушно-снисходительно глядя на ребят сквозь стёкла своих тоненьких очков.

Улучив момент, Ирина рассказала историю о том, как прошлым летом её не хотели пускать в монастырь на экскурсию по причине непотребного внешнего вида, угрожавшего ввести благочестивую братию в низменное плотское искушение. Очевидно, борьба с искушениями не входила в тот день в монастырский распорядок. Чтобы облегчить себе доступ в юдоль парадного благочестия, она закрутила голову чёрным платком и сменила облегающие джинсы на юбку, позаимствованную у одной женщины из её туристической

группы, крупной, рослой, пожилой дамы с непомерным обхватом талии. Ирине пришлось всё время до конца экскурсии придерживать юбку локтями, дабы та не свалилась и не обнажила чего-нибудь совершенно неуместного в стенах святой обители.

Ещё час назад Ирина не могла бы даже вообразить, что будет рассказывать о чём-то подобном двум мужчинам. Теперь же это казалось ей совершенно естественным делом.

Потом инициативу в разговоре перехватил Володя:

– Так у меня же была похожая ситуация! – воскликнул он, всплеснув руками, точь-в-точь как делают старушки, собравшиеся во дворе многоквартирного дома для обсуждения несправедливо высоких коммунальных тарифов.

– Пришлось мне как-то раз идти через площадь перед большим православным храмом, – начал Володя своё повествование. – Площадь большая, народу – тьма-тьмушая, просто не протолкнуться! Верующие, значит, собрались, видимо, по поводу какого-то церковного праздника или мощи какие-нибудь облобызать, или бог их знает, для чего они собираются в таких несметных количествах. А мне, как назло, нужно было во что бы то ни стало поскорее пересечь эту площадь наискосок, чтобы выйти на улицу с противоположной стороны. Я, конечно, как и положено убеждённому атеисту, несколько свысока смотрю на отправителей культа и их паству, поэтому, гордо подняв голову, шагаю себе, глядя на собрание с высоты моего материалистического мировоззрения. Только вдруг замечаю: народ, в основном – старушки, смотрит на меня как-то странно и крестится. А некоторые мужчины даже бурчат чего-то себе под нос, довольно враждебно. Я продолжаю идти, но уже как-то менее уверенно, удивляясь про себя: откуда они знают, что я неверующий? На лице-то ведь у меня этого не написано. Так и прошёл сквозь толпу, стараясь не обращать внимания на шёпот и всеобщее осуждение, как и полагается просвещённому человеку, чуждому средневековых предрассудков. И что же вы думаете? Прихожу в учреждение, куда шёл, глядь, а у меня на брюках растёгнута ширинка! И ладно бы просто растёгнута, так ведь, довершая позор, из неё торчит наружу порядочный кусок красных клетчатых трусов! Ужасная незадача! Вот что бывает, когда задираешь нос!

Звонкий смех Ирины и улыбка благодушествовавшего Сергея Сергеевича были ответом на его рассказ. Вдохновлённый тёплым приёмом аудитории, Володя принялся за следующую историю из анналов собственной биографии, без сомнения, обещавшую стать столь же занимательной и поучительной, как предыдущая, но профессор прервал его, неожиданно поднявшись и приблизившись к маленькому костру, совершенно догоревшему и покрывшемуся пеплом. Все уже забыли о его таинственных манипуляциях перед ужином. Ирине опять захотелось узнать, что задумал Сергей Сергеевич. Она хотела было подняться вслед за ним, но потом передумала. Любопытство проиграло усталости. К тому же её вмешательство вряд ли ускорило бы разгадку.

При помощи короткой палочки профессор достал из горячих углей какие-то почерневшие комочки, аккуратно переложил их на бумажную тарелку и вернулся к столу.

– Угощайтесь! – сказал он, первым подав пример откровенно сомневающимся молодым людям. Он взял один комочек, положил его в рот и принялся уплетать за обе щёки.

– Картошка? – осторожно поинтересовался Володя.

– Не-а, – ответил профессор, ничуть не обескураженный его недоверчивостью.

– А что? – спросила Ирина, не решавшаяся отведать странных комочков из-за боязни какого-нибудь подвоха.

– Сусак.

– Сусак? Никогда о таком не слышал, – заявил Володя. Осторожно поддев на кончик ножа один из комочков, он откусил немного, пожевал, потом откусил ещё.

– Очень даже ничего! Вполне съедобная штука! – воскликнул он, не переставая жевать. – А что это такое: корни или какие-нибудь плоды?

– Корневища, – ответил Сергей Сергеевич. – Сейчас, в общем-то, не сезон. Их лучше осенью собирать. Но осенью, боюсь, нас здесь уже не будет. А когда ещё потом доведётся попробовать такой экзотики? Таких блюд вам ни в одном ресторане не подадут.

Решившись, Ирина тоже взяла кусочек. Печёный корень показался ей чуть сладковатым на вкус. Он напоминал самый обыкновенный хлеб, выпеченный из муки грубого помола.

– Похоже на хлеб, – поделилась она своими впечатлениями.

– Так и есть, – ответил профессор. – В прежние годы в деревнях сусак называли хлебницей. Корневища размалывали в муку, добавляли в хлеб, пекли лепёшки, блины, пироги.

– Почему же я ничего о нём не знаю? Наверно, редкое растение, – сказала Ирина.

– Совсем не редкое в наших местах. Просто городскому жителю о нём и знать-то незачем. В городе достаточно прийти в магазин, там всего вдоволь, а тут, на болоте, попробуй-ка, прокормись! Даже летом невозможно прожить на подножном корме, а уж зимой – и подавно. Знаете, сколько калорий!..

Его слова были прерваны прерывистым гулом, доносившимся со стороны того самого озера, берега которого Ирина с Володей исследовали днём. Казалось, будто какой-то неопытный трубач пытается мерными, короткими выдохами взять самую низкую ноту на трубе геликоне. Звук причудливо сочетался с кваканьем лягушек, стрекотанием вечерних птиц, шелестом деревьев, напоминая странный, не вполне гармоничный генерал-бас¹.

¹ *Генерал-бас* – форма музыкального сочинения, состоявшего из непрерывной басовой линии, на основе которой строился многоголосый аккомпанемент. Использовалась преимущественно в музыке эпохи барокко. (Прим. редактора).

– Что это за звук? – прошептала Ирина, к которой мгновенно вернулись вчерашние ночные страхи, легко ожившие с приближением сумерек.

– Мне кажется, это выпь, – тоже шёпотом отвечал Сергей Сергеевич.

– Выпь – это сова?

– Нет, это, скорее, цапля.

– Может, посмотрим на неё? – предложил Володя. – Она ведь тут, на нашем озере!

– Вряд ли увидим, – возразил профессор, не повышая голоса. – Во-первых, уже темнеет. Во-вторых, её и днём-то не очень разглядишь в камышах.

– Жаль, – сказала отчасти успокоенная Ирина, в которой проснулось её всегдашнее любопытство. В этот момент им всем пришлось опять невольно вздрогнуть, потому что, перебивая гудение выи, хор лягушек и птиц, писк, жужжание и стрекот насекомых, в воздухе зазвучали тревожные, мерные удары, как будто где-то, не очень далеко, кто-то неистово колотил в огромный барабан.

– А это-то что такое? – спросила она тихим, почти жалобным голосом.

При первых раскатах невидимого барабана Сергей Сергеевич и Володя, не сговариваясь, выпрямились и стали напряжённо прислушиваться. Никто из них не обратил внимания на вопрос Ирины. Она увидела замешательство на лице профессора, решимость в глазах Володи и поняла: они тоже не могут объяснить происхождение странных звуков. Мурашки поползли по её спине.

«Барабан» звучал несколько минут, потом внезапно умолк. На мгновение в лесу стало совсем тихо. Спустя несколько громких ударов сердца, отдававшихся в висках у Ирины, привычный лесной хор опять затянул свою прощальную песню в честь уходящего Солнца. Но члены маленькой компании окончательно растеряли душевное спокойствие и умиротворённость. Лес, всего лишь полчаса назад казавшийся им таким добрым и гостеприимным, теперь таил неведомую угрозу.

– Вы заметили, откуда происходили эти звуки? – спросил Володя, первым взявший себя в руки.

– Разве поймёшь? – ответил Сергей Сергеевич. – Тут кругом десятки узких перелесков, отражающих звуковые волны. Да и сам звук слишком низкий, чтобы угадать направление.

– А не мог он прилететь сюда с озера?

– Кто знает? Всё зависит от его первоначальной интенсивности. Лично я не возьмусь назвать машину, издающую подобные звуки, да ещё настолько сильные, чтобы они донеслись досюда с самого озера, сквозь лес. Нет, мне кажется, их источник намного ближе, и это не машина. Я думаю, это был барабан.

– Мне тоже так кажется, – подтвердил Володя предположение профессора. – Значит, где-то здесь, поблизости, есть люди. Хотелось бы мне узнать, кто они такие, и, желательно, ещё до того, как совсем стемнеет.

– Вы думаете, это те же люди, что вчера ночью ходили в лесу? – вмешалась в разговор Ирина.

– Ах, ты! – воскликнул Володя. – Я совсем забыл о них! Кстати, вчера ночью, пока вы дежурили, никто ничего не слышал?

– Ну... – замялась Ирина, – я ничего не слышала. Сергей Сергеевич не стал меня будить.

Володя с укоризной посмотрел на профессора, но ничего не сказал. Вчерашний кризис миновал, и, судя по всему, благополучно. Теперь нужно было разбираться с текущей ситуацией.

– Что делать будем? – спросил он.

– Что мы можем сделать? – ответил профессор. – На ночь глядя идти в лес – безумие. Давайте хорошенько забаррикадируемся внутри дома и дождёмся завтрашнего утра.

– А потом? – спросила Ирина. – Мне кажется, нам лучше уйти отсюда подобру-поздорову. У меня такое ощущение, что кто-то о чём-то нас предупреждает или просто хочет, чтобы мы ушли.

– Если бы хотели, – возразил профессор, – так пришли бы и сказали об этом прямо. Вовсе незачем для этого колотить в барабан.

– Может, это просто какие-нибудь подвыпившие охотники валяют дурака, – предположил Володя. – Насиделись в своих офисах, приехали в лес, почувствовали себя на воле, теперь бесятся, избавляются от стресса. – Несмотря на бодрый тон, в голосе Володи не было убеждённости. Ирина решила, что эти слова, скорее всего, были сказаны ради неё, чтобы она не слишком пугалась и переживала.

– Скорее всего! – с облегчением произнёс Сергей Сергеевич, то ли вправду успокоенный столь вероятным предположением, то ли подыгрывая Володе, чтобы не волновать Ирину.

– В любом случае, – серьёзно продолжал Володя, – сегодня ночью опять дежури́м, как вчера! И давайте уж, если договорились, будем дежурить честно! Мне совсем не нравится, когда меня застают врасплох, спящим и беззащитным.

– Ладно, ладно, – миролюбиво согласился Сергей Сергеевич.

Втроём они принялись поспешно убирать следы своего ужина. По окончании их работы практически ничего не выдавало присутствия людей возле заимки. Напоследок Володя присыпал хвоей следы от костра. Сделал он это не нарочито, как будто невзначай, по привычке, но Ирина заметила его действия и мысленно одобрила их. «Осторожность никогда не помешает», – подумала она.

Сергей Сергеевич вызвался дежурить первым. Входную дверь укрепили изнутри, подперев её парой кривых, сучковатых, но довольно толстых сучьев, найденных на опушке леса. Погасили свет. Комната погрузилась в крошечный мрак.

– Как ты вчера не уснул, пока дежурил в такой темноте? – шёпотом спросила Ирина Володю, на сей раз благоразумно решившего ночевать рядом с ней, в самом дальнем углу комнаты, подальше от двери.

– Сам не знаю. Помню, действительно, ужасно хотелось спать. Я ведь почти всё время простоял, только иногда приседал на корточки, ненадолго. Сперва мысленно играл сам с собой в шашки, потом составлял кроссворд и, надо признаться, пару раз таки задремал.

– Думаешь, профессор осилит дежурство?

– Сомневаюсь. Я на всякий случай установил будильник на телефоне, он будет вибрировать у меня в кармане каждый час. Всё равно от телефона здесь нет никакой другой пользы. Сеть не ловится. У тебя тоже?

– Не знаю, – ответила Ирина. – Когда мы вышли от Николая, я выключила телефон. Почему-то не хотелось, чтобы мне звонили. А теперь я была бы не против.

– Так включи, проверь.

Ирина вынула руку из спального мешка и стала копаться в своём рюкзаке, подложенном под голову. Найти телефон в темноте оказалось непросто. Хорошо ещё, что рюкзак был полупустым. Через минуту она смотрела на ярко светившийся экран своего простенького, дешёвого смартфона, подаренного ею самой себе на прошлый день рождения. Каким же важным и дорогим казался он ей сейчас! Впрочем, сигнала не было.

– Связи нет, – прошептала она. – Лучше выключю.

– Вот, видишь, – сказал Володя. – Зато вполне может работать будильником.

– А если батарея сядет, а нам вдруг срочно понадобится позвонить? Ну, хорошо, на земле не ловится, а если забраться на дерево? Может быть, наверху получится поймать сигнал.

– Телефон всегда можно зарядить от запасных аккумуляторов, не зря же мы их с собой принесли. Их хватит недели на две, даже если круглые сутки не выключать планшет.

– Это хорошо. Плохо только, что тебе придётся просыпаться каждый час. Ты ведь прошлой ночью совсем не спал и опять не выспишься. Надо отдыхать! Давай лучше я буду проверять профессора. Потом сама его сменю, а тебя разбуду под утро. По крайней мере, у тебя будет шесть часов непрерывного сна.

– Не беспокойся, – ответил Володя тихо и, как показалось Ирине, нежно. – Ничего со мной не случится, я здоровый. Вот увидишь!

Ирина поворочалась пару минут, пытаясь поудобнее устроиться на жёстком полу. Она совершенно забыла собирать травы, как намеревалась сделать накануне. Впрочем, и без травы ею очень скоро овладел глубокий сон. А Володя ещё долго не смыкал глаз, прислушиваясь к ровному дыханию профессора и гадая, не спит ли он. Сергей Сергеевич спал, сидя на полу возле выхода, прислонясь спиной к бревенчатой стене. Поэтому он не слышал, как около двух часов ночи кто-то осторожно подошёл в двери, постоял перед ней некоторое время, прислушиваясь, потом так же тихо, почти беззвучно, ушёл в лес, растворившись в нём, как в зелёном тумане.

Глава 14

Ночь прошла без происшествий. Володя, в очередной раз разбуженный телефоном в три часа утра, сменил постыдно спавшего на посту Сергея Сергеевича. Ирину будить он не стал, за что и получил от неё строгий нагоняй. Этот нагоняй и её забавная манера сердиться очень понравились Володе. Он решил и назавтра повторить тот же самый сценарий.

После завтрака вплоть до самого обеда придерживались вчерашней программы. Володя с Ириной отправились изучать травы. Сергей Сергеевич пошёл на болото собирать образцы почвенных водорослей. Уговорились встретиться в час дня, пообедать, отдохнуть до трёх часов, после чего профессор намеревался осмотреть участки, помеченные красными флажками, и приступить к сбору растений для гербариев.

О барабанном бое не вспоминали, но у каждого, особенно у Ирины, на душе всё ещё лежал неприятный осадок вчерашнего страха.

Вернувшись к обеду, ребята не встретили Сергея Сергеевича. Сначала они не придали этому особого значения, зная о рассеянности профессора, проявлявшейся особенно сильно, когда дело касалось каких-нибудь редких представителей растительного мира. Но время шло. Минуло два часа пополудни. Они начали беспокоиться.

– Надо идти его искать! – решительно говорила Ирина.

– Куда же мы пойдём? – резонно возражал Володя. – Мы даже не знаем, в какую сторону он ушёл.

– Точно не в ту, где были мы!

– Это оставляет нам на выбор по меньшей мере три четверти круга. Потом, вообрази себе, мы уйдём, а Сергей Сергеевич вдруг вернётся. Представляешь, как он испугается за нас?

– Так давай оставим ему записку.

– Хорошо. Значит, ты на самом деле думаешь, что мы сможем его найти?

– Надо что-то делать! – твердила Ирина. – А если его засосало в трясины, и он не может выбраться? Сидит, ждёт от нас помощи, а мы тут прохлаждаемся!

– Ну, ладно, – согласился Володя. – Пиши записку, а я выломаю шесты.

Они отправились на поиски, но, сколько ни кричали, сколько ни приглядывались к следам, сколько ни всматривались в подёрнутые зеленью водоёмы в надежде выяснить, не проваливалось ли туда недавно какое-нибудь крупное тело, всё было тщетно. Сергея Сергеевича нигде не было, словно он в одно мгновение бесследно исчез с лица земли.

Усталые, они вернулись назад, к заимке. Ирина залпом выпила целую бутылку кипячёной воды, села на порог перед входом в дом и задумалась. Володя присел на землю рядом с ней.

– Что дальше? – спросила она его, уже без напора срочности в голосе. Слова были произнесены равнодушным тоном, как будто Ирина смирилась,

наконец, с невозможностью сделать что-нибудь и желала лишь подвести черту под всеми возможными вариантами дальнейших действий.

– Надо идти за помощью, – мрачно ответил Володя. – Если привести сюда людей, у нас появится реальный шанс отыскать профессора.

– Но ведь он не мог уйти далеко! А что если его схватили те, другие люди?

– Я тоже всё время об этом думаю. Иначе куда бы он мог подеваться? Мы ведь не знаем, ни кто они, ни чего хотят. Нельзя решить проблему, о которой не имеешь ни малейшего представления. Не надо было отпускать его одного.

– Ты знаешь, до вчерашнего вечера или даже сегодня до обеда я была убеждена, что с нами, то есть со мной, не может случиться ничего плохого, – задумчиво сказала Ирина. – Теперь всё изменилось. Теперь я начала понимать серьёзность ситуации, но совсем растерялась. Не знаю, что делать. Как будто я всегда жила в каком-то ненастоящем, бутафорском мире, где было тепло и уютно, а теперь меня выбросили на улицу, где сыро и холодно.

– Пожалуй, – рассеянно согласился Володя. Он был занят поимкой какой-то важной мысли, как назло ускользавшей от него.

– Слушай! – вдруг встрепенулся он. – Ты вчера говорила про дерево, помнишь? Что, забравшись на дерево, можно поймать сотовый сигнал. Давай попробуем!

– Давай! – с радостью согласилась Ирина. – Только лезть придётся тебе. Я не умею.

Володя достал свой телефон. Как и прежде, он находился вне зоны действия сети. Подходящих деревьев поблизости не оказалось. Прямо перед заимкой возвышались гигантские сосны. Их ветви начинались слишком высоко над землёй. Добраться до них без специального снаряжения не представлялось возможным. Вокруг озера росли только низкорослые, лохматые кусты да тощие ивы. Обойдя заимку, Володя заметил на опушке леса несколько старых берёз. Он выбрал самую высокую и принялся ловко карабкаться вверх, с ветки на ветку, проявляя проворность, неожиданную для его высокого роста и мощного телосложения. Добравшись почти до самого верха, он остановился, осторожно распределил вес своего тела по тонким ветвям и выбеленными берёзовой корой руками вынул из нагрудного кармана рубашки сотовый телефон. Чёрный, блестящий квадратик смартфона выглядел странно неуместным в этом колышущемся мире, начисто лишённом прямых линий и углов. Володя легонько постучал по экрану указательным пальцем. Телефон ожил, но приёма не было.

Разочарованный, Володя осмотрелся по сторонам. Ничего рукотворного не было видно вокруг, только верхушки деревьев, небо и далёкие облака, громогрозившиеся величественными горами где-то далеко на западе. Ни дымка, ни линии электропередач, ни, разумеется, Матвейцева.

Он спустился вниз.

– Нет сигнала? – догадалась Ирина по его унылому выражению лица.

– Нет, – подтвердил Володя. – Надо убираться отсюда поскорее.

– А как же Сергей Сергеевич?

– Там, наверху... такая глушь... – невнятно пробормотал он.

– Но у нас ещё есть надежда его отыскать!

– Скоро начнёт темнеть, – твёрдо сказал Володя, видимо, окончательно определившийся с дальнейшим планом действий. – Если останемся здесь ночевать, мы ему никак не поможем, а если пойдём за помощью, то ещё до темноты доберёмся до лодки и к ночи будем у Николая, в Матвейцеве. Оттуда можно позвонить. Завтра с утра вернёмся с помощью. Это куда лучше, чем ночевать здесь и вести поиски вдвоём. Как думаешь?

– Верно, – согласилась Ирина. Теперь, когда появился хорошо сформулированный, разумный план, она была готова его поддержать.

– Значит так! – распорядился Володя, с молчаливого согласия Ирины принявший на себя роль лидера. – Берём только самое необходимое: немного еды, компас, верёвку, нож, бинокль, фонарь, навигатор. Лишний вес замедлит нас. Разделим груз на двоих. Пойдём почти налегке.

Они вошли в дом, где принялись укладывать самые лёгкие и в то же время питательные продукты в свои рюкзаки, предварительно вытряхнув из них всё, чему нельзя было найти применения во время предстоящего марш-броска. Выбор пал на сухофрукты, крекеры, воду в бутылках, маленькие пачки солёных орехов. В последнюю минуту Ирина захватила остатки репеллента.

Выйдя из дома, Володя закрыл дверь, прислонив её к притолоке. Солнце стояло ещё высоко. В их распоряжении должно было оставаться не менее шести часов дневного света, а может быть, и больше, всё-таки июньские дни – самые длинные в году. Володя прикинул, сколько времени они добирались от озера до заимки. По его подсчётам выходило часов пять или шесть, но это с тяжёлыми рюкзаками. Налегке они должны были добраться до берега задолго до наступления темноты.

– Ну что, пошли! – бодро сказал он, и, не дожидаясь ответа, пружинисто зашагал к тому месту, где начиналась гать.

По-видимому, ноги Ирины начали привыкать к ежедневным нагрузкам. Дорога показалась ей совсем не утомительной. Они спешили, стараясь идти как можно быстрее, однако неровности настила всё-таки замедляли их продвижение. В конце концов, они опытным путем подобрали темп ходьбы, который позволял равномерно двигаться вперёд, развивая при этом вполне приличную скорость.

По дороге почти не разговаривали, сохраняя дыхание. Остановились только один раз, чтобы напиться и перевести дух. Таким образом, довольно скоро они очутились перед гнилой запрудой, разрывавшей полотно гати. К удивлению Ирины, Володя даже не приблизился к краю настила. Вместо этого он свернул на тропинку, уводившую куда-то в лес.

– Ты куда? – встревожилась Ирина.

Володя остановился, глубоко вдохнул несколько раз, успокаивая дыхание, после чего ответил со своей обычной рассудительностью:

– Ты заметила, что с этой стороны гать находится в сравнительно хорошем состоянии? Я имею в виду, по сравнению с той, другой половиной. – Он махнул рукой в направлении другой половины, смутно видневшейся сквозь разрывы в листве.

– Раньше не замечала, но теперь, когда ты сказал, то пожалуй, – согласилась Ирина.

– В прошлый раз, когда мы здесь передевались, я обратил внимание на эту тропинку, – продолжал Володя. – Помню ещё, подумал тогда: откуда она тут, кто по ней ходит? Решил, что звериная, и не придавал ей особого значения. А сейчас, по пути, мне вдруг пришло в голову: если сюда приходят какие-то люди, значит, должна быть дорога. Вряд ли кому-нибудь захочется каждый раз купаться в запруде. Скорее всего, именно эти люди, кто бы они ни были, поддерживают хороший кусок гати. А тот, другой, который идёт от запруды до озера, им просто не нужен, поэтому они его забросили. А почему не нужен? Да потому, что они ходят по тропинке! Вот и мы с тобой давай попробуем.

– Ты хочешь сказать, что эти люди здесь живут? – изумилась Ирина.

– Кто их знает, – ответил Володя – Может, живут, может, приезжают на каникулы, а может, и нет здесь никаких людей. Одно ясно: тропинка сама собой не протопчется. Не исключено, что она просто выведет нас на другую сторону этой проклятой лужи. – Он с отвращением кивнул на грязный водоём. – Подумай, сколько времени мы потратим, переправляясь вброд! И сухой одежды у нас с собой нет. Я, как назло, забыл её взять, – добавил он. – Ну, так что, рискнём?

– Рискнём, – шутливо-обречённо ответила Ирина.

Они свернули на тропинку и зашагали по ней друг за другом, Володя впереди, Ирина – сразу же вслед за ним, на расстоянии вытянутой руки. Ей было страшновато отпустить его дальше.

Идти оказалось легко. Земля под ногами была глинистой, утоптанной, как камень. Ни ветви кустов, ни поваленные деревья не преграждали им путь. Вначале тропинка шла через лес, весьма дремучий, изобиловавший толстыми, высокими деревьями, поросшими мхом и густым подлеском из частого, мелкого кустарника. Было бы совершенно немислимо пройти по такой чащобе даже несколько метров, не случись здесь тропинки. Потом лес сменился лугом, а вслед за тем – перелесками, чередовавшимися с низенькими холмиками и периодически встречавшимися озерцами.

– Судя по всему, мы идём в правильном направлении, – сказал Володя, когда они в очередной раз остановились передохнуть, выбрав для этого высокое, открытое место. – Сперва, когда сошли с гати, свернули на восток, а теперь – прямо на юг. Как раз туда нам и нужно.

– Как ты узнал? По солнцу? – поинтересовалась Ирина.

– Ага, – подтвердил Володя. – Даже компас не нужен. Если так и будем двигаться в южном направлении, рано или поздно обязательно выйдем к озеру.

Они пошли дальше, радуясь, что тропинка, вопреки их опасениям, не потерялась, не заглохла посреди непроходимого леса. Когда, по Володиным подсчётам, до озера оставалось не более километра, они вошли в небольшую, очень живописную рощу. Она целиком состояла из берёз, осин и совсем молодых сосен. Здесь не было вездесущих кустов, лишь низенькая трава укрывала землю пестроватым ковром. Впрочем, при ближайшем рассмотрении внутри рощи обнаружилось немало поваленных деревьев. Некоторые стволы пали жертвами ветра совсем недавно. Другие успели прогнить, поросли древесными грибами, мхом. Поверх третьих, особенно древних, образовались холмики из старой, преющей листвы.

Проходя мимо одного из таких холмиков, Володя краем глаза заметил движение. Что-то большое, коричневое, размером с малолитражный автомобиль, внезапно возникло слева от тропинки. Володя остановился. Ирина, двигавшаяся вплотную вслед за ним, уткнулась в его спину, подтолкнув его вперёд. К счастью, Володя устоял на ногах. Ирина выглянула из-за его плеча, недоумевая, отчего возникла внезапная заминка. Она увидела огромного, бурого медведя, стоявшего сбоку от тропинки и смотревшего на них маленькими, любопытными глазками. Сердце Ирины сделало временный перерыв в работе, пропустив несколько ударов. В её глазах потемнело, как будто кто-то погасил дневной свет. Она вцепилась руками в плечо Володи, чтобы не упасть, после чего замерла на месте.

Все трое не шевелились, пристально глядя друг на друга: медведь – спроста, оценивающе, нерешительно, Володя – напряжённо, выжидающе, Ирина – без всяких мыслей или чувств.

Глава 15

Крупный самец медведя, мирно спавший под поваленным стволом берёзы, не сразу услышал приближение людей. Шли они тихо, не разговаривали, не производили никакого шума, способного насторожить обитателей леса. Ничто не гремело, не позвякивало в их рюкзаках, не лопались с хрустом ветви у них под ногами – на тропинке не было обломков ветвей. Потому-то они и застали хозяина леса врасплох.

Медведь не был голоден. Вид людей пробудил в нём скорее любопытство, нежели агрессию или страх. К тому же, подобно всем своим сородичам, он плохо различал формы и очертания. Два человека, плотно прижавшиеся друг к другу, показались ему каким-то единым, доселе невиданным существом, источавшим странный, незнакомый запах, к которому примешивался интригующий аромат сладких сухофруктов. Медведю не хотелось связываться с подозрительным пришельцем. Он почти совсем уже решил уйти, но запах фруктов манил его. Не отводя глаз от непонятого существа,

продолжавшего стоять на тропинке, он медленно поднялся на задние лапы, желая показать свой огромный рост, а заодно – выяснить реакцию противника на столь недвусмысленную демонстрацию силы.

Сразу же после встречи с медведем мысли Володи сконцентрировались до предела. Пропало всё, что его окружало: лес, небо, даже Ирина – всё это провалилось куда-то в небытие. Остался только он, стоящий посреди пустого, серого туннеля, и ещё – медведь. Что-то глубокое, поднимавшееся из недр дремучей исторической памяти, неумолимо толкало его к противостоянию, к битве инстинкта против разума, хитрости против упрямства, воли против силы.

Словно угадав Володины намерения, Ирина с удвоенной силой вцепилась пальцами в его плечо, не позволяя ему податься вперёд, навстречу зверю. Володя обернулся. При виде бледного лица Ирины, её больших, испуганных глаз, на него, как ушат холодной воды, обрушилось подлинное осознание происходящего. Жажда борьбы сменилась желанием выжить, бежать, спастись немедленно. Впрочем, нет – о бегстве не могло быть и речи. Володя чувствовал: стоит им побежать, как медведь почует их слабость и нападёт на них.

Он постарался припомнить всё, что когда-либо слышал или читал о повадках медведей, но в голову ему не приходило ничего подходящего. В этот момент медведь медленно, как будто нехотя, все ещё не выражая явной угрозы, не издавая никаких звуков, начал подниматься на задние лапы, всем своим видом заявляя: «Ну, что вы на это скажете?».

Володя понял: настала пора реагировать. По-прежнему не отдавая себе отчёта в собственных действиях, чувствуя себя как будто в тумане, он молниеносно скинул с себя рюкзак и бросил его в сторону медведя.

Медведь с крайним удивлением увидел, как странное существо, оторвав от себя большой кусок, швырнуло его в сторону. Он отпрянул от неожиданности и опустился на все четыре лапы. Любопытство вновь возобладало в нём над агрессией. Запах фруктов стал ближе и намного отчётливей. Зверь осторожно приблизился к мешку, обнюхал его, покрутил головой, соображая что-то. Он больше не смотрел в сторону странного существа, так как не умел концентрироваться на нескольких предметах одновременно. Непонятное существо сейчас же воспользовалось его невниманием и раздвоилось: схватив Ирину за руку, Володя стал медленно пятиться от медведя в направлении озера. Спустя несколько десятков метров он рискнул повернуться спиной к хищнику и ускорить шаг. Удаляясь, они слышали громкое урчание и звук разрываемой материи. Через полсотни шагов тропинка сделала крутой поворот направо. Медведь исчез из виду.

– Беги! – прошептал Володя на ухо Ирине.

Они пустились бежать по тропинке, не разбирая дороги, не интересуясь более живописными видами леса, стремясь лишь как можно скорее увеличить расстояние между собой и медведем.

Через несколько минут берёзовая роща внезапно кончилась. Перед ними заблестало озеро – огромная, необыкновенно пустая, просторная гладь, слепящая глаза, привыкшие к полутёмной тесноте леса. Они остановились одновременно, словно уткнувшись в невидимую стену. Ирина, обессиленная, опустилась в траву. Володя наклонился вперёд, положив руки на бёдра, как делают иногда спортсмены, стараясь отдышаться. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, он закашлялся.

Ещё прошлым вечером он почувствовал саднение в горле, но не придал этому большого значения. Ему практически никогда не приходилось болеть простудой, да и вообще, сколько Володя помнил себя, он никогда ничем не болел. Время от времени, в особенности осенью, у него начинало першить в горле или возникал насморк. И то, и другое всегда проходило само по себе, бесследно, причиняя лишь лёгкий дискомфорт. Сейчас он чувствовал слабость, какой никогда не бывало прежде, а боль в горле за ночь только усилилась. Теперь болело уже не только горло, но и ниже, где-то в районе гортани, ясно чувствовалось неприятное жжение.

«Пустяки! – решил Володя. – Пройдёт. Некогда сейчас об этом думать. Надо поскорее выбираться отсюда».

Так и не сумев как следует отдышаться, он выпрямился, осматривая окрестности. Бинокль остался в рюкзаке, брошенном на милость медведя. Впрочем, и без бинокля можно было заметить, что они вышли из леса совсем недалеко от того места, где несколько дней назад причалили к берегу в лодке Николая. Если бы тогда им было известно о тропинке, то не пришлось бы вначале искать гать, а потом вымокнуть, искупавшись в гнилой запруде. Их лодка должна была быть где-то поблизости.

– Пойду искать лодку, – сказал он Ирине после того, как кое-как прокашлялся и отдышался. – Ты пока оставайся тут, отдыхай.

– Ни за что! – воскликнула она, поднимаясь с земли. – Я с тобой!

– Ну, тогда пойдём, – ответил обрадованный Володя. Он и сам не хотел оставлять её в одиночестве, и хотя ни за что на свете не признался бы в этом, ему, также как и ей, было страшно остаться одному даже на несколько минут.

Они спустились к берегу. Ветра почти не было. Чёрная вода великолепным, почти совершенным зеркалом отражала косые лучи низкого, холодного солнца. Мириады крошечных блёсток весело резвились на поверхности, беспечно равнодушные к судьбам людей, устало шагавших по дикому лугу.

Вначале они осмотрели левую сторону берега, следуя вдоль широких, плавных изгибов береговой линии. Не обнаружив лодки, вернулись, прошли несколько сотен метров в противоположном направлении, тщательно осматривая траву и прибрежные заросли осоки. Ничего!

Наконец, проходя мимо одного из череды совершенно одинаковых, неприметных кустов, Володя с уверенностью заявил:

– Вот оно, место, где мы высаживались! Видишь, след от днища ещё сохранился, – сказал он, указывая на разрыв в скудном травяном покрове поблизости от воды.

– А где же лодка? – спросила Ирина.

– Нет лодки, – просто ответил Володя. – Вон там мы вытащили её на берег. – Он указал на хорошо заметный участок примятой травы.

– Смыло? – спросила Ирина, хотя даже ей, неискушённой городской жительнице, было очевидно: смыть лодку никак не могло. В последние дни не было сколько-нибудь значительного ветра, не было дождя, который поднял бы уровень воды в озере. Нынешнее спокойствие зеркальной глади подтверждало её умозаключения.

– Нет, не смыло. Кто-то нарочно забрал её отсюда. Говорил же я: нельзя было доверять этому Николаю! – Володя в сердцах плюнул на землю и махнул рукой.

– Почему ты думаешь, что это он её взял? – спросила Ирина.

– Кто же ещё? Кто ещё знал, где она находится?

– Может быть, это те люди из леса?

– Откуда я знаю! – В голосе Володи звучала горечь. «Ну почему, почему они меня не послушали? Почему я сам не послушал себя?» – подумал он.

Они помолчали, погружённые в собственные мысли.

– Надо идти назад, – первой нарушила молчанье Ирина.

– Что?! – воскликнул Володя, очнувшись от тирады упрёков, мысленно произносимых им в собственный адрес.

– Надо идти назад, – спокойно повторила Ирина.

– Ты свихнулась? – В смятении, Володя совершенно позабыл о манерах.

Ирина не обиделась. Она понимала его состояние.

– Совсем я не свихнулась. Вначале выслушай меня, потом сможешь возражать.

– Хорошо! – пожал плечами Володя.

– Насколько я понимаю, ситуация следующая, – начала Ирина. – Без лодки нам отсюда не выбраться, так?

– Так.

– Значит, оставаться здесь нет ровно никакого смысла. В заимке у нас еда, припасы, убежище, наконец. Не можем же мы торчать тут, на берегу, целую неделю, а то и больше, пока Николай за нами не приедет, верно? Это раз.

Она жестом остановила Володю, который собирался что-то возразить, и продолжала:

– Помощи в поисках Сергея Сергеевича нам теперь не видать – это два. Рассчитывать не на кого. Мы обязаны вернуться и попытаться его разыскать. Мы, я – я не могу его там бросить, что хочешь говори.

– А как же медведь? – напомнил Володя.

– Ты думаешь, медведь так и сидит там до сих пор?

– Полагаешь, нет?

– Полагаю, он достаточно умён, чтобы понимать: никто, будучи в здравом уме, не пойдёт обратно к нему в пасть, – пошутила Ирина.

– Не знаю, следует ли полагаться на здравый смысл медведя, – ворчливо, но уже улыбаясь, хотя и против собственной воли, ответил Володя. Чем дольше он размышлял, тем более разумным казался ему план Ирины.

– Что же, прямо сейчас и пойдём? – спросил он, глядя на часы. Шёл девятый час вечера.

– Давай попробуем, – ответила Ирина. – Доберёмся хотя бы до гати, пока светло, а там уж не заблудимся, даже в темноте. Только бы ноги не вывихнуть об брёвна.

– Вот если бы был фонарь! – сказал Володя.

– В твоём рюкзаке остался? – сочувствующе спросила Ирина.

– Ага.

– Так может он там и лежит до сих пор. Не съест же его медведь.

Мысль о спасении хотя бы части содержимого рюкзака окончательно убедила Володю.

– Тогда пойдём прямо сейчас, не будем терять время, – предложил он.

Они отправились в обратный путь. Ирина достала из рюкзака две пачки орешков, одну – для себя, другую – для Володи.

– Громче их грызи, – сказала она.

– Это ещё зачем?

– Я читала про медведей. Они не любят встречаться с людьми. Если сильно шуметь, медведь, скорее всего, уйдёт с дороги, чтобы не связываться. Хуже всего застать его врасплох, как нас угораздило сегодня.

– Сомнительная тактика, – заявил Володя, но Ирина заметила: он стал нарочито громко топтать ногами, а потом, в придачу, засвистел на ходу какой-то бравурный мотив.

Рюкзак лежал возле тропинки. Медведя нигде не было видно. Молодые люди осторожно приблизились к рваной тряпке, некогда бывшей предметом хорошего, фирменного туристического инвентаря. Всё съестное исчезло. Несъедобные вещи: верёвка, фонарь, бинокль и навигатор остались на месте. Навигатор был безнадежно раздавлен не то когтями, не то зубами хищника, бинокль – разбит. Зато верёвка и фонарь оказались целыми. За исключением царапин на стекле, фонарь практически не пострадал. Это обрадовало и обнадежило Володю: теперь их намерение сегодня же вернуться к заимке показался ему гораздо более осуществимым.

– Пойдём, – сказал он, с опаской озираясь вокруг. – Медлить нечего.

Ноги Ирины уже не ныли, а болели. Мелкие мышцы чуть повыше колен, о существовании которых она никогда не подозревала, требовали немедленного отдыха. Икры подрагивали мелкой, противной дрожью.

– Пойдём, пойдём! – поддержала она.

Между тем сумерки не заставили себя долго ждать. Когда молодые люди добрались до гати, стало совсем темно. Володя зажѣг фонарь. Идти приходилось друг за другом, поэтому дорогу было видно только идущему впереди. Володя обратил внимание на это затруднение. Он повернулся к Ирине, взял её за руку, и они не спеша, полубоком двинулись вперѣд, осторожно ставя ноги на брёвна, едва заметные в пляшущем свете фонаря.

«Какая горячая у него рука», – подумала Ирина. Усталость не позволила ей развить эту мысль. Все её силы были сосредоточены на том, чтобы крепко сжимать эту руку. «Только бы не отпустить, только бы не отпустить! Не отпущу, не отпущу!» – как мантру мысленно повторяла она, давно потеряв счёт времени, расстоянию, всем тем мышцам своего тела, которые ныли, вопили, дрожали...

Володя чувствовал себя не лучше. «Кажется, у меня высокая температура. Вот не вовремя! Надо сейчас же, как придѣм, покопаться в аптечке, найти какого-нибудь аспирина, что ли, и за ночь пропотеть как следует. Ничего, к утру буду как новенький. Терпи, терпи», – уговаривал он себя.

На небе показались звѣзды. Стало прохладно. Они не замечали ни холода, ни звѣзд. Наконец, в третьем часу ночи они вышли к заимке. До тех пор в них всё ещё теплилась слабая надежда, что Сергей Сергеевич нашѣлся, вернулся в дом, вскипятил воды для чая. Но тишина, царившая на холме, разрушила их робкие ожидания. Была ещё, впрочем, крохотная вероятность, что профессор задремал, по своему обыкновению, не дождавшись их возвращения.

Приблизившись к дому, Володя из последних сил отодвинул дверь и вошёл внутрь. Свет его фонаря заиграл в маленьком окошке. Ирина вошла вслед за ним и руки её сами собой поднялись и разошлись в стороны в немом жесте недоумения: в комнате не было не только Сергея Сергеевича, в ней не было совсем ничего. Исчезли все их припасы, оборудование, спальные принадлежности, как будто стая гигантских муравьѣв утащила всё это на своих спинах. На полу осталась только столетиями копившаяся пыль, да посреди комнаты, в самом её центре, стояли огромные резиновые сапоги Николая.

Глава 16

– Чертовщина какая-то! – воскликнул Володя. В изнеможении он уселся прямо на пол, прислонившись спиной к стене. Усталая Ирина расположилась рядом с ним, опустила голову ему на плечо, закрыла глаза, и тут же её сознание поплыло куда-то, замерцало в преддверии сна.

Володе тоже ужасно хотелось спать. У него не было сил даже для того, чтобы открыть глаза. «Надо бы дежурить», – подумал он, но потом лишь мысленно махнул рукой: если до сих пор на них никто не напал, имея, между прочим, достаточно возможностей для этого, значит, никто и не собирался нападать. К тому же, в своём теперешнем состоянии он всё равно не смог бы

дать решительного отпора агрессорам. «Буду спать», – решил Володя и тотчас забылся тяжёлым, лихорадочным сном. Его знобило. Кожа на его губах высохла, потрескалась. Лоб горел. Даже сны его были мрачными, бессвязными, какими-то смутно-удушливыми.

Проснувшись утром, Володя обнаружил, что лежит на полу, свернувшись калачиком. Рядом, прижавшись к нему спиной, тихо спала Ирина, трогательно посапывая во сне. Он не чувствовал облегчения, напротив, ему стало ещё хуже. Никогда ещё он не ощущал такой слабости. Тело было тяжёлым, оно буквально липло к полу, как будто придавленное огромной толщей горячей океанской воды.

Кое-как подчинив непослушное тело своей воле, Володя поднялся на ноги. Тяжело и хрипло дыша, он поплёлся к ручью и стал жадно пить из него, как зверь, опустив лицо в воду. Холодная вода приятно освежила его. Он разделся по пояс, умылся, обрызгал водой грудь и плечи, энергично растёр всё тело носовым платком, затем, одевшись, вернулся обратно в дом.

Ирина уже не спала. Она сидела, не двигаясь, глядя в одну точку прямо перед собой. Трудно было сказать, была ли она погружена в какие-нибудь глубокие мысли или, напротив, в лишённое всяких мыслей оцепенение. Как бы то ни было, приход Володи вывел её из этого состояния.

– Ну, что там? – спросила она.

– Ничего, – ответил Володя и сам удивился, услышав свой голос. Вместо слов выходило чуть слышное, хриплое кваканье, совсем не похожее на его ровный, красивый баритон.

– Ирина вскочила на ноги и приложила руку к его голове.

– У тебя жар! – воскликнула она.

– Есть немного, – неохотно согласился Володя.

– И давно он у тебя?

– Со вчерашнего вечера.

– А у нас теперь даже аптечки нет!

– Ладно, аптечка, – прохрипел Володя, – еды нет, воды погреть не в чем.

– Как не в чем? А твоя фляга?

Володя посмотрел на небольшую, округлую металлическую флягу для воды, висевшую у него на поясе рядом с ножом.

– Верно, – ответил он. – Это можно сделать. Дай только костёр разведу!

– А спички у тебя есть?

– Спичек нет, зато есть газовая зажигалка.

Тщетно обшарив карманы в поисках кусочка бумаги для разведения костра, Володя решил обойтись подручными средствами. Он выбрал из кучки хвороста самые сухие ветки и с помощью ножа настрогал из них мелких щепок. Сухая стружка мгновенно подхватила огонь от зажигалки, зашипела, задымила и вспыхнула красным пламенем. Пока разгорался костёр, Ирина набрала воды из ручья, и они стали кипятить её прямо во фляге, предварительно отвинтив крышку для выхода пара.

– Ну, вскипятим мы воду, – говорил Володя, – дальше-то что? Чаю всё равно нет.

– Обойдёмся без чаю. А тебе лечиться надо.

– Чем же?

– Видишь, вон там, дерево? – Ирина указала рукой на кудрявое деревце, росшее неподалёку от озера.

– Вижу. Красивое. И что?

– А то, что это ива.

– Ну и?

– Из чего, по-твоему, впервые изготовили аспирин?

– Из неё?

– Вот именно. Салицин – вот что нам теперь нужно. Из него у тебя в организме образуется ацетилсалициловая кислота, она же – аспирин. Вопрос: как этот самый салицин извлечь из коры? На этот счёт у меня нет подробных сведений, но попробовать стоит. Я думаю, в наших условиях лучше всего подойдёт отвар. Дай мне, пожалуйста, твой нож!

Володя отдал ей нож. Ирина пошла к иве и принялась аккуратно снимать с неё кору, понемножку с разных участков, чтобы не очень навредить дереву. Вернувшись, она измельчила нарезанные полоски коры, высыпала получившуюся стружку во флягу с горячей, но не кипящей водой и завернула крышку.

– Теперь надо ещё подогреть, – сказала она.

– А действующие вещества не разрушатся?

– Если пять минут погреем, не разрушатся, это ведь не витамины какие-нибудь. Салицин плохо растворяется в холодной воде. Другое дело – в горячей. Долго варить всё же не станем, а то испортим флягу. Ну что там, пять минут уже прошло? Доставай!

Володя вытащил флягу из огня, используя в качестве ухвата длинную ветку, обструганную в виде рогаины.

– Что теперь? – спросил он.

– Надо подождать, пока остынет, потом процедить, – ответила Ирина. – Но это в идеале. На деле же предлагаю пить прямо так. Кору, если что, выплюнешь.

Для ускорения процесса охлаждения Володя закрыл флягу и погрузил её в ручей. Через десять минут Ирина одобрила температуру жидкости – её вполне можно было пить, не рискуя обжечься. Володя осторожно попробовал и тут же выплюнул:

– Горечь-то какая! – проговорил он, с трудом ворочая языком.

– А ты что хотел? – улынулась Ирина. – Чем горше лекарство, тем лучше помогает. В твоём возрасте пора бы уже знать такие прописные истины.

– Да откуда мне знать! – не согласился Володя. – Я и лекарств-то в жизни никогда не пробовал.

– А я пробовала, – сказала Ирина. – И немало. Переболела в детстве всем, чем только возможно. Да сих пор, видишь, какая худая и тщедушная.

Володя хотел возразить, что она вовсе не тщедушная, а грациозная, но, поразмыслив, решил промолчать. «Не время сейчас для всего этого», – подумал он.

– Кстати, – продолжала Ирина, – когда я ходила к иве, за корой, то заметила вдали, на деревьях, что-то яркое. Мне показалось, это наш клетчатый брезент. Ума не приложу, как он там очутился. Не унесло ли его ветром у вчерашних похитителей?

– Вчера и ветра-то не было, – встрепенулся Володя, с отвращением допивавший горькую пакость, которой потчевала его Ирина.

– Пойду, посмотрю, – сказала она, вставая.

– Ты что! – воскликнул встревоженный Володя. – Это может быть ловушка!

– Да кому я нужна, чтобы меня ловить. Надо было бы, давно бы уже поймали.

– Тогда пойдём вместе! – настаивал Володя.

– Куда тебе ходить, тебе лежать надо! Сейчас, если мы всё сделали правильно, ты начнёшь потеть, почувствуешь облегчение. И вообще, ходить при простуде противопоказано. Тебе нужен постельный режим.

– Какой там режим! У меня и постели-то нет! Если ты идёшь, то и я иду, точка! – стоял на своём Володя.

– Ну ладно, – вынуждена была согласиться Ирина. – Только по-быстрому – туда и тотчас обратно.

Они поднялись и пошли в том направлении, где Ирина заметила брезент. Расстояние оказалось более значительным, чем она предполагала. Прошагав с полкилометра по бугристому лугу, начинавшемуся сразу за озерком, они добрались до опушки длинного перелеска. Там, на одном из деревьев, действительно висел их брезент. Его явно занесло туда не ветром: он был аккуратно сложен и развешен на ветке таким образом, чтобы быть хорошо заметным с холма.

– Это знак, – сказала Ирина.

– Знак кому? И для чего?

– Знак нам.

– И что значит этот знак?

– Пока не знаю, но сейчас проверим.

Она неожиданно громко позвала: «Сергей Сергеевич!» Повторив призыв несколько раз, Ирина умолкла. Они прислушались. Внезапно откуда-то, видимо, очень издалека, слышался гулкий человеческий голос, тоже кричавший что-то.

– Он где-то здесь! – воскликнула Ирина. – Сергей Сергеевич, продолжайте кричать, мы вас найдём!

Снова раздался отрывистый звук, похожий на крик, но что кричали, было не разобрать, так же, как нельзя было понять, откуда доносились эти приглушённые звуки. Наконец, Володя догадался:

– Он где-то под землёй! Наверно, провалился куда-нибудь. Осторожней! – предостерег он Ирину. – А то и мы с тобой загремим туда же.

Они встали на корточки, прислушались, пытаюсь обнаружить источник крика. Сергей Сергеевич продолжал монотонно взывать к ним, лишь время от времени меняя одну фразу на другую.

Володя первым наткнулся на круглый провал диаметром около полутора метров, зиявший посреди зарослей сорной травы.

– Сергей Сергеевич! Вы здесь? – прокричал он в отверстие своим новым, хриплым голосом. Ему ответило слабое, шелестящее эхо.

– Здесь, здесь, – донёлся снизу приглушённый голос профессора, почти такой же хриплый, как и Володин.

– Как вас угораздило там очутиться?

– Провалился, как же ещё?

– Выбраться никак?

– Никак. Стены гладкие, из камня. Плотные. Кладка. Не за что зацепиться. А я ещё ногу повредил, когда упал на дно.

– Не переживайте, мы вас сейчас вытащим! – уверил его Володя. – Мне отсюда не видно: какова глубина колодца?

– Метров шесть или семь. Точно, не больше восьми. Это не колодец, а тайник или склад.

– Не тот ли тайник с золотом, из легенды?

– Может быть, и тот, только золота здесь нет.

– Хорошо, ждите! – сказал Володя, вставая на ноги. За волнениями последних минут он только теперь заметил, что чувствует себя намного лучше. Горький отвар на самом деле оказал на него целительное действие.

– Легко сказать – вытащим, – сказала Ирина. – Как мы это сделаем?

– У нас же есть верёвка, – успокоил её Володя. – Хорошо, что мы не оставили её с другими вещами, когда уходили на озеро, а то сейчас действительно пришлось бы туго. С верёвкой всё намного проще, особенно если использовать какой-нибудь рычаг.

– Из чего же мы его сделаем?

– Давай, найдём бревно!

Оба занялись поисками бревна. Как назло, в ближайшем перелеске не нашлось ничего подходящего. Большие брёвна нечем было распилить, а маленькое встретилось только одно, да и то оказалось слишком трухлявым, чтобы сгодиться на роль рычага.

– Подожди! – вдруг воскликнул Володя. – Там же есть дерево, прямо рядом с ямой, совсем близко растёт, да?

– Да, – подтвердила Ирина. – Кажется, это ольха. Её можно узнать по листьям – они круглые на концах, а не острые, как у других деревьев.

– Ну, так давай используем эту ольху!

Дерево было молодым, но довольно крепким на вид. Самое же главное – его светло-серая кора выглядела совершенно гладкой, на ней не было

трещин, выростов или сучьев. Володя вытащил из рюкзака Ирины нейлоновую верёвку. Теперь они ни на минуту не выпускали из виду этот рюкзак. Крепкая, несмотря на небольшую толщину, и довольно длинная – метров двадцать-двадцать пять, верёвка могла с лёгкостью выдержать вес человека. Размотав плотно скрученный моток, Володя бросил один конец вниз, в провал.

– Сергей Сергеевич! – крикнул он профессору. – Привяжите верёвку к своему ремню! Мы будем тянуть, а вы старайтесь помогать нам, как сможете!

Затем он обошёл вокруг ольхового ствола, держа в руках другой конец верёвки.

– Смотри, – сказал он Ирине. – Мы с тобой возьмём верёвку, обмотаем её вокруг ладоней, вот так. – Он продемонстрировал, как именно нужно накручивать верёвку. – Иначе может выскользнуть и обжечь руки, – пояснил он. – Подожди!

Володя снял с головы бейсболку, велел Ирине положить в неё правую руку, после чего обмотал верёвку вокруг кисти, прямо поверх бейсболки. Левую руку Ирины он предварительно обвязал своим запасным, чистым носовым платком.

– Так будет меньше резать ладони, – пояснил Володя, смущённо глядя куда-то в сторону. – Я прокинул верёвку вокруг дерева, – продолжал он. – Ствол станет нашим рычагом. Будем тащить под прямым углом, таким образом, трение будет минимальным и нам придётся прилагать меньше усилий. Мы не станем перебирать верёвку руками, это неудобно и тяжело. Мышцы ног гораздо сильнее мускулов рук. Учитывая это обстоятельство, лучше будет упереться ногами в землю и тащить понемножку. Сделаем шаг назад, потом – другой, так и будем тянуть, пока не вытащим. На самом деле, это просто.

Ничего не подкладывая для защиты собственных рук, Володя обкрутил свои ладони верёвкой, и они принялись тащить. Дело пошло на удивление легко, гораздо легче, чем ожидала Ирина. Через десять минут Сергей Сергеевич сидел на краю ямы, всё ещё не решаясь отвязать верёвку от пояса. На его спине висел рюкзак, вытянувшийся под тяжестью какого-то громоздкого предмета.

– Нет ли у вас воды? – первым делом спросил профессор, оказавшись на поверхности.

– Есть, только не кипячёная, – ответила Ирина, доставая пластиковую бутылку, наполненную водой из ручья.

– Ничего, ничего, давайте! – воскликнул Сергей Сергеевич глухим, сорванным голосом. Он стал с жадностью пить прямо из горлышка, не обращая внимания на илистый осадок, скопившийся на дне бутылки. Утолив жажду и отдышавшись, он обратился к Володе:

– Пожалуйста, помоги мне подняться. Кажется, я сломал ногу.

Володя без особых усилий поднял профессора, подхватив его сзади подмышки. Сергей Сергеевич попытался встать на ноги. Его лицо исказила гримаса боли.

– Посади меня назад! – прошептал он.

– Которая нога? – спросил Володя.

– Левая.

– Как вас угораздило?

– Да там, внизу, оказался какой-то не то сундук, не то ларь. Я ударился об него левой ногой. Хорошо ещё, что он оказался гнилым, развалился прямо под ногами. С другой стороны, может быть, он спас мне жизнь: упали я прямо на камни, так разбился бы насмерть, а тут только ногу сломал. Но, признаться, было чертовски больно!

– Давайте, я посмотрю! – предложила Ирина.

– А ты что-нибудь понимаешь в переломах? – подозрительно поинтересовался Сергей Сергеевич. – Какой там у вас курс? Третий?

– Я два лета проработала сестрой в хирургическом отделении. И в этом году собираюсь, меня специально пригласили. Так что, поверьте, мне пришлось видеть и переломы, и другие травмы ног, – спокойно, не без некоторой гордости ответила Ирина.

– Ну, посмотри, – нехотя согласился профессор. Выбирать не приходилось: лучше было довериться человеку с небольшим опытом, чем оставлять травму совсем без внимания. «Этак и ногу можно потерять», – с тревогой подумал Сергей Сергеевич, вспомнив, что находится вдали от цивилизации. Теперь он полностью зависел от этих ребят. «Без них мне, как ни крути, отсюда не выбраться», – признался он самому себе, приготовившись терпеть очередной приступ боли, спровоцированный осмотром травмы.

– Сергей Сергеевич! – обратилась к нему Ирина, нарушив ход его мыслей. – Скажите, насколько вам дороги эти брюки?

– Что ты имеешь в виду? – спросил профессор, впрочем, весьма довольный, что осмотр откладывается ещё на несколько минут. Он был согласен очень подробно отвечать на любые вопросы, лишь бы ещё немного оттянуть его начало.

– У ваших брюк очень узкий низ, а мне нужно приподнять штанину выше колена. Так что либо я разрежу штанину, либо придётся полностью снимать брюки. Разрежу – испорчу брюки, начнём снимать – для вас лишний дискомфорт.

– Режь! – решительно согласился профессор.

Ирина снова взяла Володин нож. Она аккуратно надрезала нижнюю часть штанины снизу вверх, удивляясь остроте ножа, легко вспарывавшего толстую джинсовую ткань. Затем, обнажив ногу Сергея Сергеевича, она критически осмотрела её. Спереди, на тощей голени профессора, была видна большая ссадина, центр которой припух и сделался белесоватым. Вокруг ссадины багровел огромный синяк.

– Ну, что там? – хриплым, дрожащим от волнения шёпотом спросил профессор. Он не отваживался смотреть на собственную ногу, опасаясь увидеть худшее.

– К счастью, открытого перелома нет, – успокоила его Ирина. – Травма закрытая, нога не выглядит деформированной.

Она осторожно ощупала кости, стараясь не прикасаться к синяку. Сергей Сергеевич поморщился, но ничего не сказал.

– Кости, как будто, целы, – промолвила она. – На перелом не похоже. При переломах и опухоль больше, и края костей чаще всего бывают смещены. Я бы рискнула предположить, что у вас сильный ушиб голени, может быть, даже трещина в кости. Трудно сказать точнее без рентгеновского снимка. В любом случае, на данный момент ваша травма не представляет опасности для жизни.

– Слава богу! – обрадовался Сергей Сергеевич, всю ночь мысленно рисовавший самые мрачные и отчаянные сценарии своей дальнейшей судьбы. Нет, ему и в голову не приходило, что его могут не найти, бросить на погибель в этой проклятой яме. Состояние ноги, однако, сильно беспокоило его.

«Что, если кость раздроблена? – думал он. – Придётся делать операцию, а может, и не одну. Или, ещё хуже, начнётся заражение крови, сепсис...»

Слова Ирины успокоили его. Он даже почувствовал, как утихает боль, преследовавшая его в течение последних суток.

– Я и смотрю, – произнёс он вслух торжествуя, – что если не шевелить ногой, так почти уже и не болит!

– Шевелиться как раз не следует, – строго сказала Ирина, в душе разделявшая радость профессора, но всё же сохранявшая при этом профессиональный тон.

– Придётся, – вмешался Володя. – Не сидеть же здесь до вечера. Нужно перенести его в дом.

– Верно! – согласилась Ирина. – Володя, ты не дашь мне свой платок?

Она сходила к ручью, намочила платок ледяной водой и наполнила пластиковую бутылку. Вернувшись, как могла, промыла рану, после чего наложила холодный платок поверх горячей наощупь, припухшей раны. От приложенного холода Сергей Сергеевич почувствовал немедленное облегчение.

– Ну, теперь пойдём, – сказала Ирина.

– Не забудьте мой рюкзак! – спохватился профессор.

– А что в нём? – спросил Володя, с любопытством разглядывавший квадратные углы, выпиравшие из-под ткани.

– В нём? Ничего особенного, просто влагомер, – сказал Сергей Сергеевич.

Володя повесил рюкзак к себе на плечо. Вдвоём с Ириной они помогли профессору подняться и, поддерживая его с обеих сторон, медленно поковыляли к заимке. Сергей Сергеевич прыгал на правой ноге, согнув левую в колене. Несмотря на оказанную ему помощь, каждый шаг отзывался тупой болью в раненой лодыжке. К счастью, путь был недолог. Очень скоро они

стояли на пороге дома. Запрыгнув внутрь, Сергей Сергеевич воскликнул от удивления и, наверно, присел бы, если бы его не поддерживали ребята.

– Куда вы девали все наши вещи? – спросил он, поражённый пустотой помещения.

– Нам тоже хотелось бы знать, куда они подевались, – ответил запыхавшийся, красный Володя, на которого снова начали накатывать мутные волны дурноты.

– Объясните же, наконец, что происходит! – строго потребовал Сергей Сергеевич.

Ирина принялась за рассказ. Володя сел на пол и стал слушать её голос, мягкий, завораживающий, поднимавший в нём какие-то непонятные, необъяснимые чувства. Слова пролетали мимо его ушей. Ему и без того была прекрасно известна суть повествования. Но волнистые интонации голоса Ирины, переливы эмоций, едва заметные изменения тембра в концах фраз доставляли ему почти физическое наслаждение. Он купался в них, как в лучах тёплого, весеннего солнца. Через несколько минут, совершенно убаюканный, он уснул.

Сергей Сергеевич был далёк от сна. Перед ним всё более и более явствен-но разворачивалась картина их теперешнего положения. Мало того, что она была безрадостной, но, что ещё хуже – она была неполной. Было неизвестно, кто и зачем преследовал их, непонятно, что делать дальше. Между тем более всего на свете профессор ценил определённую. Всё смутное, неясное пугало его, подобно выглядывавшему из-за угла бесформенному, скользкому чудовищу, неподвластному его контролю.

– Значит, у Володи высокая температура? – спросил Сергей Сергеевич шёпотом, чтобы не разбудить больного.

– Ага, – так же тихо ответила Ирина. – Видимо, простудился в тот день, когда искал брод на болоте, помните?

– Может быть, может быть, – задумчиво пробормотал профессор. – Думаешь, у него обыкновенная простуда? Ничего более серьёзного?

– Не знаю. Как вам кажется?

– Не нравится мне его кашель.

– Он только сегодня с утра начал кашлять. Вчера ещё не было никаких симптомов. Впрочем, когда я вечером брала его за руку, она показалась мне какой-то уж слишком сухой и горячей. Я думаю, тогда у него и поднялась температура.

– Ему нужен постельный режим и лекарства.

– Я заваривала ему кору ивы.

– Молодчина. Надо ещё приготовить. Что у нас с едой?

– Еды очень мало. Осталось только то, что было у меня в рюкзаке: пачка сухофруктов и немного орехов.

– Не густо. Сможешь накопать корней сусака?

– А как выглядит этот сусак?

Профессор вкратце описал ей растение:

– Цветок в виде зонтика на длинном стебле, розовый. Листья длинные, тонкие. Растёт прямо здесь, поблизости, возле озера. Вот только чем копать?

Ирина достала из своего рюкзака нож, который она так и не успела вернуть Володе. Профессор с уважением посмотрел на широкое, длинное лезвие.

– Годится, – сказал он.

– А что будем делать с вашей ногой? – спросила Ирина, прежде чем уйти.

– Что с ней делать? Сама же говоришь: просто ушиб!

– Ушиб ушибу рознь. У вас там, кстати, ещё и приличная ссадина.

– Да ничего, пройдёт. Давай уж решать проблемы в порядке наибольшей важности.

– В таком случае, сперва займёмся ногой. У вас осталась водка?

– А что? – Сергей Сергеевич машинально ощупал плоскую фляжку, хранившуюся во внутреннем кармане его куртки. Она была пуста.

– Дайте мне немного! – потребовала Ирина.

– Зачем?

– Хочу обработать вашу ногу. Я промыла рану водой, теперь надо бы обеззаразить.

– Что за глупости! – возмутился профессор. – Это всё равно что растапливать печку банкнотами, тем более в нашем теперешнем положении.

– Замерзать начнёшь – и банкнотами растопишь, – не унималась Ирина.

– Зачем тратить драгоценный алкоголь, когда вокруг целая куча болотного мха?

– Неужели грязный мох может сравниться со спиртом?

– Даже лучше будет! – уверенно заявил профессор. – В сфагнуме содержится карболка, – прекрасный антисептик.

– Ладно, вам виднее. Где его искать, ваш мох?

– Тут его не очень много. Наверно кислотность почвы неподходящая: не тот тип болота, видишь ли. Правда, вчера возле самого озера я видел несколько кочек. Как подойдёшь к воде, там, где кончается трава, на влажной земле растут пушистые зелёные подушечки. Они-то нам и нужны. Бери только зелёную часть, нижние веточки оставь, они мёртвые и уже не годятся.

Ирина покачала головой, вздохнула и пошла за сусаком и сфагнумом. А профессор, не спавший почти всю ночь, задремал, отодвинувшись подалее от Володи. «Не хватало ещё мне заразиться!» – подумал он.

Глава 17

«Ну, и дела! – размышляла Ирина по дороге к озеру. – Мне одной теперь придётся ухаживать за двумя мужчинами, а я сама еле держусь на ногах!»

Действительно, с самого утра она ощущала лёгкое головокружение, постепенно становившееся сильнее. Противно, нудно ныл затылок, руки тряслись

крупной, неуёмной дрожью. Несмотря на теплоту погожего летнего дня, ей было зябко.

«Что со мной такое? Скорее всего, низкий уровень сахара в крови или обезвоживание. Может быть, и то, и другое. Надо больше пить», – подумала Ирина.

Тут она вспомнила, что не захватила с собой оставшиеся у них пустые пластиковые бутылки и флягу Володи.

«Ну вот! Придётся теперь два раза ходить! – упрекнула она себя. – Что ж, занесём и это в общий пассив».

Актив был гораздо менее обширным, и всё же к нему следовало отнести одну важную перемену, произошедшую в самочувствии Ирины: её перестало мучить острое чувство голода. На смену ему пришли слабость и апатия – гораздо менее грозные враги. С ними можно и нужно было бороться.

«В конце концов, тело – всего лишь инструмент, всё зависит от моей способности им управлять. Инструмент, впрочем, довольно слабый, – размышляла Ирина. – Масса – пятьдесят килограммов, размер – метр шестьдесят два сантиметра. Ни грамма лишнего жира про запас. Если так дальше пойдёт, тело начнёт питаться собственными мышцами. Интересно, надолго ли их хватит?»

Приблизившись к озерку, она увидела подушечки зелёного мха, о которых говорил Сергей Сергеевич. Они росли на мелководье, образуя кочки, слегка возвышавшиеся над водой, окружавшей их со всех сторон. Дно мелководья состояло из бурого ила. Идти по нему в кедах Ирине не хотелось, ещё менее хотелось ей лезть в него босиком. Представив, как холодная, липкая грязь будет чавкать под её босыми ногами, Ирина содрогнулась всем телом. Сделав шаг вперёд, она остановилась, постояла несколько мгновений, повернулась и пошла назад, к заимке.

В полумраке, царившем внутри, Ирина не сразу разглядела Володю и Сергея Сергеевича, спавших на голом полу. Осторожно, на цыпочках прокравшись через комнату, она взяла сапоги, до сих пор стоявшие там, где их оставили похитители, а другой рукой подхватила свой рюкзак, в котором хранились бутылки и фляга.

Сапоги, даже натянутые поверх кедров, оказались очень велики. Зато теперь она могла смело, не боясь промочить ноги, пройти прямо к подушечкам мха.

«Содержит карболовую кислоту! – вспомнила она слова Сергея Сергеевича. – Я и не знала. Надо будет запомнить на будущее. Наверно, и правда, в нём есть какой-то антисептик. Вон, нижние стебельки все мёртвые, а как будто совсем не гнилые, несмотря на сырость. Видимо, верхние выделяют карболку и не дают им гнить. Не по этой ли причине мох превращается в торф вместо того, чтобы разлагаться без следа, как все другие растения?»

Ирина отделила верхние зелёные части стеблей, сложила собранные кустики мха в рюкзак, затем приступила к выкапыванию корней сусака. Вначале она копала ножом, потом – голыми руками: нож лишь попусту резал жидкую грязь. Выкопанные из земли округлые корневища, промытые водой, она

выбрасывала на траву сушиться. Постепенно на берегу скопился порядочный запас корней. Когда у озера не осталось более ни одного кустика сусака, Ирина, вся перемазанная грязью, сняла сапоги, набрала воды во все имевшиеся в её распоряжении ёмкости, собрала подсохшие корневища в рюкзак и пошла к заимке.

Войдя в дом, она осторожно потрясла плечо Сергея Сергеевича. Тот долго не хотел просыпаться, стонал, отмахивался от неё руками. Профессору снились кошмары. Проснувшись, он долго не мог понять, где находится. Ирина терпеливо ждала, пока он придёт в чувство. Потом они вместе вышли на улицу. Профессору пришлось передвигаться на четвереньках, – это было удобнее, чем прыгать на одной ноге.

Первым делом позаботились о ране Сергея Сергеевича. К ней приложили свежий, слегка влажноватый мох, а сверху повязали Володин платок. К тому времени чистота платка оставляла желать много лучшего, но более подходящего перевязочного материала у них не нашлось. Вслед за тем разожгли костёр, чтобы испечь на нём корни сусака, добытые Ириной.

Когда несколько часов спустя Володя проснулся, он ощутил терпкий запах дыма. Приоткрыв глаза, он увидел, как низкое солнце заглядывает в узкое окошечко заимки. В горизонтальных лучах его висели яркие пылинки, изредка вспыхивавшие крохотными огоньками и тут же угасавшие. Воздух в комнате был абсолютно неподвижен, но пылинки двигались, едва заметно, под воздействием каких-то невидимых сил. Они кружились в гармоничном танце, не касаясь друг друга, словно какой-то незыблемый закон природы препятствовал их сближению. Казалось, начни они сталкиваться, и раздастся тихий, хрустальный звон, подобный тому, которым, должно быть, звенит сама вечность.

Володя пошевелился. Все чувства его тут же ожили, тело снова заболело, заныло, каждая мышца стремилась добавить свою ноту в общий траурный хор.

«Совсем расклеился», – подумал он, не замечая, что повторяет излюбленное выражение матери, которое та употребляла, когда ей приходилось чувствовать любое, даже самое слабое недомогание. Случалось это довольно часто.

Володе не хотелось вставать.

«Полежу ещё, – подумал он. – Когда я им потребуюсь – позовут».

Вот только лежать было неудобно. Голые, неровные доски пола немилосердно врезались в спину. Как ни крутился Володя, пытаясь найти сколько-нибудь комфортное положение, у него ничего не выходило. Он вздохнул, поднялся и направился к двери.

На полянке перед срубом Сергей Сергеевич энергично шуровал палочкой в золе потухшего костра. Ирина, бледная и усталая, сидела подле него, пристально глядя на догорающие угольки.

– А, проснулся! – поприветствовал его профессор. – Ну, как твоё самочувствие?

– Чудесно, – прохрипел Володя и закашлялся.

– Вот и славно! – с энтузиазмом отозвался профессор. – Пожалуйте к столу!

После скудной трапезы, состоявшей из печёных корней сусака, Володя с Сергеем Сергеевичем выпили свежего настоя ивовой коры. Ирина ограничилась водой из ручья.

– Итак, – сказал профессор, – теперь, когда насущные нужды более или менее удовлетворены, давайте решать, что делать дальше.

– Мы уже решили, – ответила Ирина, борясь с зевотой. – Лучше всего остаться здесь и дожидаться, когда за нами приедет Николай.

– Это сколько же дней нам придётся ждать? – уточнил профессор.

– Чуть больше недели.

– Протянем ли целую неделю без еды и лекарств?

– А что ещё остаётся? – Ирина откровенно кивала носом. Её неожиданно охватила необоримая сонливость.

– Ладно, – подытожил Сергей Сергеевич. – Все устали. Делать всё равно нечего, так давайте сейчас же начнём экономить энергию. Предлагаю завалиться спать.

– Не очень-то спится на голом полу, – возразил Володя. – Жестковато.

– Я с самого начала хотела собирать травы и листья для лежанок, да всё забывала, – сказала Ирина. – Теперь нашёлся хороший повод. Поможешь мне? – спросила она Володю.

Молодой человек нехотя кивнул. После еды он почувствовал резь внизу живота. Само собой, ему было неловко признаться в этом. Не говоря ни слова, он вскочил и поплёлся вслед за Ириной.

Самая сочная и мягкая трава росла у озера. Они рвали её руками, невольно вспоминая, как ещё накануне тщательно фотографировали и описывали каждый листочек, каждый стебелёк. Теперь это было всего лишь сено, годное лишь для того, чтобы обеспечить им комфортабельный сон.

Тотчас выяснилось, что для устройства трёх мягких лежанок потребуется довольно большое количество травы. Молодые люди работали не спеша, делая частые перерывы на отдых. За работой Ирина забыла про сон. Она машинально рвала всё, что ей удавалось сорвать, часто выдёргивая растения вместе с корнями. И всё же кучка травы росла медленно. Также медленно тянулось время.

К вечеру было собрано достаточное количество сена. Комната перестала пахнуть прелым деревом и слежавшейся пылью. Вместо этого она наполнилась куда более приятными запахами свежей травы и каких-то душистых эфирных масел.

В вечерних сумерках, перед самым закатом, Ирина ещё раз сходила за мхом, чтобы сменить повязку на ноге профессора. Рана выглядела по-прежнему: не лучше, но и не хуже.

– Изменений нет, – сказала Ирина. – Будем считать это нашим успехом. На ночь подложите что-нибудь под ногу, чтобы она была выше остального тела, ну, хоть вот ваш рюкзак.

Спать легли засветло. Впрочем, несмотря на усталость, никому не спалось. Поворочавшись с боку на бок, Сергей Сергеевич убедился, что ребята тоже не спят, и начал рассказывать историю о том, как он угодил в яму. Судя по его словам, виной всему послужила какая-то большая, серая птица, которую он заметил издалека. Профессору захотелось разглядеть её получше. По пути к перелеску, где приземлилась птица, он неожиданно почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Отверстие колодца было закрыто трухлявыми досками, а сверху присыпано землёй, на которой росла трава. Гнилые доски не выдержали веса Сергея Сергеевича, провалились под ним, а вместе с ними провалился и он сам.

Рассказ профессора был прерван барабанным боем, раздавшимся на улице, точно таким же, какой они слышали два дня назад, только теперь он звучал намного громче и продолжался дольше. Минут через десять барабан смолк.

– Всё стучат, – сухо прокомментировал Сергей Сергеевич. Наступившая тишина казалась неестественно натянутой, готовой того и гляди лопнуть, взорвавшись ещё какими-нибудь непонятными звуками.

– Стучат, – подтвердила Ирина. Ей тоже было жутковато слушать эту тишину. Самые обычные слова, произнесённые вслух, придавали моменту обыденность, которой ему так не доставало.

– Всё ещё думаете, что охотники? – спросил профессор.

– Не похоже, – ответила Ирина.

– Почему ты так считаешь? – вступил в разговор Володя.

– Охотники не стали бы прятаться от нас. Какой им от этого прок? Не стали бы утаскивать наши вещи, которые им тоже, скорее всего, не нужны. Взяли бы только что-нибудь самое дорогое, вроде фотоаппарата. Ну, зачем им, к примеру, микроскоп? И уж точно не оставили бы самую ценную вещь на болоте – сапоги. Я до сих пор не могу разгадать значения этих сапог. Не самих сапог, разумеется, а намёка. Зачем их оставили? Что они хотели этим сказать? Мы явно чего-то не понимаем.

– Может, тут вовсе и нечего понимать, – предположил Володя. – Может быть, они просто хотят нас запугать или подшутить над нами. Мне кажется, в сапогах нет никакого скрытого смысла.

– Ты помнишь, где стояли сапоги перед тем, как мы пошли на озеро?

– Нет.

– А я помню. Они были в том, дальнем углу. – Она указала рукой на угол, образованный фасадом дома и стеной, смотрящей на озерко.

– Что это доказывает? – не унимался Володя.

– То, что они хотели привлечь наше внимание. Бросили бы их в углу, мы бы их, скорее всего, до сих пор не заметили. А они нарочно поставили сапоги в самом центре комнаты.

– Твоя правда, – согласился Володя. – Кто же они, в таком случае, эти люди?

– Мне кажется, это какие-то местные жители.

– Из Матвейцева, что ли?

– Вряд ли. Ты сам видел, какое там запустенье. Наверно, из какого-нибудь другого села или деревни.

– Тут в окрестностях нет больше ни сёл, ни деревень.

– А что если есть, только о них никому не известно? Вон Николай, живёт же в своём селе, а посмотришь на карту – будет написано, что село нежилое.

– Так то один человек, а тут целая группа.

– С чего ты взял, что это группа? Может быть, тоже один человек или двое.

– Ну, то, что не один, доказывает хотя бы их барабан, – сказал Володя. – Зачем одному человеку в него стучать? Это явно сигнал для кого-то другого.

– Хорошо, – согласилась Ирина. – Мы все согласны, что имеем дело с группой людей, скорее всего – местных. Но как это поможет нам понять, чего они от нас, собственно, хотят?

– Мне кажется, – сказал Сергей Сергеевич, – они хотят, чтобы мы поскорее ушли отсюда, оставили их в покое.

– Да что мы им сделали? – возмутилась Ирина.

– Помните, Николай рассказывал нам про лешего? – многозначительно спросил профессор. – Он ведь нас предупреждал, что со всеми, кто сюда приходит, случаются разные неприятности.

– Ну да, если считать неприятностями гибель в лесу или бесследное исчезновение на болоте, – полушутя, полусерьёзно заметил Володя.

– Вот-вот, – согласился Сергей Сергеевич. – И происходит это издавна.

– Что вы хотите сказать? – спросила Ирина. – Что здесь, прямо на болоте, в течение, может быть, десятилетий живут какие-то люди, никем никогда не виденные, которые охраняют свою территорию?

– Ты можешь дать какое-нибудь другое объяснение происходящему?

– Я скорее поверю в лешего, – ответила Ирина.

Все замолчали. Каждый по-своему прокручивал в голове последние события, пытаясь соединить их в единую, логически связную цепь. Постепенно Ирина задремала. Уснул и Сергей Сергеевич. Лишь Володя не спал. Весь вечер его бил озноб. Ему было невыносимо жарко и одновременно холодно, хотелось укрыться одеялом, но одеяла не было. Сознание его не утихало, лихорадочно прыгая с одного образа на другой, с какой-нибудь случайной мысли к совершенно не связанному с ней, постороннему умозаключению. Временами он забывался на несколько минут, даже не замечая этого.

На улице окончательно стемнело. Володя лежал напротив окна, представлявшего собой маленькое, квадратное отверстие в стене. В окно был виден кусочек луны, едва перевалившей за первую четверть. Он остановил глаза на ярком серпе, висевшем в небе, пригляделся, вспоминая названия кратеров и морей поблизости от терминатора, снова забылся, а когда в следующий раз очнулся, луна уже переместилась по небу и была едва видна на противоположной стороне окна. Володя опять прикрыл глаза, однако что-то неясно беспокоило его. С усилием разорвав слипавшиеся веки, он ещё раз взглянул в окно. «Кажется, ничего необычного», – решил он и тут заметил,

что по стенам пляшут всполохи света, явно проникавшие в комнату сквозь отверстие в стене.

«Фары, – подумал Володя и тотчас поправил себя: какие фары? Откуда они тут?»

Он поднялся на ноги. Подойдя к окну, он попытался выяснить, что происходит снаружи, но не смог разглядеть ничего, кроме серых теней, мечущихся вверх и вниз по оранжевым стволам сосен.

«Уж не пожар ли на болоте! – пришло в голову Володе. – Надо срочно будить профессора!»

Глава 18

Как обычно, Сергей Сергеевич проснулся не сразу. Володе пришлось несколько минут трясти его за плечо, прежде чем профессор открыл глаза.

– Что? Что? – спросил он спросонья, шаря по карманам в поисках очков.

– Там лес горит!

– Где?

– На улице!

Это известие мигом подействовало на Сергея Сергеевича. Он вскочил, забыв про свою больную ногу, охнул и с шумом сел обратно на пол, преобольно ударившись бедром о доски и разбудив Ирину.

– Что случилось? – спросила она, пытаясь понять, не напали ли на них таинственные местные жители, только что снившиеся ей в каком-то смутном, бессмысленном кошмаре.

– Ещё не знаю, – успокоил её Володя. – Не волнуйся раньше времени. Мне просто почудилось, будто на улице что-то горит. Я сейчас выйду, посмотрю.

– Плохая мысль! – возразила Ирина.

– Нет, нет, – встал на сторону Володи взволнованный Сергей Сергеевич. – Если не дай бог лесной пожар, лучше об этом узнать поскорее.

– Тогда пойдёмте все вместе! – настаивала Ирина.

Володе ничего не оставалось, как согласиться. Он не хотел терять времени на споры и пререкания.

Зажгли фонарь, отодвинули приставную дверь. Ещё пару дней назад Володя один легко справлялся с этой задачей. Теперь ему потребовалась помощь Ирины. «Слабею», – мелькнула у него в голове тревожная мысль. Он нетерпеливо отбросил её, не желая отвлекаться на пустяки.

На улице было светло. Свет происходил от огромного, яркого костра, устроенного сбоку от холма, на берегу озера. Судя по высоте и цвету пламени, горели не только ветки, но и целые, невесть откуда взявшиеся брёвна. Володя вспомнил, как нынешним утром они с Ириной безуспешно пытались найти хотя бы одно короткое бревно. В то же время ни ночью, ни вечером они не слышали звуков пилы или топора. Вокруг костра никого не было.

– Очередной намёк? – спросил он Ирину.

– Похоже на то, – согласилась она. – Пойдём-ка лучше обратно в дом. Неуютно стоять на открытом месте, зная, что за тобой наблюдают.

– Думаешь, стоит показать им какой-нибудь крайне неприличный жест из международного языка оскорбительных телодвижений? – спросил Володя.

– Перестань! – Голос Ирины был серьёзным.

– Да я пошутил! – успокоил её Володя.

Они вошли в дом и водрузили дверь на место.

– Ну? – с нетерпением спросил профессор, остававшийся внутри.

– Наши друзья зажгли костёр возле озера, – ответил Володя. – Видимо, купались при луне, а, увидев нас, застыдились. На улице никого не видно.

– Они там, – спокойно заявила Ирина. – Я чувствовала, как на меня смотрят из темноты.

За окном, совсем близко, бешено загрохотал барабан. Теперь это были не размеренные удары, как прежде, а частая, энергичная дробь, превратившаяся в пульсирующий, низкий гул, затопивший собой все прочие звуки в лесу и внутри дома. Ирина, сама не зная зачем, подбежала к окну, выглянула в него, взвизгнула и отпрянула назад.

– Что там? – заорал Володя, подбегая к ней и пытаясь перекричать барабан. – Что ты там видела?

Барабанная дробь смолкла так же неожиданно, как и началась, прямо посреди крика Володи. Слово «видела» несуразно громко прогремело в комнате, погружённой в гробовую тишину.

– Там было лицо! – тихо прошептала Ирина.

– Как оно выглядело? Это был Николай, да?

– Нет, не Николай. Чёрное лицо. Белые белки глаз, красные губы. Кожа – чёрная.

– Негр? – удивился Володя.

– Не знаю, не разглядела его как следует.

– Ну, это уж слишком! – заявил Володя, решительно направляясь к двери.

– Стой! – закричала ему вслед испуганная Ирина.

Не слушая её, Володя осторожно отодвинул дверь, но не полностью, а так, чтобы за ней, в случае чего, можно было укрыться. Выглянув на улицу, он осмотрел окрестности, помедлил ещё несколько мгновений, потом задвинул дверь на место и вернулся в центр комнаты. На него вопросительно смотрели две пары глаз: одна принадлежала Сергею Сергеевичу, сидевшему на своей куче травы, другая – Ирине, продолжавшей стоять в дальнем углу.

– Там череп на шесте, – сказал Володя спокойно, как будто сообщал счёт вчерашнего футбольного матча.

– Человеческий? – в ужасе прошептала Ирина.

– Не разглядел. Впрочем, кажется, нет, выглядит, скорее, как череп инопланетянина.

– Что за чертовщина! – воскликнул Сергей Сергеевич. – Помогите-ка мне подняться!

Ирина с Володей помогли профессору встать и подвели его к выходу. Володя слегка отодвинул дверь. Между нею и дверным косяком образовалась щель шириной с ладошку.

– Медвежий череп, – с уверенностью заявил профессор, выглянув в щель. – Володя, открой, пожалуйста, дверь, – добавил он спокойно.

Володя не стал спорить. Кряхтя, он отодвинул дверь в сторону. Профессор не спеша проковылял к шесту, торчавшему из земли прямо напротив входа. На шест был насажен желтоватый, отшлифованный череп, похожий на те, какие иногда можно увидеть в краеведческих музеях. Ирина никогда в жизни не смогла бы отличить медвежьего черепа от черепа лошади или коровы. Тем не менее она была уверена в справедливости слов профессора: Сергей Сергеевич разбирался в подобных вещах.

– Ладно! – неожиданно громко крикнул профессор, обращаясь к окружающей его темноте. – Завтра утром мы уходим! Оставьте нас в покое!

Не дожидаясь ответа, он повернулся и хромая, но отбросив руку помощи, протянутую ему Володей, ушёл внутрь, высоко подняв голову. Ирина с Володей удалились вслед за ним, тщательно затворив за собою дверь. Ответом им была тишина, продолжавшаяся до утра.

Глава 19

Утром тревожная дремота Ирины рассыпалась от пения птиц. Судя по ликующим звукам, доносившимся снаружи, день опять выдался погожим. Она села на душистом травяном матрасе, сильно примявшемся за ночь, кое-как расчесала пальцами спутанные волосы, забрала их под резинку в длинный хвост. Волосы были грязными. Одежда тоже не отличалась чистотой. Особенно плохо выглядели руки: сломанные ногти с набившимися под них полосками чёрной грязи, пальцы, испещрённые мелкими ссадинками и царапинами, кисти, покрытые волдырями от комариных укусов. Надевая кеды, она приятно удивилась их хорошему состоянию. Всё остальное в её внешности и самочувствии отнюдь не радовало Ирину.

«Замарашка какая!» – подумала она про себя. Ей очень хотелось умыться, но для этого нужно было идти к ручью. Почему бы и нет? Она не испытывала страха, не чувствовала чужого присутствия. Ирина почему-то была совершенно уверена, что незванные ночные гости будут соблюдать перемирие, объявленное Сергеем Сергеевичем, по крайней мере до вечера. К тому же, она ещё ни разу не встречала ничего подозрительного при свете дня.

Выйдя на улицу, Ирина зябко поёжилась. Она не имела представления о том, который теперь час, но судя по всему, было очень рано. В воздухе ощущался ночной холодок, не до конца растворённый утренним солнцем. Над озерком висела лёгкая дымка. Нигде не было видно ни малейших следов вчерашней ночной деятельности. Шест с черепом исчез, даже ямка, в которой он был установлен, была тщательно утрамбована и присыпана хвоей.

Вернувшись назад, Ирина нашла Володю бодрствующим.

– Который час? – спросила она его шёпотом, чтобы не разбудить Сергея Сергеевича.

– Пять часов утра, – ответил Володя. – У тебя часы стоят?

– Забыла завести вчера или позавчера, не помню. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

Володя и в самом деле чувствовал себя несколько лучше. Температура спала, остались только мучительный грудной кашель да странная, разлитая по всему телу ватная слабость.

– Надо будить профессора, – сказала Ирина.

– Давай дадим ему ещё немного отдохнуть.

– Некогда отдыхать. Слышал, что он вчера кричал? Собирался сегодня же уходить отсюда. Нас не спросил, не посоветовался, не подумал как следует. Как он пойдёт, с его-то ногой? А уж если на самом деле решится идти, то лучше выйти пораньше – дорога неблизкая.

Разбудили Сергея Сергеевича. Тот, едва очнувшись, немедленно начал распоряжаться, пребывая в полной решимости поскорее покинуть заимку, оказавшуюся столь негостеприимным местом. Ирину отправили выкапывать корни сусака. К сожалению, ей пришлось вернуться ни с чем: за несколько дней они истребили всю местную популяцию этого растения, за исключением нескольких одиночных особей, разбросанных по труднодоступным берегам озера.

Володя провёл время с большей пользой. В его задачу входило изготовление костыля для Сергея Сергеевича. Обнаружив в лесу подходящее молодое деревце диаметром в несколько сантиметров, имевшее посередине ствола широкую полукруглую развилку, он не без труда срезал его ножом, очистил ветки и выстрогал крепкую рогатину. Оставалось только примерить высоту костыля и обмотать рогатину чем-нибудь мягким, чтобы грубо обработанная деревянная поверхность не натирала подмышку. За неимением лучшего в качестве чего-то мягкого использовали джинсовую куртку Сергея Сергеевича, многократно сложенную и перехваченную обрезком верёвки.

Для того, чтобы ещё более облегчить передвижение профессора, Ирина предложила наложить на голень повреждённой ноги шину из крепких, прямых сучьев, привязанных поверх толстой прокладки из травы и мха. Сучья должны были принимать на себя часть нагрузки, приходившейся на ногу.

– А что будем делать с вашими приборами? – спросил Володя после того, как попробовал приподнять рюкзак профессора, оказавшийся довольно увесистым.

– Оставь их здесь, – ответил Сергей Сергеевич. – Они всё равно сломаны: разбил, когда падал в яму. Что толку тащить их с собой?

– Вот так просто возьмём и бросим? – удивился Володя.

– Ну, так носи сам, если хочешь, – сухо предложил профессор.

Володя ещё раз приподнял рюкзак: тяжесть не чрезмерная, но если приборы действительно сломаны... Он вздохнул и начал вытряхивать на пол

содержимое рюкзака. Внутри оказался какой-то прибор серого цвета, напоминавший блендер, насаженный боком на длинную белую ручку. К той же ручке при помощи изоленты был прикреплен электронный вольтметр с разбитым стеклом. Кроме странного гибрида блендера и кувалды, в рюкзаке оказались две увесистые квадратные коробки неясного назначения.

– Не похоже на влагомер, – заметил Володя, рассматривая прибор.

– Много ты понимаешь! – отрезал профессор, с раннего утра пребывавший не в духе.

Наспех позавтракав сухофруктами из запасов Ирины, они вышли в путь около восьми часов утра. Каждый шаг давался Сергею Сергеевичу с трудом. Он морщил лоб, его верхняя губа слегка подрагивала от напряжения, на лбу, несмотря на утреннюю прохладу, выступил пот. Когда они взобрались на бревенчатый настил гаги, Володе пришлось поддерживать профессора: костыль скользил по брёвнам, почти не давая опоры.

Шли медленно, часто останавливаясь, чтобы дать профессору отдышаться. Из-за этого дорога показалась Ирине до невозможности монотонной: нескончаемые ряды деревьев, заросли кустарников, мочажины и озерки, обрамлённые камышами, сливались в её сознании в единый коричневато-зелёный фон, на котором отсутствовало центральное изображение. Все молчали: Володя и Сергей Сергеевич тяжело дышали от напряжения, Ирине не хотелось нарушать их концентрацию пустой болтовнёй. К двум часам дня они достигли запруды и свернули на тропинку. Дальше можно было идти только гуськом, поэтому профессор уже не мог рассчитывать на помощь Володи.

Прежде чем углубиться в лес, устроили длинный привал. Все улеглись прямо на траву. Измученный Сергей Сергеевич тотчас уснул. Ирина лежала с открытыми глазами, глядя на облака. Она давно уже оставила напрасные попытки управлять своими мыслями, отдавшись течению невнятно журчавших образов, проплывавших в её голове без всякого участия с её стороны. Навязанная воспитанием привычка мыслить при помощи слов и законченных выражений разбила об окружающую действительность, лишённую ярких, выдающихся предметов, за которые мог бы зацепиться её беспокойный ум. Природа громоздилась перед Ириной чем-то единым, цельным, каждая часть её была индивидуально неразличима среди других частей и в то же время не могла существовать отдельно. Здесь, посреди леса, само понятие дискретности теряло свой смысл. Не было даже выбора, быть или не быть частью этой непрерывности: лёжа на траве, с широко открытыми глазами, устремлёнными в небо, нельзя было не быть ею, точно так же, как нельзя было думать о чём-то конкретном, будучи растворённой в море неопределённости. Ирина не осознавала, но чувствовала себя единым целым с природой. Вслед за связными мыслями её покинули тревога, сомнения, страх перед будущим – словом, всё то, чего ей никогда не удавалось изжить в себе при помощи рассуждений или здравого смысла. Как прежде логика не годилась для обуздания чувств, так теперь чувства не годились в качестве материала для умозаключений. Она ощущала

себя наполовину пустой, и там, где возникла пустота, теплилось непонятное, необъяснимое чувство приглушённого счастья, уже не однажды посещавшее её в последние дни.

Отчего оно возвращалось к ней, непрошенное и неожиданное? Как знать. Никакие доводы не способны убедить человека стать счастливым, а значит, и причину возникшего счастья нельзя объяснить словами. Да и вообще, можно ли найти такую причину во внешнем мире? Вряд ли. Где же тогда искать её? Не рождается ли счастье вовсе без всяких причин, не возникает ли само по себе в таинственных недрах человеческого сознания в те редкие моменты, когда мы случайно освобождаемся от теней повседневности? И если так, то можно ли руководить этим процессом, вызывая счастье, когда заблагорассудится, сообразно собственной воле? Пожалуй, нельзя, иначе в мире было бы гораздо больше счастливых людей.

Время, однако, бежало вперёд своим чередом. Пора было двигаться дальше. Сергей Сергеевич, простонав что-то невнятное, очнулся от тревожного сна. Не дожидаясь посторонней помощи, он поднялся, тяжело опираясь на свой костыль, потом, не проронив ни слова, лишь коротко взглянув в сторону молодых людей, первым пошёл по тропинке, задавая темп их передвижению. Ирина и Володя молча последовали за ним.

До озера добрались под вечер. К тому времени воздух в сумеречном лесу буквально звенел от комариного писка. Репеллент, густо намазанный Ириной на руки и лицо, почти не защищал от назойливого гнуса. К счастью, свежий ветер на берегу быстро развеял тучу комаров, преследовавшую её по пятам.

Перед измученными путешественниками предстала суровая картина из числа тех, на которые горазд угрюмый северный край. Небо было затянуто низкими облаками, бросавшими сероватую тень на сгущавшийся у самой земли прозрачный полумрак. Сквозь редкие прорехи в облаках просачивались робкие, косые лучи света, тонувшие в сером мареве, висевшем над водой. Ветер гнул кусты и верхушки деревьев, широкими взмахами расчёсывал траву, клонившуюся под его напором, затем упрямо поднимавшуюся только для того, чтобы вновь быть прижатой к земле следующим порывом. По озеру ходили высокие волны, мерно разбивавшиеся о берег. Всё двигалось: деревья, трава, вода, облака. Всеобщее движение порождало причудливое, завораживающее хитросплетение теней.

Поражённые дикой красотой открывшегося им зрелища, путники застыли на месте. Не прошло и пяти минут, как Ирина почувствовала дрожь, предательски пробежавшую по её спине. Зубы её застучали. Тело, разгорячённое долгой ходьбой, быстро отдавало ветру своё тепло, уносимое прохладным воздухом куда-то вдаль, в сторону сгущавшегося лесного мрака. Ирине захотелось спрятаться в траву, свернуться калачиком, провалиться сквозь землю, наконец, лишь бы поскорее укрыться от ветра, который больше не казался ей приятным и освежающим.

– Нам нужно убежище, – сказал Володя. – Подальше от ветра.
– Пойдёмте обратно в лес, – предложил Сергей Сергеевич без особенного энтузиазма.

– На съедение комарам? – спросил Володя.

– Есть другие предложения?

– Помните овраг, там, на лугу, где начинается гать?

– Дотуда километр пути, не меньше, да ещё по неровному полю. В темноте можно и шею себе свернуть! – возразил профессор, не без оснований полагавший, что ещё один, даже совсем короткий переход будет ему не под силу. При одной мысли о необходимости снова идти куда-то его тело выразило решительный протест десятками всевозможных сигналов, каждый из которых был в большей или меньшей степени неприятен.

– Лучше уж в лес, – согласилась с ним Ирина, с трудом ворочавшая сухим от жажды языком.

– Ладно! – согласился Володя, неохотно сдаваясь перед лицом большинства. – Тогда предлагаю расположиться прямо здесь. Накроемся брезентом – он защитит нас от ветра. Переночуем, а завтра с утра будем искать убежище понадежней.

Против этого плана никто не возражал. Володя достал из своего рюкзака, некогда принадлежавшего профессору, многократно сложенный кусок брезента, обнаруженный ими возле колодца, из которого извлекли Сергея Сергеевича. В развёрнутом виде он представлял собой квадрат размером три на три метра. «Вполне достаточно, чтобы укрыться от ветра», – решил Володя.

– За водой бы ещё сходить! – вяло произнесла Ирина, тщетно пытавшаяся заставить себя подняться.

– Сейчас сбегаяю! – нарочито бодро ответил Володя, сам едва державшийся на ногах от усталости. Он взял пластиковые бутылки и, не разбирая пути, напролом пошёл в сторону озера, запинаясь о кочки, проваливаясь в мелкие ямки, скрытые травой. Время от времени на его пути встречались низкие поросли кустов, сквозь которые он продирался, не замедляя шага.

У самой воды ветер чувствовался ещё сильнее. Воздух беспрепятственно разгонялся над открытым пространством озера и обрушивался на берег, стараясь прихватить с собой брызги, вырванные из гребней пенных волн. С головы Володи чуть не сдуло бейсболку. В последний момент он успел поймать её и запихать, от греха подальше, в боковой карман своей куртки.

В сгущавшемся полумраке вода возле берега выглядела чернильно-чёрной, столь же непрозрачной, как на середине озера, но совсем не такой чистой. Володя по опыту знал, что она не годится для питья из-за частичек ила и песка, поднятых со дна бурлящими волнами. Нужно было отплыть подальше от берега, туда, где было глубже и подводные части волн не доставали дна. Он нехотя разделся, зашёл по пояс в холодную воду, окунулся и поплыл, преодолевая напор вздымавшихся валов. Даже в относительной дали от берега он старался брать воду с самой поверхности.

Плывать в чёрной, волнующейся воде было жутковато. Ему начало чудиться, что его вот-вот схватит за ноги какое-нибудь подводное чудовище, и он никак не мог подавить в себе этот глупый детский страх. Набрав воды, Володя в несколько взмахов руками достиг мелководья и, поднимая снопы брызг, выбежал на берег, освежённый холодом и безликим ужасом, которого ему только что удалось так счастливо избежать. Одеваясь, он улыбался в темноте.

– Так и будем пить некипячёную? – спросил Сергей Сергеевич, взяв у Володи одну из бутылок.

На этот раз он не получил ответа. Ирина жадно пила воду прямо из горлышка. Володя был занят важными размышлениями: он решал, стоит ли разводить костёр. Готовить было нечего. Идти в лес за хворостом не было сил. К тому же на таком ветру огонь от костра мог легко перекинуться на сухую траву, окружавшую их со всех сторон. «Обойдёмся без костра», – решил про себя Володя.

Так и не дождавшись ответа, Сергей Сергеевич пожал плечами, понюхал воду, поморщился и стал пить маленькими глотками. Вода пахла тиной.

Володя включил фонарь. Невольно жмурясь от резкого света, он расправил брезент. При свете фонаря ему удалось отыскать подходящую, более или менее ровную площадку, укрытую от ветра низенькой кочкой, очень похожей на полуобглоданную куриную кость, торчащую из земли. Все трое улеглись рядом, бок о бок, прямо на траву, а сверху накрылись брезентом. Володя выключил фонарь. Под брезентом стало абсолютно темно, но очень уютно. Ветер, по-прежнему громко шуршавший травой снаружи, теперь не мог добраться до них.

– У тебя ещё остались орешки? – тихо спросил Володя Ирину.

– Одна пачка, – ответила она.

– Давай погрызём?

– Это последняя пачка.

– Я понимаю. Знаешь, мне обычно не спится на голодный желудок.

– Хорошо! – ответила Ирина. Она покопалась в тощем рюкзаке, лежавшем под её головой. Через минуту все трое грызли солёные орешки, слушая шум ветра и радуясь теплу, медленно разливавшемуся под брезентом.

Глава 20

Рассвет выдался ненастным. С неба сыпалась водяная пыль, до отказа наполнившая воздух, отчего тот сделался непрозрачным. Отдалённые предметы исчезли из поля зрения. Ничего нельзя было разглядеть уже на расстоянии в пятьдесят шагов. Ветер стих. Вместе с ним утихла и вся природа. В безмолвии раннего утра было слышно, как на озере выпрыгивают из воды, спасаясь от хищников, мелкие рыбёшки.

Ирина проснулась от того, что всё тело её затекло. Пошевелив ногой, она почувствовала, как тысячи маленьких иголочек покалывают её кожу.

Отодвинув брезент ватными, непослушными руками, она окунулась в мир пастельного безмолвия. Кожа на её лице мгновенно сделалась влажной. Потом влага начала проникать сквозь одежду. Ирина содрогнулась всем телом.

Вслед за ней зашевелился Володя. Его взъерошенная голова высунулась из-под брезента. Ирина удивилась той разительной перемене, которая произошла во внешности молодого человека. Его засаленные волосы торчали во все стороны, как будто кто-то нарочно растрепал их, а потом закрепил гелем для укладки волос. Лицо было покрыто сероватым налётом грязи, местами свежённой, местами – размытой каплями пота. Недельная щетина покрывала его щёки и шею. Но самыми главными переменами в этом лица были его необычная худоба и тревожный румянец, хорошо заметный сквозь грязный налёт. Глаза Володи как будто сделались больше, но его взгляд по-прежнему сохранял присущую ему спокойную доброжелательность.

«Наверно, и я выгляжу не лучше», – подумала Ирина.

– Дождь? – хрипло спросил Володя, не решаясь окончательно выбраться из-под брезента.

– Не-а, – ответила Ирина поёживаясь. – Просто вода висит в воздухе в полном противоречии с законами тяготения.

– Днём распогодится, вот увидишь, – уверил её Володя.

– Сергей Сергеевич всё ещё спит? – спросила Ирина.

– Как сурок.

– Я тут сидела, думала. Целую неделю без еды мы здесь не протянем, согласен?

– Ну, в принципе, да, хотя на практике возможны варианты.

– Какие?

– Может быть, профессор найдёт что-нибудь съедобное.

Сказав это, Володя закашлялся, долго не мог остановиться, затем продолжал:

– Можно попробовать ловить рыбу или каких-нибудь птиц.

– Кто же их станет ловить? Я не умею, да и нечем, – возразила Ирина, улыбаясь.

– Я могу, – серьёзно заявил Володя.

– Да ты сам-то еле ходишь! Я вчера за тобой наблюдала.

– Подлая клевета! Я вполне здоров. Подумаешь, лёгкая простуда!

– Тебе бы в больницу надо, – перебила его Ирина. – Послушай, какой у тебя кашель!

– Ещё чего!

– Ну, хорошо, тебя, как видно, не переспорить, но ты же не будешь возражать, что Сергей Сергеевич нуждается в медицинской помощи!

– Ты сама вчера говорила: опасности пока нет.

– Много я понимаю! – с иронией ответила Ирина. – Я вообще собираюсь специализироваться на кардиологии, к твоему сведению.

– Много, не много, а больше моего. Я бы сказал, что профессор в порядке.

Вчера сам досюда доковылял. Если бы у него было что-нибудь серьёзное, вроде перелома, не дошёл бы.

– В состоянии стресса человеческий организм способен на многое, – заметила Ирина.

– К чему ты клонишь? – спросил Володя.

– Собираюсь пойти вокруг озера, в Матвейцево, за помощью, – сказала она.

– Что, одна? – удивился Володя.

– А что такого?

– Заблудишься! Помнишь, что говорил Николай? Здесь нет ни дорог, ни тропинок, только леса и непроходимые топи.

– Как же нет? Мне показалось, или мы вчера шли сюда по тропинке? Смотри, что я подумала: если где-то здесь действительно живут люди, им наверняка приходится обходить озеро, чтобы выбираться к цивилизации. Значит, должны быть тропинки, какие-нибудь дорожки, хоть что-нибудь!

– С чего ты взяла, что они вообще выбирают к цивилизации?

– Как же иначе они смогут здесь существовать без еды, одежды, инструментов?

– Уташат что-нибудь у туристов, – мрачно пошутил Володя.

– Много им пользы от микроскопа или от пробирок Сергея Сергеевича, – ответила Ирина.

– Ладно, предположим, где-то поблизости на самом деле есть тропинка, – допустил Володя. – С чего ты взяла, что нам удастся её найти?

– Нам?

– Ну, конечно, нам, – подтвердил Володя. – Одну-то я тебя уж точно не отпущу.

– Потому что все люди рассуждают примерно одинаково, – ответила Ирина, воодушевлённая и обрадованная словами Володи. – Все мыслят шаблонами и стремятся, по существу, к одному и тому же: к удобству, безопасности, сытости.

– И как же, по-твоему, они мыслят в данном случае?

– Так же, как мы с тобой. Ты сам показывал мне карту озера на навигаторе. Оно вытянуто с запада на восток. Если смотреть с нашей стороны, то есть с севера, мы сейчас находимся ближе к правому концу, так?

– Так, – подтвердил Володя.

– Это значит, – продолжала Ирина, – что тропинку нужно искать на западе, с правой стороны, просто потому, что там ближе. Сколько километров отсюда до Матвейцева, если идти вокруг правого конца озера?

Володя стал считать вслух:

– Я думаю, если двигаться вдоль берега, то до правого конца будет километров пятнадцать, а до левого – двадцать-двадцать пять. Если пойдём направо, выйдет ближе: пятнадцать километров по нашей стороне, ещё примерно столько же – по противоположной, плюс-минус километр-другой. Это если всё время идти по прямой, разумеется.

– Значит, чуть больше тридцати километров. Я смогу пройти такое расстояние меньше, чем за день, – сказала Ирина.

– Теоретически, – поправил её Володя.

– Пусть теоретически. Практически же я вот что тебе скажу: если не пойти сейчас, у меня очень скоро не останется сил, а значит, у нас больше не будет такой возможности. В конце концов, что мы теряем? Не получится найти дорогу – вернёмся назад. Всё-таки это лучше, чем сидеть и ждать, медленно слабая от голода.

– Хочешь сказать, что стресс во время ходьбы позволит нам продержаться дольше, чем мы могли бы протянуть, сидя на одном месте?

– Вот именно! – Ирине было приятно, что Володя уловил самую важную мысль, смутно крутившуюся в её голове. Она чувствовала, что непременно должна идти, как будто её принуждал к этому какой-то упрямый инстинкт. Теперь инстинкт получил логическое обоснование или, по крайней мере, видимость такового.

– Ладно, пойдём! – вздохнул Володя.

– Может быть, тебе всё-таки лучше остаться? – в последний раз попыталась отговорить его Ирина. – Как твоя температура и вообще самочувствие?

– Нормально! – заявил Володя, хотя внутренне вынужден был признаться: в этот момент он чувствовал себя очень неважно. Помимо привычной слабости, он ощущал тошноту и всё не проходящую противную резь внизу живота. При малейшем физическом напряжении, особенно во время кашля, резь становилась сильнее.

«Вот что бывает, когда пьёшь некипячёную воду», – подумал Володя. Впрочем, теперь уже ничего нельзя было сделать, оставалось только ждать и терпеть в надежде, что очередная напасть пройдёт сама по себе.

– Куда вы собрались идти? – воскликнул Сергей Сергеевич, делая особенное ударение на слове «куда». – Это безумие! Я отказываюсь это даже обсуждать!

– Вот и хорошо, в таком случае обойдёмся без обсуждений, сэкономим время, – улыбнулась Ирина. Приняв решение, она вовсе не собиралась от него отступать.

Профессору нужно было немедленно привести веские возражения. Он замолчал, пытаясь мысленно выстроить самые убийственные аргументы, однако, как назло, ни убийственные, ни какие-либо другие доводы не приходили ему на ум. Сергей Сергеевич проснулся всего несколько минут назад. Видимо, поэтому ему никак не удавалось привести в порядок свои мысли. Он пытался ухватиться за хвост одной из них, тотчас терял её, перескакивал на другую мысль, бросал эту, другую, уже сознательно, потом обнаруживал, что не может сообразить, о чём думал до неё, и заходил в тупик. В первый раз за долгие, долгие годы ему не хватало слов. В конце концов, он просто махнул рукой: «делайте, что хотите!» Его неспособность повлиять на двух молодых

студентов, ничем не отличавшихся от тех юных растяп, которыми он привык с лёгкостью манипулировать, неприятно поразила Сергея Сергеевича. Он даже растерялся от собственной беспомощности, усиленной чувством разбитости, которое он испытывал после вчерашнего похода к озеру.

Ирина приняла его молчание за согласие.

– Не будем терять времени! – обратилась она к Володе. Тот кивнул. Они уже успели обсудить план дальнейших действий. В первую очередь, нужно было позаботиться о профессоре. Вдвоём они помогли ему подняться и буквально перенесли поближе к озеру, на то место, где раньше была привязана их лодка.

– Это самый удобный участок, чтобы причалить, – объяснил Володя Сергею Сергеевичу. – Ни кустов, ни зарослей камыша. Здесь вы будете нас дожидаться. Сегодня к вечеру мы доберёмся до Матвейцева, найдём там Николая. Если не найдём, то сами возьмём одну из его лодок и приплывём за вами. В любом случае, сегодня же мы вас отсюда заберём. На всякий случай оставляем вам брезент – мало ли, вдруг пойдёт дождь, укроетесь. Всё остальное, кроме одной бутылки с водой, мы возьмём с собой, вам тут вряд ли что-нибудь понадобится. Да! – вспомнил он, – оставим ещё, пожалуй, эти гигантские сапоги. Я уже устал с ними таскаться. Словом, ждите нас!

Сергей Сергеевич покорно кивал, хотя и не очень хорошо понимал, о чём говорил ему Володя. На него вдруг нахлынуло непреодолимое равнодушие. Лес, озеро, его студенты, он сам, клетчатый брезент на траве, – всё это казалось ему нереальным, похожим на тягучий, нескончаемый сон, в котором он не имел ни малейшей возможности влиять на дальнейший ход событий.

Молодые люди поднялись, собираясь уходить.

– Подождите! – остановил их профессор. – Я ведь так и не поблагодарил вас за то, что вы вытащили меня из ямы. Вылетело из головы. Всё время надеялся, сидя там, внизу, что вы вот-вот меня найдёте, ни минуты не сомневался...

Он смутился, отвернулся в сторону и почувствовал, как упругая пустота, зародившаяся в самом центре его грудной клетки, начала распространяться по всему его телу. Ему впервые в жизни стало по-настоящему страшно. Он не боялся, сидя ночью в яме, не был испуган, когда увидел череп медведя, насаженный на шест перед дверью заимки. Сергей Сергеевич был глубоко, до мозга своих костей убеждён: подобные события не происходят на самом деле. Они есть не что иное, как пошлый фарс, не имеющий к нему никакого отношения. Он был вполне уверен, что его судьба, тем более – его жизнь, не могут зависеть от бессмысленной череды безумных событий. Сама идея реальности, в которой случаются столь вопиющие происшествя, казалась ему смехотворной. И вот теперь эта настоящая, неразбавленная вымыслом действительность прорвалась, наконец, сквозь его защитные барьеры, затопила душу ледяным потоком, в который он начал погружаться, неумолимо, без всякой надежды вернуться назад, в привычный мир ненавистной ему когда-то будничной рутины. В теперешнем расставании с ребятами было что-то

окончательное. Череда иллюзий остановилась, превратившись в чудовищную, застывшую картину, где он оставался совсем один, слабый, измотанный и голодный, с раненой ногой, сидящий возле озера в ожидании... Ожидании чего? Ему было страшно даже думать об этом.

– Да вы не переживайте! – весело прохрипел Володя своим новым, надтреснутым голосом. – Оглянуться не успеете, как мы уже вернёмся!

Сергею Сергеевичу не хотелось, чтобы они заметили его подавленное настроение. Он ещё не достиг той глубины отчаяния, когда прилюдное проявление слабости перестаёт иметь какое-либо значение. Прикрыв глаза ладонью, как будто защищаясь от несуществующих солнечных лучей, он кивнул, не решаясь говорить, чтобы не выдать своего волнения.

– Возвращайтесь скорее, – выдал из себя, безуспешно стараясь имитировать свой обычный уверенный тон.

– Одна нога здесь, другая – там! – голос Володи звучал ободряюще. – Ну, всё, мы пошли!

Они отвернулись от профессора и зашагали вдоль берега, на запад. Скоро их фигуры пропали из виду, скрытые высокой травой. Сергей Сергеевич приподнялся, встал на колени. Из этой позиции он ещё несколько минут мог видеть их удалявшиеся спины. Когда спины и затылки снова исчезли, он попробовал встать в полный рост. Раненая нога ответила пронзительной болью. Кое-как, с трудом, ему удалось выпрямиться, удержать ненадёжное равновесие на одной, подрагивавшей от напряжения ноге. Но ребят уже не было видно. Он стоял один, посреди неподвижной травы, окружённый круглой, пористой стеной тумана. Ничто не шевелилось внутри этой стены. Профессор упал навзничь, закрыл лицо руками, ошеломлённый нахлынувшей на него жалостью к самому себе. Сжавшись в комок, он лежал на земле, безучастный ко всему на свете, кроме собственных душевных страданий, а в небе над ним медленно поднималось с востока жёлтое солнце.

Глава 21

Ирина упорно шагала вперёд по прибрежному лугу, без малейшего толку оглядывая местность в поисках тропинки: если на этот пустынный берег и ступала когда-нибудь нога человека, она не оставила следов. Повсюду беспрерывно щетинилась всё та же буйная, высокая трава, мокрая от утреннего тумана. Очень скоро джинсы Ирины промокли насквозь, двигаться в них стало неприятно: влажная ткань липла к коже, отнимая у неё драгоценное тепло. Она пробовала менять ширину шагов, но джинсы всё равно продолжали упорно прилипать к ногам.

– Ступай по моим следам, – сказал Володя, заметивший её дискомфорт и немедленно догадавшийся о его причине.

Ирина с благодарностью воспользовалась его предложением. Володя двинулся с места, стараясь как можно сильнее приминать траву. За ним

потянулась узкая полоса согнутых, поломанных, втоптаных в землю стеблей, по большей части лишившихся своего влажного покрова. Идти в арьбергарде оказалось намного легче.

Спустя некоторое время травяной покров начал редеть, сделался ниже. Земля совсем размякла. Вначале ноги просто скользили по ней, потом стали всё глубже и основательнее погружаться в полужидкую грязь. Каждый шаг Володи сопровождался громким чавкающим звуком, далеко разносившимся в утренней тишине. На смену луговой траве пришли осока, кочки зелёного мха, да кое-где торчавшие маленькими, разрозненными группками острые листья рогоза, увенчанные коричневыми початками.

Володя остановился, чтобы осмотреться. Ирина, шагавшая позади него, была вынуждена последовать его примеру. До того момента она не смотрела по сторонам, всецело поглощённая поисками более или менее твёрдых участков, на которые можно было ступить, не провалившись при этом по самую щиколотку.

– Сдаётся мне, дальше пути нет, – задумчиво произнёс Володя. – Видишь, вон там, за камышами, обломки мёртвых деревьев? – Он указал рукой в направлении их движения.

Действительно, впереди, сквозь поредевший туман, была видна обширная зеленоватая равнина, которую можно было бы принять за луг, если бы не унылые остовы гнилых стволов, торчавшие мрачным, почерневшим частоклом из пропитанной водой земли.

– Впереди настоящая топь, – сказал Володя. – Здесь нам не пройти.

– Что же делать? – спросила Ирина.

– Выбор невелик: либо попытаться обогнуть эту трясику с севера, либо возвращаться назад.

– Вернуться назад мы всегда успеем, – сказала Ирина. – Это нам ничего не даст. А если пойти вокруг, как ты говоришь, то нам придётся уйти от озера и углубиться в лес, верно?

– Верно, – согласился Володя.

– Тогда, если, конечно, тропинка вокруг озера всё-таки существует, нам будет намного проще её отыскать, если мы пойдём не вдоль её направления, а поперёк. Рано или поздно мы на неё наткнёмся.

– В этом есть крупица здравого смысла, – согласился Володя. – Предлагаю вернуться назад, туда, где посуше, а потом двинуться прямо на север.

Так и сделали. Оставив озеро за спиной, молодые люди углубились в лес. Идти сквозь него было ещё труднее. Лес оказался дремучим. Путь то и дело преграждали упавшие стволы, густые заросли молодых деревьев, мелкие овраги, которые приходилось обходить стороной. Когда, спустя примерно час, они присели передохнуть на толстый, трухлявый ствол, их одежда была насквозь мокрой, но на этот раз уже не от росы, а от пота.

Ирина оглянулась вокруг, и у неё захватило дух. Рядом с ней, как титанические колонны, уходящие ввысь, в самую глубину далёкого, дымчатого

неба, громоздились колоссальные деревья невероятной величины. Ирина никогда не видела таких исполинских стволов. Их нижние ветви давным-давно высохли и отвалились, и только где-то в самой вышине, на границе леса и неба, привольно купалась в живительном дневном свете тёмная зелень хвои. Зато здесь, внизу, в тени, куда редко заглядывало солнце, стволы были густо покрыты жёлтыми, серыми и коричневыми лишайниками. Молодые деревца и бесформенные, буйно разросшиеся кусты загромаждали собой остальное пространство леса. На одной из редких полянок, в промежутке между кустарниками, неподвижно висел в воздухе пушистый, деликатный ковёр из папоротников. Ещё ниже, припав к самой земле и довольствуясь лишь малой толикой света, приходившейся на их долю, скромно росли ворсистые кустики плаунов.

В тот момент, когда Ирина, взмокая и усталая, села на поваленный ствол и взглянула вокруг, в глубину леса неожиданно проник случайный, косой луч солнца. Туман уже давно рассеялся над озером, но в лесу сохранялась сырость. Влажный запах смолы, земли и тлена по-прежнему наполнял неподвижный воздух, неподвластный ветру, редко дерзавшему проникать в столь глубокую чашу.

– У тебя ещё осталась вода? – спросила Ирина.

Володя молча протянул ей свою флягу. Его самочувствие значительно ухудшилось. С утра он ещё надеялся расходиться, обмануть тошноту, подступавшую к горлу, слабость и боль в кишечнике, но неприятные ощущения не желали оставить его в покое. Лишь по временам резь в животе как будто затихала, всякий раз возвращаясь с ещё большей интенсивностью. Володю опять знобило, ему было холодно. Даже энергичная ходьба по пересечённой местности не помогала ему согреться.

Ирина хотела было взять флягу, но, посмотрев на потрескавшиеся губы Володи, на его осунувшееся, серое лицо, сказала:

– Пей воду! У тебя все губы сухие. Обезвоживание намного опаснее голода.

Володя послушался. Он покорно допил остатки воды из фляги. На его теле сейчас же выступила испарина, и ему стало несколько лучше.

«Пустяки! Всего-навсего обезвоживание!» – подумал он.

– Надо будет набрать воды, – заметила Ирина. – Как думаешь, мы уже достаточно забрались на север? Не пора повернуть опять на запад, чтобы идти вдоль озера?

– Я не очень уверен, что мы шли строго на север, – ответил Володя.

– Ну, в примерном направлении севера, – сказала Ирина.

– Посмотри на тот луч солнца. – Володя указал на косой луч, всё ещё висевший в воздухе высоко над их головами. – Сейчас десять часов утра, солнце стоит на востоке. Мы должны были видеть этот луч под другим углом. Если верить лучу, мы шли не на север, а на северо-восток.

– Луч мог преломиться где-нибудь наверху, в кронах деревьев, – не согласилась Ирина.

– Может быть, – ответил Володя. – Пора выбираться из этого леса. Давай повернём строго на запад.

– Строго на запад по лучу или под прямым углом к нашему предыдущему направлению?

– Лучше по лучу, – предложил Володя. – Какой-никакой, а всё-таки ориентир. В лесу легко заблудиться, тут нельзя полагаться на собственное представление о пространстве. Эх, жаль, что компас пропал! Будь он неладен, этот медведь!

Они встали и пошли в ту сторону, где, по их предположению, должен был находиться запад. С переменой направления лес тоже поменял свой характер: стали чаще встречаться плауны и папоротники, деревья уже не достигали столь колоссальных размеров, хвойные породы, преобладавшие до сих пор, сменились лиственными. Даже кусты, и те стали ниже и как будто неряшливее.

Примерно через час пути перед ними возникло озерцо, затянутое буровой тиной. Они обошли его стороной. Для этого им пришлось сделать порядочный крюк и продраться сквозь плотную поросль душистого болотного багульника, захватившего тенистую полянку. Потом земля совсем раскисла: ноги утопали в ней едва ли не по колено. Идти дальше стало невозможно.

Заметив торчавший из земли невысокий сухой холмик, они забрались на него и, обессиленные, повалились на мягкий мох, покрывавший всю его поверхность. Кеды Ирины нельзя было разглядеть из-за толстых слоёв грязи, налипших сверху. Вся её одежда была перепачкана, даже волосы оказались густо забрызганными зеленоватой глиной. Володя выглядел немногим лучше, да и то лишь благодаря тому, что его одежда защитного цвета лучше скрывала грязь.

С вершины холмика они увидели безрадостную картину. Земля на западе совершенно исчезала под покровом воды. Корни ближайших деревьев, залитые водой, постепенно умирали. Вслед за корнями гибли кроны. Оставались только сухие остовы, грустно торчавшие из предавшей их земли. Чуть подалее огромным плоским полукругом простиралось болото. Зелёные кочки чередовались с открытой водой, блестящей под прояснившимся дневным небом.

– Вот и пришли, – устало сказал Володя.

– Думаешь, не пройдем? – спросила Ирина, впрочем, без особенной надежды.

Володя только равнодушно махнул рукой в ответ.

– Что ж, тогда вернёмся назад? – голос Ирины был тонким, жалким. Ей было ужасно стыдно: из-за её бессмысленного, ослиного упрямства им с Володей пришлось напрасно проделать весь этот путь, потерять впустую столько сил!

Володя кивнул.

- Надо бы набрать воды, пока есть возможность, – сказал он.
- Думаешь, такую воду можно пить? – усомнилась Ирина, подозрительно глядя на желтоватые лужицы, которыми изобиловали окрестности.
- Конечно, нет. Я вот вчера напился, так теперь в животе урчит и какие-то колики схватывают.
- Давно?
- С утра или, точнее, с прошлой ночи.
- А не тошнит?
- Тошнит. Наверно, вырвало бы, если бы было чем.
- Давай наберём воды и прокипятим её! – предложила Ирина.
- Давай. Прямо здесь огонь и разведём. Вскипятим полную флягу, а заодно наполним бутылку.

Володя набрал сухих веток, мелко настрогал их, разложил вокруг полувкопанной в землю открытой фляги, наполненной мутной, скверно пахнущей болотной водой, и развёл маленький костёр. Вскипятив воду, он остудил её, крепко завинтив крышку и закопав флягу в жидкую грязь. Остывшую воду перелили в бутылку, кое-как процедив её сквозь не очень чистый платок. Сразу же вслед за тем начали кипятить вторую порцию.

Воспользовавшись передышкой, Ирина стащила свои грязные кеды и попыталась высушить носки, подвесив их на палочках поблизости от огня. Кожа на её ногах выглядела бледной, набухшей и сморщенной: долгое воздействие сырости не прошло даром. Теперь Ирина поняла, зачем Николай настаивал, чтобы они взяли с собой сапоги.

- Что у тебя с ногами? – спросила она Володю.
- Всё в порядке! – ответил он по привычке, несмотря на то, что промокшие ботинки сильно натёрли ему пальцы ног.
- Ну-ка, разуйся! – велела Ирина строгим, не терпящим возражений тоном. Володе пришлось повиноваться.

Ноги Володи были далеко не в лучшем состоянии: кожа ступней сделалась рыхлой, пористой, между пальцами образовались трещинки. Кроме того, Ирина обнаружила несколько водянистых мозолей и красноватых потёртостей.

- Плохо дело, – сказала она. – С такими ногами тебе сегодня не стоит больше ходить.
- Что же, здесь оставаться, что ли?
- Давай, по крайней мере, просушим обувь и носки. И ноги тоже. У тебя под рубашкой что, футболка?
- Да, – ответил Володя, слегка удивлённый её вопросом.
- Хлопчатобумажная?
- Понятия не имею!
- Снимай, посмотрим!

Володя снял футболку. Бирок на ней не было. Наощупь она показалась Ирине сделанной из чистого хлопка.

– Разрежем её по швам, – сказала она. – Когда носки снова промокнут, снимешь их и обмотаешь ноги сухими портянками.

– Слушаюсь! – ответил Володя, невольно улыбаясь.

Они решили прямо на месте выпить по бутылке кипячёной воды, потом снова наполнить ёмкости кипятком и взять их с собой. Когда обувь и носки подсохли, а вода была прокипячена и остужена, настало время отправляться назад, к озеру.

– Ну, как теперь твои ноги, лучше? – спросила Ирина.

– Гораздо! – ответил Володя, хотя на самом деле частично высохшие у костра ботинки сделались жёсткими, словно деревянными. При этом они как будто уменьшились в размере и ещё больше натирали и без того натёртые ноги.

Впереди, преграждая дорогу в лес, лепились друг к другу рваные формы кустов с торчавшими из них облезлыми берёзами, напоминавшими шеи худосочных жирафов. «Дойдём ли?» – подумал Володя, прежде чем начать продираться сквозь кусты. Мысленный вопрос, заданный им самому себе, остался без ответа.

Не разбирая пути, Володя врезался в самые заросли, грубо проламывая дорогу всей массой собственного тела. Ветви царапали его лицо, но он не прикрывался руками. Царапины отвлекали его от боли в ногах, от урчания в животе, которое только усилилось после выпитой воды, а главное – от мыслей о предстоящем им долгом марше. Он продолжал шагать, как обезумевшая, вышедшая из-под контроля машина, механически переставляя ноги, ломая побеги, круша корни, втаптывая ветви в гнилую землю. «Есть ещё сила, есть!» – ликовал он, слыша, как под его напором с громким хрустом лопаются толстые сучья. «Поберечь бы», – залетела в голову разумная мысль. Но доводы разума звучали сухо и безжизненно, как шелест сухих листьев на зимнем ветру. «Назло дойду!» – твердил про себя Володя, бросая вызов судьбе и черпая в нём новые силы.

Ирина шла позади, наблюдая, как Володя борется с кустами. В этой тщетной борьбе было что-то отчаянно-непокорное, жалкое и в то же время величественное. То было одно из многочисленных сражений бесконечной войны, где не бывает победы, где любое действие, так же, как и бездействие, обращается в тактическое поражение, где единственным оправданием для продолжения схватки остаётся высокое стремление к сохранению достоинства перед лицом заведомой обречённости.

Помимо собственной воли, захваченная порывом Володи, Ирина следовала за ним по пятам, точно так же решительно проламываясь сквозь кусты, хотя могла бы запросто обойти их стороной. Её характер, воспитанный на лучших образцах высокой русской культуры, впитал парадоксальную идею: самый благородный вид борьбы – это борьба с самим собой. Гордо подняв голову, она отступала на восток, оставляя позади бескрайнюю гладь непроходимого болота.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Утром того же дня, когда Сергей Сергеевич, Ирина и Володя в последний раз оставили заимку, чтобы отправиться назад, к озеру, Николай возвращался домой из Центральной усадьбы. Он был недоволен собой: целые сутки пропали впустую, в то время как дома его ждали зараставшие сорняками поля с пшеницей и картофелем, оставленная без присмотра скотина, огород и целая куча разнообразных хозяйственных дел.

Не то, чтобы каждый напрасно потраченный июньский день мог нанести ущерб его маленькому хозяйству, обернувшись нехваткой в зимние месяцы. Нет, не один день определял результат работы всего лета. Куда более важны были, например, природные факторы. Но Николай не имел над ними власти, поэтому ему не приходило в голову винить природу за жару или заморозки, засуху или не вовремя случившийся дождь. Зато каждая собственная оплошность тяготила его, а теперешний проступок был особенно плох, поскольку являлся прямым результатом его слабости.

Несмотря на вошедшую в привычку нелюдимость, а может быть, именно из-за неё, у Николая временами возникала сильнейшая потребность в общении с другими людьми. Правда, летом такое желание рождалось нечасто: в эту пору к нему регулярно наезжали охотники, рыбаки, грибники и ягоdniки, а то и просто любители природы, составлявшие ему компанию и приносившие кое-какой денежный доход. Так и на сей раз поездка в Центральную усадьбу не была продиктована чувством одиночества: Николаю нужно было пополнить запасы, окончательно истощившиеся в течение весенних месяцев, когда распутица держала его дома.

Сергей Сергеевич заплатил за переправу половину обещанной суммы, пообещав отдать остальную часть денег по возвращении. Буквально на следующий день в Матвейцево нагрянула компания рыбаков, прикативших на трёх больших автомобилях. Они почти не ловили рыбу, хотя и арендовали для этих целей обе оставшиеся лодки. Вместо рыбалки эти странные люди целыми днями сидели на берегу, выпивали, закусывали, разговаривали о марже, деривативах, и прочих мудрёных вещах, о которых Николай не имел ни малейшего представления. По вечерам рыбаки приходили ночевать к нему на сеновал, и тогда он, помалкивая, угощал их чаем и слушал их бесконечные споры. Когда незадачливые рыбаки, наконец, уехали, без рыбы, но очень довольные, они щедро наградили Николая за его гостеприимство деньгами и подарками. Так и вышло, что, получив порядочную, по его меркам, сумму денег, Николай решил сейчас же, не откладывая, съездить в магазин, чтобы потом уже не беспокоиться об этом до конца лета.

Он запряг коня в самодельную тележку, построенную на основе автомобильных колёс, но без рессор. Шины на колёсах были старые, на их вытертых боковинах из-под растрескавшейся резины торчали пучки рыжеватого

корда. В сотый раз критически осмотрев повреждения, Николай вздохнул. «Походят ещё!» – решил он, как решал всегда, руководствуясь скорее надеждой, нежели сколько-нибудь обоснованной уверенностью.

Выехал он рано, рассчитывая вернуться в тот же день, по возможности – даже засветло, но, как видно, у судьбы на этот счёт имелся собственный план. В усадьбе, сразу же на въезде, Николаю угораздило встретить бывшего земляка, прежнего жителя Матвейцева. Тот шёл куда-то по каким-то своим делам, но, увидав Николая, в одно мгновение позабыл о них, без спросу взгромоздился на тележку и принялся рассказывать о своей теперешней жизни, рисуя её преимущественно в радужных цветах.

Николай помалкивал, чувствуя, что мужику надо выговориться, выплеснуть всякий сор, скопившийся на поверхности, прежде чем можно будет перейти к более важному, душевному разговору. Ему, между прочим, и в самом деле хотелось узнать, как переменялась жизнь земляков после переезда, как изменились они сами, потому что от этого зависело его решение о переселении в Центральную усадьбу, решение, которое он всё время откладывал, оправдывая свою нерешительность то делами, то какими-нибудь им же самим выдуманскими причинами.

Слушая теперь пустую болтовню мужика, он неожиданно понял, что почти не скучает по этим людям, уехавшим год назад, зато с каждой новой минутой, проведённой вдали от дома, всё больше тревожится и переживает о своём хозяйстве, об огороде, скотине, даже о курицах и утках.

«Вот как перееду сюда, – подумал он, – да как начнёт копиться тоска, пока волком не взвою, что тогда?»

Что за невидимые нити привязывали его к дому, к озеру, к Матвейцевским холмам, он не знал, но хорошо чувствовал упругое натяжение этих нитей, которым невозможно было пренебрегать.

С другой стороны, он с холодеющим сердцем вспоминал пережитую в полном уединении зиму с её глубочайшей тишиной, когда, выйдя из дому в вечерних сумерках, можно было услышать, как падают на землю снежинки. Этот звук, скорее воображаемый, нежели реальный, был подобен крошечным отзвукам одиночества, пронзавшего его душу. Потом в морозном воздухе сгущалась ранняя темнота. Он возвращался в дом, где весело трещала печь, но тишина не отступала: его дом был укутан ею со всех сторон, как будто толстым слоем белой ваты.

В ту зиму Николай ходил по покинутым домам, собирал брошенные книги, не тронутые плесенью и мышами, а потом со страстью читал их вечерами, в свете керосиновой лампы, жадно перелистывая одну пожелтевшую страницу за другой. Он проваливался в книги, как в прорубь, а тишина неумолимо караулила снаружи, ожидая, когда он ляжет спать, чтобы ещё ближе подступить к стенам, ещё сильнее заглушить присутствие остального мира, превратив тот далёкий мир в иллюзию, подобную почти забытому, но ещё мерцающему во мгле забвения слабому воспоминанию.

«Надо будет нынче осенью обязательно доделать сани», – подумал Николай, очнувшийся от своих невесёлых воспоминаний. Тем временем мужик, нисколько не смущаясь молчанием собеседника, как ни в чём не бывало, продолжал свою хвастливую повесть:

– Вот, сидишь ты там один, как сыч, даже телевизора у тебя нет, а нам давеча обещали программы со спутника подключить. Сто каналов, слышь? Все наши уже подписались, даже Варвара Сергеевна, не смотри, что бабке девяносто лет. И то, нажились уже в глуши, надо немножко цивилизации хлебнуть, а то помрёшь, и вспомнить нечего: не видал ничего окромя леса да болот.

– А библиотека у вас тут есть? – спросил Николай.

– Библиотека-то? Не знаю. Должно быть, есть, – ответил мужик, сбитый с толку неожиданным вопросом. – Я ведь книг не читаю. Когда ж мне их читать? С утра на работу, потом придёшь домой, помоешься, поешь, то да сё, а там и спать ложиться пора.

– А зимой?

– А что зимой? Зимой как будто на работу не надо ходить!

– Ну, а в выходные?

– В выходные? – мужик задумался, впервые приостановив свою непрерывную тираду. – Вот, честно говоря, и не знаю, чего я в выходные делаю. Так сразу даже не скажу. Всё, вроде, чем-то занят, а потом, как подумаешь – чем? – и непонятно. Вроде как день прошёл, и ладно, другой прошёл – всё то же, неделя ли пройдёт...

Мужик замолчал, призадумавшись. Оставшееся время по пути в магазин провели молча. Потом сообщая закупили припасы, также без лишних слов, по-деловому, погрузили их в тележку. Николай собрался в обратный путь, но бывший земляк удержал его:

– Слушай, Коля, пойдём ко мне в гости, а? Жена скоро с фермы вернётся. На дом мой посмотришь, пообедаем. Да подожди-ка, Марину позовём! Ведь она всё о тебе беспокоится: как ты там один маешься. Муж-то у неё, слышал? В больнице лежит! Он тут, ещё по весне приподнял на работе бревно, а оно возьми, да и выскользни прямо ему на ногу! Шум, переполох! Он кричит, матерится на всё село! Вызвали из района скорую, так ведь весна: пока врачи по грязи да по ухабам добирались, часа три с лишком прошло. Приехали, забрали его, с тех пор он там у них и лежит. Марина к нему ездит раза два в неделю, сигареты, пироги, бельишко тоже возит. Сама похудела с лица, а всё, знай, улыбается: такая у неё, понимаешь, диспозиция. Может, и тяжело, а людям не показывает, чтоб на жалость не напрашиваться. Баба – молоток! Ну, пойдём, что ли? Водки выпьем!

Вот тут и проявилась та самая слабость, за которую Николай корил себя на следующий день: хоть и хотелось ему посмотреть, как живёт земляк, а может быть, и в самом деле выпить водки, только надо было отказаться. И отказался бы, если б тот не приплёл Марину.

Глава 2

Марина Валентиновна была значительно моложе Николая, однако уже дважды за свою не слишком длинную жизнь успела побывать замужем. Первый, ранний юношеский брак закончился скорым разводом. Во второй раз она вышла за соседа Николая, тихого, ничем не примечательного человека средних лет, проживавшего в Матвейцеве вместе с пожилой матерью. После смерти родительницы, года за три до тех событий, о которых идёт речь в этом повествовании, он уехал было насовсем в Центральную усадьбу, да как-то не прижился там и вернулся назад, но не один, а вместе с Мариной.

Жили они, как и все в Матвейцеве, небогато, в основном плодами своих трудов, но на жизнь не жаловались, так как мало знали о каких-нибудь других способах существования, разительно отличавшихся от их собственного скромного бытия. Детей у них не было. Односельчане никогда не слыхивали об их ссорах, а Марину, хотя та и была для них чужой, быстро приняли наравне с собой благодаря её лёгкому, общительному характеру.

Она была одной из тех нередко встречающихся в российской глубинке натур, которым, кажется, всё бывает нипочём, как будто будущее для них – открытая книга, и они шагают в него без боязни и без сожалений об уходящих днях. Кто-то полагает, что подобный характер складывается от беспечности, от неумения отвлечься от текущих забот, а может быть, и от определённой ограниченности воображения. Но Марину нельзя было назвать беспечной. Напротив, с необычайным искусством хозяйки, открывшимся в ней после переезда в Матвейцево, она ухаживала за домом, скотиной и огородом, творя семейный уют всеми скудными средствами, имевшимися в её распоряжении. Что же касается воображения, то много ли пищи найдётся для него в простой деревенской жизни, где каждый поступок продиктован конкретной целью и где сама ценность вещей, а порой и людей, определяется лишь степенью их полезности.

Марина хорошо знала цену каждой вещи. Точно так же и цену каждого человека она определяла для себя сразу, бесповоротно и, как правило, безошибочно. Она ловко подмечала мелкие и крупные детали, особенности того или иного характера, привычки, склонности, всякого рода причуды окружавших её людей. При этом её всегда интересовали более хорошие черты, нежели плохие, и она заранее прощала последние, если те вообще могли быть прощены, потому что куда же без них? Плохие черты всегда есть и всегда будут, в них нет ничего удивительного. А вот присутствие хорошего, наряду с плохим, не переставало приятно удивлять её, давало повод искренне радоваться каждому новому открытию. Именно эта неисчерпаемая радость и придавала ей жизнелюбия, которым невольно заражались все, кому приходилось бывать рядом с ней. За это и полюбили её в Матвейцеве, где она сделалась важной частью коллективной души исчезающего села.

Николай, живший через дорогу от Марины и её мужа, после её приезда вначале дичился, прятался от неё, а когда неожиданно сталкивался с ней на

улице нос к носу, то отводил глаза, кашлял в кулак и бурчал что-то невразумительное в ответ на её простые, дружелюбные приветствия.

«Ишь, вертихвостка!» – думал он неодобрительно, исподтишка наблюдая сквозь забор за её проворными движениями или слушая её мелодичное пение, часто начинавшееся с середины куплета и также внезапно, невесть отчего умолкавшее посреди незаконченной песни.

Марина же тотчас узнала в Николае добрую душу. Она совершенно не придавала значения его внешней замкнутости, бурчанию, взглядам, бросаемым на неё украдкой сквозь забор: учитывая крайнюю неуклюжесть Николая, эти взгляды, разумеется, не могли ускользнуть от её внимания. Она продолжала делать вид, что не замечает его угрюмости, приветливо здоровалась с ним при встрече, неизменно слыша в ответ какое-нибудь невразумительное хрюканье, и ждала, справедливо полагая, что этому добродушному великану нужно время для того, чтобы привыкнуть к её присутствию.

И действительно, по прошествии некоторого времени Николай смягчился. Он не мог не отдать должного трудолюбию Марины, а её заразительная жизнерадостность окончательно пробила брешь в ореоле его мнимой суровости. Постепенно он бросил бурчать и стал как следует здороваться с ней, уже не пряча глаз, а только скрывая свою неловкость за неказистой улыбкой, очень кстати тонувшей в недрах его чёрной бороды. Потом они стали обмениваться сведениями о здоровье и хозяйственными новостями. Наконец, спустя примерно полгода, Николай начал по-соседски захаживать к Марине, а иной раз и подолгу беседовать с ней о разных разностях, особенно если она интересовалась его мнением относительно какого-нибудь вопроса. Он так и не научился первым затевать разговоры, зато она была мастерицей вызывать его на порядочные высказывания, а то и на целые дискуссии.

Марина, наверное, смогла бы разговорить и валун в лесу, и даже спящего зимой в берлоге медведя. Она умела так внимательно слушать, так ненавязчиво руководила беседой, что каждый, кто разговаривал с ней, не мог не чувствовать себя очень важным: не зря же его мнение воспринималось настолько серьёзно! Ей можно было выболтать ненароком самые сокровенные тайны, и быть совершенно спокойным, в полной уверенности, что Марина сохранит эти тайны так же хорошо, как свои собственные.

После разговоров с Мариной Николай сам дивился себе, потому что никогда прежде ему не приходилось в одночасье произносить столько слов кряду, и слова при этом выходили какими-то необыкновенно складными, будто говорил не он сам, а кто-то другой.

«Взял моду болтать, как радио!» – ворчал он про себя и счастливо улыбался, вспоминая широко открытые, серьёзные карие глаза только что слушавшей его Марины.

Кончилось тем, что он снова начал избегать её, опасаясь ревности соседа и не желая создавать для неё лишних проблем. По крайней мере, так он говорил себе сам. Каковы же были истинные причины его нарочитой отчуждённости,

он не хотел и не умел анализировать, не желал даже наедине с самим собой обсуждать и формулировать их. Когда мысли о Марине украдкой проникали ему в голову, он либо хватался за топор и шёл во двор колоть дрова, либо начинал точить кухонные ножи, или же отправлялся проведать скотину. Коварные мысли рассеивались, и ничто не нарушало более привычного хода его жизни.

Накануне переезда Марины и её мужа в Центральную усадьбу Николаю не спалось. В холодных, туманных утренних сумерках немолодой уже осени он вышел на улицу, зябко поёживаясь в своей старенькой, выдавшей виды телогрейке.

Они уезжали последними. Так же, как Николай, долго не могли решиться, спорили. Марина была родом из Центральной, но уже успела привыкнуть к Матвейцеву, к своему новому дому, на обустройство которого она потратила столько сил, к неторопливому течению местной жизни. Только после отключения электричества они, наконец, скрепя сердце собрались. Вещи уже были отправлены накануне вместе с трактором, утащившим по раскисшей лесной дороге большой дощатый прицеп с высокими бортами, нагруженный лишь до половины. Сегодня переселенцы отбывали сами. После их отъезда Николай должен был остаться в Матвейцеве совершенно один.

Было, наверное, не позднее пяти часов утра. Улица перед домом была пустынна. Ни о чём не думая, Николай смотрел на безжизненно повисшие в неподвижном воздухе ветви придорожных берёз, успевшие потерять добрую половину жёлтых листьев. Неожиданно его внимание привлекли лёгкие шаги. Это была Марина.

– Доброе утро, сосед, – сказала она шёпотом, словно опасаясь спугнуть робкий свет нарождающегося дня. На её лице не было привычной улыбки.

– Здравствуй, – тоже шёпотом ответил Николай, пытаясь вынырнуть из охватившей его задумчивости.

– Попрощаться пришла, – сказала Марина, как будто прощание в столь ранний час было совершенно обыкновенным делом, и она нисколько не сомневалась, что встретит его бодрствующим у калитки.

Николай кивнул в ответ, не зная, что ему следует отвечать. Теперь, после бессонной ночи, когда столько всего уже было передумано, когда раз за разом, по кругу сменявшие друг дружку мысли прекратили свой тягостный хоровод и утихли, его охватило странное оцепенение. Он попробовал что-то сказать, даже открыл для этого рот, но так и не решился, снова сомкнул зубы и потупился.

Марина тоже молчала. Она зябко куталась в серую пуховую шаль, которую Николай много раз видел на ней в прохладные дни. Станным образом, молчать вдвоём было просто, спокойно. Также просто и спокойно к их молчанию присоединилось задумчивое молчание природы.

Тишину нарушил петух, громко прогорланивший свою утреннюю песню. Вмиг покачнулся, тронулся островок безвременья, затерянный в тумане.

Марина вздрогнула, как будто очнувшись, и посмотрела на Николая долгим, пристальным взглядом. С присущей ей пронизательностью она разглядела в его лице растерянность, почти отчаяние. Марина решительно подавила в себе жалость, боясь даже мысленно оскорбить его этим чувством и вместе с тем унижить себя невольным оскорблением. Повинуясь внезапно возникшему желанию прикоснуться к Николаю, она протянула ему руку.

Николай, не ожидавший подобного жеста, сроду не пожимавший руки женщине, осторожно взял её тёплую, непривычно маленькую кисть в свою огромную покрытую мозолями ладонь. Она крепко сжала его руку, посмотрела несколько мгновений прямо ему в глаза, потом повернулась и, не говоря более ни слова, пошла назад, к своему дому.

Днём, когда Николай помогал соседу запрягать пегую кобылу, когда они втроём выносили из дома наиболее ценные вещи, которые побоялись отправить с трактором, когда, наконец, они прощались перед отъездом в надежде встретиться в Центральной усадьбе ещё до прихода зимы, он видел Марину, разговаривал с ней. В этом светлом, дневном мире всё было иначе: чётче, привычнее, ясней. Только Николаю, ослеплённому чувствами, пережитыми в объятиях утреннего тумана, казалось, будто все краски в мире выцвели и поблекли, растворившись в мягком, прозрачном свете осеннего дня. Он попрощался с Мариной без сожаления, сам мимоходом удивившись своему спокойствию. Теперешнее прощание было лишь формальностью, ритуальным действием, лишённым глубокого смысла. Настоящее расставание началось для него задолго до их последнего рукопожатия и, по-видимому, закончилось вместе с ним.

Николай принадлежал к той изредка встречающейся категории людей, которые при всякой перемене в жизни, особенно перемене к худшему, нуждаются в постепенном привыкании. Ему бывало проще загодя приучить себя к мысли о неизбежном, чтобы потом, когда придёт время, не принимать всю горькую пилюлю разом, а, разделив её на крошечные кусочки, как-нибудь заранее, понемножку пережить всё то, что готовила ему жестокая судьба.

К счастью, а может быть – и к несчастью, судьба редко посылала ему по-настоящему суровые испытания. К счастью – потому что ему не приходилось чрезмерно страдать по вине обстоятельств. К несчастью – потому что он не был закалён в сражениях с превратностями жизни и так и не смог по прошествии многих лет стать менее чувствительным к ним. Подозревая в себе эту слабость, Николай начинал переживать заблаговременно. Он не растравливал себя нарочно, как делают иные люди, находящие извращённое удовольствие в ношении фальшивых мученических вериг. Вместо этого он потихоньку, бережно изменял своё сознание, мало-помалу приспособливая его к меняющейся ситуации. Результат никогда не бывал совершенным, зато, когда ожидаемая неприятность действительно случалась, он готов был принять её без лишних сожалений, минувшая острая чувство утраты, вызванное расставанием с привычным.

Когда телега, увозившая Марину с мужем, скрылась за поворотом, Николай повернулся, чтобы идти домой. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как его едва не сбила с ног лавина красок, хлынувшая на него со всех сторон. Золото листьев, глубокая, осенняя синева неба, зелень до сих пор не увядшей травы, сизый свинец озера – всё это ослепительное великолепие, вернувшееся в мир, бушевало вокруг него неистовым водоворотом. В этот момент он понял, что не сможет покинуть свой дом, по крайней мере сейчас, по крайней мере этой осенью. Что останется у него, если уехать теперь? Что останется от него? Для поиска ответов на такие серьёзные вопросы нужно было время, много времени. Николай решил не торопиться, перезимовать, а пока как следует обдумать будущее. Но вместо того, чтобы думать, он всю зиму малодушно гнал от себя мысли об отъезде, пока они окончательно не оставили его в покое.

Глава 3

В доме у земляка было жарко. Большая кирпичная печь, занимавшая целую стену просторной кухни, где накрывали стол, ещё не успела остыть. Утром в ней, по-видимому, пекли пироги: об этом свидетельствовал запах печёной капусты, наполнявший помещение. Сами пироги были выложены горкой на столе. Глядя на них, голодный Николай тайком глотал слюнки.

За стол, однако, как-то долго не садились. Вначале бегали в магазин за водкой, потом поставили что-то готовить на газовую плиту, устроенную в углу, напротив печи. Тем временем весь дом, каким-то непостижимым Николаю образом, наполнялся людьми. Духота на кухне стала невыносимой. Чтобы избавиться от неё, пришлось открыть настежь все окна и дверь. Случайные прохожие с улицы заглядывали в кухню сквозь растворённые окна, здоровались с хозяевами, обменивались местными новостями. Некоторые из них, увидав накрываемый стол, без всяких церемоний напрашивались в гости и тут же, также запросто, допускались внутрь. Когда Марина, за которой нарочно посылали старшего сына хозяина, вошла в дверь и огляделась по сторонам, в кухне уже успело скопиться не менее двух десятков человек.

Среди сутолоки, гвалта, снующих с разными поручениями, а то и просто без всякого дела женщин, мужчин и детей обоего пола, а вместе с ними – большого рыжего хозяйского кота, путавшегося у всех под ногами, она не сразу разглядела Николая. Тот молча сидел в углу на табурете. Заметив его потерянный вид, Марина невольно улыбнулась. Он вовсе не был похож на главного гостя, виновника всего этого переполоха. Судя по всему, организаторы переполоха совсем забыли о нём. Впрочем, при более внимательном рассмотрении переполох являл многочисленные признаки хорошей организации, что выдавало в нём событие если и не повседневное, то, по крайней мере, привычное для большинства его участников.

Ловко лавируя между гостями, Марина приблизилась к Николаю. Увидев её, Николай смутился, встал с табурета, мучительно пытаясь сообразить, куда

девать свои руки. Ему вдруг очень захотелось провалиться сквозь пол в какое-нибудь тихое, уединённое место, спрятаться от кавардака, а главное – от этого озорного, открыто оценивающего взгляда Марины. Деваться, однако же, было некуда.

Марина, подозревавшая о том, что творилось в душе у Николая, подошла к нему, взяла его за руку и повела прочь из дома, на улицу. Николай, растерявшийся от голода и непривычной ему суматохи, покорно последовал за ней, прямо сквозь большую группу гостей, шумно споривших о чём-то и не обращавших на них никакого внимания.

На улице было тихо. Глубокий простор неба как губка впитывал в себя все лишние звуки, оставляя только самые важные: пение птиц, жужжание мух, тихий шелест яблонь в саду и далёкий, едва слышный рокот работающего где-то в поле трактора.

Николай с удовольствием вдохнул полную грудь тёплого летнего воздуха, ожил и даже робко улыбнулся Марине. А та, глядя на перемену, произошедшую в его лице, рассмеялась, заражая его своим простодушным весельем.

– Ну, здравствуй! – сказала она, не дожидаясь, пока Николай соберётся с духом начать разговор.

– Здравствуй, – промямлил Николай, совершенно не представляя себе, о чём говорить дальше и куда, всё-таки, девать свои огромные руки.

– И как же тебя угораздило очутиться на этом празднике жизни?

– Позвали.

– Только-то? Так мог ведь и отказаться. Пойдём, погуляем?

– Да как же, а гости? Стол уже почти накрыт, – ответил Николай.

– Вот увидишь: раньше чем через час, за стол не сядут. У них теперь такие собрания каждую неделю, а бывает, что и на неделе по несколько раз.

– А как меня хватятся?

– Не хватятся! Мы скоро!

Не слушая более возражений, она повернулась и вышла из распахнутой настежь калитки на улицу, покрытую древним, растрескавшимся асфальтом. Марина шла медленно, прогулочным шагом. Длинные ноги Николая, не привыкшие ходить без цели, никак не могли приспособиться к темпу её ходьбы.

«Чёрт бы побрал мою неуклюжесть», – думал он про себя, стараясь делать шаги покороче, отчего его походка делалась семенящей, или ступать не подряд, а через раз.

– Что же они такое празднуют каждую неделю? – спросил Николай отчасти потому, что молчание тяготило его, отчасти действительно из любопытства. В конце концов, он же сам хотел узнать, как теперь живётся его бывшим соседям.

– Не знаю, что, – ответила Марина. – Только, сказать по правде, веселья у них выходит мало. Выпьют, споют какую-нибудь песню, иногда подерутся, другой раз попляшут, а потом целую неделю обсуждают, кто с кем плясал, кто о чём пел и кому в драке больше всех досталось. Я думаю, это они со скуки.

– Какая же скука? Лето на дворе! Неужто мало работы?

– А что работа? И зимой, и летом – всё одно и то же. Взять хотя бы меня: встану с утра – иду на ферму, вечером – той же дорогой, только теперь назад, с фермы – домой. Вернусь, бывает, с работы, сяду ужинать и вроде как только что проснулась. Тут бы и начать жить, а уж спать ложиться пора. И этак день за днём, каждый день похож на другой как две капли воды. Вот раньше, помнишь, как у нас бывало? С утра – за скотиной, потом – на огород, вечером – по дому. И целый-то день занята, вертишься как белка в колесе. И никто-то тебя не подгоняет, часов никто не считает, есть время оглянуться вокруг. Остановишься, помотришь на небо, вдохнёшь воздуха, и так хорошо становится! К ночи, конечно, устанешь, будто на тебе брёвна возили. А как иначе? Что посеешь, то и поешь. В Матвейцеве я была сама себе хозяйкой, работала не из-под палки, не за деньги, а за собственный интерес. Надумаю пойти за грибами, и пойду, ни у кого не спрашиваюсь, захочу устроить стирку – устрою. Каждый день что-нибудь новое, а не новое, так другое. День идёт дождь, а другой – солнечно, и ты это замечаешь, тебе есть до этого дело. Оттого и жизнь не казалось такой беспросветной, как здесь. Здесь у нас дни пролетают так, что и не заметишь. Да что дни? Годы! Кажется, давно ли мы переехали сюда, а начнёшь считать, так, почитай, целый год прошёл. Страшно от этого делается. И скучно.

– В Матвейцеве-то у нас, вроде, тоже скучали.

– Скучали, только по-другому.

– Это как же?

– А кому как. Мне, например, иногда ужасно хотелось надеть туфли на высоких каблуках и красивое платье с вырезом, сходить в парикмахерскую, сделать причёску, словом, почувствовать себя женщиной, понимаешь?

– Да куда уж тебе больше женщиной... – начал Николай, но, не договорив, осёкся, с опаской покосившись на шагавшую рядом Марину. Та, по всей видимости, не заметила его бестактности. У него отлегло от сердца.

– Что же теперь не надеваешь туфель? – поспешно закончил он.

– А теперь, почему-то, не хочется, – ответила Марина лукавым, чуть насмешливым тоном. – Скажи, а тебе там разве не бывает одиноко? Каково одному-то?

– Бывает, особенно зимой или поздней осенью, когда зарядят дожди. Пёс мой, – помнишь Трезуба? – в прошлом ноябре околел от старости. Надо бы новую собаку завести, да всё никак не решусь. Кормить её нечем, и на охоту я не хожу...

– Значит, и дальше собираешься там один куковать?

– Не решил ещё. Думаю.

Марина остановилась у низкого дощатого заборчика, за которым располагался довольно большой одноэтажный бревенчатый дом на каменном фундаменте, с шестью окнами по фасаду и высокой крышей, покрытой новым шифером. Судя по двум крыльечкам, выходившим на разные стороны,

в нём жили две семьи. Вид у дома был обжитой, ухоженный. Окна в одной половине были открыты настежь. Во дворе, на натянутых верёвках, сушилось бельё.

Лицо Марины стало серьёзным. Она прислонилась спиной к заборчику, повернулась к Николаю и испытующе посмотрела на него.

– Пропадёшь ты там, – сказала она, как будто не предостерегала, а выносила несправедливый, но вынужденный приговор.

– Да уж как-нибудь, – пробубнил Николай, желая поскорее закончить с этой темой.

Марина указала рукой на дом.

– Знаешь, кто там живёт, чьё это бельё тут развешано? – спросила она.

– Нет, – ответил Николай, снова взглянув на распахнутые окна, за которыми виднелся колыхавшийся от сквозняка белый тюль.

– Учительница. Молодой специалист. Приехала сюда полгода назад. Начальство за ней чуть ли не с опахалом носится: и того ей дали, и этого. Поселили, вот, здесь.

– Ну, и хорошо, надо же ей где-то жить, – сказал Николай, пытаясь понять, почему Марина заговорила вдруг о какой-то учительнице.

– Всё бы хорошо, – согласилась она, – только как раз эту самую половину дома берегли для тебя. А ты всё не едешь и не едешь, вот и отдали ей. Так что, думай, не думай, а переезжать тебе теперь некуда.

Эта неожиданная новость, прозвучавшая как гром среди ясного неба, оглушила Николая. В самый первый момент он испытал пронзительную обиду. На кого? На что? Кто был виновником этой гигантской несправедливости? Кто лишил его самого важного человеческого права, прославленного историками и литераторами, освящённого церковью, признанного законом и государством, – права выбора?

Без выбора не бывает свободы. Не имея же свободы, нельзя по-настоящему управлять собственной жизнью. Кто же правит ею, когда мы лишаемся возможности выбирать? Какие тёмные силы создают причудливые нагромождения обстоятельств, определяющие наше бытие? Кто пробивает для нас колеи, по которым мы катимся вперёд, беспомощно взирая на меняющийся, как будто бы без всякого нашего участия, придорожный ландшафт? Не мы ли сами? Не мы ли чужаемся выбора, бежим от него, стараемся навязать его кому-нибудь другому, снимая с себя ответственность за собственную судьбу и другие, зависящие от нас, судьбы? Не мы ли сами выбираем это мнимое «отсутствие выбора», находя комфорт в простой и понятной формуле безальтернативности? Разумеется, иметь выбор ещё не значит воспользоваться им. Но чем дольше мы ждём, чем больше колеблемся, тем меньше у нас остаётся возможностей и тем удобнее становится их игнорировать.

Николай отнюдь не питал иллюзий на этот счёт. Ему было совершенно ясно, что именно он, он сам и никто другой, виноват в случившемся. Острое чувство обиды, не найдя подходящего объекта, утихло, оставив после себя

странное спокойствие, тихую, тёплую умиротворённость. Николай даже не догадывался, каким тяжёлым бременем лежала на нём эта нерешённая, и, по всей видимости, нерешаемая проблема переезда. Теперь, наконец, он мог вздохнуть спокойно. Только спокойствия ли он искал? Ради спокойствия ли колебался? Или просто боялся признаться себе в том, что он представляет собой на самом деле, увидеть собственное лицо, не искажённое кривым зеркалом конформизма?

Впрочем, для него это было не так уж и важно. Он вздохнул, развёл руками и захохотал, громко, весело, с беспечным простодушием ударяя огромными ладонями по животу, нагибаясь вперёд и роняя на землю рождённые смехом слёзы.

Марина посмотрела на него с недоумением, силясь понять, что она пропустила, где он отыскал что-то комическое в этой вопиющей, с её точки зрения, ситуации. Губы её дрогнули. Засвербило, зачесалось в носу. Она прыснула, захихикала, потом засмеялась уже всерьёз, по-настоящему, как не смеялась очень давно.

Проходившие мимо сельчане смотрели на них и улыбались. Прибежала стайка детишек. Они с суровым, осуждающим видом в упор рассматривали хохочущих взрослых, а те, видя перед собой насупленные детские лица, расходились ещё сильнее. Марина начала икать от смеха, но всё равно не могла остановиться.

Насмеявшись вдоволь, они пошли назад. Что произошло в их душах? Кто знает! Но они, без всякого сомнения, чувствовали себя в этот момент совершенно счастливыми.

Глава 4

По их возвращении на кухне царил всё тот же организованный хаос. Его плоды оказались на удивление обильными. Стол уже был очищен от горки давешних пирогов. Взамен на нём появились тарелки, миски с салатами, гранёные стаканы и стопки, разнообразные по виду и размеру столовые приборы. Как шеренга солдат на смотре у генерала выстроились в середине стола распечатанные бутылки с водкой, щеголявшие нарядными этикетками. В довершение сама хозяйка с раскрасневшимся лицом и слегка растрёпанными волосами вынесла к столу огромный чугунок тушёной картошки с мясом.

При появлении чугуна всеобщее оживление достигло наивысшей степени. Гости начали рассаживаться на стульях, разнокалиберных табуретах, на специально спущенных с чердака ящиках из-под фруктов, покрытых сверху толстыми, мохнатыми кусками серого войлока. Николай попал в самый центр людской круговерти и потерялся в ней. Хозяин, не мешкая, схватил его за руку, усадил во главе стола, подле себя, и с чувством похлопал по широкой спине. С другой стороны к Николаю подсела Марина, ловко оттеснившая какого-то усатого мужчину, одетого, несмотря на духоту, в подбитый ватой пиджак.

Как только гости расселись, гомон утих. За столом воцарилась необъяснимая тишина. Стало слышно, как за окном по улице с рёвом и грохотом несётся порожний самосвал. Николай не понимал, чего ждут, но благоразумно предпочитал действовать в унисон со всем этим причудливым, разношёрстным обществом. Тишина продолжалась недолго. Выждав минуту, хозяин поднялся со стула, взял бутылку водки, церемонно налил себе и Николаю по полному стакану. Вслед за ним начали наливать себе и остальные, не издавая при этом ни звука, как будто все выполняли какой-то молчаливый обряд. Затем хозяин важно откашлялся, медленно поднял стакан и произнёс:

– Выпьем за моего друга, Николая!

Марина многозначительно подтолкнула Николая локтём. Тот встал, взял свой стакан, залихватски чокнулся с хозяином и выпил, как пьют привычные к этому делу люди – до дна.

Не успел он опустить стакан, как с прежней силой возобновился гул голосов. Общей темы не соблюдали: на каждом участке стола, за которым, по подсчётам Николая, собрались двадцать шесть человек, беседовали о своём, видимо, продолжая разговоры, прерванные тостом хозяина.

Николай не принимал участия ни в одной из бесед. Практически все гости были ему незнакомы. Никто не обращался к нему, ни о чём его не спрашивал, никто не интересовался его мнением. Люди запросто накладывали себе салаты, с удовольствием закусывали пирогами с капустой. На противоположном конце стола какой-то бойкий молодой человек пытался на спор откупорить сапожным шилом бутылку красного вина.

От водки у Николая зашумело в голове. Он силился припомнить, когда и по какому поводу пил в последний раз, но так и не смог. «Надо быть поосторожней», – решил он.

Тем временем Марина, ничуть не смущаясь, нагребла на его тарелку огромную гору картошки с мясом, посыпала сбоку свежей зелени, забрала с небольшого подноса последние три кусочка чёрного хлеба.

Николай набросился на картошку, как проголодавшаяся собака. Он уписывал её за обе щёки, обжигал себе язык и не обращал на это внимания, позабыв о гостях, о том, где находится, чувствуя только близость Марины. Эта близость успокаивала его.

А Марина налила себе немного красного вина, положила, для приличия, ложечку салата, но ничего не ела и не пила. Вместо этого она исподволь наблюдала, как ест Николай, и думала о чём-то. Когда Николай покончил с картошкой, тщательно подобрав последней корочкой хлеба остатки, размазанные по тарелке, она спросила его коротко:

– Ещё?

– Так ведь не осталось, – тихо ответил он.

Действительно, на столе уже не было картошки. Чугун стоял пустой. Гости закусывали кто огурчиком, кто кусочком ржаного хлеба. Большинство не закусывало вовсе.

Марина встала из-за стола, взяла его пустую тарелку и отошла куда-то. Она вернулась с салатом и парой огромных котлет. Глядя на эти котлеты, Николай, месяцами не едавший мяса, почувствовал, как аппетит возвращается к нему с прежней силой. «Не выпить ли ещё водки?» – подумал он. Потом решил, что всё-таки не стоит, и вновь набросился на еду.

Гости пьянели. Голоса стали громче, лица покраснелись. Некоторые споры приобрели ожесточённый характер. Наиболее заядлые спорщики размахивали руками, кричали, доказывая бесспорное превосходство своих убеждений. Кое-кто напротив – благодушествовал. Из-за стола, однако, никто ещё не вставал.

– Как думаешь, надолго это? – спросил Николай, обращаясь к молчаливой Марине. Ему пришлось кричать, чтобы быть услышанным среди общего гомона.

– Дотемна не разойдутся, – прокричала она ему в ответ.

Между тем до заката оставалось ещё часа полтора. Николай и Марина оказались самыми трезвыми среди гостей, сидевших за столом. Каждый, кому доводилось бывать в подобных ситуациях, знает, как медленно тянется время для трезвого человека, попавшего в эпицентр пьяного веселья. Разговаривать было невозможно: для этого пришлось бы всё время кричать, а Николаю, размякшему после сытного ужина и стакана водки, хотелось поговорить по душам, о чём-нибудь этаким, сокровенном, о чём принято разговаривать шёпотом или вовсе молчать.

Его мысли неожиданно прервал изрядно охмелевший хозяин. Под действием выпивки он погрузился в состояние сумрачной сентиментальности, смешанной с ностальгией. Ни с того ни с сего, без всякого предупреждения, он схватил руку Николая, крепко сдавив её своими заскорузлыми пальцами. Потом бросил руку, встал, со скрежетом отодвинув стул, и кинулся обниматься, одной рукой неуклюже сжимая шею Николая, другой – вытирая со щеки катившуюся по ней шальную слезу.

Сбитый с толку поведением земляка, Николай попробовал утешить его:

– Ты чего, Петрович? – спросил он, стараясь кричать потише.

– Чего, Коля? Да ничего! Нету ничего! – проревел Петрович, демонстрируя ему пустые ладони, испещрённые не поддающимися никакому мылу чёрными прожилками.

– Чего ж тебе надо?

– Да хоть чего-нибудь!

– Ну, хочешь, я тебе чего-нибудь дам? – предложил Николай, заметив мимоходом, что сюрреалистический характер разговора странным образом соответствует духу окружающей их обстановки.

– Неее, – протянул его нетрезвый визави, качая головой. – Мне ничего твоего не надо. Мне нужно своё, непременно своё, чтобы поддержать, пощупать, а потом хоть и выкинуть, чёрт с ним! Но чтобы я был хозяином, чтобы право имел! Вот, ты давеча про книги помянул, а я тебе отвечал, что, мол, не читаю

никаких книг, потому что занят. А ведь я, Коля, ничем не занят, ничего я не делаю путного! Встаю в шесть часов утра, иду на работу в кочегарку, сижу там сутки напролёт. Потом два дня отдыхаю, валяюсь на диване, смотрю этот проклятуший телевизор. А чего я сделал, спрашиваю тебя? Где какая-нибудь самая малюсенькая дрянь, которая вышла из моих рук и появилась на свет? Ничего нету! Пустота! Не приду я, положим, завтра в кочегарку, честное слово тебе даю – никто не заметит! Автоматическая она, понимаешь? Сама газ подаёт, сама температуру регулирует. Вот теперь ты мне и скажи – кому и на что я вообще нужен? Что во мне проку? Собирался стать человеком, а кем стал? – ненужной ручкой для парового котла, вот кем. Или чем? Э-эх!

– Ну, ты Петрович загнул! – крикнул Николай ему на ухо.

Пока они разговаривали, в кухне незаметно появилась гармонь. Гости затянули длинную, заунывную, очень русскую песню, из числа тех, что, верно, пели когда-то давным-давно ямщики на длинных степных перегонах, а ещё задолго до них – полудикие кочевники, обитавшие в тех же степях. Слова были какие-то жалостливые, но это несколько не смущало гостей, начавших с загробного «ленто», быстро перешедших на энергичное «модерато» и, видимо, собиравшихся к концу песни достигнуть темпа «аллегро». Пели самозабвенно, с нарастающим ликованием, удалью и даже присвистом, производившимся, впрочем, совершенно невпопад.

– Зря на себя наговариваешь! – кричал Николай, пытаясь вклиниться в неравномерные, непредсказуемые промежутки между куплетами. – А как же детишки? А жена? А дом-то, посмотри, какой у тебя теперь дом! Жить да жить и радоваться.

Но Петрович уже позабыл о мучившей его минуту назад пустоте существования. Его надтреснутый баритон присоединился к общему хору, отставая как минимум на два такта. Отставание с лихвой компенсировалось энтузиазмом поющего.

Николай повернулся к Марине, взглядом спрашивая у неё совета: как быть дальше? Та махнула рукой, указывая на выход. Её глаза сверкали искорками едва сдерживаемого смеха. Глядя на неё, Николай, не стесняясь, улыбнулся во весь рот, сам не зная чему. Песня продолжала греметь и колыхаться под потолком, метаться из угла в угол, не находя выхода из душной кухни. Кто-то зажжёт свет, и только тогда стало заметно, что на улице начало темнеть.

Глава 5

Вечер выдался погожим. На заднем дворе Николай нашёл своего коня, привязанного за недоуздок к тонкой, молоденькой вишне. От скуки конь наполовину выдернул деревце из земли, а заодно общипал с него листья и большую часть коры.

Николаю стало совестно. Он совсем забыл о несчастном животном: коня распрягли, но не удосужились покормить. Предоставленный сам себе, он

умудрился-таки погрызть чахлую капусту, произраставшую в маленьком огорожке хозяев, воды же ему не давали с самого утра.

– Надо бы пустить его на траву, – сказал Николай Марине, отвязывая коня от искалеченной вишни.

– Не стоит, – возразила она. – Ребята здесь шальные, уведут, загоняют. Ты же не станешь его всю ночь караулить.

– Как же мне его накормить?

– Подожди, сейчас схожу домой, привезу мешок овса.

– У меня совсем не осталось денег, нечем тебе заплатить, – смущённо признался Николай.

– Вот ещё, глупости какие! Овёс-то я, небось, не покупала, – ответила Марина. – На ферме выдавали, вот и взяла для кур.

– Тогда пойдём вместе! Я заберу мешок, а заодно провожу тебя домой, – предложил Николай. Ему не хотелось прощаться с Мариной, но и задерживать её он не смел. Он ощущал какую-то необъяснимую усталость, не физическую – к той он давно привык. Нет, эта усталость была безнадежнее, неутолимее, уходила глубже, пронизывала всё его тело до самых костей. Он боялся, что расставание с Мариной ещё более усилит разлад, творившийся в его душе.

– Чего меня провожать, я не конь, меня не уведут! – сказала Марина, слегка усмехнувшись. – А если мужу потом расскажут, как мы тут с тобой по ночам прогуливались? Оставайся-ка лучше здесь. Я привезу мешок на тележке. Не переживай, тут близко.

– Да, да! – поспешил согласиться Николай. Ему, разумеется, не хотелось, чтобы по его вине у Марины возникли неприятности с мужем. «Слухи пойдут...» – внутренне ужаснулся он.

Марина вышла за калитку, а Николай уселся в свою тележку, притулившуюся возле задней стены дома. Сквозь открытые окна, выходившие на улицу с противоположной стороны, до него слабо доносился буйный гомон гостей. Электрический свет от уличных фонарей почти не проникал на задний двор, утонувший в сиреневых сумерках. На небе уже показались первые, самые яркие звёзды, а над светло-голубым горизонтом взошёл жёлтый серп молодого месяца. Николай прилёг на спину, закрыл глаза и стал перебирать в голове происшествия уходящего дня.

Тихо, почти бесшумно ступая по утоптанной земле, во дворе за домом появился паренёк лет двенадцати, худенький, русоволосый, с веснушчатым носом и большими, голубыми глазами. Он был одет «в уличное». На его плечах висела вытертая хлопчатобумажная рубаша непонятного цвета, слишком большая для него и оттого свисавшая балахоном до самых колен. Длинные рукава были засучены выше локтей. Из-под рубашки виднелись короткие, тёмные штанишки, заканчивавшиеся сантиметрах в пятнадцати от земли. На ногах красовались пыльные кожаные сандалии с потрескавшимися ляжками, обутые на босу ногу. Паренька звали Серёжей, он был старшим сыном хозяина дома – Петровича.

– Здравствуйте, дядя Николай! – сказал Серёжа, приблизившись к телеге. Они были знакомы ещё по Матвейцеву.

Николай открыл глаза, и в свою очередь поприветствовал паренька:

– И ты будь здоров, Серёга! Видел, небо-то сегодня какое? Да ты садись вот сюда, на сено. В ногах правды нет.

Серёжа проворно, как белка, забрался на телегу. Он сел, облокотившись спиной об мешок с сахарным песком, а ноги свесил вниз таким образом, чтобы ими было удобно болтать в воздухе.

Помолчали. Конь, почуявший запах чужого человека, тихонько фыркнул в темноте.

– Я смотрю, вы тут неплохо устроились, – не спеша промолвил Николай после долгой паузы.

– Ничего, – рассудительно ответил Серёжа.

– В школу-то ходишь?

– Хожу.

– И как там? Учителя хорошие?

– Нормальные.

– Лучше, чем в интернате?

– Не сказал бы.

– А новая учительница? Как её зовут?

– Вера Анатольевна.

– Что преподаёт?

– Русский и литературу.

– Нравится она тебе?

– Не-а.

– А что так?

– Молодая слишком. Никто её не слушается, все орут. Она поучит, поучит, потом как разревётся и убежит из класса. Вот тебе и весь урок. Разве это дело?

– Трудная у неё работа.

– Это точно.

– А ты, что же, интересуешься литературой?

– Есть немного.

– Может, хочешь стать писателем или журналистом?

– Да не! Куда мне! – Серёжа замотал головой, после чего привычным движением руки отбросил со лба длинные пряди волос, свалившиеся ему на глаза.

– Э, брат, не скажи! У тебя теперь такой возраст, что ты кем угодно можешь стать, если захочешь.

– А вы кем хотели стать в моём возрасте?

Николай задумался. Действительно, кем? То ли он не мог припомнить теперь своих детских мечтаний, то ли не было их совсем.

– Ну, в моё время об этом не очень думалось, не до того было, – ответил он. – Страна развалилась на куски, леспромхоз закрыли, отец остался

без работы. Деньги, что были накоплены на чёрный день, враз обесценились. Хочешь не хочешь, а пришлось вкалывать вместе с родителями, чтобы не помереть с голоду. Некогда было мечтать.

– А сейчас кем бы вы хотели стать, если бы была возможность?

– В смысле, какую бы выбрал профессию или кем-то из знаменитостей? – уточнил Николай.

– И то, и другое.

– Наверно, никем. Я уж лучше останусь самим собой.

– Значит, вам хорошо быть вами?

– Пожалуй, хорошо.

– Взрослым легче, – посетовал Серёжа. – А нам то и дело талдычат в школе: «Выбирайте профессию! Думайте о будущем!»

– И правильно. Вон, твой отец мне сегодня жаловался, что не такой жизни он для себя хотел. Видно, желал сделаться кем-то важным или совершить что-нибудь великое.

– Правда?

– Ага.

– Я думал, ему и так хорошо. Всё время такой весёлый ходит, песни поёт да шутит. Только пьёт много в последнее время.

– Поди, разберись, что у человека в душе, – сказал Николай. Серёжа пожал плечами и промолчал.

– Только я вот что тебе скажу, Серёга: по-моему, нельзя судить о человеке по его достижениям.

– По чему же ещё судить?

– По делам.

– А какая разница?

– Разница большая. Достижения, они как будто совершаются напоказ, нарочно, чтобы удивить других людей, ну, и себя заодно. Некоторые из кожи лезут вон, как бы чего-нибудь этакое выдумать и прославиться, пыль людям в глаза пустить, чтобы все увидели, какие они молодцы. Создадут, стало быть, что-нибудь такое огромное, да сами-то и потеряются в его тени. Вроде бы есть человек, а не видно его как следует за его достижением.

– Ну, а дела?

– А дела – штука простая, их делают без всякой задней мысли, не ради славы или денег. Они – вроде как кусочки жизни, а в жизни всякое бывает, и хорошее, и плохое. Так же и дела могут быть плохими или хорошими. Верно?

– Верно, – согласился Серёжа.

– Вот теперь сам и подумай: как же можно судить о человеке, не зная его плохой стороны? А где лучше всего спрятать плохую сторону? Да за каким-нибудь достижением, вот где. Понимаешь?

В этом месте их разговор был прерван вернувшейся Мариной. Втроём они задали корма коню, поставили перед ним ведро водопроводной воды. К тому времени совсем стемнело. Гости начали расходиться. Некоторые долго стояли

у калитки, прощаясь с хозяевами. Во дворе стало шумно илюдно. Серёжа исчез куда-то, также тихо и незаметно, как и появился.

– Ну, до свиданья, – сказала Марина Николаю тихим голосом, чтобы не быть услышанной посторонними. – Когда теперь ещё увидимся...

В её голосе звучали нотки сожаления, смешанного с безнадёжностью. Николай бросился уверять её, что непременно приедет в конце лета за припасами, а потом, к зиме, наладит сани, так что и на Новый год запросто сможет быть тут, если в лесу не наметёт слишком много снега. Марина слушала, кивала головой, но на сердце у неё лежало тяжёлое предчувствие.

– Знаешь что, – проговорила она вполголоса, – возьми, вот, ладанку.

Она сняла с шеи маленький квадратик, весь состоявший из причудливых узоров, сплетённых из разноцветных нитей. Вместо верёвочки к нему была приделана узенькая тесёмка столь же хитроумного плетения.

– На удачу, – прибавила она.

Николай взял ладанку, подержал её в руке, словно не зная, что с ней делать, потом одним резким движением надел её себе на шею и спрятал под рубашку.

– Вот и хорошо! – сказала Марина.

Уходя, она ещё раз взглянула на него поверх забора. Так он и запомнился ей, стоящим в тусклых лучах жёлтого электрического света, скупосочившегося из окна. Было что-то трогательное в этой огромной нелепой фигуре, что-то наивное, незащитное, открытое всему миру. Она задержалась на секунду, наблюдая за ним, потом повернулась и пошла домой, отпустив его бог весть на какое время, может быть, даже навсегда.

А Николай, забытый хозяевами, улёгся спать прямо под открытым небом, на телеге, укрывшись старым шерстяным одеялом, служившим ему то сиденьем, то накидкой, в зависимости от обстоятельств. Сон долго не шёл к нему. Не спалось и коню: он фыркал, беспокоился, шумно принюхивался к незнакомым запахам.

Посреди ночи Николаю вдруг захотелось пить. Идти в дом он не решился, опасаясь наделать шума и разбудить детей. Взрослые спали крепко, об этом можно было судить по храпу, доносившемуся из растворённого окна. Помыкавшись во дворе в поисках умывальника и не найдя такового, он снова лёг. На этот раз сон сжалился над ним, но ненадолго: через несколько часов его разбудил петух, выбравшийся из курятника и горланивший на жёрдочке, чуть ли не над самой головой Николая.

Шёл пятый час утра. Светало. Николай, стараясь не шуметь, запряг коня, отворил скрипучие деревянные ворота и вывел тележку на улицу. К обеду он был уже дома. Очень скоро воспоминания о предыдущем дне стали уходить из его памяти, вытесненные привычными делами, а главное – необъятным пространством окружавшего его мира. Под небом такой неимоверной величины заботы и проблемы людей теряли своё значение, выветривались, становились всего лишь крохотной песчинкой, влекомой нескончаемым потоком времени. Только мысли о Марине не оставляли его.

«Вот если бы мне тоже жениться», – думал он, сидя вечером за чашкой чая с сахаром, и тотчас же с виноватой улыбкой отмахнулся от этой мысли. Его примитивный быт не располагал к семейной жизни. Потом, нельзя же жениться на ком попало, а кроме Марины он не встречал ещё женщин, которые, по его собственному мнению, годились бы ему в жёны.

«Лучше собаку заведу», – пообещал он себе.

Глава 6

К утру сгустился туман. Против обыкновения, Николай проспал долго, часов до девяти. Проснувшись, он ещё некоторое время полежал в постели, наслаждаясь теплом, спокойствием и тишиной, потом поднялся, затопил печь и тут с некоторым удивлением заметил, что мурычет себе под нос залихватский мотив вчерашней печальной песни.

Молочно-белая хмарь, висевшая в воздухе, начала рассеиваться только к обеду. Покончив с самыми важными делами, Николай собрался на рыбалку. Когда-то давно отец рассказывал ему легенды об огромных сомах, выловленных из озера во времена особенно густых туманов. Сам Николай не был страстным рыболовом, но в рыбацкие приметы верил, и уж тем более верил он житейскому опыту прежних поколений.

Деревянные удилица с привязанной к ним тонкой и толстой леской хранились в сарае. Там же Николай отыскал и квок – специальное приспособление в виде колотушки. Рыбацкая мудрость гласила, что удары квоком по воде привлекают сомов. Все остальные снасти: целый набор разноцветных поплавков, грузил, крючков, колокольчиков и блёсен хранились в большой деревянной коробке, некогда принадлежавшей его отцу. Коробка была бережно спрятана в доме, в нижнем ящике шкафа. Ребёнком Николай любил открывать её, разглядывать блестящие блёсны и цветастые поплавки. С тех пор каждое открытие этой коробки превращалось в своего рода ритуал, погружавший его в воспоминания детства и неизменно улучшавший настроение.

Вооружившись всем необходимым, он вышел из дома. Небо совсем уже прояснилось, от тумана не осталось и следа. Это ничуть не смутило Николая: летом рыбалка была скорее удовольствием, чем необходимостью. Впрочем, уха есть уха, а пироги с сомятиной – есть пироги с сомятиной, и вкусны они в любое время года, будь то лето, осень или зима.

Спустившись к причалу, он уже начал укладывать снасти в одну из лодок, когда его внимание привлёк большой тёмный предмет, неподвижно покоившийся на воде метрах в тридцати от берега. До тех пор его не было видно из-за широкой полосы прибрежных камышей. К тому же предмет находился на одной линии с солнцем, слепившим глаза. Только наклонившись к самой воде, Николай смог разглядеть лодку, качавшуюся на мелких волнах. Он тут же узнал её: это была та самая лодка, которую он дал напрокат Сергею Сергеевичу и его студентам около недели назад.

«Откуда она здесь? – удивился Николай. – Неужели пока меня не было, они вернулись назад и уехали в город? Так ведь машина на месте! И лодку они не бросили бы просто так, обязательно привязали бы к причалу. Уж не случилась ли какая беда?»

Позабыв про рыбалку, он отвязал железную плоскодонку и в несколько мощных гребков добрался до покинутой лодки. Кроме вёсел, лежавших на положенном месте, в ней ничего не было. Судя по количеству накопившейся на дне воды, лодка была на плаву не более двух суток.

«Как же она попала сюда? – размышлял Николай. – Её не могло принести течением».

И действительно, несколько дней кряду ветер дул в сторону противоположного берега. Тем не менее лодка была здесь, этот факт был неоспорим. Значит, кто-то приплыл на ней. А что если один из студентов приезжал за помощью? Тогда где же он? Неужели ушёл пешком?

В голове Николая возник сумбур. Он предпринял решительную попытку привести в порядок собственные мысли и начал с главного: что он мог сделать в сложившейся ситуации? – Прежде всего, выяснить, что случилось. Для этого нужно было как можно скорее переправиться через озеро. Если он отправится на помощь прямо сейчас, то сможет добраться до заимки ещё до прихода темноты, а если пойдёт домой за провизией, водой и брезентовым плащом, то прибудет на место не раньше ночи. Дело же, по всей видимости, не терпело отлагательств.

Здесь нужно заметить, что хотя Николай и верил в приметы, он не был суеверным человеком. Жизнь научила его полагаться исключительно на собственные силы, поэтому факты имели для него гораздо большее значение, нежели абстрактные идеи, к которым, между прочим, можно отнести и всякого рода религию. А факты, в силу своей природы, бывают самыми разными, порой невероятными, но от этого они не становятся менее реальными.

Николаю с раннего детства было известно о странных событиях, время от времени случавшихся в Матвейцево. Иногда в одном из домов среди бела дня пропадали поросята; потом, спустя несколько месяцев, взамен пропавших появлялись другие, примерно такого же возраста. Помимо поросят исчезали кувшины, сушившиеся на заборах, железные предметы, инструменты. Вместо них селяне находили на своих порогах соты дикого мёда, грибы, рыбу, а то и свежие, невыделанные шкурки животных. Бывали случаи, когда люди неожиданно обнаруживали потерянные ценности, деньги или золотые украшения, лежавшие на видных местах, там, где они никак не могли потеряться.

Общий консенсус жителей села, в особенности старушек, сводился к простому выводу: Матвейцево охраняют лесные духи. О происхождении духов спорили. Некоторые бабушки заявляли, будто это леший, но не злой, как на противоположной стороне озера, а нашенский, добрый. Другие утверждали, что это духи умерших монахов, вселившиеся в деревья. Третьи обвиняли одичавших домовых из развалившихся изб, заброшенных в стародавние времена.

Николай, как и следовало представителю молодого поколения, смеялся над старушечьими бреднями. Ему не приходилось быть непосредственным свидетелем чего-нибудь сверхъестественного, с ним не случалось событий, которые можно было бы даже с натяжкой назвать необычными, в его доме не пропадали кувшины, поросята, курицы или грабли. Однажды он потерял перочинный нож, но, как выяснилось позже, леший с монахами не имели к этому никакого отношения: нож нашёлся на чердаке, где он сам обронил его, когда лазал туда за вениками для бани. И всё же, подобно всем жителям Матвейцева, Николай никогда не отметал непонятные или необъяснимые происшествия как заведомую нелепость. Что бы ни случилось, всё имело причину и значение, потому что ничего не происходит само по себе. Порой самые странные и на первый взгляд бессмысленные события способны оказаться предвестниками весьма серьёзных последствий.

Вот и теперь, когда лодка, оставленная на противоположной стороне озера, появилась возле его причала, по-видимому, сама по себе, он испытал не столько удивление, сколько тревогу. Лодка была сигналом, но сигналом чего? Он от всей души надеялся, что это не был сигнал беды, и, между прочим, его совсем не заботило, кто, собственно, подал этот сигнал. Бестолковые старушечьи сказки повлияли на его сознание больше, чем он сам согласился бы признать.

Николай решил не возвращаться домой. Он накрепко привязал к причалу найденную лодку, а сам пересел в плоскодонку. Вёсла привычно легли в его руки. Он грёб автоматически, не задумываясь, работая в самом экономичном и вместе с тем эффективном ритме.

«Что проку беспокоиться, – размышлял он. – Пока не доберусь до заимки, всё равно не смогу ничем помочь». Но, несмотря на эту, весьма здравую мысль, он, разумеется, как и абсолютное большинство людей, попадающих в подобные ситуации, продолжал волноваться.

Внезапно Николаю посетила новая мысль, заставившая его опустить вёсла. По инерции лодка ещё некоторое время двигалась вперёд, потом остановилась, слегка покачиваясь на спокойной воде.

«А что, если у них кто-нибудь ранен? Может быть, мне следовало бы сразу поехать в Центральную за помощью?»

Поразмыслив немного, он решил придерживаться своего первоначального плана. И действительно: ну, примчится он в Центральную усадьбу за фельдшером, а потом окажется, что все живы-здоровы. Нет, не стоит понапрасну полошить народ. Если с кем-нибудь из городских действительно случилась беда, лучше поспешить на помощь не откладывая. Кто его знает, что с ними? Вполне может статься, что вся их проблема не стоит выеденного яйца. В любом случае содействие Николая, в чём бы оно ни заключалось, наверняка окажется им полезным.

«И зачем я их не отговорил? – ругал он себя, налегая на вёсла. – Не надо было их туда отпускать. Позарился на деньги, теперь, вот, расхлёбывай!»

Противоположный берег медленно приближался. Вот показались прибрежные кусты, заросли осоки. Николай причалил в том же месте, что и неделю назад, далеко вытащил лодку из воды и вышел на луг.

Первым, что бросилось ему в глаза, был клетчатый брезент, хорошо заметный благодаря своей яркой расцветке и правильной квадратной форме. Удивлённый, Николай не сразу обратил внимание на человека, лежавшего поверх брезента: его ноги скрывала высокая трава, а грязная джинсовая куртка сливалась с клетчатым рисунком ткани. Увидев распростёртую фигуру, он бросился к ней, тотчас узнав в лежавшем человеке Сергея Сергеевича. Но какая перемена произошла в профессоре! Он был небрит, его лицо было покрыто грязью, местами размытой подтёками пота со лба, тонкие губы запеклись, покрывшись сероватой коркой. В коротких всклокоченных волосах, здесь и там, запутались семена каких-то трав. Одежда была грязной, рваной, на брюках не хватало одной штанины. Вместо неё нога была обмотана повязкой, из-под которой виднелось что-то зелёное. Даже небольшой, аккуратный животик Сергея Сергеевича как-то опал, превратившись из круглого в бесформенный. Но более всего переменялось выражение его лица: от прежней самоуверенности и лёгкого налёта высокомерия не осталось и следа. Лицо это выражало страдание и ещё что-то, чего Николаю не удалось разобрать.

– Что с вами случилось? – вполголоса спросил Николай, наклонившись над профессором, неподвижно лежавшим с открытыми глазами, устремлёнными в небо.

– У вас нет воды? – хрипло поинтересовался Сергей Сергеевич, не глядя на Николая и не шевелясь.

– Есть, есть вода! – воскликнул Николай и бегом пустился к лодке, где у него действительно была припасена пластиковая бутылка с водой, которую он, несмотря на спешку, не забыл-таки прихватить с собой.

Вернувшись, он обнаружил профессора сидящим на земле. Жадно выпив несколько глотков воды, Сергей Сергеевич замер. Его и без того бледное лицо стало ещё блее. Николай опять хотел спросить о чём-то, но профессор поднял руку, остановив его. Через несколько секунд Сергея Сергеевича неожиданно вырвало. Когда конвульсии закончились, он вновь бессильно упал спиной на брезент.

«Дело дрянь», – подумал про себя Николай.

– Сергей Сергеевич, – обратился он к профессору, – что у вас с ногой?

– Упал в колодец. Скорее всего, ушиб. Снаружи – ерунда, царапины, боюсь только, не начали бы гноиться.

– Где же вы нашли колодец, чтобы в него упасть?

– Как будто я нарочно! Там, возле заимки, на опушке леса.

– А ваши студенты, живы ли?

– Живы, живы, – пробормотал профессор. – Пошли в обход озера.

– В какую сторону?

– Туда! – Сергей Сергеевич махнул рукой на запад.

– Вот беда-то какая! – воскликнул Николай. – Не ту они выбрали сторону: там по берегу не пройдёшь, а как свернут в лес – недолго и заблудиться.

– У них есть компас.

– Компас хорош, когда знаешь, где находишься и куда идёшь, – возразил Николай. – Давно ушли?

– Рано утром.

– Что же нам теперь делать? И вас здесь нельзя одного оставлять, и ждать тоже никак – вам надо поскорее к врачу. Эх, да всё равно, если с утра ушли, мне их теперь нипочём не догнать. Вот только что будет, если мы уедем, а они вернутся назад?

– Не вернутся, – мрачно ответил профессор. – Если бы Владимир пошёл один, то может быть, а с ней – нет. Она упрямая, а он не захочет показаться перед ней слабаком.

Очевидно, Сергею Сергеевичу до сих пор не давало покоя воспоминание о самоуправстве Ирины: она сама приняла решение идти и ушла, даже не посоветовавшись с ним, с возмутительной лёгкостью переманив Володю на свою сторону. Уязвлённый авторитет профессора причинял ему душевные муки, наслаивавшиеся поверх физических страданий. Пока он лежал в одиночестве и мечтал о спасении, накопившееся в нём раздражение не находило выхода. Теперь оно того и гляди грозило обрушиться на ничего не подозревавшего Николая.

– Давайте сделаем так, – предложил Николай. – Я сейчас перенесу вас в лодку, и мы поедem ко мне домой, а оттуда – в Центральную усадьбу, к фельдшеру. Ребятам оставим записку, чтобы дожидались меня тут, на берегу. Завтра же, прямо с утра, я за ними вернусь.

– Хорошо, – вяло согласился профессор. В эту минуту судьба ребят совершенно не волновала его, ему не хотелось даже думать о них. Единственное, чего ему хотелось – поскорее убраться из этого дикого места.

– У вас есть бумага? – спросил Николай.

Сергей Сергеевич достал из кармана бумажник и извлёк из него какую-то квитанцию, чистую с одной стороны.

– А карандаш?

Профессор отрицательно покачал головой. У Николая, естественно, тоже не было при себе ни ручки, ни карандаша.

– Что ж, тогда давайте просто наклеим эту бумажку на ветку куста, может быть, они поймут, – предложил Николай. Он нанизал квитанцию на одну из особенно выступавших ветвей, чтобы она была заметна издали, затем собрал и сложил брезент. Неподальёку, в траве, он заметил свои сапоги:

– А, сапоги-то, значит, сберегли! Вот спасибо! Нужнейшая вещь в хозяйстве! – обрадовался он.

– Зачем же вы тогда отдали их нам? – с неожиданной злостью заорал Сергей Сергеевич. В нём ни с того ни с сего заклокотала ярость, как огонь поглощавшая следы недавней апатии.

– Да зачем, зачем... – отвечал Николай, опешивший от крика профессора. – Вам они были нужнее.

– А вам не кажется странным, что я лежу здесь раненый, без воды, еды и снаряжения, а ваши драгоценные сапоги, – на слове «сапоги» его голос сорвался, – при этом в целости и сохранности? – закончил Сергей Сергеевич.

– Я и не думал даже... – пробормотал совершенно растерявшийся Николай.

– Никуда я с вами не поеду! – решительно заявил профессор.

– Э, да что с вами такое? Что на вас нашло?

– А вот что: сперва эти ваши сапоги, а теперь вы сами заявляетесь! Откуда вы вообще знали, где меня искать?

– Я не знал. Просто сегодня с утра заметил на озере вашу лодку...

– Ах, так, значит, и лодку вы утащили! Теперь всё понятно!

– Ничего я не утаскивал!

– Ну, сообщники ваши!

– Нет у меня никаких сообщников! – Николай пребывал в полнейшем недоумении и замешательстве.

– Рассказывайте! – саркастически проговорил Сергей Сергеевич, но голос его уже спал, снова сделался тихим, пустым и бесстрастным. Он опять, теперь уже окончательно, погружался в тёплую пучину апатии.

По отсутствующему взгляду профессора Николай понял, что необъяснимая вспышка гнева прошла. Нужно было действовать.

– Так что же, поедем? – спросил он добродушным тоном, будто и не слышал загадочных обвинений, только что произнесённых в свой адрес.

– Поедем, – тихо согласился Сергей Сергеевич.

«А брезентик-то я всё-таки оставлю тут, – решил Николай. – Если ребята вернуться, он им пригодится. Одежды бы им ещё какой-нибудь...»

Как назло, по случаю хорошей погоды он вышел из дому в одной рубашке. Профессор был в мятой, грязной джинсовой куртке. Николай не рискнул попросить его раздеться, опасаясь очередного приступа ярости с его стороны. Сапоги он, от греха подальше, забрал с собой.

Кое-как, весь измочившись, Николай перенёс в лодку безучастного Сергея Сергеевича, не проронившего при этом ни единого слова. Через несколько минут он снова сидел на вёслах, правя в сторону Матвейцева. Прибрежный луг удалялся дальше и дальше. Николай продолжал всматриваться в него, силясь рассмотреть какое-нибудь движение, но берег был всё так же пуст, как и прежде.

Сергей Сергеевич, расположившийся на носу лодки, за спиной Николая, задремал. Ему снился какой-то тревожный сон. Время от времени он постанывал, как будто пытаясь сказать что-то. Слыша его стоны, Николай оборачивался и качал головой.

Причалив к пристани, он аккуратно сложил вёсла, осторожно, стараясь не шуметь, привязал лодку к причалу и отправился домой, за тележкой. Ему было страшно оставить профессора без присмотра, но выбора не было.

«Не разбудить ли его? Нет, пожалуй, не стоит, – решил он, – иначе опять придётся тратить драгоценное время на бессмысленные препирательства».

Вернувшись к наскоро запряжённой тележке, Николай с облегчением убедился, что Сергей Сергеевич продолжает спать в прежней позе, свернувшись калачиком. Профессор лежал неподвижно, только запёкшиеся губы шевелились на его чумазом лице, начинавшем краснеть от воздействия летнего солнца.

– Вставайте, да просыпайтесь же! – приговаривал Николай, теребя профессора за плечо.

С трудом разлепив слипшиеся веки, Сергей Сергеевич очумело огляделся вокруг, как будто видел Николая в первый раз в жизни.

– Что? Где? – прохрипел он, потом закашлялся, сплюнул в воду и приподнялся на локтях.

– Держитесь, сейчас я отнесу вас в тележку, – мягко произнёс Николай.

Профессор только кивнул в ответ. Способность выразить какие бы то ни было мысли, кажется, окончательно покинула его.

Кряхтя, Николай взвалил профессора себе на плечо, ногами вперёд. Осторожно ступая, чтобы не поскользнуться на мокрых досках настила, он перенёс Сергея Сергеевича в тележку, где было насыпано сено, накрытое старым, полосатым матрасом, найденным прошлой осенью в одном из заброшенных домов. Профессор поморщился, не столько от боли, сколько от запаха, исходившего от матраса: от него пахло плесенью, затхлостью и ещё чем-то неприятным, почему-то напоминавшим ему о смерти.

Николай, не заметивший гримасы Сергея Сергеевича, в свою очередь взобрался на тележку. Тронулись шагом. Отдохнувший конь порывался перейти на рысь. Приходилось сдерживать его порывы, чтобы не беспокоить профессора быстрой ездой по ухабам. Вскоре они достигли вершины холма. Дорога стала более ровной. Николай собирался уже дать коню немного больше воли, как вдруг сзади раздался голос Сергея Сергеевича:

– Скажите, нет ли у вас чего-нибудь поесть?

Николай натянул поводья.

– Не готовил ещё сегодня, – ответил он. – Вечером собирался сварить уху, но теперь какая же уха?

– Может, найдётся хоть что-нибудь съедобное? – настаивал профессор.

– Разве что овсяное печенье с молоком.

– Молока я не пью, а печенье давайте, давайте! – оживился Сергей Сергеевич. – А вместо молока не выпить ли нам с вами чаю перед дорожкой? – добавил он.

– Чай имеется, и сахару, вон, целый мешок, только некогда нам чаи распивать: пока самовар растоплю, темнеть начнёт!

– Куда торопиться? Успеем! Я просто умираю от голода!

– Сейчас я принесу вам печенья и воды, давайте бутылку! Покушаете по дороге.

Николай подъехал к своему дому, быстрым шагом зашёл внутрь и спустя всего несколько минут снова появился на крыльце. В одной руке он держал бутылку с водой, в другой – свой ватник.

– Это вам, чтобы накрыться, – сказал он, передавая ватник профессору. – Вечером похолодает.

– А печенье?

– Вот ваше печенье! – Николай вынул из кармана ватника пачку овсяного печенья, купленную им накануне вместе с остальными припасами. Сергей Сергеевич тотчас разорвал пакет, достал из него большую, круглую печенину и принялся жевать её, не обращая более никакого внимания на своего спасителя.

Николай поставил бутылку с водой рядом с профессором, пожал плечами, снова забрался в тележку, и они отправились в путь, туда, где за нехоженым простором леса лежала цивилизация.

Поев, Сергей Сергеевич оживился. Ему больше не хотелось спать. Он со скукой смотрел по сторонам, на могучие деревья, подпиравшие небо по обе стороны от дороги, на густой кустарник подлеска, на широкую спину Николая, что-то тихо напевавшего себе под нос.

«Стоит ли извиниться перед этим мужиком за слова, сказанные вгорячах на той стороне озера? – подумал Сергей Сергеевич. – Может быть, только как? Не скажешь же прямо в лоб: «Извините меня, был неправ!» Да ну его! В конце концов, он сам виноват: наверняка знал, что на болоте орудует шайка хулиганов, мог бы просто предупредить по-хорошему вместо того, чтобы страшить деревенскими байками про лешего. Да и что извиняться? Я его, скорее всего, больше никогда не увижу. Сейчас надо о другом подумать».

Сергей Сергеевич прекрасно понимал: в скором времени ему придётся многое объяснять и, может быть, просить прощения за свой обман, с которого, собственно, и началась вся эта злополучная история. Придётся рассказать правду. Правда же заключалась в следующем: ни факультет ботаники медицинского университета, ни какое-либо другое научное или околonaучное учреждение не организовывало экспедиции с его участием. Всё предприятие, от начала до конца, было задумано и воплощено самим Сергеем Сергеевичем.

Глава 7

Биографию Сергея Сергеевича Кочеткова можно было с полным основанием считать вполне заурядной. Он был младшим из троих детей, родившихся в семье неприметных чиновников среднего звена. В доме Кочетковых царил либеральная атмосфера, распространявшаяся, среди прочего, и на воспитание детей. Каждый ребёнок пользовался таким количеством свободы, какое мог добыть себе, маневрируя между двумя полюсами силы – матерью и отцом. Мать нарочно потакала детям в пику строгости отца. Отец же, за наружной суровостью которого скрывалось полнейшее равнодушие ко всему на свете,

склонен был закрывать глаза на проделки своих чад, особенно когда эти проделки вызывали неодобрение матери.

В школе Серёжа был на хорошем счету. Он почти ничем не выделялся из среды своих сверстников, кроме того разве, что предпочитал держаться особняком, но даже эта свойственная ему замкнутость не слишком бросалась в глаза. Его поведение и манеры не привлекали внимания, и весь его неброский облик не останавливал на себе ничьих взглядов. Он не доставлял никому беспокойств, не участвовал в драках, не ломал мебель, словом, был практически незаметен и тем снискал себе репутацию примерного ученика.

Учителя нередко хвалили его за старание и усидчивость, и как же иначе? Серёжа брал усердным, кропотливым трудом то, что иным давалось запросто, благодаря способностям, приобретённым от рождения. Как же завидовал он тем одноклассникам, которые неделями не учили уроков, но, выйдя к доске, без запинки отвечали на любые вопросы преподавателей, пользуясь своей отменной памятью и хорошо подвешенным языком! Завидовал он и тем, кто, не утруждаясь зубрёжкой, спокойно, как должное, получал заслуженные двойки. Но больше всего он завидовал отъявленным хулиганам из старших классов, державшим в страхе всё юное население школы.

Со временем зависть переродилась в презрение, окончательно оградившее его от компании сверстников. Остро чувствуя одиночество, он объяснял его собственным превосходством над окружающими и всё более и более противопоставлял себя «безликой толпе». Постепенно он возомнил себя благородной фигурой, отринутой плебейским обществом. В самом противостоянии его исключительной личности и толпы, именуемой человечеством, он усматривал нечто трагическое, поднимавшее его к высочайшим вершинам духа, недоступным низменным натурам. Нечего и говорить, что такая жизненная позиция не способствовала его популярности: у него не было друзей, да он, кажется, и не нуждался в них.

Предоставленный самому себе, Серёжа долго, мучительно копался в недрах собственного сознания, пытаясь выяснить природу своей уникальности. Раз за разом он ставил над собой эксперименты, стараясь нащупать какой-нибудь скрытый талант, и раз за разом разочаровывался.

Одним из таких экспериментов стала биология. Он увлёкся ею, полагая, что ему будет совсем нетрудно найти общий язык с животными, не имеющими собственного языка. К сожалению, при близком контакте с животными у них обнаружилось немало дурных черт. Во-первых, от них плохо пахло. Во-вторых, они постоянно требовали внимания. В-третьих, уход за ними оказался тяжёлой, скучной, интеллектуально отупляющей работой. По крайней мере, такое впечатление сложилось у юнната Кочеткова после нескольких вечеров, проведённых в компании служащих местного зоопарка.

Забросив свою зелёную юннатскую пилотку в один из самых дальних ящиков шкафа, он принялся, вначале с прохладцей, потом со всё более возрастающим интересом изучать ботанику. Мир растений был чист, почти

стерилен в своей таксономической элегантности. Этим он выгодно отличался от хаотичного, грубого, противоречивого мира людей. Растения не навязывали ему своих мнений, ничего не требовали от него, не вмешивались в его жизнь. Более того, они сами были в его власти, полностью зависели от его воли и нисколько не тяготились этим.

И всё же, как бы ему ни хотелось, он не мог совершенно игнорировать человеческое общество. Необходимо было выработать тактику и стратегию выживания в недружелюбной к нему среде. По мнению Серёжи, успех являлся либо функцией силы, либо делом хитрости. Особенной силой, будь то сила воли, сила физическая или же интеллектуальная, он не обладал, и не обманывался на этот счёт. Как следствие, хитрость оказалась естественным выбором, окончательно определившим важнейшие черты его характера. Он завёл привычку наблюдать людей, их обычаи, манеры, ритуалы, шаблоны поведения, стремясь находить слабости, которые можно было бы использовать для удовлетворения собственных интересов. Проблема, однако же, заключалась как раз в том, что он никак не мог отыскать в себе этих интересов, понять, чего же он хочет добиться на самом деле. У него было огромное желание достичь цели, но не было самой цели. Его не интересовали женщины: он побаивался их, считал взбалмошными олицетворениями беспорядка и предпочитал держаться от них подальше. Мало думал он и о деньгах, избрав скромный до аскетизма образ жизни, в котором не было места дорогостоящим покупкам, расточительным хобби и даже мелким, незапланированным тратам.

Впрочем, даже в такой почти бесплодной пустыне души был свой оазис честолюбия, бурно разросшийся на отравленной почве неприязни к ближнему своему. Сергею во что бы то ни стало хотелось доказать себе, что он выше большинства людей. Ему было недостаточно простого самовнушения, к которому прибегают иные простодушные натуры, готовые верить во что угодно, и оттого легко становящиеся жертвами самообмана. Тщательные поиски внутреннего величия не давали удовлетворительных результатов и никак не подкреплялись доказательствами, полученными извне. Мало-помалу Сергея начало охватывать отчаяние: а что если он так и не найдёт никаких доказательств? Что если он точно такой же, как все остальные? Тогда почему остальные отвергают его? Ему даже не приходило в голову, что причина его одиночества кроется в нём самом.

Шло время. Он без особенного отличия окончил школу, университет, защитил довольно скучно написанную кандидатскую диссертацию. Жизнь его двигалась вперёд, как будто по инерции, не обещая принести выдающихся плодов в сколько-нибудь обозримой перспективе. Преуспел ли он? – Пожалуй, особенно по сравнению со своими бывшими одноклассниками. Но достаточно ли? Ему казалось, он был способен на большее. В действительности же приходилось признать: кроме ботаники он не смыслил более ни в чём.

Как на беду, освоенная им область знаний уже несколько десятилетий пребывала на обочине научного прогресса. Все скудные средства, поступавшие

в науку, шли на разработки новых технологий, на разведку полезных ископаемых, на создание революционных экономических теорий. Естественные науки превратились в тихий омут на заднем дворе цивилизации, откуда из-за безысходности сбежали даже обязательные для всякого омута черти. Тихо, размеренно текла жизнь профессора ботаники в сухой атмосфере, наполненной запахами пыльных гербариев, собранных много лет тому назад. Где же тут было найти лазейку, открывавшую путь к выходу из унылого забвения?

Ответ, как оказалось, лежал на поверхности. Однажды, ранней весной, ему довелось очутиться в книжном магазине. Он укрылся там от сильнейшей снежной бури, внезапно разразившейся над городом. Чтобы как-нибудь скоротать время, Сергей Сергеевич бесцельно бродил среди огромных стеллажей, битком набитых книгами.

Профессор Кочетков не любил читать и не мог припомнить, когда в последний раз заглядывал в книжный. Вследствие этого он с полной уверенностью полагал, что и остальные люди давно уже забросили чтение, переключившись на телевидение, Интернет и прочие развлечения, популярные среди добровольных жертв стадного инстинкта. Общение со студентами как будто бы подтверждало такой вывод: некоторые из его учеников затруднялись прочесть без запинки даже несколько абзацев, не говоря уже о том, чтобы понять смысл прочитанного. Каково же было его удивление, когда в проходах между стеллажами он увидел множество людей самого разного возраста, от школьников до пенсионеров. Одни стояли, погружившись в чтение, безнадежно затерянные в мире авторских грёз, другие разглядывали корешки книг, третьи, уже набрав порядочные кипы, с довольным видом продвигались к кассе. Многие улыбались непонятно чему.

Сергей Сергеевич начал разглядывать книги. Тут его ждал ещё один сюрприз: на полках, выделенных для научной и специальной литературы, можно было обнаружить массивные труды по хиромантии, гаданию, ведовству, экономике, психологии и прочим оккультным дисциплинам. Но не было там ни одной популярной, и тем более – научной книги по физике, химии, молекулярной биологии или ботанике. Всё, что касалось естественных наук, было выхолощено с прилавков, за исключением красочных, но поверхностно написанных энциклопедий для детей.

Профессор долго, задумчиво стоял перед полкой, машинально листая одну энциклопедию за другой.

«В самом деле, – думал он возбуждённо, – какими книгами мы пользуемся на занятиях? Определители растений – прошлого века, а то и позапрошлого! Описания местной флоры – ещё древнее! Растительные природные комплексы области практически не изучены, не говоря уже обо всей стране с её разнообразием почв и биоценозов. Работы для ботаника – непечатый край! Стоит только начать...»

Мысли его текли в приятном направлении. Он уже представлял себя на презентации своей первой книги – подробного справочника местной

растительности с фотографиями, рисунками, красочными картами на форзацах. Знакомые и малознакомые люди выстраивались в очередь, чтобы пожать ему руку. На заднем плане были слышны хлопки открываемого шампанского. В воздухе мелькали ярко сверкавшие блёстки славы. И это было только началом! В дальнейшем будут новые работы, которые совершат революцию в понимании современных экосистем. В числе прочего ему представлялась мимоходом написанная докторская диссертация, только на сей раз уже не состоящая из перефразированных цитат, выдернутых из разных источников, а основанная на реальном, фактическом материале. Нужно было лишь сделать первый шаг.

К сожалению, сделать этот шаг оказалось труднее, чем он предполагал. Все средства, выделенные университету на научно-исследовательские работы, планировавшиеся в ближайшем году, были уже распределены. Нужно было подавать заявку, рассмотрение которой должно было состояться не ранее следующей зимы. Воодушевлённый Сергей Сергеевич не мог ждать целый год. Он не без основания подозревал, что с течением времени охладет к новой идее, снова погрузится в привычную рутину и апатию. Поэтому ему пришлось взять дело в собственные руки.

О поисках спонсора, разумеется, нечего было и думать: хождение с заискивающим видом по роскошным приёмным шло вразрез с представлением Сергея Сергеевича о приятном времяпровождении.

Вооружившись калькулятором, он подсчитал примерные расходы, необходимые для организации скромной двухнедельной экспедиции на север области, в дикие, необитаемые места, практически не изученные с точки зрения ботаника. Именно там открывался широчайший простор для деятельности натуралиста, именно там, среди труднодоступных болот, прятались экзотические, а то и вовсе неизвестные науке виды растений, которые могли бы быть названы именем первооткрывателя.

Стоимость предприятия в несколько раз превышала средства, имевшиеся в распоряжении профессора. Крепя сердце, Сергей Сергеевич вычеркнул часть оборудования, но и это не помогло ему свести концы с концами. Тогда он решил совсем отказаться от покупки научного снаряжения, рассчитывая воспользоваться тем, что ему удастся позаимствовать в университетских лабораториях.

Далее в списке значились издержки на транспорт. Перевозка оборудования, собранных образцов и его самого тяжёлым камнем лежала на чаше весов, содержавшей расходы. Палатка, провиант и мелкий, но крайне необходимый инвентарь также не облегчали эту чашу. Сергей Сергеевич не любил ходить в походы, поэтому у него не водилось туристических принадлежностей. Некоторые из них можно было взять напрокат, но другие, в любом случае, пришлось бы купить.

Несколько вечеров кряду профессор усердно корректировал список. В результате он пришёл к двум неоспоримым выводам: во-первых, денег всё равно

не хватало, во-вторых, ему одному было не под силу унести такую уйму вещей. Как далеко их пришлось бы нести, оставалось пока неясным, но расстояние должно было оказаться весьма значительным: он не планировал заниматься исследованиями поблизости от какой-нибудь пыльной просёлочной дороги. К тому же северные болота находились в безлюдных местах, далёких от каких бы то ни было дорог.

«Мне нужен ассистент», – решил Сергей Сергеевич. Ассистенту, однако же, пришлось бы платить. Перебрав в уме все возможные кандидатуры студентов, профессор остановился на Володе, показавшемся ему идеальным кандидатом. Молодому человеку принадлежал большой внедорожник – предмет зависти и восхищения всей мужской половины факультета. Наличие такого автомобиля сразу же снимало проблему с транспортом. Кроме того, Володя был силён, вынослив и главное – его совершенно не интересовали деньги. Сергей Сергеевич хорошо знал семью Володи, разумеется, не лично, а понаслышке. Это была весьма, весьма обеспеченная семья, глава которой был хорошо известен не только в городе, но и за его пределами.

С автомобилем Володи финансовый баланс экспедиции выравнивался и уходил в плюс. Дело было за малым: оставалось как-нибудь заинтересовать молодого человека, чей интерес к ботанике граничил с полным безразличием.

«Какие же аргументы привести?» Над этой проблемой Сергей Сергеевич размышлял несколько недель, внимательно наблюдая за Володей на лекциях, во время перерывов, в столовой, словом, ненавязчиво следуя за ним буквально по пятам.

Скрытый интерес, проявляемый Володей к Ирине, оказался единственной козырной картой в тощей колоде Сергея Сергеевича, но с этим уже можно было работать! Тем более что, судя по наблюдениям профессора, эта несчастная курица, как он думал об Ирине, совершенно не подозревала о своём влиянии на молодого человека.

«И что он в ней нашёл? – недоумевал Сергей Сергеевич, регистрируя долгие, задумчивые взгляды Володи, устремлённые в её сторону. – Тощая, серая, совершенно непримечательная. Поди, разбери!»

Профессор ничего не знал об Ирине. Она проскользнула ниже его радара, чуткого только к внешним проявлениям человеческого характера. Этот серый квадратик, маленькая, невзрачная заплатка на портрете всеобщей посредственности, до сих пор не заслуживал его внимания. Теперь ситуация изменилась: квадратик нужно было поскорее раскрасить, чтобы лучше понять и оценить его свойства.

Для начала Сергей Сергеевич навёл справки о семье Ирины. Результат оказался более чем обнадеживающим. «С этой всё просто, – решил он. – Предложу ей немного денег, и делу конец».

Так и вышло. Ирина полностью оправдала его ожидания: она сразу же согласилась принять участие в поездке, удовлетворившись каким-то

смехотворно малым вознаграждением. После такого успеха уговорить Володю не составило труда. Сергей Сергеевич искусно пользовался любой подходящей возможностью, чтобы заговорить о предстоящей экспедиции в присутствии Володи. При этом он всякий раз не забывал, как бы невзначай, упоминать об Ирине и одной остававшейся открытой вакансии. В итоге Володя сам подошёл к профессору и предложил свою кандидатуру. Вместе с ним экспедиция приобрела транспорт, спальные мешки, газовую плитку, фотоаппарат, планшетный компьютер, грудку аккумуляторов и разнообразный туристический инвентарь, а также идею поселиться в домике на болоте, некогда именовавшемся Варсанофьевским скитом.

Услышав это предложение, профессор немедленно навёл справки, прочесав Интернет в поисках информации о ските. Легенда о кладе, якобы спрятанном в лесу, захватила его воображение. Он поднялся из-за компьютера, походил по комнате, размышляя, потом снова уселся перед экраном монитора. В его голове зрел план: а что если поставить поиски золота на научные рельсы? Прежние кладоискатели действовали наугад. У них не было современных приборов, позволяющих находить пустоты в грунте на глубине до полусотни метров, не говоря уже о скоплениях металлов. Перспектива обнаружить старинный клад показалась ему заманчивым бонусом к основному результату экспедиции. Сергей Сергеевич никак не мог упустить такую возможность.

До самой поездки всё шло гладко. Стоимость предприятия оставалась крайне низкой. Юношеский энтузиазм Володи обещал оказаться очень полезным в полевых условиях. «Кто-то же должен будет выполнять черновую работу, не связанную с высокой наукой», – думал профессор. Единственным тёмным пятном, лежавшим на радужной картине ближайшего будущего, было неизбежное присутствие Ирины.

Сергей Сергеевич гордился своим знанием людей, часто полагался на него в разных ситуациях, и оно редко подводило его. Ирина оставалась загадкой. Много в ней было непонятно ему, а всё непонятное раздражало профессора. При всей своей обыкновенности эта девушка выглядела непроницаемой, как будто внутри неё жил совершенно другой человек, тайно, так, что даже самая прозрачная тень от него не проникала наружу.

«С ней надо держать ухо востро!» – решил Сергей Сергеевич, заметив однажды, ненароком, выражение лица Ирины. Она шла по коридору, погружённая в глубокую задумчивость. В её лице было что-то такое... Он долго не мог подобрать подходящих слов, пока они сами по себе не возникли в его голове. Да, определённо, в этом лице было что-то строгое и в то же время глубоко искреннее. Его выражение совсем не походило на отрепетированную маску. Напротив, в нём отразились простота и неподдельное чувство собственного достоинства, – качества, совершенно не свойственные самому Сергею Сергеевичу и оттого особенно презируемые им.

«Ну, ничего, может, она хотя бы готовить умеет», – подумал профессор.

Глава 8

Теперь, подпрыгивая на ухабах в тряской тележке, Сергей Сергеевич обдумывал, как он будет выпутываться из создавшейся ситуации. Нужно было выгораживать себя, валить вину на других, изобретать правдоподобные объяснения. А Николай, не подозревавший о волнениях, терзавших душу профессора, с тревогой поглядывал на небо, начинавшее затягиваться облаками. Он понюхал воздух, задерживая дыхание перед каждым выдохом. Дождём не пахло. Было тепло, но не так, как бывает накануне внезапной смены погоды, без духоты, без палящего зноя, без сонной, насупленной тишины, готовой разразиться предгрозовыми порывами ветра.

«Нет, не будет дождя», – заключил Николай и обрадовался этой мысли. Он не боялся вымокнуть: на тележке, под сеном, лежала подаренная ему в прошлом году рыбаками почти новая плащ-палатка. Но ребятам, оставшимся на дальнем берегу озера, пришлось бы несладко под открытым небом.

«Ничего, авось, завтра их найду, – подумал он. – Не место им на этом болоте».

Дорога тянулась и тянулась. Для Сергея Сергеевича, потерявшего счёт времени и расстоянию, один километр её был неотличим от другого. Для Николая же каждое крупное дерево было старым знакомым, стоявшим на своём месте с тех далёких пор, когда его самого ещё не было на свете. Ему нравилась думать о том, что эти молчаливые великаны останутся здесь, когда его не станет. Всё так же тихо и упорно будут стоять они, вопреки напору ветра, дождю, морозу и самому времени.

К Центральной усадьбе подъезжали уже в сумерках. На улицах было пустынно, но некоторые окна светились электрическим светом. Время от времени из открытых форточек доносились звуки бубнящего телевизора. В большинстве домов было тихо: люди укладывались спать, чтобы как следует отдохнуть перед завтрашним рабочим днём.

Фельдшер, Егор Иванович Кузьмин, жил в центре посёлка, неподалёку от медпункта, в котором он проработал без малого тридцать лет. Это был пожилой полноватый человек невысокого роста, с обширной лысиной, добродушным выражением лица и золотыми руками. Помимо своей основной, медицинской деятельности, он столярил и плотничал, ремонтировал автомобили, вырезал из коряг причудливые статуи, а по вечерам сочинял стихи, которые скрывал от посторонних и показывал только своей жене, ничего не смыслившей в поэзии, но неизменно одобрявшей все сочинения мужа.

Егор Иванович был по-хорошему знаменит далеко за пределами Центральной усадьбы. Его знали в каждой окрестной деревне, в каждом посёлке, в каждой лесной сторожке. Не было в округе дома, куда бы ему не приходилось заглядывать за время своей долгой и по большей части неблагодарной работы.

Знал его и Николай, с детства сохранивший приятные воспоминания о приездах Егора Ивановича в Матвейцево. Он до сих пор помнил вкус засохших

ирисок, которые всегда хранились в бездонных карманах фельдшера специально для угощения неизбалованной сельской детворы.

Николай подъехал прямо к калитке, расположенной перед домом Егора Ивановича, и позвонил в звонок, предназначенный для ночных посетителей. Кнопка звонка, подсвеченная электрической лампочкой, была приделана к отдельно стоящему резному столбику, вкопанному в землю на обочине дороги, рядом с калиткой.

Фельдшер появился ровно через десять минут, вполне одетый, в накинутах на плечи пиджаке. В одной руке он держал холщовую сумку с медицинскими инструментами, подмышкой другой руки был зажат пакет с завтраком. Егор Иванович никогда не знал заранее, когда придётся возвращаться с вызова, поэтому на всякий случай брал с собой всё необходимое, особенно если за ним приезжали на повозке, а значит – издалека.

На сей раз, однако, ехать пришлось недолго. Здание медпункта находилось не более чем в двухстах шагах. Оно стояло во главе широкой улицы, начинавшейся прямо перед его крыльцом. За задней стеной дома располагался пустырь, заросший чертополохом и прочей сорной травой, а ещё дальше – овраг. С противоположной стороны оврага темнел косматый лес. Все окна медпункта выходили на улицу. Задняя стена была глухой, давно не отремонтированной, покрытой трещинами и осыпавшейся штукатуркой.

Не привязывая коня, Николай помог Сергею Сергеевичу спуститься с тележки. От долгой неподвижности тело профессора онемело, все его мышцы болели до такой степени, что ему не удавалось сделать и шагу без посторонней помощи. Недолго думая, Николай взял его на руки, как жених берёт невесту перед тем, как войти в новый дом, и перенёс в помещение медпункта, где оставил на попечительство Егора Ивановича, деловито мывшего руки под краном с холодной водой. После этого он вышел на улицу, сел на ступеньку низенького крыльца и стал ждать.

Ожидание затянулось. Спустя некоторое время Николай всё-таки выпряг коня и отпустил его на небольшую полянку, расположенную рядом с медпунктом. Устав сидеть на жёсткой ступеньке, он стал прохаживаться взад и вперёд, наблюдая за игрой своей тени в свете фонаря, висевшего над дверью. Находившись вдоволь и размяв ноги, он опять присел, недоумевая, что задерживает Егора Ивановича и не находится ли жизнь профессора в большей опасности, чем он предполагал.

Наконец, фельдшер вышел на улицу. Он потянулся, уселся на ступеньку рядом с Николаем, вытащил сигарету с фильтром и, не зажигая, засунул себе в рот.

– Как он? – озабоченно поинтересовался Николай.

– Жить будет, – лукаво ухмыльнувшись, успокоил его Егор Иванович.

– Значит, опасности нет?

– В данный момент нет, а вот если бы ещё денёк-другой без медицинской помощи – там уже было бы худо. Судя по симптомам, у него ушиб

надкостницы, может быть, даже трещина в кости, – без рентгена сказать не возьмусь. Он говорит, будто самостоятельно передвигался сразу же после получения травмы – это хороший знак. Теперь уж, конечно, без костылей ему никуда, – периостит, понимаешь ли, внутреннее воспаление... Царапины на ноге, опять же, загноились. Я их промыл, почистил. Хорошо, что он догадался укрыть ногу мхом, иначе картина была бы куда печальней. В общем, скоро приедет бригада из города. «Скорую» я вызывать не стал, дело-то терпит, а просто попросил прислать дежурную машину. Нынче же ночью обещали его забрать. Повезут в районную больницу, ну, а там уже им решать, куда дальше – в город ли переправить, или оставить у себя до выздоровления.

Егор Иванович замолчал, посидел с минуту, словно обдумывая что-то, потом продолжал:

– Ещё позвонил в службу спасения МЧС. Студенты-то, которые на болоте остались, что про них думаешь?

– Что тут думать, – пожал плечами Николай. – Если не вернутся на берег, в то место, где я их оставил, одному мне их нипочём не отыскать, хоть год проищи. Завтра с утра, конечно, съезжу на ту сторону озера, посмотрю. Ну, а как не окажется их на берегу, тогда останется только ждать, пока сами из лесу выберутся.

Егор Иванович, знавший Николая и все обстоятельства его жизни, точно так же, как знал он всех обитателей своего огромного, не очерченного никакими формальными границами участка, понимающе кивнул головой.

– Так, значит, прямо сейчас и назад? – спросил он.

– Да. И так уж засиделся тут у вас. Небось, первый час ночи пошёл?

– Без четверти двенадцать, – ответил фельдшер, взглянув на наручные часы.

– Значит, пора ехать. Если сморит до рассвета, заночую где-нибудь в лесу, а нет – так прямо домой.

– Ты хоть обедал сегодня или ужинал? Вон, профессор-то твой всё еды требовал. Пришлось скормить ему весь завтрак, что жена собрала, и чаю вскипятить. Дольше возился с едой, чем с ногой.

– Нет, не пришлось пообедать, – признался Николай.

– Пойдём-ка тогда ко мне, я тебя картошкой с салом угощу!

– Так ночь же! Неудобно! Жена-то ваша что скажет?

– Чего ей говорить? Она у меня привычная, сколько лет вместе живём. А в последнее время, как сын в город уехал, так всё равно не спит по ночам, – скучает.

– А профессор? Как он тут один?

– Да кому он нужен? Авось не утащат его черти живым в ад. Правду сказать, не понравился он мне. Взгляд у него какой-то змеиный: смотрит на тебя, будто обмеряет, чтобы гробик тебе заказать.

– Бросьте, Егор Иванович! Он порядочный человек! Просто досталось ему в последние дни. Этак кто хочешь обозлится.

– Нет, тут не злость, тут что-то другое. Видывал я, Коля, на своём веку разных людей... Хотя, может быть, ты и прав: нельзя всех мерять одним аршином. Не волнуйся, я ему вколол успокоительного, поспит часок-другой. Так пойдём что ли?

– Ну, пойдёмте, – согласился Николай. Потом прибавил, мысленно отчитав себя за невежливость: – Спасибо!

Николай никогда не бывал в гостях у Егора Ивановича. Внутри домик фельдшера оказался совсем небольшим. Каменный, старинной постройки, он заботливо содержался хозяевами в образцовом состоянии. В этот полуночный час повсюду, и снаружи, и внутри дома горело тусклое ночное освещение. В прихожей тоже царил мягкий полумрак, таинственно-бордовый от цвета обоев.

На цыпочках, чтобы не разбудить хозяйку, мужчины прокрались на кухню. Егор Иванович зажёл настольную лампу, отчего на кухне стало как-то особенно, по-домашнему уютно. Быстро разогрев на газовой плите картошку с салом, он положил Николаю изрядную порцию, и чуть-чуть – себе, за компанию с гостем. Отрезав несколько больших серёдок серого, магазинного хлеба, он пригласил Николая к столу.

За едой не разговаривали. Только когда, наевшись, начали пить смородиновый чай с вареньем, Егор Иванович не удержался. Ему, конечно же, очень хотелось узнать об обстоятельствах происшествия, случившегося на болоте, чтобы назавтра иметь полное право самодовольно помалкивать в ответ на расспросы односельчан, всем своим видом показывая, что, дескать, знать-то он всё знает, но сказать – не скажет, из справедливого нежелания распускать досужие слухи.

– Так что же, – начал фельдшер, с удовольствием прихлёбывая ароматный чай из блюдечка, – значит, кто-то на них напал на Чёртовой-то заимке?

– Я и сам не очень разобрал, – отвечал раскрасневшийся от горячей еды Николай. – Сдаётся мне, профессор теперь не в себе, не понимает, что говорит. На меня давеча днём набросился: где, спрашивает, твои сообщники? А какие у меня сообщники, кроме коровы Машки, коня, куриц да коз? Побелел весь, кричит, как будто бредит. Точно, как есть не в себе.

– Бреда у него нет и быть не может. Откуда бы ему взяться? Не считая уши-бленной ноги, он совершенно здоров: ни признаков интоксикации, ни острой инфекции, и температура тела в пределах нормы.

– Тогда уж и не знаю. Сами посудите, Егор Иванович, ну кому там нападать? Разве, леший...

Фельдшер беззвучно рассмеялся. От смеха на его гладком, добродушном лице проступили мириады мелких морщинок, подчёркнутых нерезким светом лампы, стоявшей на столе.

– У вас, матвейцевских, на всё один ответ – леший, – сказал он. – Ты мне лучше факты расскажи.

Николай, как умел, стал излагать факты, начав с появления на улице перед его домом большой чёрной машины. Фельдшер слушал внимательно, не перебивал, где нужно – вставлял междометия, поддакивал, если того требовала логика разговора. Николай и сам не заметил, как сплёл целую историю, в которой фигурировали и леший, и бабки, издавна рассказывавшие про заимку много нехороших, страшных историй, и даже пропавшее после революции золото. Посреди ночи, в полутёмной кухне, рассказ произвёл на Егора Ивановича сильное впечатление.

– И как ты не боишься жить там один? – спросил он Николая.

– Так я-то к заимке не хожу. Был там всего пару раз, давным-давно.

– И что, взаправду жуткое место?

– Да нет, место, как место.

– Городской-то, знаешь, что мне сказал? – Там, говорит, орудует какая-то банда. Им, дескать, повезло, что живыми оттуда ушли.

– Мне он ничего такого не рассказывал, только набросился на меня, когда я его нашёл на той стороне озера, будто это я во всём виноват. Так уж я больше с ним и не заговаривал, от греха подальше.

– И всё-таки, если отбросить всякую мистику, как ты думаешь, что там у них произошло?

– Ума не приложу. На ту сторону ниоткуда дороги нет. Рыбаки, что у меня гостили, всё время на глазах вертелись. Да и не такие это люди, чтобы грабить: народ солидный, в возрасте, у самих денег куры не клюют, это сразу видно.

– Тёмная история, – подытожил Егор Иванович, употребив одно из своих любимейших выражений, верой и правдой служившее ему в жизненных ситуациях, отличавшихся различной степенью замысловатости.

– Правда, – согласился Николай. – Так я, пожалуй, поеду.

– Езжай с миром.

Они вышли на улицу. Стояла тихая, тёплая летняя ночь. Всё молчало, только время от времени тишину разрывал периодический скрежет какого-то ночного насекомого. Егор Иванович привычным жестом достал сигарету, поморщился, скомкал её и бросил на землю, затоптав ногой.

– Этакая дрянь! – прошептал он с отвращением.

– Какая дрянь? – шёпотом поинтересовался Николай.

– Да эти проклятушие сигареты! Импортные. Тьфу! Сын из города присылает, говорит, облегчённый вариант, вроде как не очень вредные для здоровья. Так я вот что тебе скажу: один только запах от них убивает меня хуже всякого никотина. Где он только их берёт? Беда! Ты куришь?

– Нет, – отвечал Николай.

– И правильно! Гнусная привычка! Угораздило же меня в детстве приучиться к папиросам, а теперь пойди их, сыщи! К нам сюда их давно уже не завозят, в магазине – одни сигареты с фильтром, пропади они пропадом! Надо будет наказать кому-нибудь из наших, чтобы купили в городе «Беломору». В райцентре его тоже не бывает. Что за времена?

Они вышли за калитку, где стояла тележка. Пока Николай запрягал коня, Егор Иванович наставлял его серьёзным тоном:

– Ты это, слушай: если кто-нибудь нездешний будет спрашивать, лешего не поминай. Не поймут, а про тебя, чего доброго, что-нибудь не то подумают.

– И то, правда, – согласился Николай, – не буду. Да я и не собирался.

– Ну, и хорошо! Будь здоров!

Они пожали друг другу руки.

Николай снова, во второй раз за последние несколько дней, отправился домой. Ночь выдалась по-летнему светлой. Его глаза быстро привыкли к темноте, и можно было бы ещё ехать, но усталость брала своё. Конь шагал неохотно, видимо, недоумеая, что за нужда гонит их вперёд в столь поздний час.

Отъехав от Центральной усадьбы на порядочное расстояние, Николай остановился, распряг коня, отпустил его пастись, а сам надел ватник, укрылся плащ-палаткой на случай, если вдруг пойдёт дождь, и сразу же уснул, словно провалился в глубокий чёрный колодец.

А Егор Иванович, отправив профессора с дежурной бригадой в районную больницу, для чего ему пришлось заполнить и подписать несколько внушительного вида бумаг, вернулся домой далеко за полночь. Он разделся и улёгся в постель, рядом с женой. Жена не спала, как всегда терпеливо дожидаясь его возвращения. Почувствовав, как это часто чувствуют долго прожившие вместе супруги, что муж вернулся обеспокоенным, она сделала вид, будто только что проснулась. Великолепно имитируя сонный голос, она спросила:

– Ну, что там, Егорушка?

– Да ничего, – ворчливо ответил Егор Иванович. – Спи! Может быть, завтра расскажу.

Умудрённая опытом совместной жизни, жена не стала настаивать, спокойно ожидая продолжения разговора. Поворочавшись с боку на бок, Егор Иванович, разумеется, выложил ей во всех подробностях детали ночного происшествия.

– Страсть-то какая! – прокомментировала жена, живо представившая себе нападение нечистой силы на городских туристов.

Освободившись от новостей, переполнявших его воображение, фельдшер быстро уснул. А жена его долго ещё не спала, обдумывая странные превратности судьбы, вечно подстерегавшие других людей. Вспомнила она и о своей судьбе, куда более предсказуемой, о муже, за которого ей посчастливилось выйти и из-за близости с которым она часто оказывалась в эпицентре важнейших событий местного масштаба. Потом долго думала о сыне, уехавшем в город, и бог весть ещё о чём.

Глава 9

На рассвете выпала роса. Стало прохладно. Сон Николая сделался тревожным, полным странных, фантазмагорических видений не то нечистой силы, не то каких-то небывалых, чудовищных зверей и птиц.

Очнувшись, он тихо вскрикнул и сел в тележке, силясь понять, где находится. Осязаемая реальность не сразу проникла в его сознание, затуманенное вуалью призрачных впечатлений ночи. Но вот прошёл миг, вуаль оказалась сорванной и заботы минувшего дня обрушились на его голову отрезвляющим водопадом оживших воспоминаний. Ночь прошла. Мир снова обрёл привычные очертания.

Как ни спешил Николай, на дальний берег озера ему довелось отправиться только к вечеру. Наспех покончив с самыми неотложными делами, наскоро пообедав, он отыскал кусок фанеры, старинный химический карандаш, наполнил чистой водой две литровые бутылки, захватил последнюю пачку печенья и спустился к лодкам.

По дороге вниз его внимание привлёк большой вертолёт, пролетевший над озером в сторону болота. «Видно, ребят полетели искать!» – с удовлетворением подумал Николай.

Небо, как и накануне вечером, стало быстро хмуриться, но на этот раз в воздухе явственно пахло дождём. Николай бегом вернулся домой за плащ-палаткой. В последнюю минуту, сам не зная зачем, он прихватил с собой керосиновый фонарь.

Дождь начался, когда лодка достигла середины озера. Мощный ливень продолжался недолго, быстро ослаб, а затем и вовсе выродился в мелкую изморось. От воды поднимался пар. Николай потерял из виду берега, скрытые от него густым туманом, неподвижно висевшим во влажном воздухе. Он грёб наугад, зная, что наверняка промахнётся мимо нужного участка берега. Так и вышло. Когда из мглы показались серовато-зелёные заросли осоки, невозможно было понять, забрал ли он ненароком влево или наоборот – уклонился вправо. Подумав, Николай повернул лодку направо и медленно поплыл вдоль берега, внимательно всматриваясь в очертания прибрежной растительности. Он непременно пропустил бы нужное место, если бы не мокрый листок квитанции, висевший на ветке куста. Маленькое белое пятнышко привлекло его внимание.

Николай причалил к берегу. Туман и не думал рассеиваться. На берегу он клубился ещё гуще, смешиваясь с серыми обрывками ранних сумерек. Слабый свет фонаря не проникал далее нескольких метров. Прибрежный луг выглядел пустынным. Ничто не переменялось в его виде. Впрочем, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что на траве не было оставленного вчера брезента.

«Сдуло куда-нибудь», – решил Николай. Но нет: он отчётливо помнил, как положил поверх брезента увесистый камень, всё ещё лежавший тут же, в примятой траве. Видимо, кто-то унёс брезент, причём ещё до начала дождя – трава повсюду была одинаково мокрой.

По телу Николая поползали мурашки. Он стал прислушиваться к тишине. И вот ему показалось, будто он слышит какие-то подозрительные, ритмические шорохи, похожие на шаги человека. Мало того, судя по характеру звуков, шаги приближались. Паника охватила Николая внезапно. Трудно сказать, что на него нашло: он не боялся ни людей, ни диких зверей. Ему даже не пришлось в

голову, что это могли быть Ирина с Володей. Не помня себя от нахлынувшего на него примитивного ужаса, Николай помчался к лодке, оттолкнул её от берега и принялся грести, сам не зная куда, лишь бы оказаться как можно дальше от страшного шороха шагов.

Справедливости ради стоит сказать, что уже через несколько минут Николай вновь обрёл способность мыслить спокойно и рассудительно. В результате ему в голову пришла запоздалая мысль: «А вдруг это ребята?» Но странное ощущение, пережитое им на берегу, подсказывало: «Это не они».

Находясь в пятидесяти метрах от берега и чувствуя себя в сравнительной безопасности, он решил проверить свою догадку.

– Володя! Ирина! – крикнул он негромко и сам поразился, как глухо прозвучал его голос, скраденный вагной пеленой тумана. Ответа не было. Он крикнул ещё раз, и снова безрезультатно. Только где-то далеко, на болотах, за лесом, раздался едва слышный протяжный стон, не похожий на крик живого существа. Поблизости от лодки плеснула большая рыба. Николай вздрогнул. Ничего не оставалось делать, как возвращаться домой. Даже мобилизовав всё своё мужество, он не смог заставить себя снова причалить к берегу.

«Что на меня нашло, – укорял он себя по дороге домой. – Сам становлюсь хуже старой суеверной бабки». Бывают, однако, такие времена и ситуации, когда даже самый храбрый человек не в силах совладать со своим страхом, поднимающимся из дремучих глубин подсознания. Его порождают не воспоминания, не мысли, не впечатления, а древние, таинственные инстинкты, дремлющие до поры до времени, чтобы проявиться неожиданно и либо испугать понапрасну, либо спасти жизнь, висящую на волоске.

Николай смутно догадывался о чём-то подобном. Он не усомнился в себе, не стал предаваться рефлексии, переоценивать своё представление о собственной персоне. Он не пытался оправдываться, придумывать какое-нибудь рациональное объяснение проявленной трусости. И страх отступил, лишённый питательной почвы сомнений; страх не тащился за ним следом, не проникал в его душу, чтобы отравить её следами своего присутствия. Он остался позади, в уходящем в небытие моменте времени, как в капсуле, медленно опускавшейся в бездонную пучину забвения.

Машинально работая вёслами, правя наугад к своему дому, не видимому в тумане, Николай думал вовсе не о себе, а о Володе и Ирине, которые в эту самую минуту, возможно, тоже боролись со своими страхами. Они были где-то совсем близко, и в то же время оставались недостижимыми, как будто находились на другом континенте или на Луне. Тем не менее он каким-то странным образом чувствовал их присутствие: два ярких, разноцветных огонька светились во мраке воображаемого им леса.

На корме лодки стоял зажжённый фонарь, приятно оттенявший навалившуюся с неба мглу, а на носу лежала забытая фанерная табличка, на которой синим химическим карандашом было неловко накарябано:

«Ира! Володя! Жгите костры по ночам! Я приеду за вами! Николай».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Ирина и Володя разминулись с Николаем, приехавшим за Сергеем Сергеевичем, всего на несколько часов. Приди они часом раньше, то смогли бы ещё разглядеть удаляющуюся лодку. Разумеется, к их возвращению профессора на берегу уже не было. Они нашли лишь аккуратно сложенный брезент, придавленный тяжёлым камнем и какую-то бумажку, наколотую на ветку куста.

Володя, из последних сил переставлявший натёртые ноги, рухнул в траву. Исчезновение Сергея Сергеевича отнюдь не улучшило его мрачного настроения. Он неимоверно устал, а между тем ему нужно было немедленно решать, что делать дальше. Вдруг неизвестные, похитившие Сергея Сергеевича, вернутся за ними? Что если эти люди никуда не уходили, а спрячутся сейчас где-нибудь по соседству, в лесу?

Ирина осталась на ногах. Она озадаченно оглядывалась вокруг, словно стараясь по каким-то одной ей заметным следам восстановить картину недавних событий, случившихся на берегу. Следов было много: примятая трава, брезент, кусочек бумаги. Но как их истолковать? Что это за бумага?

Она подошла к кусту, прилепившемуся к самому краю берега, сняла с ветки затасканный листок, который долгое время был сложен вчетверо и едва держался вместе на сгибах. В середине он протёрся насквозь. Именно сквозь эту квадратную прореху был просунут очищенный от листьев молодой побег ивового куста.

К удивлению Ирины листок оказался квитанцией из химчистки, выданной Сергею Сергеевичу Кочеткову около года назад. Судя по всему, профессор долгое время носил её в бумажнике.

– Квитанция из химчистки! – крикнула Ирина, обращаясь к Володе, распростёртому на траве.

– Шшшш! – зашипел на неё Володя, поднося указательный палец к губам. Он с трудом поднялся и подошёл ближе.

– Не кричи! – прошептал он, озираясь по сторонам.

– Почему? – шёпотом спросила Ирина.

– Они могут быть где-нибудь рядом.

– Кто?

– Похитители Сергея Сергеевича.

– С чего ты взял, что его похитили?

– Куда же ещё он мог подеваться?

– Может быть, за ним приезжал Николай.

– Может, и приезжал, но мы-то этого не знаем. Ты заметила, что сапоги пропали?

– Правда? Не обратила внимания.

– Именно! Пропали! Что-то нечисто с этими сапогами: то сапоги пропадают, но остаётся брезент, то пропадает брезент, но остаются сапоги. Потом

брезент находится. Во всём этом есть какая-то закономерность, некий скрытый символизм, если хочешь, который я пока не могу разгадать.

– Ты слишком всё усложняешь!

– Ничего подобного! Разве это не очевидно? Нам оставили какие-то знаки или указания. Если бы они хотели просто похитить Сергея Сергеевича, зачем было оставлять здесь брезент и эту квитанцию? Дай мне её, пожалуйста!

Ирина протянула ему измятый листок. Володя некоторое время внимательно разглядывал его с обеих сторон, посмотрел даже на просвет, чем вызвал у Ирины невольную улыбку. Разочарованный, он вернул квитанцию назад:

– Никчёмная бумажка. Иначе, как символом, она ничем служить не может, – подтвердил он своё первоначальное мнение.

– Может быть, Сергей Сергеевич сидел себе, сидел, потом от скуки начал копать в бумажнике, нашёл там эту квитанцию и решил выбросить, а её случайно задуло на ветку, – возразила Ирина.

– И ветер предварительно оборвал с этой ветки все листья, – саркастически заключил Володя.

– Ну, хорошо, листок повесили на куст нарочно, тут я с тобой согласна. Только, по-моему, это сделали, чтобы привлечь наше внимание к этому месту, как тогда, с брезентом.

– Вот именно! – шёпотом воскликнул Володя, заметно волнуясь. – Привлечь, заманить, потом напасть и...

Он не закончил своей мысли, не желая понапрасну пугать Ирину. Впрочем, к его удивлению, она совсем не казалась испуганной, наоборот, на её сухих, потрескавшихся губах играла совершенно неуместная озорная улыбка.

– Я думаю, нам нужно как можно скорее уходить отсюда! – серьёзно заявил Володя, всё ещё не осмеливаясь говорить в полный голос.

– Куда? – устало спросила Ирина, которая всю дорогу не переставала жалеть, что подбила Володю на бессмысленную вылазку.

– Куда-нибудь! Не важно, куда, только бы не оставаться на этом берегу. Посмотри, какое открытое место! Мы здесь как на сцене театра – за нами можно наблюдать из леса, как из партера.

– Так и нам, между прочим, тоже всё видно.

– Это сейчас нам видно, а вот как станет темнеть, так мы и окажемся у них как на ладони. И убежать некуда – сзади озеро.

– Я, наверно, всё равно не смогу убежать, будь там хоть беговая дорожка.

– Давай рассуждать серьёзно! – призвал Володя, хотя в слабых лучах её улыбки он и сам уже начал чувствовать себя несколько менее тревожно. – Ты согласна, что нам сегодня опять придётся здесь заночевать?

– Согласна, – вздохнула Ирина.

– Так вот: это место – не самое лучшее для ночлега. Предположим, Николай действительно забрал Сергея Сергеевича, значит, сегодня он сюда уже не вернётся. Да и зачем ему возвращаться? Профессор наверняка рассказал ему, что мы ушли пешком вокруг озера. Они будут ждать нас на той стороне.

– Это тоже верно.

– Так послушай меня хотя бы раз в жизни! Давай убираться отсюда подобру-поздорову! Нехорошее у меня чувство от этого места.

– Куда пойдём? – спросила Ирина. Она почему-то не разделяла беспокойства Володи, но уже устала спорить с ним.

– Для начала спрячемся в лесу, – быстро говорил Володя, словно опасаясь, что она передумает. – Утром решим, что делать дальше. Я, признаться, еле стою на ногах. Кажется, упаду и тут же усну, даже без ужина.

– Не надо об ужине! – упрекнула его Ирина.

– Прости!

– Да ладно! – Она махнула рукой, нанизала квитанцию обратно на ветку и подошла к брезенту, чтобы сложить его в свой рюкзак.

– Что ты делаешь?! – зашипел на неё Володя.

Ирина повернулась и необыкновенно строго посмотрела на него. От этого взгляда у Володи окончательно ослабли и без того дрожавшие от усталости колени. В его груди образовался вакуум, куда, потрепыхавшись, провалилось замершее сердце. Он всплеснул руками, потом развёл их в стороны, сам не ведая, что хочет выразить этими жестами.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Ирина ровным, лишённым всякого выражения голосом, окончательно пригвоздившим Володю к земле.

«Как она делает это со мной?» – пронеслось у него в голове. Он взял себя в руки и как-то по-детски, так, что самому стало стыдно и противно, залепетал:

– Я хотел сказать, то есть я имел в виду, давай оставим всё как есть, не будем ничего трогать. Пускай никто не знает, что мы здесь были. Так будет лучше.

– Будет лучше, – спокойно ответила Ирина, – если мы укроемся брезентом, когда ляжем спать. И будет совсем хорошо, если он окажется у меня в рюкзаке, когда пойдёт дождь. Верно?

Слово «верно» было произнесено совсем другим, мягким, почти нежным тоном. Володя сейчас же почувствовал облегчение, как будто его выпустили из позорного угла, где он отбывал наказание за плохое поведение.

«Чёрт подери! – только и смог подумать он про себя, все ещё испытывая растерянность от внезапных перемен, происходивших в поведении Ирины. – Я ведь совершенно не знаю её, не представляю, что она на самом деле за человек. Всё улыбается себе, а что там скрывается, за этой улыбкой?»

А Ирина аккуратно сложила брезент и убрала его в свой мешок, сразу же значительно увеличившийся в размерах. Кроме того, она подобрала найденную ею тут же, в траве, пластиковую бутылку, очевидно, брошенную профессором.

– Пойдём скорей, – сказала она дружелюбно, как будто и не было краткой вспышки негодования, так поразившей Володю. – Если я ещё хотя бы десять минут простою на ногах, то уж и не знаю, смогу ли я их потом согнуть. Так и придётся спать стоя, как лошади.

Володя несколько недоверчиво улыбнулся в ответ на улыбку Ирины. В её глазах, занимавших теперь ещё больше места на исхудавшем, чумазом, искусанном комарами лице, танцевали искорки, пробивавшие навывлет все его защитные барьеры.

Они направились к стене леса, видневшейся неподалёку, осторожно ступая уставшими за день ногами, спотыкаясь о неровности почвы, мечтая только о том, как бы поскорее присесть и снять, наконец, ненавистную мокрую обувь.

Глава 2

Они расположились на опушке леса, в траве, подальше от зарослей кустов. С трёх сторон их окружали молодые берёзки, не мешавшие ветру разгонять тучи комаров, поднявшиеся в воздух с наступлением вечера. С этой позиции хорошо просматривался берег озера, по-прежнему остававшийся пустынным.

Сняв кеды и носки, Ирина подставила ветру свои сморщенные, неестественно бледные ступни, наслаждаясь прикосновением мягкой сухой травы к влажноватой коже. Володя никак не мог стащить с себя ботинки:

– Ноги сводит, как только начинаю снимать! – пожаловался он.

– Это от недостатка электролитов, – сказала Ирина.

– В каком смысле?

– Твоему организму не хватает соли, – объяснила она. – Мы с тобой весь день ходили, потели, теряли соль.

– Это правда, – согласился Володя. – Очень хочется чего-нибудь солёного: селёдки, маринованного огурчика...

– Ничего такого у меня нет, зато есть пакеты из-под орешков. Хочешь, давай оближем их изнутри?

– Ты их не выбросила?! – с восторгом воскликнул Володя.

– Конечно, нет. Меня с детства учили не засорять окружающую среду, особенно пластиковыми пакетами, которые разлагаются в земле по двести лет.

– Отлично! Доставай их скорее!

Ирина вынула из рюкзака пакетики. Володя аккуратно разрезал их ножом, и они стали слизывать остатки соли, осевшие на внутренних поверхностях. Каждому досталось по несколько пакетиков.

– Дикие растения почти не содержат поваренной соли, – говорила Ирина. – Разве что Сергей Сергеевич знает какое-нибудь исключение. Поэтому советую оставить по одному пакету на экстренный случай.

– Думаешь, они нам ещё понадобятся?

– Надеюсь, что нет. Но, в случае чего, без соли нам придётся не менее плохо, чем без еды.

– Никогда бы не подумал.

– А ты больше обращай внимания на свой организм. Помнишь, что нам говорили на лекциях: «Нужно прислушиваться к своему телу. Тело лучше вас

знает, что ему нужно». Я тогда ещё подумала: разве тело – это не я сама? Как оно может лучше меня знать что-нибудь, когда оно – это и есть я?

– Не помню, – признался Володя.

– И что ты только на лекциях делаешь?

– Скучаю.

– Совсем-совсем неинтересно?

– Не то, чтобы совсем... – замялся Володя.

– Ну да, ты говорил, что пошёл в медицинский только ради отца. А кто твой отец? Чем он занимается?

– Ты что, правда не знаешь? – удивился Володя.

– Понятия не имею. А должна бы знать?

– Да ведь он самый известный депутат нашей областной думы. Наверняка видела его фотографии на рекламных щитах, и по телевизору его чуть ли не каждый день показывают. Я думал, у нас в городе все его знают. Незнакомые люди, когда слышат мою фамилию, всегда спрашивают, не родственник ли я ему.

– А ты?

– А что я? Когда бывает выгодно признаться, что родственник – признаюсь. В других случаях – нет.

– Понятно. Я не очень интересуюсь политикой, – сказала Ирина.

– Ну ладно. А видела в центре города новую гостиницу, ту, что недавно построили на месте заброшенного парка?

– Конечно! Я живу совсем рядом. Между прочим, этот парк не всегда был заброшенным, только последние несколько лет. Когда я была маленькой, мы с папой часто ходили туда гулять. Там была такая уютная детская площадка. Вокруг неё собирались мамы с колясками, а папа сидел на лавочке, делая вид, будто читает газету или книгу, чтобы они к нему не приставали с разговорами. Он терпеть не мог обсуждать их чад, а уж обсуждать меня с малознакомыми людьми – и подавно. Мама у меня работает в библиотеке. Обычно она пропадает там целый день и возвращается домой поздно вечером. А папа – учитель, он может и пораньше прийти с работы. Заберёт, бывало, меня из детского сада, купим с ним мороженого и идём в парк. Помню, в такие дни я приходила в полный восторг, потому что терпеть не могла детсадовских порядков. Потом, когда парк стал приходить в упадок, мы с папой очень расстраивались, пытались организовывать субботники, ходили в мэрию, писали заявления, чтобы там навели порядок, предлагали свою помощь. А у них на всё один ответ: «нет денег». Чиновники, по-моему, ещё хуже политиков. Ой, извини, я не имела в виду твоего отца.

Володя только ухмыльнулся в ответ.

– Так вот, мой отец построил эту гостиницу, – сказал он. – То есть она построена на его деньги. Он её единоличный владелец, и ещё двух десятков гостиниц, домов отдыха и санаториев.

– Ух ты! – искренне удивилась Ирина. – Должно быть, у вас в семье куча денег!

– Я не знаю. Отец сам всем управляет. Мы с мамой и сестрой не в курсе его дел. Он, видишь ли, такой человек, что его так запросто ни о чём не спросишь, а про деньги мы никогда даже не заикаемся. Он сам покупает нам, что считает нужным, сам оплачивает нам поездки, куда считает нужным, выдаёт ровно столько денег, сколько, по его мнению, нам требуется.

– Строгий?

– Очень.

– Боишься его?

– Есть немножко.

– Выходит, это он тебя определил в медицинский?

– Он самый.

– А ты и возразить не мог?

– А что бы я возразил?

– Ну, что хочешь заниматься чем-нибудь другим.

– Бесполезно, он не стал бы слушать.

В воздухе повисло молчание, слегка разбавленное комариным писком. Каждый думал о своём. Ирина первой нарушила тишину, высказав свои мысли вслух:

– А гостиница эта, всё-таки, ужасно уродливая!

– Не то слово, – подтвердил Володя.

Они рассмеялись, запросто, от души. Смех сблизил их, принёс крупницы тепла в их жалкое, продуваемое всеми ветрами убежище под открытым небом. В первый раз за этот бестолковый, изнурительный день Ирина почувствовали себя цельной, полностью сконцентрированной внутри себя. Неумолимые просторы природы перестали требовать дани в виде части её души. С плеч Володи свалился гнёт усталости. Беспокойство и страх оставили его. Они были вместе, и это придавало им сил.

Стемнело. Откуда-то из глубины озера всплыло и заколыхалось на воде мелкой зыбью отражение луны. В мире воцарился покой. Ирина достала брезент, которым они укрылись с головой. Володя быстро задремал. Ирине, несмотря на усталость, не спалось. Потратив целый час на бесплодные попытки уснуть, она решила выбраться наружу, чтобы подышать свежим воздухом. Высунув голову из-под брезента, она заметила тени от костра, мечущиеся по тёмному лугу перед озером. Где-то поблизости были люди!

Ирина бросилась расталкивать Володю. На это ушло не менее пяти минут. Очнувшись, Володя начал неудержимо, мучительно кашлять, потом долго не мог понять, о чём она пыталась ему сказать. Когда до него дошёл, наконец, смысл её слов, он вскочил на ноги и стал комкать брезент, пытаясь сложить его в рюкзак.

– Что ты делаешь? – спросила удивлённая Ирина.

– Надо немедленно уходить отсюда!

– Но почему?

– Скорее всего, это те самые люди, которые похитили Сергея Сергеевича и прогнали нас с болота!

– Может быть, это просто рыбаки или охотники.

– Я бы на это не надеялся.

Словно подтверждая его слова, в лесу раздался мерный, низкий гул, похожий на барабанный бой, подобный тому, который они уже слышали, сидя в домике на болоте. Определить расстояние до источника гула не представлялось возможным. Судя по всему, оно было невелико, так как спустя несколько мгновений раздался ответный гул, гораздо более тихий и явно доносившийся издалека.

– Что я тебе говорил! – шёпотом воскликнул Володя. – Надевай кеды! Мы уходим! – И он принялся судорожно натягивать свои ботинки, чертыхаясь вполголоса в темноте.

– И не подумаю! – заявила Ирина, начав тем не менее обуваться.

– Как это? Что же ты собираешься делать?

– Пойду к костру!

«Ты свихнулась!» – чуть не сорвалось с губ Володи. К счастью, ему удалось вовремя поймать себя и сдержаться. Теперь было не до конфликтов. Возможно, сама их жизнь находилась в опасности. Очень ровным, проникновенным и убедительным тоном он проговорил:

– Это безумие идти туда без разведки.

– Мне всё равно! – настаивала Ирина. – Я хочу немедленно спросить у этих людей, что им от нас нужно. Заодно узнаю, где Сергей Сергеевич.

– Ты же понятия не имеешь, кто они такие! Нам не на кого здесь надеяться, кроме самих себя. Здесь нет никакого закона. Сама подумай, что они могут с тобой сделать!

– Пусть попробуют! – голос Ирины был решительным, жёстким, как сталь. Она была охвачена гневом и не желала более испытывать страх. «По какому праву, – думала она, – эти типы похитили наши вещи, еду и продолжают нас терроризировать?» Она собиралась выяснить с ними отношения, и немедленно.

– Не ходи, не ходи! – схватил её за руку Володя.

Ирина спокойно высвободила свою руку и уже повернулась, чтобы идти, но Володя вновь удержал её:

– Стой! – сказал он. – Давай так: ты иди, а я останусь здесь. Если нас обоих схватят, от меня будет мало толку. Их там, наверно, несколько человек, со всеми мне не справиться. Если почувствуешь опасность – кричи, я придумаю способ тебе помочь.

– Как хочешь, – равнодушно ответила Ирина, почти не слушавшая Володю и не понимавшая его слов. В ней бушевало праведное негодование, сделавшее её абсолютно бесстрашной. В таком состоянии она была готова, случись для этого действительно хороший повод, выйти навстречу локомотиву, несущемуся на полной скорости, чтобы попытаться остановить его голыми руками.

Видя, что ему никак не удаётся переубедить Ирину, Володя метался взад и вперёд. Он то делал два шага вслед за ней, то возвращался, махал руками,

ругался вполголоса. Наконец, в сердцах швырнув свой рюкзак на землю, он последовал за ней по направлению к костру, держась при этом на некотором расстоянии.

Костёр горел совсем близко. Ирина шла к нему без малейших колебаний. Володя, остановившийся на расстоянии примерно в пятьдесят шагов, наблюдал за тем, как она, высоко подняв голову, приблизилась к огню. Его слепило яркое пламя. Гигантские языки вздымались высоко в небо, сыпля искрами, разлетающимися по ветру стайками рыжих светлячков. Из-за всей этой иллюминации Володе никак не удавалось разглядеть, что происходит возле самого костра.

Спустя некоторое время он услышал голос Ирины. Володя насторожился, осмотрелся по сторонам, потом осторожно, чуть пригнувшись, ежесекундно ожидая внезапного нападения, приблизился к огню. Вблизи костра было светло и жарко. Целая гора сухого лежалого хвороста, высотой в человеческий рост производила, сторая, огромное количество тепла. На фоне яркого пламени темнота вокруг сделалась гуще, непроницаемой. Они стояли вдвоём в круге света, окружённые куполом из темноты.

– Никого нет, – громко сказала Ирина, стараясь перекричать треск и шипение горевших сучьев.

– Сам вижу! – проворчал Володя.

– Раз уж тут костёр, давай вскипятим воды!

– Серьёзно? – он не мог поверить своим ушам.

– Почему бы нет? Кто-то постарался, развёл огонь, не пропадать же ему зря. Заодно погреемся.

– Всё-таки ты ненормальная, – не удержался Володя. На этот раз Ирина только улыбнулась ему в ответ.

– Сходишь за водой? – спросила она.

– Фляга и бутылки остались в моём рюкзаке, а рюкзак в лесу. В темноте мне его ни за что не найти.

– Ну, хочешь, я сама пойду поищу?

– Да нет, – вздохнул Володя. – Сиди тут, грейся. Я сейчас вернусь.

Вдали от огня было прохладно. Под ногами Володи тихо шуршала трава. Сзади доносился треск горевших сучьев. Больше ничего не было слышно, и уж тем более ничего не было видно. В резком контрасте неровного света костра и темноты все объекты выглядели одинаково пёстрыми, колеблющимися от нескончаемой игры теней. Если бы кто-нибудь захотел спрятаться от Володи, он мог бы спокойно стоять в двух шагах от него и оставаться незамеченным. Понимая это, Володя достал из ножен свой нож и крепко сжал его в руке, не столько для самозащиты, сколько для придания себе хотя бы малой толики отваги.

Вопреки всем опасениям, он очень скоро отыскал свой рюкзак. Достав фонарь, Володя, не таясь, включил свет, аккуратно сложил брезент, потом

спустился к берегу за водой. Наполнив бутылки, он вернулся к Ирине, демонстративно сушившей у огня свои мокрые кеды.

– Никого не видел? – спросила она.

– Ни живой души, – ответил Володя. – Но мне всё время кажется, что за мной кто-то наблюдает из темноты.

– Мне тоже, – подтвердила Ирина

– И тебя это несколько не беспокоит?

– Не-а. Мне кажется, они нас боятся.

– Почему-то они не испугались Сергея Сергеевича.

– Он был один и к тому же ранен.

– Ну, хорошо, пусть даже боятся. Это вовсе не значит, что они не могут нам навредить. Страх заставляет людей совершать не меньше жестокостей, чем ненависть.

– Это правда.

– Ты знаешь, я бы не назвал себя суеверным, но более жуткого места, чем этот берег, я ещё не встречал, – понизив голос, сказал Володя. – У меня от него мурашки по телу стадами бегают, сам не знаю, почему. Скорее бы убраться отсюда.

– Не подавай вида. Я думаю, нам нечего бояться. Сейчас вскипятим воду, и давай ложиться спать.

– Ну, я-то уж точно тут не усну. Сидишь, как на сцене в театре, под лучами прожекторов. Какой же может быть сон?

– Ну, и зря, тебе бы надо отдохнуть. Послушай только, как ты кашляешь!

Она взяла у Володи брезент, расстелила его неподалёку от костра и спокойно улеглась сверху, подложив под голову свой рюкзак. Здесь, среди жара и дыма, можно было, по крайней мере, не опасаться комаров.

– Если всё равно не будешь спать, посмотри, пожалуйста, за водой, – сказала она ему.

Володя кивнул.

– Как думаешь, на той стороне озера видно костёр? – спросила Ирина.

– Думаю, видно, – ответил Володя, хотя и не был в этом уверен.

– Вот бы Николай заметил!

Но Николай, сидевший в это время на ступеньках медпункта, конечно же, не мог видеть костра.

Глава 3

Володя уснул около трёх часов пополудни. Остаток ночи прошёл без происшествий. К утру костёр догорел, розовые угли подёрнулись золой. Лёгкий ветерок, прилетающий с озера, подбрасывал кусочки пепла, на мгновение отпуская и снова подхватывая в воздухе, унося куда-то в сторону леса.

Ирина проснулась от холода в тот самый момент, когда верхний краешек красноватого диска солнца показался над верхушками деревьев. С того места,

где она лежала, был виден большой участок луга, окаймлявшая его шеренга леса и порядочный кусок озера. За озером виднелась узенькая полоска противоположного берега, частично освещённого солнечными лучами.

Она хотела потянуться и поморщилась: всё её тело ныло, болело и саднило в самых неожиданных местах. Зато ноги за ночь высохли на свежем воздухе и были если и не в блестящем, то, по крайней мере, в удовлетворительном состоянии.

«Вполне годятся для ходьбы», – решила она.

Зашевелился и Володя, спавший в неудобном, полусидячем положении, свесив голову на грудь. Он начал кашлять, сперва мелко и часто, потом всё глубже и надсаднее. Услышав этот кашель, Ирина покачала головой.

Володя открыл глаза.

– Доброе утро! – сипло прохрипел он и снова закашлялся.

– Привет! – бодро ответила Ирина, пытаясь скрыть собственную разбитость.

– Давно проснулась?

– Только что.

– Пить хочется!

Она подала ему пластиковую бутылку, наполненную мутноватой водой. Володя выпил её залпом.

– Что будем делать? – спросил он, отдышавшись.

– Как и прежде, у нас есть два варианта, – ответила она. – Первый – ждать Николая. Он, если ты помнишь, придет не раньше, чем через неделю, – кажется, так они договаривались с Сергеем Сергеевичем. Второй – попробовать обойти озеро с востока. Сорок-сорок пять километров по пересечённой местности.

– Надо идти, – сказал Володя, пытаясь подняться.

– Куда тебе идти? – укоризненно сказала Ирина. – Посмотри, в каком ты состоянии! Да ещё всю ночь так и присидел в ботинках! Ну-ка, снимай!

Володя неохотно стащил ботинки. Ирина критически осмотрела его ноги и осталась крайне недовольной увиденным. Так и не зажившие потёртости на пальцах и ступнях дополнились многочисленными волдырями, заполненными кровянистой жидкостью.

– С такими ногами тебе далеко не уйти, – авторитетно заявила она. – Оставайся здесь. Я пойду одна.

– Здесь? Один? – воскликнул Володя. – Нет уж, уволь! Сергей Сергеевич, вон, остался, и где он теперь?

– Да, кстати! – спохватилась Ирина. – Надо ведь и его искать, звать людей на помощь! Определённо, нужно идти!

– Я с тобой! – упрямо стоял на своём Володя.

– Ты меня только задерживать будешь.

– Не буду! Честное слово!

– Ведёшь себя, как маленький! – возмутилась Ирина. Ну ладно, пойдём! Но учти, отставать начнёшь – дожидаться не стану!

– Ещё посмотрим, кому из нас придётся дожидаться! – хорохорился Володя.

Перевязав ноги сухими портянками, сделанными из футболки, он с трудом запихнул их во влажные ботинки. Боль от мозолей оказалась нестерпимой. Первые же шаги убедили его в правоте Ирины. Но остаться одному? Уж лучше терпеть агонию по дороге, ведущей прочь из этого жуткого места. Впрочем, были у боли и положительные стороны: отвлекшись на неё, Володя перестал обращать внимание на кашель и противную резь в животе.

В путь отправились без всякой подготовки, да и что им было готовить? Ирина лишь сложила и убрала брезент, да набрала воды в пустую бутылку.

Почти сразу же им стало очевидно: восточная сторона берега была намного суше западной. И всё-таки наученные недавним опытом, они не приближались к озеру, подтоплявшему низменные участки прибрежного луга. На некотором удалении от воды берег поднимался, образуя разветвлённую гряду пологих холмов, тянувшуюся параллельно озеру с запада на восток.

Дорога пошла в гору. Перестали попадаться заболоченные полянки, зловонные лужи и озерца. Земля сделалась твёрдой. Идти по ней было сравнительно легко и даже приятно. Ирина, шагавшая впереди, старалась выбирать самые высокие участки ландшафта, придерживаясь, по возможности, западного направления. Вскоре озеро совсем пропало из виду. Через три часа пути, пройдя несколько километров, они оказались в светлом, берёзовом лесу.

– Посмотри, какая красота! – сказала Ирина, обращаясь к Володе. – Совсем не похоже на вчерашние дикие заросли!

Действительно, вокруг них, докуда только мог дотянуться взгляд, стояли крепкие, высокие берёзы. Их белые стволы то и дело вспыхивали неверным, мерцающим светом и гасли в колыхающейся тени трепещущих крон. Внизу, меж стволов, буйной, нечёсаной массой толпилась трава вперемешку с крапивой, иван-чаем, лабазником и какими-то мелкими кустами. Яркая зелень берёзовой листвы, отливавшая золотом солнечных лучей, купалась в пронзительно-синем небе, усыпанном редкими, необыкновенно белыми облаками.

Володя оказался равнодушным к красотам природы. Он тяжело дышал, издавая сипловатый хрип, почти неслышный стороннему наблюдателю, но хорошо заметный ему самому. Мозоли на его ногах болели нестерпимо. Он не сел, а буквально рухнул в траву и тотчас же начал стаскивать обувь. Ирина молча приблизилась к нему, озабоченно наблюдая за его действиями.

Сняв ботинки, Володя сбросил с ног неумело накрученные, сбившиеся портянки. Его ожидало неутешительное зрелище: мозоли на пальцах полопались, обнажив красную, воспалённую кожу. Ступни отекли, сделались дряблыми, приобрели нездоровый, сероватый оттенок.

– Ужас! – воскликнула Ирина.

– Да уж, – согласился Володя, вытаскивая нож.

– Что ты собираешься делать?

– Сейчас увидишь.

Он взял правый ботинок, поставил его перед собой и одним сильным взмахом ножа отрезал большой кусок кожи от носка, не задев подошву. От удивления Ирина широко открыла глаза. Володя невозмутимо продолжал кромсать ботинок. Он аккуратно отрезал бока от передней части, в результате чего у него получилось нечто похожее на модифицированную древнеримскую эндромиду¹ с открытым носом. Спереди подошва поддерживалась полоской кожи, шириной примерно в два сантиметра, соединявшей носок ботинка с его языком.

Выполнив точно такую же операцию с левым ботинком, Володя с удовлетворением осмотрел результаты своих трудов.

– Будут меньше натирать ноги, – пояснил он Ирине.

– А если внутрь попадёт грязь или вода? – спросила она. – Постой! У меня же есть мешки! Помнишь, те, что мне дал Николай? До сих пор таскаю их в кармане рюкзака вместе с платком. Так и не надевала его.

– Ещё не поздно.

– Нет уж, дождусь, пожалуй, какого-нибудь особенно торжественного случая.

Володя достал из своего рюкзака чуть влажные носки, поморщился, натягивая их на истерзанные ноги, потом надел эндромиды. Вышло не так уж плохо.

– И ноги будут дышать, скорее заживут, – сказал он.

– Может, и мне кеды обрезать? – спросила Ирина.

– Не стоит, – возразил Володя. – Пока не натирают ноги, лучше оставить, как есть.

– Отличный у тебя нож, – заметила она между прочим. – Не то, что у нас дома на кухне – совсем ничего не режут. Папа их точит, точит, да всё без толку.

– Это японцы отцу подарили. В прошлом году к нам в город приезжала делегация каких-то не то парламентариев, не то промышленников, точно не знаю. Отец вёл с ними переговоры, кажется, договаривался насчёт инвестиций. Ну вот, они возьми, да и подари ему на прощанье этот нож.

Володя снял с пояса ножны, чтобы показать их Ирине. Ножны, как и сам нож, выглядели очень просто. Они были сделаны из твёрдой кожи, прошитой суровыми нитками, без всякого орнамента, тиснения или каких-либо других украшений.

– Ну вот, значит, приходит отец домой, бросает нож на стол, и говорит: «Удивляюсь я этим японцам! Подарили какой-то дрянной ножик! Нет бы, катану, хотя бы поддельную, её, по крайней мере, можно было бы на стену повесить. А с этим что делать?» Ну, и отдал его мне, «огурцы резать», – как он выразился. Потом я нарочно посмотрел в Интернете: оказывается, такие

¹ *Эндромиды* – разновидность высоких сапог, использовавшихся во времена Античности в Древней Греции и Риме. Состояли из подошвы и кожаных голенищ, закрывавших ноги сзади. Спереди были стянуты шнуровкой. Пальцы ног оставались открытыми. (*Прим. редактора*).

ножи изготавливаются вручную. Их делают известные мастера, не на продажу, а вроде как для себя, поэтому их нельзя купить, можно только получить в подарок. На Западе, у коллекционеров, они стоят больших денег.

– А тебе не жалко носить его с собой? Вдруг потеряешь? – спросила Ирина.

– По-моему, вещи должны служить человеку. Если ими не пользоваться, теряется весь смысл их существования. Когда я был маленьким, мне казалось, что каждый предмет имеет свою, особенную сущность, душу, если хочешь. Теперь я думаю, что эта душа заключается в предназначении. Грустно смотреть на никому не нужные вещи, они – как сироты: созданы людьми и брошены на произвол судьбы. Природа намного мудрее нас, она ничего не делает напрасно, у неё ничего не пропадает зря. Вот, и нас с тобой она тоже для чего-то создала...

Володя закашлялся и больше не мог говорить. С большим трудом восстановив дыхание, он лёг на траву и закрыл глаза. Ирина села рядом с ним, прислонившись спиной к берёзе. Ей хотелось сидеть так и дальше, долго, до самого вечера, смотреть на причудливую игру теней в кронах деревьев, слушать шум листвы. Вместо этого, заметив время на Володиных часах, она позволила себе отдохнуть ровно двадцать минут. Когда длинная стрелка передвинулась на двадцать делений, Ирина поднялась и надела рюкзак.

– Уже? – спросил Володя, приоткрывая глаза.

– Пора, – ответила она.

Впереди оставалось ещё много километров пути.

Глава 4

К концу дня они не имели ни малейшего представления о пройденном расстоянии, также как и о том, где они, собственно, находятся. Единственным надёжным ориентиром служило озеро, но они не видели его берегов с самого утра. Ирине казалось, что они прошли не менее половины пути. Володя был склонен соглашаться с её оценкой.

– Целый день прошагали, – сказал он. – Утром повернём на юг, иначе придётся сделать лишний круг вокруг озера.

– Ты считаешь, пора попытаться его обогнуть?

– Конечно, пора! Вот увидишь, завтра к вечеру будем в Матвейцево.

Их приподнятое настроение не испортил даже начавшийся ливень. Дождь припустил внезапно, как из ведра. Для Володи и Ирины он оказался полной неожиданностью. В отличие от Николая они не обладали достаточным опытом, чтобы заранее распознать признаки надвигавшегося ненастья.

Место, где они устроили привал, представляло собой крошечную сухую площадку, зажатую между тремя исполинскими елями. Нижние, наполовину засохшие еловые ветви, пегие от мёртвой хвои, перекрещивались, образуя естественный навес. Вся поверхность площадки была усыпана всё той же сухой хвоей, глушившей робкие побеги травы. Плоская площадка походила на гладкую рыжеватую плешь.

Вначале дождь не проникал под навес, но в скором времени ветви намокли, и на головы молодых людей начали сыпаться крупные капли холодной воды.

– Скорее, скорее, доставай брезент! – прокричал продрогший Володя сквозь неумолкающий шум дождя.

– Вот видишь! А ты не хотел его брать! – припомнила ему Ирина, расправляя спасительную материю. – Давай сядем на него, а сверху укроемся пологом.

Накрывшись брезентом, они некоторое время молчали, прислушиваясь к шороху падающей воды. То был непривычный для них звук, мягкий, однородный, совсем не похожий на стук городского дождя, грохочущего по крышам и окнам домов. Мокрый лес притих. Умолкли птицы. В воздухе, над самой землёй, поползли первые робкие клочья тумана.

Вскоре ливень сменился обычным дождём, а тот в свою очередь мелкой изморосью. Холодная дождевая вода скапливалась на ветках елей и огромными каплями падала вниз, на брезент.

– Костёр нынче не разведёшь, – с досадой сказал Володя.

– Зачем нам костёр? – спросила Ирина.

– Погреться.

И правда: в лесу как-то сразу посвежело, стало прохладно.

– Давай поплотнее укутаемся в брезент.

Укутывание в мокрый брезент не дало желаемых результатов. Володя чувствовал, как его тело стремительно теряет тепло.

– Тебе разве не холодно? – спросил он, поёживаясь

– Не очень, – ответила Ирина.

– Странно. Я замерзаю заживо!

– Может быть, у тебя озноб?

– Может быть.

– Мне казалось, ты практически выздоровел. У тебя же была нормальная температура!

– Я тоже так думал.

– Знаешь, тут, неподалёку, есть малинник. Давай приготовим отвар из листьев! Он, конечно, не такой эффективный, как отвар из ягод, но на худой конец сгодится.

– Из чего же мы будем разводить костёр? Всё вокруг промокло. И воды у нас почти не осталось.

Действительно, последний раз они набирали воду много часов назад, из крохотного, но необыкновенно чистого и ужасно холодного ручейка. С тех пор они не встречали других водоёмов.

– А нам много и не нужно! – настаивала Ирина. – Костёр я беру на себя. Зажигалка всё ещё при тебе?

Володя молча подал ей обыкновенную пластиковую зажигалку с прозрачным корпусом. Контейнер был почти доверху наполнен сжиженным газом.

Ирине никогда ещё не приходилось разводить костёр в лесу, тем более после дождя. Ей была хорошо знакома теория этого дела, в основном благодаря

приключенческим романам, которыми она увлекалась в подростковом возрасте. Но одно дело – теория, и совсем другое – практика, особенно вынужденная.

Выбравшись из-под брезента, она впервые ощутила, насколько прохладно и сыро стало в лесу. После дневного зноя промозглый холод казался особенно пронзительным. Лес продолжал неспешно наполняться туманом, хотя здесь он был не таким густым, как на озере. Ирина осмотрелась вокруг. В нескольких десятках шагов от себя она заметила крошечную рощицу из молодых берёз.

– Дай мне, пожалуйста, твой нож! – попросила она Володю.

Получив нож, Ирина занялась нарезкой тонкой бересты, стараясь выбирать самые сухие участки стволов, расположенные под изгибами или толстыми ветками. Ей не хотелось причинять вред деревьям, поэтому кусочки выходили совсем крохотными.

«Ну и пусть крохотные! – думала она, продолжая работать. – Зато будут лучше гореть!»

Вернувшись под сень елей, она нашла там Володю, лежавшего на земле, свернувшись калачиком. Всё его тело, от пят до самого подбородка, было плотно укутано в брезент. Он не шевелился. Глаза его были закрыты. Трудно было сказать, спит ли он. Ирина решила не беспокоить больного: отдых был сейчас его единственным лекарством.

Поискав сухое местечко для разведения костра и не найдя такового, она отвернула один из углов брезента. Под ним обнаружилась сравнительно сухая площадка. Ирина сложила туда бересту, насыпала горкой найденные тут же, под брезентом, длинные еловые иголки, мелкие веточки, а также кусочки смолы, соскобленные со стволов елей. Пора было приступать к делу. Медлить было нельзя: с каждой минутой в лесу становилось всё темнее.

Она встала на колени и начала аккуратно, почти не дыша, складывать иголки и веточки крест-накрест с тем, чтобы воздух мог беспрепятственно подниматься снизу, способствуя горению бересты. Саму бересту она осторожно водрузила поверх получившейся кучки. Потом в её руках оказалась довольно толстая, совершенно мокрая снаружи ветка. Срезав пропитанную водой кору, Ирина добралась до сухой сердцевины, настрогала её тоненькими, полупрозрачными полосками и аккуратно поместила сверху бересты. В результате вышло довольно внушительное сооружение. Часть наструганных древесных волокон она отложила про запас, чтобы потом кормить ими первые слабенькие язычки пламени.

Холодными, дрожащими руками она покрутила колёсико зажигалки. Судя по крошечному снопику искр, выскочивших из-под большого пальца, кремь был в порядке. Ирина установила регулятор пламени на минимум и щёлкнула зажигалкой. Раздалось слабое шипение, но огонь не появился. Она попробовала ещё раз, снова безуспешно.

«Что за бестолочь такая! – подумала она про себя. – Наверно, мало газа». Она сдвинула регулятор на середину и в третий раз попыталась зажечь огонь.

Тоненький язычок синеватого пламени взметнулся вверх, как будто радуясь обретённой свободе.

Затаив дыхание, Ирина медленно поднесла пламя к кончику бересты. Та загорелась, но тут же свернулась в трубочку и потухла. Следующая попытка оказалась более успешной: береста принялась гореть, испуская тонкие струйки белого дыма. Впрочем, горела она недолго: не успела Ирина подложить к ней самые тонкие из наструганных волокон, как огонь погас, внезапно, без всякой видимой причины. Вместо него по краям бересты забегали переливы красных и синих тлеющих угольков. Потом потухли и они.

«Что-то я не так делаю», – решила Ирина. Она взяла кусок бересты, пощупала, помяла его в руках. Слишком жёсткий! Неудивительно, что он отказывался гореть! Ирина терпеливо, тщательно разрежала большие куски на тоненькие полоски шириной в несколько миллиметров. Днём для этого потребовалось бы не более пяти минут. Теперь, практически в полной темноте, она потратила около получаса: работать приходилось почти вслепую.

Когда с измельчением бересты было покончено, перед Ириной лежала целая пригоршня колючих волокон, напоминавших грубую корпию. Они вспыхнули сразу, ярко, весело. Огонь стал лизать сухую хвою, горевшую, впрочем, весьма неохотно. Ещё немного, и запылали бы просохшие веточки. Но тут, как назло, налетел неожиданный порыв ветра. Лес зашумел, зашуршал в темноте. С деревьев на землю посыпались крупные капли, полились целые струйки воды, скопившейся в кронах во время дождя. Грузные ветви елей обрушили вниз целый водопад, мгновенно потушивший едва затеплившийся костёр. Ирина осталась сидеть в полной темноте. Промокшая куртка прилипла к её спине. Ей стало холодно, очень холодно. В этот момент в лесу раздался дикий, заунывный звук, не то вой, не то стон, монотонный, пустой, безжизненный.

У Ирины задрожали руки. Ей захотелось спрятаться, закопаться в землю, заткнуть уши, закрыть глаза. И хотя звук уже стих, он продолжал звучать в её голове унылым гимном мраку и отчаянию.

Огонь! Нужно было во что бы то ни стало поскорее добыть огонь!

Первым делом она попыталась оценить масштаб ущерба. В слабом свете зажигалки ей удалось разглядеть тёмное пятнышко на рыжей земле: вся тонко нарезанная береста сгорела без следа, оставив после себя жалкую кучку мокрого пепла. Зато запас сухой хвои и мелких веточек, лежавший под брезентом, оказался сухим. Значит, у неё всё ещё оставалась надежда разжечь костёр. Только как же нарезать бересты в полной темноте?

И тут её осенило: а что если обойтись без бересты? Вместо неё вполне можно использовать обычный кусок бумаги.

Первым, на что она наткнулась, покопавшись в своём рюкзаке, был тщательно вылизанный пакетик из-под орешков.

«Интересно, горит ли он?» – подумала Ирина. Она припомнила всё, что ей было известно о полимерах, особенно о полиэтилене и полипропилене, из

которых обычно изготавливают упаковки для пищевых продуктов. Отрывочные крупницы информации сложились в неуверенный вывод: «в общем-то, должен гореть. Надо попробовать».

Попытка разорвать упаковку на мелкие кусочки не увенчалась успехом: она оказалась довольно прочной. Вздохнув, Ирина решила сжечь её целиком. Она положила пакетик на землю, насыпала сверху немного хвои, стружки, веточек и поднесла к нему пламя зажигалки.

Вначале пакет лишь плавился, но не загорался, потом вдруг разом вспыхнул синевато-зелёным огнём. В воздухе запахло парафином. Пламя начало лизать хвою и почти сразу опало. Ирина немедленно подложила снизу второй пакет, потом третий, четвёртый. Некоторое время казалось, что у неё снова ничего не получится, но тут стружка, закончив дымить, подхватила пламя.

Осторожно-осторожно, чтобы не спугнуть робкого духа огня, Ирина стала подкладывать в костёр мелкие веточки, потом ветки покрупнее. Самые толстые и сырые сучья она выстроила над огнём в виде домика, чтобы дать им возможность просохнуть.

Вскоре костёр запылал не на шутку, с деловитой серьёзностью пожирая даже совсем сырой хворост, подобранный с мокрой земли. Смолистые еловые ветви громко щёлкали, стреляли во все стороны огненными искрами, наполняя воздух приятным запахом горячей канифоли.

От громкого треска проснулся Володя, совершенно забытый Ириной. Он уже не испытывал холода, напротив, ему казалось, что всё его тело, объётое ломотой, горит с той же неистовой интенсивностью, что и чудесным образом возникший костёр, пылавший рядом с ним. Волны озноба, как морской прибой, прокатывались по его груди, ногам и спине. Он не был вполне уверен, спит ли он или бодрствует. Ирина, сидевшая возле костра, казалась ему каким-то странным видением, диким, полубезумным существом с горящими глазами и спутанными волосами, бодрствующим в ночи. Он пытался заговорить с ней, спросить о чём-то, но лишь беззвучно шевелил сухими губами. Непослушный язык отказывался повиноваться ему. Володя снова опустил голову на землю, закрыл глаза и провалился в пропасть забытья, спрятавшись в ней от физических страданий, многократно усиленных безжалостным разумом.

Глава 5

Он проснулся от того, что кто-то усиленно тряс его за плечо. С трудом приоткрыв один глаз, Володя увидел над собой чумазое, закопчённое лицо Ирины.

– Вставай! – велела она ему. – Я приготовила тебе отвар.

– Отвар чего? – без особого интереса спросил Володя, приподнимаясь на локтях.

– Отвар молодых листьев малины.

- Наверно, опять какая-нибудь гадость.
- Уж точно не хуже, чем ивовая кора, – убеждённо заявила Ирина.
- Который час?
- Пять тридцать утра.

Володя в изнеможении упал обратно на землю.

- Вставай! Кому говорю! – не отставала она.
- Сил нет!
- Помнишь, о чём я тебя предупреждала?
- Когда именно?
- Вчера. Я говорила, что если ты будешь меня задерживать, дожидаться не стану!
- Ты же это просто так сказала, для красного словца!
- Ничего подобного! Или ты немедленно встаёшь и выпиваешь весь отвар, до дна, или я ухожу!

Тон её голоса показался Володе серьёзным. Ему ничего не оставалось, как подчиниться. Он выпил целую флягу отвара, даже не почувствовав его вкуса. Высокая температура так и не спала за ночь. Он продолжал испытывать озноб. Мышцы его ног мелко подрагивали. И, что было хуже всего, у него ужасно болела голова. Любое, даже малейшее движение отдавалось невыносимой болью в висках.

- Теперь ложись, накройся брезентом и поспи пару часов, – велела Ирина.
- А ты, что же, всю ночь не спала? – спросил её Володя, с облегчением возвращаясь в горизонтальное положение.
- Вздремнула немного, – ответила Ирина.
- Поспи сейчас, мне уже не хочется. Я покараулю.
- Караулить меня не надо, лучше укутайся и подремли. Сегодня нам придётся долго идти.
- Думаешь, я смогу? – усомнился Володя.
- Конечно. Мне же тебя не унести.
- Ещё чего не хватало! И где ты только берёшь силы? – не без зависти поинтересовался он.

– Тут простая математика, – ответила Ирина.

Володя удивился: он полагал, что задал риторический вопрос.

- Моя масса тела намного меньше твоей, – продолжала она. – Значит, я трачу меньше калорий на километр пути.
- Когда тебе в последний раз попадались эти калории? – саркастически спросил Володя.

– Довольно большое количество энергии мы носим с собой в виде жира и мышечной ткани. У женщин больше жира, у мужчин – больше мускулов. Когда калорий не хватает, организм использует жир и мышцы в качестве резерва питательных веществ.

– Тогда нам действительно стоило с самого начала остаться на берегу, никуда не ходить. Сэкономили бы энергию.

– Ничего бы не вышло.

– Это ещё почему?

– Потому что процентов восемьдесят всей нашей энергии идёт на поддержание жизнедеятельности организма: температуры тела, тонуса мышц, работы мозга, пищеварения, – в общем, всех органов и систем. Только пятнадцать или двадцать процентов расходуется на ходьбу и прочие физические упражнения. Можешь сам посчитать, насколько нам было бы невыгодно оставаться на месте именно с точки зрения энергозатрат, и в первую очередь тебе. Даже находясь в абсолютном покое, твой организм тратит огромное количество энергии, а тут ещё повышенная температура... Словом, тебе теперь важнее всего поскорее добраться до цивилизации. Об экономии энергии речь уже не идёт, надо думать о её рациональном использовании. Лёжа здесь, ты истратишь немногим меньше, чем двигаясь в поисках помощи.

– Ты знаешь, а мне уже и есть не хочется. Совсем не чувствую голода.

– Мне тоже не хочется, – подтвердила Ирина. – Организм начал экономить – отключает пищеварительную систему. Толку от неё никакого, переваривать всё равно нечего, а энергии она потребляет – о-го-го. – Она помолчала, задумавшись, потом продолжала:

– На самом деле это тревожный симптом. Когда вернёмся, нам, возможно, потребуется реабилитация. И ещё – надо больше пить, а воды у нас нет. Зато посмотри, сколько её в воздухе! Видел, какой туман?

– Слушай, ты всё это тоже из лекций знаешь? – спросил Володя.

– Не помню откуда. Кажется, читала где-то.

– Что за странную литературу ты читаешь!

– Читаю, что попадается.

– Значит, если верить твоим источникам, чем дольше я тут отлёживаюсь, тем больше энергии трачу впустую?

– Ага.

– Так, может, прямо сейчас и пойдём? – предложил Володя.

– Куда идти? Не видно же ничего! Поспи! Через пару часов туман рассеется, и я тебя разбуджу.

Володя с удовольствием повиновался. Правда, проспал он намного дольше, чем пару часов. Когда он снова открыл глаза, от тумана не осталось и следа. День был тусклым, пасмурным, как будто выстиранное прошлым вечером небо ещё не успело просохнуть до его обычной синевы.

Он посмотрел на часы. Шёл одиннадцатый час дня. Володя машинально поднёс часы к уху, чтобы проверить, не остановились ли они. Часы не тикали, да и не могли тикать, так как были электронными. Он покачал головой, удивляясь, откуда, из какого далёкого прошлого к нему вернулась привычка слушать, как тикают часы. Были ли у него вообще когда-нибудь механические часы? Кажется, нет. Впрочем, он не был до конца уверен в этом. Случайные образы, рождённые воображением, и настоящие воспоминания путались в его голове, подменяя друг друга. Он попробовал мысленно ухватиться за

что-нибудь реальное, от чего можно было протянуть цепочку рациональных мыслей:

«Вот остатки костра. Угли ещё красные, должно быть, погасли совсем недавно. Выходит, Ирина вчера умудрилась-таки разжечь огонь! Ира...»

Она спала прямо на земле, рядом с костром, трогательно подложив под щеку левую ладонь. Володя залюбовался ею. Хорошо было просто сидеть, смотреть на неё и ни о чём не думать. Хорошо. Но тут он вспомнил о своей болезни, о ночной лихорадке и лекарстве, которое приготовила для него Ирина. Кажется, он чувствовал себя лучше. Определённо, гораздо лучше.

Володя прикоснулся ко лбу тыльной стороной ладони. Лоб был влажным, но не горячим. Рубашка под курткой вся пропиталась потом и препротивно липла к телу. Было зябко и неприятно шевелиться. Ноги... Ноги почти не болели.

Осторожно, стараясь не делать лишних движений, Володя развязал покрытые глиной шнурки и снял ботинки. Лишённые большей части носков, ботинки легко снимались и также легко надевались, не причиняя особенного дискомфорта. Тщательный осмотр ступней показал: мозоли на пальцах начали подсыхать. Они ещё не покрылись корочкой, но тревожные красные пятна, окружавшие их, стали бледнее, да и сами ступни выглядели далеко не такими серыми и сморщенными, как накануне.

Его возня разбудила Ирину. Она вскочила на ноги и первым делом взглянула на часы. Вековой лес неодобрительно зашуршал листвой: несколько часов, недель или даже десятилетий не имели для него ровно никакого значения.

– Проспали! – раздражённо воскликнула Ирина.

– Точно! – согласился Володя.

Короткое слово «точно» вышло у него хриплым, каким-то расплюснутым и невнятным, а сама попытка заговорить вызвала приступ сильнейшего кашля. Прокашлявшись, Володя почувствовал, что его рот полон мокроты. Выплюнуть её было невозможно, так как Ирина пристально смотрела на него в упор, видимо, оценивая его состояние.

«Только бы ничего не спросила!» – подумал Володя, стараясь изобразить на своём лице ободряющую улыбку.

Ирина взглянула на выражение лица Володи и нашла его довольно глупым. Вздохнув, она спросила только:

– Ты в порядке?

Володя энергично закивал в ответ. Удовлетворённая, Ирина отвернулась к костру, из-за которого не спала всю ночь. До самого рассвета она, как гипнотизированная, смотрела на разнuzданный хоровод красно-рыжих языков пламени, ни о чём не думала, ничего не помнила и не замечала, кроме едва уловимого стука собственного сердца, задававшего ритм неистовой пляске огня.

Володя бесшумно сплюнул мокроту в траву. Положительно, нынешний день нравился ему намного больше предыдущего.

– Пошли? – предложил он, стараясь выразиться кратко, чтобы не вызвать очередного приступа кашля.

– Пойдём, – согласилась Ирина. – Давай сразу на юг, к озеру. Посмотрим, можно ли уже его обогнуть, а заодно наберём воды. Пить очень хочется.

Она не без сожаления разбросала мирно тлевшие угольки костра, сложила скомканный брезент, и они двинулись в путь.

– Ты знаешь, в какой стороне юг? – спросила Ирина. В отсутствии солнца ей было трудно ориентироваться в лесу.

Володя указал рукой туда, где, согласно его ощущениям, должно было находиться озеро. Окружавшее пространство представлялось ему иначе, нежели Ирине. Ей оно виделось как более или менее однородный хаос, в котором она могла догадываться о направлении, но не была уверена в нём. В центре хаоса стояла она сама, и все расстояния измерялись от её текущей позиции.

В его представлении вся территория, включавшая озеро, болота, Матвейцево и даже сам далёкий областной центр, имела чётко определённую ориентацию по сторонам света. Каждый известный объект, будь то село, прибрежный луг или берёзовая роща, занимал в этом представлении своё, строго отведённое ему место. Расстояния измерялись от одного объекта до другого, независимо от местонахождения наблюдателя. Направления зависели от взаимного расположения частей, составлявших своего рода умозрительную карту. Указывая путь к озеру, Володя был совершенно уверен в его правильности, хотя и не смог бы, пожалуй, объяснить, почему он предпочёл именно это направление всем остальным.

Ирина не стала спорить и снова, как и днём раньше, пошла впереди. Володя поплёлся следом за ней. Двигаться приходилось в основном под уклон и не прямо, а зигзагами – они часто сворачивали с пути, чтобы обогнуть кусты или буйные заросли колючего чертополоха. Временами путь преграждали глубокие круглые рытвины с крутыми склонами. Несмотря на усталость, Ирина с любопытством смотрела на них, недоумевая, откуда они взялись. Более всего они походили на воронки от взрывов, наподобие тех, что ей приходилось видеть в кинофильмах про войну.

Бодро шагая под гору и размышляя над загадочной природой рытвин, она не забывала о Володе. Глядя со стороны, можно было подумать, что каждый из них устремлён исключительно внутрь себя. На самом же деле Ирина не переставала прислушиваться к шагам своего попутчика, раздававшимся за её спиной.

У каждого из нас есть свои способы бороться с невзгодами. Кто-то преуспевает в этом лучше, кто-то – хуже, в зависимости от опыта и особенностей темперамента. Но победа всегда даётся намного легче, если мы опираемся на плечи друзей. Иногда, в периоды самой напряжённой борьбы, чужая помощь перерастает вербальный барьер. Произнесённые слова остаются неслышанными, тщательно выстроенные концепции – непонятными. Зато простое присутствие рядом другого человеческого существа становится источником

новой внутренней силы, позволяющей выйти за рамки собственной индивидуальности, стать частью чего-то общего, большого, почти сверхчеловеческого.

Нечто похожее происходило теперь и с Ириной. Ей не нужно было разговаривать с Володей, чтобы ощущать тихое, тёплое спокойствие, вызванное его присутствием. Хриплое дыхание, доносившееся сзади, грузные шаги и даже кашель более всяких слов придавали ей уверенности в себе. Она была не одна, ей было с кем разделить бремя испытаний. Осознание этого факта заставляло её чувствовать себя практически несокрушимой.

Глава 6

Первые отблески озера замаячили между деревьями, когда стрелки часов показывали половину второго дня. Берега не было. От того места, где оставились Ирина и Володя, до тёмной открытой глади озера, видневшейся вдалеке, ширилась полузатопленная низина с выступавшими кое-где из-под воды зелёными кочками, поросшими осокой. По правую руку плотной стеной стоял лес, отражавшийся в воде. Слева виднелся низенький мыс, перекрывавший обзор в восточном направлении. Озеро, несомненно, уходило дальше, на восток, но как далеко – разглядеть было невозможно.

– Вот и всё! Дальше ходу нет, – безо всякого выражения, как будто констатируя давно известный факт, сказал Володя.

– Сама вижу, – ответила Ирина, несколько резче, чем ей хотелось бы. – Сейчас, подожди, наберу воды, и пойдём дальше, – добавила она, уже более дружелюбным тоном.

– Куда? – равнодушно спросил Володя.

– В обход озера, конечно.

Идти вдоль полузатопленного берега не представлялось возможным. Им поневоле пришлось углубиться в холмы, с которых они только что спустились, и лишь затем опять свернуть направо, на восток.

Серый день постепенно сменился ещё более серым вечером. Ирина перестала размышлять о рытвинах, замечать особенности рельефа, да и вообще смотреть по сторонам. Глядя под ноги, она раз за разом повторяла про себя нехитрую мантру измождённого ходока: «Шаг левой, шаг правой, шаг левой...» Только ноги всё равно не слушались её, сбивались с ритма, запинались, а то и вовсе неожиданно подкашивались на ровном месте без всякой видимой причины. Кто знает, сколько ещё километров они бы прошли в тот день, если бы Володя вдруг не упал на колени:

– Я больше не могу, – тихо пробормотал он и повалился на бок, словно сражённый пулей.

Ирина не сразу поняла, что случилось. Она прошла ещё несколько шагов, прежде чем смысл слов, сказанных Володей, достиг её сознания. Медленно обернувшись, она увидела его лежащим на боку, среди кустов молодой крапивы, густо усыпанных жёлтой хвоей.

– Ну, что ты, вставай, – испуганно заговорила Ирина, делая большие паузы между словами. Язык, так же, как и ноги, неохотно подчинялся её воле.

– Давай отдохнём, – пробормотал Володя, не меняя своего положения.

– Конечно, давай! – охотно согласилась она. – Что же, мы сегодня ещё ни разу не останавливались отдохнуть?

Володя ничего не сказал и даже не пошевелился в ответ.

– Давай-ка я помогу тебе перебраться вон туда, под деревья, на траву! – предложила Ирина. – Тут неудобно.

– Мне и здесь хорошо, – ответил Володя.

– Совсем не хорошо! Ну, вставай же!

Она без особого успеха попыталась приподнять его за плечи. Даже сквозь одежду чувствовался сильный жар, исходивший от его тела.

– Э, да у тебя опять температура! Что же такое к тебе привязалось? – воскликнула она, не на шутку обеспокоенная.

Володя лежал совершенно неподвижно, лицом вниз, распластавшись посреди маленькой полянки, открытой ветру и собиравшемуся дождю. Ирина так и не смогла пошевелить его, не говоря уже о том, чтобы сдвинуть с места. Она постояла немного, собираясь с мыслями, вздохнула и отправилась искать место для ночлега.

Метров через пятьдесят ей попала на глаза неглубокая рытвинка. Один из её краёв осыпался, обнажив корни крупной ели, нависшие над обвалом. Под этими корнями можно было укрыться от непогоды.

Ирина спустилась вниз, встала на колени и принялась выгребать песок, стараясь сделать убежище более просторным. Работать приходилось голыми руками. К счастью, песок оказался сухим и очень рыхлым, так что через каких-нибудь полчаса место для ночлега было готово. Оставалось только как-нибудь уговорить Володю перебраться туда.

Вернувшись назад, на полянку, Ирина нашла Володю крепко спящим. За время её отсутствия он не сдвинулся ни на сантиметр. Неровное, хриплое дыхание сотрясало его тело. Иногда, где-то глубоко в горле, раздавались страшные, хлопающие звуки.

Между тем на улице вечерело. В воздухе сделалось свежо. Небо покрылось плотными, серыми облаками. Ночь снова обещала быть тёмной. До заката оставалось совсем недолго, а Ирине нужно было ещё успеть развести костёр.

Ценой огромных усилий ей удалось растолкать Володю. Очнувшись, он едва узнал Ирину, долго жаловался, отказывался вставать, но, в итоге, вынужден был сдаться под напором её неумолимой настойчивости. Кое-как поднявшись на ноги, он, покачиваясь, доковылял до приготовленного убежища, где, не говоря ни слова, рухнул спиной на рыхлый песок, свернулся калачиком, запищал кисти рук подмышки, как будто пытаясь согреть их, и закрыл глаза.

Ирина прикоснулась тыльной стороной ладони к его лбу. Лоб был сухим, слегка шершавым и очень горячим. Приложив ухо к пышущей жаром спине

Володи, она прислушалась. Клокочущие звуки, возникавшие при дыхании, подтвердили её худшие опасения. Грозные признаки воспаления лёгких были хорошо знакомы ей по собственному опыту: она дважды болела пневмонией.

«Что же делать? Что делать?» – спрашивала она себя. Её мысли метались в поисках ответа, нарочно сторонясь самого главного, тяжёлого, чугунного в своей весомости вывода, упорно маячившего в её сознании: «Если ему не помочь, он может умереть».

Умереть здесь? Здесь, в этой песчаной яме, посреди безучастного леса, не имея другого убежища, кроме куска грязного брезента? Эта мысль показалась ей абсолютно нелепой. В её представлении люди не умирали вот так, запросто, лёжа под кустом, как дикие звери. Смерти должен был предшествовать целый ряд ритуализированных действий, исполняемых врачами и родственниками умирающего, не говоря уже о настоящих ритуалах, отправляемых церковью.

«Нет, это положительно невозможно! – думала Ирина. – Надо просто подождать. Он сильный, его организм сам справится с болезнью. А я как-нибудь помогу, если получится».

Что она могла сделать? Начать с малого: разжечь костёр, найти воду, отыскать малинник или насобирать цветков ромашки, чтобы приготовить противовоспалительный отвар.

А небо всё больше хмурилось. В лесу стало совсем темно. По листьям зашуршали первые капли дождя, пока ещё не слишком сильного. Ирина поморщилась от судорог в ногах, но всё-таки поднялась и выбралась на поверхность земли.

Вокруг не было видно ни одной берёзы. Сухая, песчаная почва ещё не успела намокнуть от дождя, поэтому она поскорее набрала мелких веточек, хвои и тонких, почти прозрачных кусочков сосновой коры.

С водой оказалось хуже. Она не отважилась заходить далеко, поблизости же не было ни ручья, ни озера, ни даже лужи. Обе пластиковые бутылки были пусты, также как и почерневшая от копоти фляга.

Вернувшись назад без воды, Ирина занялась костром. Но и тут её ждала неудача: она без толку сожгла все оставшиеся пакетики из-под орешков. Хвоя упрямо отказывалась загораться. Трясущимися руками Ирина подносила хвоинки к самому пламени, обжигая пальцы, но это не помогало: хвоя дымилась, чернела, вспыхивала на минуту и тут же гасла. В отчаянии она схватила пригоршню материала, приготовленного для разведения костра, и швырнула её куда-то в темноту. У неё не осталось больше сил.

«Надо отдохнуть, – решила она. – Несколько ночей, проведённых без сна, не проходят даром. Завтра что-нибудь придумаю».

Володя лежал неподвижно. В тишине слышалось его хриплое дыхание, сливавшееся с лёгким шелестом дождя. Сквозь отверстия между корнями на него падали капли дождевой воды. Ирина нарвала травы и затыкала

самые большие щели в импровизированной кровле. Потом в полном изнеможении она забралась под брезент, улеглась рядом с Володей и накрылась с головой. В ту же минуту к ней пришло неожиданное ощущение уюта. Было необычайно приятно оказаться изолированной от безграничности открытого пространства. Неважно, что стены её убежища состояли из куска прорезиненной ткани. Они создавали иллюзию защищённости. Ирине и прежде нередко приходилось довольствоваться иллюзиями, поэтому она довольно легко принимала их за реальность.

Сбросив кеды и поудобнее устроившись на мягком песке, она приготовилась уснуть. Но сон не шёл. Мешали судороги, сводившие ноги, а также слишком сильная усталость, вылившаяся в нервное возбуждение. Ирина заставила себя расслабиться, сосредоточиться на самых простых ощущениях текущей минуты.

Темнота пахла сырой землёй с примесью резины от брезента. Шорохи в лесу стали отчётливей. Вначале из общего фона дождя выступил какой-то слабый стук, потом звук, похожий на мерные взмахи крыльев. Где-то поблизости упала с дерева шишка. Закапал, зашумел по брезенту ручеёк воды, пролившийся с веток ели.

Так прошло около получаса. Потом, неожиданно громко, как выстрел в ночи, хрустнула ветка, раздавленная чьей-то лапой... или ногой? Вслед за тем у самой границы рытвины послышались шаги, приглушённые травой и мокрым песком. В мерном шорохе дождя было непросто разобрать, сколько ног производили эти шаги: две или четыре.

Ирина сжалась от ужаса: что если это медведь? Скрытая от хищника всего лишь тонким покрывалом брезента, она была совершенно беззащитна. Нож, их единственное оружие, висел на поясе у Володи. Она могла бы попытаться дотянуться до него, но боялась пошевелиться, опасаясь привлечь внимание существа, ходившего наверху.

«Если это медведь, то, возможно, запах резины перебьёт наши запахи, – лихорадочно размышляла она. – А если человек, то темнота – наша единственная защита. И кто придумал так ярко раскрасить брезент!»

Существо наверху не двигалось. «Может, ушло?» – мелькнула у Ирины слабая надежда. Было что-то зловещее в этой напряжённой тишине, полной натянутой, скрытой энергии. Внезапно послышались тихие звуки, как будто с противоположной стены рытвины начал осыпаться песок.

«Лезет внутрь!» – подумала Ирина и совсем перестала дышать, ожидая, что сейчас, сию минуту на неё навалится гигантская медвежья туша. Но никто не навалился, никто не напал на неё. Шуршание прекратилось, после чего она с облегчением услышала лёгкий шорох удалявшихся шагов.

«Ну, теперь уж точно не усну!» – решила она, едва сдерживая восторг, вызванный избавлением от неведомой угрозы. Но прошло всего несколько минут и глаза Ирины сами собой закрылись, она стремительно заскользила в пучину сна и проспала спокойно, без сновидений, до самого утра.

Глава 7

Наутро Ирину разбудило чьё-то лёгкое прикосновение. Одним резким движением сбросив с себя брезент, она оглянулась по сторонам и остолбенела: вокруг неё прыгали лягушки. Их было необыкновенное множество. Самое большое количество земноводных скопилось на дне рытвины, где они беспокойно шевелились, напоминая коричневатое лоскутное одеяло, обдуваемое ветром. Лишь некоторые, особо проворные особи неуклюже карабкались вверх по почти вертикальным песчаным стенам. Песок сползал вниз, унося лягушек с собой. Одна из жертв песчаного оползня лежала на спине, повернув к небу своё белое брюшко, флегматично пытаясь перевернуться в надлежащее ей положение – лапками вниз.

Ирина никогда не видела столько лягушек одновременно. Ей даже не пришлось читать книг, в которых говорилось бы о подобных лягушачьих сборищах. Если это натуральное явление, то оно должно было быть весьма редким. Если же нет...

Тут она вспомнила о вчерашнем ночном происшествии. Не эти ли лягушки послужили источником шума, так напугавшего её? Вряд ли: она отчётливо слышала звуки шагов. Громко треснувшая ветка, раздавленная чьей-то ногой, также подтверждала присутствие более крупного существа. А вдруг это существо принесло и выпустило лягушек? Тогда это, без сомнения, был человек. Но откуда он взялся и зачем ему понадобилось совершать столь бессмысленный поступок? Может быть, это опять какой-нибудь знак, символическое послание, наподобие квитанции, нанизанной на ветку куста? Как ни пыталась Ирина, ей не удалось сообразить, что могло означать такое послание. Скорее всего, здесь крылось нечто совсем другое. В любом случае ей почему-то казалось, что кто бы ни был тот человек, он не желал им зла, хотя и добра от него, по-видимому, ожидать не приходилось. Единственное, на что он был способен – это загадки, выходявшие за рамки здравого смысла, по крайней мере, здравого смысла горожанина.

«Интересно, окажись здесь Николай, смог бы он объяснить значение этих лягушек?» – подумала Ирина.

Она попыталась встать, но ноги её были как будто деревянными и болели при малейшем движении. Пришлось предварительно слегка размять их, осторожно сгибая и разгибая колени. Спустя несколько минут она смогла подняться с земли.

Стояла такая же пасмурная погода, как и накануне. Влажный воздух холодил лицо. Ирина поёжилась, через силу заставила себя сделать несколько физических упражнений, вернувших подвижность её ноющему телу. Лягушки тоже активизировались. Теперь уже добрая половина лягушачьей популяции карабкалась по стене, отчего песок осыпался быстрее прежнего. Глядя на тщетные старания маленьких, упрямых существ, Ирина сжалилась над ними. Она взяла Володину бейсболку, подобранную ею накануне вечером. Собрав в неё

несколько лягушек, всё время норовивших выпрыгнуть наружу, она высадила их на поверхность земли, подальше от края рывины.

Спасение лягушек оказалось куда более эффективной гимнастикой, чем простые физические упражнения. Поймать их было непросто, ещё труднее – заставить сидеть в бейсболке. Через некоторое время Ирина приспособилась накрывать лягушек ладонью, брать в руку и осторожно выбрасывать наружу. Таким образом, они не успевали опомниться и сбежать от неё.

Между прочим, лягушек оказалось ровно пятьдесят. Имело ли это число какой-нибудь смысл? Ирина решила не ломать себе голову: если кто-то хочет составить послание, первым делом нужно позаботиться о его ясности и понятности адресату. Если же суть послания не самоочевидна, то одна из его интерпретаций будет ничем не лучше любой другой.

Когда со спасением земноводных было успешно покончено, настало время и ей самой, вслед за лягушками, выбраться на поверхность. Но прежде следовало проверить состояние Володи. Тот всё ещё спал, разметав руки в стороны, как будто пытаясь обнять нечто необъятное. Дыхание его было тяжёлым, высокая температура не спадала. Губы Володи растрескались; из одной, особенно глубокой трещины, выступила капелька крови и запеклась снаружи. Кромки губ слегка посинели, подчёркивая мрачное, страдальческое выражение его осунувшегося лица.

Нужно было срочно раздобыть воды. Ирина выкарабкалась наверх, удивляясь, как легко ей удавалось делать это вчера, после целого дня пути, и как трудно оказалось теперь, после продолжительного отдыха. Снаружи ничего не изменилось. От ночного визита не осталось никаких следов, только несколько лягушек до сих пор бестолково прыгали поблизости от края рывины, поминутно рискуя свалиться вниз.

Где же искать воду? Логика подсказывала ей, что вода обычно скапливается в низких местах. Но песчаная почва холмов была также проницаема для неё, как воздух – для лучей солнца. Нужно было двигаться в сторону озера, туда, где холмы сменялись глинистыми низинами.

Ирина долго не могла сориентироваться, в какой стороне следует искать озеро. Она вернулась на то место, где упал Володя, чтобы вспомнить, куда они шли до момента его падения. Озеро должно было находиться справа от направления их движения.

«Не беда! – решила она. – В конце концов, если в одной стороне не окажется воды, можно будет поискать её в противоположной».

Внезапно ей в голову пришла страшная мысль: а что если, отправившись за водой, она не сможет найти дорогу назад? В лесу не существовало надёжных ориентиров. Все деревья казались ей абсолютно одинаковыми. К тому же солнце по-прежнему пряталось за плотными облаками, а без него она не смогла бы определить направления сторон света, даже если бы от этого зависела её собственная жизнь.

Поразмыслив, Ирина вернулась в рытвину. Там она нашла свой рюкзак, в кармане которого лежал платок, выданный ей Николаем неделю тому назад. Теперь ей казалось, что это было очень давно. Платок был большим, тонким, с изображёнными на нём красивыми, яркими узорами из переплетённых цветов на почти незаметном чёрном фоне. Ей не хотелось портить такую хорошую вещь, однако обстоятельства требовали от неё решительных действий. Вытащив нож из ножен, висевших на поясе у Володи, она разрежала платок на два десятка кусков, стараясь, чтобы каждый из них нёс на себе какой-нибудь яркий фрагмент узора. Развешивая куски платка на ветках деревьев в пределах прямой видимости друг от друга, она могла удалиться на довольно приличное расстояние без опасения потеряться в лесу. Нож Ирина захватила с собой: такую ценность нельзя было оставлять без присмотра. Вместе с ножом, завернутым для безопасности в бейсболку, она сложила в Володин серый рюкзак две литровые пластиковые бутылки и металлическую флягу.

Теперь оставалось только предупредить Володю. Она легонько потрясла его за плечо. Это не принесло желаемого результата. Она потрясла сильнее. Володя приоткрыл глаза, с трудом сфокусировал их на лице Ирины, но ничего не сказал.

– Я ухожу за водой! – громко, отчётливо проговорила она.

На лице Володи не отразилось ни малейшей реакции.

– Ты меня слышишь? – ещё громче спросила Ирина.

Он кивнул, облизал сухим языком не менее сухие губы и едва слышно произнёс:

– Не кричи.

– Я и не кричу, – ответила Ирина своим нормальным голосом. – Ты пока лежи, а я мигом сбегаю, принесу водички. Потом приготовим для тебя какое-нибудь народное лекарство. Хорошо?

Володя слегка кивнул головой и закрыл глаза.

Ирина выбралась наверх. Чтобы как-нибудь пометить место их убежища, она повесила свой яркий рюкзак на самую высокую ветку ели, до которой смогла дотянуться. Благодаря широкой жёлтой полосе, пришитой сверху, рюкзак был виден издалека.

С самого начала пути она убедилась, что выбрала правильное направление. Характерные перемены в ландшафте как будто бы подтверждали это. Спуск был почти незаметен глазу, но характер растительности и главное – почвы начал быстро меняться: земля становилась всё более влажной, хвойные деревья уступили место лиственным породам, стали чаще попадаться кустарники. Вместе с тем куда-то исчезли все рытвины, на дне которых, по мнению Ирины, должна была скапливаться вода. Нигде не было видно стоячих водоёмов, ручьёв или дождевых луж.

Довольно скоро у неё кончились куски платка. Вместо них ей пришлось оставлять метки на стволах деревьев. Нацарапанные ножом кресты были не очень заметны даже на тёмной коре, поэтому их приходилось вырезать

довольно часто. Это занятие отнимало много времени и сил. Хорошо ещё, что здесь, в низине, можно было отыскать деревья с гладкой корой. На холмах, откуда она только что спустилась, росли только сосны и ели с неровными, шершавыми стволами, совершенно непригодными для вырезания меток.

«Где же озеро? – думала Ирина. – Неужели мы оставили его позади? Быть этого не может! Сколько же километров мы вчера прошли?»

Этого она не могла вспомнить. Весь вчерашний день остался смазанным в её памяти. Стёрлось всё, начиная с того момента, когда она в последний раз бросила взгляд на удаляющуюся гладь воды, вплоть до внезапного падения Володи. Теперь у неё складывалось впечатление, что она проспала на ходу весь вчерашний день, очнувшись только под вечер. Сколько она могла прошагать в таком состоянии? Три километра? Тридцать?

Если верить карте, которую показывал навигатор Володи в Матвейцево, озеро на востоке сужалось, превращаясь в узкую, довольно длинную полосу воды, терявшуюся в болотах. Можно ли было доверять этой карте, ведь на ней даже не было обозначено само Матвейцево. Не исключено, что все особенности здешней топографии, включая истинные размеры и форму озера, были представлены на ней примерно, схематически. Для навигатора важнее всего дороги, он не может служить заменой настоящей карте, особенно в тех местах, где нет, и никогда не было дорог.

Ирина остановилась передохнуть ровно в полдень. К тому времени она была в пути около двух часов. Перед ней всё более настойчиво вставал вопрос: идти дальше или возвращаться назад? Возвращение без воды было равносильно поражению и влекло за собой потенциально катастрофические последствия. Она уже чувствовала противный привкус ацетона во рту, говоривший о сильном обезвоживании. Сможет ли она ещё раз проделать тот же путь в другом направлении, хватит ли у неё для этого силы воли? Разумеется, на такие вопросы нельзя ответить заранее: никто не знает настоящих пределов своей выносливости. Не знала их и Ирина, и ей не хотелось без крайней нужды испытывать свои силы, рискуя довести себя до полного изнеможения.

Оставив очередную метку на стволе ближайшей осины, она двинулась вперёд, и тут, наконец, её усилия были вознаграждены: почва зачавкала под ногами, послышался отрывистый крик лягушек. Где-то поблизости, несомненно, была вода. Не разбирая пути, Ирина пошла на лягушачьи голоса. Продравшись сквозь заросли осоки, до крови порезав щёку, она вышла на берег маленького озерца. Вода в нём была чистой, прозрачной, почти без тины. В ней отражались серые облака, бесшумно проплывавшие в небе над лесом.

Нагнувшись, Ирина заметила отражение собственного лица, колыхавшееся в воде. Она едва узнала себя и поскорее отвернулась, чтобы не видеть растрёпанных волос, порезанной щеки и худого чумазого лица с большими, строгими и страшными, как на старинной иконе, глазами.

Первым делом она утолила жажду, выпив без остановки полбутылки воды. Потом ей пришлось в голову, что неплохо было бы помыться. Наполнив бутылки

и флягу, она разделась до нижнего белья. Раздеваться полностью было как-то неловко, хотя вокруг не было ни души. Она набрала со дна пруда несколько пригоршней холодного, жидкого ила и тщательно натёрла им всё тело, включая волосы. Ил был тёмным, мягким наощупь и отличался приятной, бархатистой структурой. Намазывать его на себя было настоящим удовольствием. Совсем не таким удовольствием оказалась промывка волос холодной водой: ей так и не удалось вычесать всю грязь из своей роскошной, густой шевелюры. Впрочем, от этого её волосы не стали выглядеть хуже, чем прежде, разве что торчали несколько более буйно да слиплись кое-где, ближе к концам, в тонкие, неряшливые прядки. Зато сразу же перестала чесаться голова, что само по себе представляло значительный результат, вполне оправдавший процедуру купанья.

Пора было возвращаться назад. Ирина выпила на дорожку ещё полбутылки воды, вновь наполнила пластиковый сосуд до самых краёв и отправилась в обратный путь. И только тут спохватилась: почувствовав воду, она забыла про метки на деревьях! К счастью, её следы хорошо отпечатались на пропитанной влагой земле, идти по ним было очень легко. Спустя пятнадцать минут она увидела свою последнюю метку, грубо нацарапанную на коре молодой осины. Перед ней лежала хорошо помеченная, прямая дорога к убежищу, где её ждал Володя. Купание в пруду придало ей бодрости, к тому же ей больше не было нужды останавливаться, чтобы делать метки. Обратный путь она преодолела всего за полтора часа.

Глава 8

Ирина возвращалась в хорошем расположении духа. Она не стала собирать кусочки платка, развешанные на деревьях: кто знает, может быть в скором времени ей придётся повторить путешествие к озеру. Не исключено, что завтра они пойдут туда вместе с Володей. Она не без удовольствия предвкушала, как будет рассказывать ему о своей находчивости, демонстрируя свои рукотворные ориентиры.

К её огромному сожалению, одного взгляда на Володю было достаточно, чтобы понять: завтрашний поход вместе с ним, скорее всего, не состоится. Ему сделалось ещё хуже, чем было с утра. Ирине даже не удалось разбудить его. Слегка приоткрыв глаза, он мельком взглянул на её лицо, очевидно, не узнав, кто она такая, и снова провалился в мир своих болезненных грёз. У него начался бред: он то и дело пытался говорить что-то в беспамятстве, но каждый раз эти попытки вырождались в тихое нечленораздельное мычание.

Осознавая собственную беспомощность, Ирина чувствовала острую досаду, граничившую с отчаянием. Что она могла сделать в такой ситуации? Какой прок был в этой с таким трудом добытой воде, если она оказалась не в состоянии напоить ею Володю?

Герои её любимых книг всегда находили выход из любых затруднений. До сих пор она была искренне убеждена: в жизни не бывает безвыходных

ситуаций, а судьба есть не что иное, как производная человеческой воли. Обстоятельства играют в ней сугубо вспомогательную роль архитектора и строителя препятствий, всякий раз непременно склоняющихся перед умом, целеустремлённостью и настойчивостью человека. Да, действительно, борьба с обстоятельствами требует подчас самоотверженности, даже героизма. Ирина была почти уверена в своей способности к героическим поступкам, хотя ей ещё не представлялся случай проверить её на практике. Сейчас такая возможность представилась, и что же? Неужели, столкнувшись с неумолимой реальностью, её воля принуждена будет смириться, признать своё бессилие? Тогда из обоюдоострого, всесокрушающего меча она превратится в жалкий костыль, способный лишь помочь своему хозяину как-нибудь приспособиться к обстоятельствам, вместо того, чтобы менять и перекраивать их сообразно собственным пожеланиям.

Конечно, можно в той или иной степени влиять на окружающий мир, но нельзя изменить принципы, лежащие в его основании, тем более что многие фундаментальные законы природы скрыты завесой, непроницаемой для человеческого разума. То, что воля действует лишь на уровне сознания, стало для Ирины настоящим открытием. Действительно, она могла заставить себя терпеть жажду, но не смогла бы обходиться вовсе без воды. Ей было нетрудно уговорить Володю выпить самое горькое лекарство, но тот же Володя, лежавший в беспамятстве, вышел за пределы её влияния.

Сразу же вслед за этим горьким осознанием возник соблазн не соглашаться с ним, сохранить, ради собственного комфорта, привычные стереотипы прошлого. Но что-то внутри Ирины восставало против утешительного самообмана. Компромиссы с собой, порождаемые слабостью или трусостью, и прежде претили ей. К тому же в глубине души она начала понимать: отказавшись признавать реальность, она поставит под сомнение своё собственное выживание. А речь теперь шла именно о выживании. Сколько времени она сможет оставаться рядом с Володиёй, прежде чем её силы полностью иссякнут? Недолго, особенно учитывая отсутствие еды и главное – воды. Пройдёт ещё день или два, и непременно настанет момент, когда она не сможет больше подняться. Это будет означать верную смерть.

Ирина вздрогнула при мысли о смерти. Она давно уже не вспоминала о ней. Когда-то, будучи совсем ещё ребёнком, она изредка думала, лёжа в постели перед сном: «Настанет день, когда я должна буду умереть». От таких размышлений всё её тело холодело изнутри, как будто в груди стремительно зрел гигантский ледяной шар. К лицу приливалась кровь, по телу ползли мурашки, и ей ужасно хотелось встать и пойти к маме, чтобы уткнуться носом в её мягкий, застиранный фланелевый халат. Но пойти было нельзя: мама ничего не сказала бы, только посмотрела бы на неё строго и осуждающе. Этот взгляд был, пожалуй, единственным, чего Ирина боялась больше, чем призрачной смерти, таившейся где-то в далёких глубинах будущего. Потом она приучила себя не думать о подобных вещах, ловко переводя мысли на какой-нибудь

более приятный предмет. Постепенно это вошло в привычку, с которой теперь тоже приходилось расставаться.

Она взяла одну из пластиковых бутылок с водой и стала медленно пить из неё маленькими глотками. В воздухе давно уже пахло вечером. На дне рытвины стемнело раньше, чем на поверхности земли. Лицо Володи, спрятанное под корнями, стало почти неразличимым. Он продолжал тихонько стонать в забытии.

«Развести костёр? – подумала Ирина. – Зачем? Только зря потрачу силы. Лучше лягу спать пораньше». Она снова, как и накануне, забралась под брезент рядом с Володей. На этот раз сон сжалился над ней и сразу же принял её в свои объятия.

Ночь прошла без происшествий. Собиравшиеся весь день дождевые тучи так и пронесли мимо, не уронив ни единой капли. К утру распогодилось. Вместо унылых серых туч на небе показались белые облака, розовевшие в лучах утренней зари. Спустя несколько часов облака расступились, обнажив широкие лоскуты глубокого синего неба. Потом ветер снова нагнал откуда-то целый рой растрёпанных серых обрывков. Небо сделалось пёстрым, слоистым, бело-серо-голубым.

Ирина не видела всех этих метаморфоз. Она проснулась около полудня и даже не взглянула вокруг, а сразу же потянулась к бутылке с водой. Выпив добрую половину, закашлялась от спешки, перевела дыхание, потом допила остатки, выплюнув песок, лежавший на дне.

«Что же я наделала! – подумала она, окончательно пробудившись от почти шестнадцатичасового сна. – Выпила всю воду! Володе же ничего не останется!»

И действительно: обе пластиковые бутылки, принесённые ею вчера, были пусты. Правда, оставалась ещё полная фляга, но этого было совершенно недостаточно для Володи, который провёл двое суток без единого глотка воды.

Ирина откинула брезент. Осунувшийся, небритый и растрёпанный, Володя по-прежнему лежал без движения. Его бледное лицо приобрело синеватый оттенок. Дыхание сделалось тяжёлым, медленным, с отчётливо слышной сильной хрипотцой. Как ни старалась Ирина растолкать больного, привести его в чувство, у неё ничего не выходило. Он ни на что не реагировал и только едва заметно вздрогнул, когда она резко, сильно ущипнула его за ногу. Взяв фонарь, Ирина приоткрыла большим пальцем руки Володино веко, чтобы проверить реакцию зрачка. Он слегка сужался от воздействия света, но долго не расширялся, когда она выключала фонарь. Судя по некоторым признакам, состояние Володи походило на кому. Будучи студенткой начальных курсов, Ирина ещё не могла с уверенностью диагностировать его заболевание, у неё явно не хватало опыта и теоретических знаний. Впрочем, и без всякого опыта было понятно: положение Володи становилось критическим.

Она попыталась влить ему в рот немного воды, но зубы больного оказались крепко сжатыми, так что всего лишь несколько капель попали ему в рот.

Сохранился ли у него глотательный рефлекс, чтобы проглотить эти капли? В этом Ирина отнюдь не была уверена.

Нужно было без промедления отправляться за помощью, но как же оставить Володю одного, как бросить совершенно беззащитного человека без присмотра в лесу? Всё её естество восставало против подобного поступка: хорошие люди не бросают товарищей в беде. А плохие, что делают они? Заботятся только о себе, вот что!

– Но ведь я пойду за помощью! – возражала она сама себе. – Это единственный выход, единственная надежда для Володи, это самое разумное, что я могу сделать! Я всё равно не смогу помочь ему, если останусь здесь.

– Полно лгать! Никакая помощь не успеет сюда вовремя. Даже если его найдут, что само по себе сомнительно, пройдет слишком много времени. Он обречён, признай это! – отвечала её тёмная, суровая сторона, вечно ставившая палки в колёса во время принятия сомнительных решений и теперь, очевидно, исполнявшая роль адвоката дьявола.

– А чего я добьюсь, если останусь? – не соглашалась Ирина. – Тогда уж точно придётся распрощаться с последней надеждой!

– По крайней мере, имей достоинство проводить его до конца, чтобы он не остался один в свой последний час, – парировал адвокат дьявола. – Разве не этого требует человеческая солидарность? Разве человек не обязан уважать чужую жизнь, которая также священна, как его собственная? Останься и отпусти его, когда настанет момент. Это будет по-человечески.

– Да она просто боится сдохнуть вместе с ним в этой канаве, как собака, – встрял какой-то новый, весьма противный голос, – вот и придумывает предлог, чтобы поскорее смыться!

«Какая я гадкая! Гадкая! – внутренне возмутилась Ирина. – Какие гадкие у меня мысли! Откуда они берутся? Я совсем не такая! Я так не думаю!»

– А кто же за тебя думает? – не унимался противный голос. – Что, неправда? Не боишься?

– Боюсь, – призналась Ирина.

– И правильно делаешь. Ты ведь видела вчера своё отражение в озере, что так быстро отвернулась? Не понравилось? Не по нутру?

– Просто было неприятно смотреть.

– Именно, именно! А сказать почему? – ликовал противный голос. И не дожидаясь её согласия продолжал:

– Потому что ты любишь себя! Тебе хочется жить, и это естественно. Но, помимо того, тебе хочется быть совершенной снаружи и главное – изнутри. Если ты бросишь его теперь, то непременно перестанешь уважать себя за это. Рассыплется твой любимый хрустальный образ самой себя, и вся твоя невинность, доброта, благородство – всё превратится в одно только лицемерие. Скажешь, не думала об этом?

– Думала, – нехотя согласилась Ирина.

– А чего он стоит, этот твой образ? Стоит он человеческой жизни?

– Нет, нет, – испугалась она вывихнутой логики противного голоса, ведущей невесть к чему, непонятно в какие глубины её сознания, запертые на замок ради её же собственного блага. А может быть, наоборот – во вред? Всё зависело от того, что считать пользой, а что вредом. Ирина уже не была вполне уверена, в чём, собственно, заключается сейчас её истинная польза.

Противный голос тем временем продолжал, ничуть не смущаясь:

– Если тебе вдруг предложат пожертвовать репутацией ради по-настоящему благородного дела, ты, скорее всего, согласишься. Я-то знаю! Ты сделаешь это даже в том случае, если речь не будет идти о чьей-то жизни и смерти. Сама принесённая жертва послужит тебе утешением и оправданием. Уверенная в своей правоте, ты не станешь слушать чужих мнений о себе. В сущности, они ничего не стоят. А вот у твоего мнения о собственной персоне есть цена. Им, в случае чего, тоже можно пожертвовать, и не однажды. Хотя ставки здесь, надо признаться, весьма высоки. Мой тебе совет: купи на него свою жизнь.

– Как будто это так просто!

– Конечно, просто! Думаешь, будешь потом сожалеть об этой сделке до конца своих дней?

– Разве нет?

– Разумеется, нет! Чем дольше живёшь, тем больше накапливается поводов для сожалений. В этом заключается суть так называемой совести: чувство вины всё время копится, копится, дай ему волю, и оно сожрёт тебя без остатка. Между тем, вращаясь в человеческом обществе, невозможно оставаться кристально чистой. Не бывает нравственно безупречных людей, оттого и мир нестерилен – и не хочешь, да запачкаешься. К счастью, можно легко привыкнуть к сознанию своего несовершенства, научиться жить без хрустального образа. Многие так живут.

– Но я-то не хочу!

– Тогда альтернативой станет твоя смерть.

– Предлагаешь мне сознательно совершить подлость?

– В чём же тут подлость? В том, чтобы не умереть за компанию с малознакомым человеком? Это не подлость, а благоразумие.

– Пусть так.

– Так, так, как же иначе?

– Но я всё равно буду считать это подлостью.

– Я знаю.

– Если уж совершаешь заведомо скверный поступок, по крайней мере, имей честность признать это! – встрял адвокат дьявола.

– Признавай, что хочешь, но следуй здравому смыслу! – настаивал противный голос.

– Хорошо, – вздохнула Ирина. – Я не хочу, я боюсь умирать! Это трусость, я знаю.

– Любишь ты навешивать ярлыки! – возмутился противный голос.

– Да, да – трусость. А я-то воображала, будто способна на жертвы!

– Это не тот случай! – предвкушая победу в споре, противный голос начал звучать сладковато-вкрадчиво.

– Какой же ещё случай тебе нужен?

– Имеющий какую-нибудь цель! Жертва обретает смысл только тогда, когда благодаря ей удаётся чего-нибудь добиться. Бесцельная жертва абсолютно бессмысленна.

– Ты хочешь сказать, что я совершу жертву, если расстанусь с хрустальным образом во имя собственной жизни?

– Совершенно верно! – воскликнул противный голос.

– Самообман, – твёрдо заявил адвокат дьявола. – Бессовестная, псевдо-логическая махинация!

– Тихо! – вдруг завопила Ирина вслух. Она закрыла лицо руками и громко разрыдалась.

Глава 9

Приняв решение, Ирина постаралась выбросить из головы все аргументы, переставшие иметь какое-либо значение. С нерешительностью было покончено, настало время действовать.

Перво-наперво, следовало позаботиться о Володе. Ирина стянула с него ботинки, нагребла под голову кучку мягкого песка, соорудив нечто вроде подушки. Чтобы тело как можно дольше сохраняло тепло, она насыпала поверх брезента сухой травы и прошлогодней хвои, за которыми ей пришлось сходить в соседний еловый лес.

Помимо брезента, она решила оставить Володе всё их скудное снаряжение: флягу с водой, одну пустую пластиковую бутылку, фонарь, верёвку, зажигалку и нож, хотя ей очень хотелось забрать всё это с собой, особенно нож. И всё же не утихавшее чувство вины не позволило ей прикоснуться к вещам: оставленное снаряжение служило своего рода платой за предательство. Его отсутствие снижало её собственные шансы добраться до Матвейцева, и в этом ей виделась какая-то парадоксальная, хотя и не окончательная, справедливость.

Напоследок Ирина тщательно отметила место Володиного пристанища. Её жёлтый рюкзак уже висел на ветке ели. В дополнение к нему, она украсила все окрестные деревья яркими кусками платка. Больше она не смогла ничего придумать. С тяжёлым сердцем, даже не взглянув в последний раз на Володю, Ирина отправилась на юг, в сторону уже знакомого ей озера.

Впрочем, ей не было суждено увидеть его во второй раз. Дело было в том, что накануне она оставляла метки с южной стороны стволов, чтобы по ним было удобнее ориентироваться во время обратного пути с юга на север. Теперь, двигаясь с севера на юг, Ирина не замечала ни меток, ни каких-либо других следов своего вчерашнего присутствия и лишь напрасно напрягала память, пытаясь припомнить знакомые места или виды. Очень скоро она

окончательно сбилась с пути, очутившись в окружении низких зарослей молодых деревьев и кустарников, слегка возвышавшихся над её головой. Идти вперёд стало совершенно невозможно: тонкие, но крепкие деревья росли слишком часто. Ей пришлось вернуться назад и попытаться обойти молодую рощу, преграждавшую путь непроходимым частоколом.

Она пошла в восточном направлении, стараясь двигаться вдоль хорошо заметной стены из кустарников, но это не очень получалось: граница стены изгибалась, то уходила на юг, то наоборот – выпячивалась в сторону севера, заставляя Ирину описывать порядочные круги.

Скорость её передвижения оставляла желать много лучшего. Из земли повсюду торчали какие-то полукруглые кочки размером с футбольный мяч, заросшие длинной травой, похожей на волнистые волосы, тщательно уложенные в дорогой парикмахерской. Земля между кочками была влажной и глинистой, она предательски скользила под ногами, ещё более замедляя и без того небыстрое передвижение Ирины.

Монотонный пейзаж начал меняться только к вечеру. Стена из кустарников незаметно растворилась, смешавшись с обычным лесом. Кочки стали встречаться всё реже, а потом и вовсе пропали, уступив место ничем не примечательному разношёрстному подлеску. Деревья сделались толще и выше. Между стволами то и дело открывались широкие просветы, предрекавшие скорое окончание зарослей. Впереди было открытое пространство – поляна или, может быть, озеро.

И действительно, не прошло и получаса, как усталая Ирина вышла на опушку леса. Перед ней лежал узкий пойменный луг, посередине которого бежала небольшая быстрая речка, с обеих сторон окаймлённая луговой травой, полоскавшей в кристально-чистой воде. Деревья и кусты разом заканчивались в пятидесяти шагах от берега. Противоположная сторона луга плавно поднимался к небу, упираясь в желтизну и зелень соснового бора. У Ирины, уже несколько дней не выдавшей ничего, кроме леса, захватило дух от раскинувшегося перед ней простора.

Река и в самом деле оказалась необыкновенно чистой. Ирина уже давно не встречала такой чудесной воды, без малейших примесей ила, песка или глины. Она доплелась до берега, упала на колени и, не закрывая глаз, медленно опустила лицо в воду, разорвав стремительно проносившееся мимо неё зеркало поверхности. На дне, в таинственном полумраке, мерно колыхалась всё та же трава. Казалось, будто она стремится вырвать из земли свои корни и поплыть вниз по течению, вслед уносящемуся вдаль потоку. Среди волнующейся зелени можно было разглядеть несколько стаяк крошечных, почти прозрачных рыбок. Всё это отдалённо напоминало большой, плохо освещённый аквариум.

Ирина открыла рот. Вода была восхитительной на вкус и очень холодной. У неё заломило зубы, но она не обратила на это внимания. Чуть приподняв голову над поверхностью реки, она стала пить, зачерпывая воду открытым

ртом. «Хватит, хватит!» – говорила она себе и всё же никак не могла остановиться.

С трудом оторвавшись от воды, Ирина уселась возле берега, поджав под себя усталые ноги. К этому часу, – а было уже около девяти часов вечера, ветер разогнал, наконец, остатки вчерашних облаков. Солнце начало клониться к горизонту в той стороне, откуда пришла Ирина. Значит, она всё время двигалась не на юг, а на восток. Зато теперь стало ясно, в какую сторону идти дальше: достаточно следовать за руслом реки, и оно непременно приведёт её к озеру, а там уже будет видно, сумеет ли она обогнуть его с тем, чтобы добраться до Матвейцева.

Ирина упала на спину, наслаждаясь радостной минутой воскресшей надежды. Ветер играл стеблями тимopheевки у неё над головой. Мир был полон покоя, мягких шорохов, прозрачных теней, пряных запахов травы.

Внезапно она почувствовала сильнейший спазм в животе, буквально согнувший её пополам. Боль была чудовищной. На несколько минут оглушённая Ирина потеряла способность думать. Её мысли остановились. Всё, что существовало за пределами боли, исчезло. Она перестала даже дышать. Со всех сторон её окружали толстые стены тесного кокона, наполненного абсолютной, первобытной темнотой.

Потом, очень медленно, боль стала ослабевать. Ирина судорожно вдохнула, удивляясь, как легко прохладный воздух проник в её лёгкие. Липкая плёнка пота покрывала её лицо. Она ещё долго прислушивалась к своим ощущениям, не решаясь разогнуть скрученное болью тело.

«Надо же было выпить залпом столько холодной воды!» – подумала она, впрочем, совсем не сердясь на себя. Приступ боли отнял у неё последние силы и эмоции, расчистив место для глубокого, всепоглощающего равнодушия.

Мир начал возвращаться к ней, образ за образом, звук за звуком. Ирина лежала на траве, купаясь в желтоватых лучах вечернего солнца, впитывая телом тепло нагретой за день земли. Где-то трещали кузнечики. Забытьё обволакивало её своими ватными покровами.

«Интересно, смогу ли я, если захочу, двинуть пальцем?» – подумала она и осторожно попробовала. Палец пошевелился. Это принесло ей огромное облегчение: она была в состоянии двигаться, встать и идти дальше. Но вовсе необязательно было делать это прямо сейчас. Всего несколько минут отдыха, и она продолжит свой путь к озеру. Всего несколько минут...

Спустя несколько часов её разбудил холод. Солнце скрылось за горизонтом. Наступила ночь. По земле тянуло слабым северным ветерком. Где-то поблизости слышалось журчание текущей воды. Было темно той странной июньской темнотой, которая позволяет различать контуры предметов, но скрывает цвета и расстояния. Призрачный, рассеянный свет был разлит в воздухе. Некоторые из сплетавших его нитей были рождены далёкими звёздами и пролетели триллионы километров, чтобы навсегда померкнуть на этом лугу.

Но большинство лучей переливалось через горизонт, за которым не так давно скрылся их источник. То, что видела Ирина, можно было лишь с большой натяжкой назвать белой ночью. В городе она не замечала столь слабого света, здесь же он был достаточно ярким, чтобы рассмотреть стрелки часов. Шёл двенадцатый час ночи.

В это время дома у Ирины ложились спать. Папа, сидя на кухне, мог ещё долго читать какую-нибудь книгу, а мама, как настоящий жаворонок, к одиннадцати часам уже клевала носом. Зато в половине шестого утра она, как правило, была уже на ногах. В этом смысле Ирина пошла в отца: она терпеть не могла вставать по утрам, а в выходные, если её не будили, могла без зазрения совести проспать до обеда. Поздний вечер был её любимым временем суток. Временем для уюта, когда настольная лампа с коричневым абажуром чертила яркую окружность на потолке её комнаты, подёрнутом сероватой паутиной сумерек. Временем для чтения, для мечтаний и грёз, легко рассыпающихся в ярком свете дня, но оживающих, стоит им облачиться в бархатные одежды тёплого полумрака.

Воспоминания о доме пробудили в ней острый приступ одиночества. Ей было так легко представить себе, что делают сейчас её родители! всю жизнь она наблюдала за их привычками, обычаями, маленькими семейными ритуалами и сама активно участвовала в них. Распорядок дня, заведённый в семье, был одним из основополагающих законов, согласно которым текла её собственная жизнь. Как близок был дом в её воспоминаниях и как далёк в реальном физическом пространстве! Ирине очень захотелось позвонить маме, и тут она вспомнила, что оставила свой телефон в кармашке рюкзака, висевшего на ветке ели возле убежища Володи.

«Вот растяпа! – отругала она себя. – Хорошо хоть бумажник с собой не взяла, а то растеряла бы все деньги и документы. Интересно, а где телефон Володи?»

Володин рюкзак, некогда принадлежавший Сергею Сергеевичу, до сих пор висел у неё на плечах. Он был пуст, за исключением пустой пластиковой бутылки, болтавшейся на дне. Она даже не знала, зачем взяла его с собой. Просто в последние дни рюкзак стал непременным атрибутом её гардероба, без которого Ирина чувствовала себя не вполне одетой.

Она пошарила по кармашкам рюкзака и обнаружила в них Володин телефон в мягком кожаном футляре, а также пачку высохших влажных салфеток и сложенную в несколько раз, потрёпанную карту какого-то иностранного города.

Телефон был большим, плоским и практически невесомым. На нём имелась всего одна кнопка, очевидно, служившая для включения аппарата. Ирина нажала на неё. Сначала ничего не произошло, но потом экран засветился ослепительно ярким светом.

«А вдруг он заблокирован?» – с тревогой подумала Ирина. Её опасения оказались напрасными: телефон загрузил операционную систему и начал искать сеть. Уровень заряда батареи был высоким. Через некоторое время на экране возникло сообщение о том, что аппарат находится вне пределов обслуживания

оператора мобильной связи. Ирина вздохнула и хотела выключить телефон, как вдруг на индикаторе соединения загорелась одна маленькая рисочка. Связь была установлена, хоть и не очень надёжно. Рисочка мерцала, временами гасла, потом загоралась вновь.

Ирина тихонько взвизгнула от восторга. Она вскочила на ноги, лихорадочно соображая, кому следует позвонить в первую очередь. «В службу спасения! Как теперь туда звонить? Кажется 01. Или 112? Нет, сперва надо позвонить маме!»

От волнения ей долго не удавалось набрать номер. На экран всё время выскакивали бесполезная для неё адресная книга, сообщения от каких-то приложений и ненужные подсказки. Клавиатура пряталась за маленьким значком в нижнем углу. Ирина ввела номер своего домашнего телефона. Раздалось шипение, после чего голос робота-оператора сообщил ей об ошибке. Ну, конечно же! Она забыла про восьмёрку в начале номера! Пришлось вводить все цифры заново. Наконец, послышались длинные гудки.

«Неужели не возьмут трубку? Может, уже легли спать? Но они же никогда не отключают телефон на ночь», – думала Ирина. В конце концов, после восьмого гудка трубку сняли.

– Да? – услышала она знакомый, почему-то совсем не сонный голос матери.

– Мама! Мама! Это я! – закричала Ирина, не замечая, что сигнал пропал, и мама уже не слышит её. Разговор прервался, так и не начавшись. Воцарилось молчание.

– Проклятье! – выругалась Ирина вслух и опять начала набирать номер. На сей раз не было даже гудков. Сеть снова оказалась недоступной. Рисочка продолжала мигать, то исчезая, то появляясь только для того, чтобы снова погаснуть через несколько секунд.

«Ничего, завтра найду какой-нибудь холм повыше, заберусь на него и попробую позвонить оттуда», – решила Ирина, весьма ободрённая такой перспективой. Одно короткое слово, услышанное в ночи, оказалось достаточно: она как будто сбросила с себя груз усталости. Прилив адреналина заставил чаще биться её сердце, голова кружилась, руки дрожали. Ей захотелось немедленно встать и идти дальше. В таком состоянии она могла, наверное, прошагать хоть сотню километров, ни разу не остановившись.

Объективная реальность помешала Ирине осуществить столь далеко идущие планы. Не прошла она и сотни метров, как провалилась ногой в кротовую нору, упала, растянувшись во весь рост и едва избежав серьёзной травмы. Если она действительно рассчитывала добраться до цивилизации, следовало соблюдать осторожность: ноги были теперь её главным сокровищем и единственным инструментом.

«Без ног я теперь, как без рук», – с улыбкой думала Ирина, устраиваясь на ночлег в траве, посреди островка из полыни и репейника, укрывавшего её от порывов прохладного ветра. Впрочем, ночь выдалась тёплой. Северный ветер стих около полуночи. Воздух почти не двигался. Завтрашний день обещал быть солнечным.

Глава 10

Утром Ирина уже не испытывала вчерашнего подъёма. За ночь силы почти совсем оставили её. Перед рассветом на землю выпала роса. Похолодало. Чтобы не замёрзнуть окончательно, ей пришлось подняться ни свет ни заря. Идти по мокрой траве было неприятно, но это всё-таки было лучше, чем дрожать, свернувшись калачиком на земле, тратя ценное время на бесплодные попытки вернуть упорхнувшие сновидения.

Она набрала воды в бутылку, очень осторожно, маленькими глотками, напилась, умылась и не спеша отправилась вдоль берега, стараясь выбирать наименее заросшие участки луга. Несмотря на физическую нагрузку, согревшую тело, апатия никак не хотела выпускать её из своих объятий. Этим утром она не испытывала никаких желаний. Даже желание спасти Володю поблекло, сменившись противоестественным для её характера безразличием.

Ирина шла вперёд, как робот, механически переставляя ноги, глядя в землю прямо перед собой и не слишком обращая внимания на перемены в рельефе и характере растительности. Поэтому она была немало удивлена, когда спустя несколько часов, подняв голову, обнаружила, что река исчезла. Вокруг неё во все стороны тянулась унылая буро-зелёная болотистая равнина. Трудно было понять, как она умудрилась забрести почти в самый её центр, не замочив при этом ноги.

Приглядевшись, Ирина заметила, что река пропала не совсем. Она просто превратилась в узенький ручеёк, тихонько журчавший слева от неё. Чуть поодаль он окончательно терялся среди травянистых кочек, растекаясь маленькими потоками по стоячим, подёрнутым ряской лужам.

Территория болота была не слишком обширной. Примерно в километре впереди себя Ирина ясно различала высокие холмы, покрытые лесом. Чтобы добраться до них, ей следовало вернуться назад, пересечь реку и обойти наиболее топкое место с востока. Ещё вчера она так и поступила бы, но сегодня ей было всё равно, где идти. У неё не доставало сил, чтобы заставить себя рассуждать, а ведь именно рассуждения, как правило, служат главным инструментом здравого смысла. Ирина отчётливо видела свою цель, и этого было достаточно. Нужно было просто идти вперёд. Так она и сделала.

Вода покрывала низину не полностью. Неровное дно местами выступало на поверхность, благодаря чему издали создавалось впечатление, будто твёрдая суша повсюду преобладает над затопленными участками. На самом же деле, как очень скоро выяснила Ирина, идти по этой суше было сущим мучением. Ноги увязали во влажной почве, как в снегу, чаще всего – по щиколотку, иногда – по колено. Время от времени ей приходилось передвигаться на четвереньках, а несколько раз – и вовсе ложиться на живот и медленно ползти по мокрой, липкой грязи. Но она упорно продолжала двигаться вперёд, не останавливаясь даже для короткого отдыха.

О чём думают люди, близкие к полному истощению сил, час за часом продолжающие монотонную борьбу за собственное существование? Этот вопрос нередко возникал в голове Ирины, когда она читала приключенческие романы. Авторы почему-то предпочитали описывать события, редко обращая внимание на сиюминутные переживания героев. Теперь она смогла бы ответить на свой вопрос и, наверное, осталась бы разочарованной: в её мыслях не было ровным счётом ничего интересного. Все они сконцентрировались на текущем моменте. Для неё не существовало ни прошлого, ни будущего. Сознание было полностью сосредоточено на решении самых важных, непосредственных задач: «поставлю ногу на эту кочку. Не проваливается? Значит, можно опереться на ногу. Куда поставить другую? Допрыгну ли до того пучка травы?» Даже эти примитивные мысли выражались отнюдь не в словах, а в движениях, и всё же они отнимали всю оставшуюся у неё интеллектуальную энергию. Если бы Ирину в этот момент спросили, какое сегодня число или даже какая теперь погода, она не смогла бы ответить сколько-нибудь вразумительно.

С каждым шагом окраина болота становилась всё ближе. До неё оставалось каких-нибудь триста метров, когда Ирина запнулась за корень, скрытый от глаз пучками жабьей травы. Потеряв равновесие, она всем телом, плашмя, рухнула в лужу, забарахталась, поднимая в воздух огромное количество брызг, запаниковала и чуть не захлебнулась, пытаясь нащупать ногами несуществующее дно: лужа оказалась слишком глубокой. К счастью, неподалёку плавал почерневший обломок толстой ветки, видимо, принесённый сюда весенним половодьем. Ирина ухватилась за него, стараясь отдышаться и выплюнуть изо рта грязную воду, пахшую болотной тиной.

Успокоившись, она обнаружила, что лужа была совсем небольшой – от силы несколько метров в диаметре. Сделав пару сильных взмахов руками, Ирина без труда достигла берега. Вот только ухватиться было не за что: ей пришлось карабкаться на сушу, опираясь на собственные пальцы, до самых ладоней погружённые в липкую грязь. Тяжело дыша, она выбралась на нетвёрдую землю и легла на спину. Вода струилась с неё маленькими ручейками, весело стекавшими обратно в лужу.

Настал полдень. Солнце стояло в зените и пекло немилосердно. Судя по всему, было очень жарко, но мокрая Ирина не ощущала зноя. Впрочем, она не чувствовала его и до падения в лужу.

«Полежу здесь немного, – подумала она. – Пусть одежда подсохнет». И вслед за этим: «Некогда разлёживаться! Время уходит!»

Вынужденное купание пошло ей на пользу. До сих пор она брела как будто во сне. Теперь сознание её прояснилось, обрело цель, а вместе с ней и утраченную решимость. Поёживаясь в мокрой одежде, Ирина поднялась на ноги. Она осмотрелась вокруг, новыми глазами оценивая увиденное, и ужаснулась своей неосмотрительности: как же она отважилась забрести в этакую топь? Как умудрилась пройти через самый центр трясины и остаться в живых? Вперёд! Вперёд! Подальше от этого болота!

Сырая одежда липла к телу. Ирина старалась не обращать внимания на дискомфорт. Как бы то ни было, её тело быстро согрелось от энергичной ходьбы. Когда спустя полчаса она вышла на сухую, твёрдую землю, только носки, нижняя часть джинсов, полы куртки и рюкзак все ещё оставались влажными.

Впереди, скрывая большую часть горизонта, высился гигантский холм, намного превосходивший высотой и размерами те низенькие гряды, по которым они с Володей шли несколько дней назад. Это была настоящая гора, снизу доверху поросшая лесом. Забираться на неё, пожалуй, не имело смысла, разве что для того, чтобы позвонить домой.

Телефон! Она совсем забыла о нём! Ирина быстро скинула рюкзак. Расстегнув его влажный карман, она извлекла оттуда мокрый чехол, из которого вылилась тонкая струйка воды. Телефон, разумеется, тоже был совершенно сырым. Ирина знала, что нужно открыть аппарат и оставить его сушиться на солнце, но никак не могла сообразить, каким образом снимается задняя крышка. Телефон выглядел неразборным. Он целиком состоял из единого куска пластмассы, без каких бы то ни было швов или прорезей. Если его и можно было разобрать, то уж точно не при помощи ногтя или обломка деревянной палочки.

Ирина решила не рисковать и не включать телефон, по крайней мере до вечера, а может быть, и до завтрашнего утра. Если он сгорит сейчас, от него всё равно не будет никакого проку, а если дать ему время просохнуть, останется небольшая надежда воспользоваться им в критической ситуации.

Она вынула телефон из чехла и положила его сушиться. Потом разделась сама, на сей раз сняв с себя всю одежду, превратившуюся в набор мокрых, грязных тряпок. Разложив на земле предметы своего неряшливого гардероба, она улеглась на траву, подставив солнцу белый живот. По сравнению с животом кисти её рук выглядели совершенно чёрными. Подивившись этому обстоятельству, Ирина расслабилась, стараясь не задремать.

«Ровно один час отдыха», – пообещала она себе. Правда, отмерить этот час было нечем: часы снова остановились, видимо, от погружения в воду.

– Вот невезуха! – сказала Ирина вслух.

Лес на холме ответил ей невнятным, сочувственным шуршанием.

– Тоже так думаете? – крикнула Ирина деревьям.

Те покивали ветками, как будто соглашаясь с ней.

– Как по-вашему, если начинаешь разговаривать с деревьями, значит – сходишь с ума?

Деревья, по-видимому, вовсе так не думали. Они отрицательно качали кронами, выражая явное несогласие. Но Ирина, разумеется, не могла доверять их предвзятому мнению.

– Я скоро уйду, – пообещала она. – Только одежду высушу.

Лес ответил неопределённым, таинственным шёпотом.

Надо было решать, что делать дальше. А не подняться ли всё-таки на высокий холм? С него наверняка видно озеро. Пускай оттуда не удастся позвонить,

зато можно будет, наконец, как следует сориентироваться. Возможно, это даже сэкономит ей время. Только как туда забраться?

Ирина перевернулась на живот, подставив солнцу влажную от пота спину, и стала внимательно изучать склоны холма. Подъём показался ей достаточно крутым. Но не крутизна смущала её: обращённый к ней северный склон, помимо деревьев, был покрыт вездесущими кустарниками. Продраться сквозь такую чащобу было бы непросто даже на ровном месте, не говоря уже о крутом подъёме.

Изучая склон, она обратила внимание на тонкую жёлтую полоску, разрезавшую зелень по диагонали. Глядя издали, невозможно было сказать с уверенностью, что это была за полоска. Больше всего она походила на тропинку.

Ирина даже привстала от удивления. Откуда взялась тропинка в этих безлюдных местах? Звериная? Пожалуй. Интересно, зачем звери ходят наверх холма? А вдруг человеческая? Не та ли самая, которую они с Володей безуспешно искали на западной окраине озера?

Её так и подмывало поскорее посмотреть на удивительную тропинку. Вскоре любопытство возобладало над усталостью. Не дожидаясь истечения часа, Ирина начала одеваться. Одежда была почти сухой, только рюкзак упрямо отказывался сохнуть изнутри. Она не стала надевать его на плечи, а вывернула наизнанку и понесла в руке. Телефон, от греха подальше, переселился в карман её куртки.

Как только Ирина сделала несколько шагов, жёлтая полоска пропала из поля её зрения. Пришлось вернуться назад, чтобы засечь какой-нибудь ориентир. Лучшее всего подходила сухая сосна, хорошо заметная издали благодаря яркой окраске её голого ствола. Только приблизившись вплотную к мёртвой сосне, Ирина снова заметила тропинку, скрывающуюся среди кустов.

Это была хорошо натопанная тропа, уводившая куда-то влево. Снизу было непонятно, куда именно она вела, да и вообще в плотных зарослях кустов не было видно ничего далее нескольких метров. Вначале путь шёл вдоль склона, потом тропинка свернула в обратном направлении, петляя и очень постепенно карабкаясь вверх. Идти по ней было совсем легко.

Очень скоро стало очевидно: тропа действительно вела на вершину. Добравшись до верха и взглянув вниз, Ирина поняла: не будь здесь тропинки, ей ни за что не удалось бы подняться на этот холм.

На вершине располагалась небольшая поляна, покрытая травой. В самом центре её из земли торчал гигантский коричневатый валун, изъеденный временем. Ирина бросила рюкзак на землю, а сама вскарабкалась наверх валуна.

Озеро ослепительно блистало в лучах полуденного солнца. Оно лежало к северо-западу от холма и было видно как на ладони. Лишь отдалённый западный конец его расплывался в мареве влажного летнего воздуха. Следовательно, Ирина находилась на южном берегу и могла теперь идти прямо на запад, к Матвейцеву, не опасаясь более коварных болот.

Оторвав взгляд от водной глади, она осмотрелась вокруг. Ей не приходилось бывать в горах, тем более совершать восхождений. Когда она пыталась представить себя стоящей на вершине горы, весь мир начинал кружиться в её воображении. Здесь мир стоял неподвижно, застыв во всём своём зелёно-буrom великолепии. Леса сменялись лугами, заболоченные низины и балки – низкими грядами холмов. Здесь было столько простора, что он, как опрокинутое небо, вливался в душу неудержимым потоком, очищая и излечивая самые глубокие душевные раны. Незыблемый покой сурово и торжественно наполнял всё сущее, и на душе становилось одновременно грустно и радостно. Грустно от слишком близкого соприкосновения с вечностью, радостно – от осознания могущества жизни, способной выдерживать столь мощный напор пространства и времени.

Ирина с удовольствием простояла бы на камне весь остаток дня, а может быть, и часть ночи, но впереди её ждала длинная дорога. Для начала нужно было найти способ спуститься с холма. С валуна была хорошо видна тропинка, по которой она поднималась на вершину. На противоположной стороне имелась точно такая же тропа, очевидно, служившая продолжением первой. С точки зрения Ирины, это было вполне логично: вряд ли кто-нибудь стал бы прокладывать тропинку только для того, чтобы полюбоваться видом окрестностей. Те, кто её проложил, должны были иметь какую-то другую, неизвестную ей практическую цель.

Она не без сожаления спустилась вниз, на полянку. Отсюда не было видно ни озера, ни впечатляющей панорамы: всё скрывали густые кроны деревьев. В полном безветрии зной ощущался ещё сильнее. Ирина сняла куртку и положила её в рюкзаки.

Спуск с холма занял гораздо меньше времени, нежели подъём. Тропинка точно так же петляла по склону, потом нырнула в заросли ивняка. Спустя пару сотен шагов она упёрлась в узкий, мелкий ручей с каменистым дном. Как ни искала Ирина, она так и не смогла найти продолжения тропы на противоположном берегу. Русло ручья было окружено зарослями чертополоха, крапивы и низеньких ивовых кустов. Другой берег тоже захватили ивы, густо толпившиеся вдоль самой воды. Возвращение назад не имело смысла. Таким образом, дно ручья было единственным путём, позволявшим выбраться из чащобы.

Ирина уже привыкла ценить источники чистой воды. Она не спеша напилась, набрала полную бутылку и только потом побрела вниз по течению, осторожно переступая с камня на камень. Вода нигде не доходила ей даже до щиколотки. Ветви кустов, облепивших берега, переплетались над её головой, создавая подобие полутёмного туннеля. Несколько раз Ирине пришлось перебираться через заруды и маленькие, красивые, казавшиеся декоративными пороги.

Ручей вывел её прямо к озеру. Заросли поредели, расступились, и она оказалась на пороге узкого залива, глубоко врезавшегося в сушу. Песчаные берега,

подмытые водой, осыпались, сделались крутыми и практически неприступными. Ирине с большим трудом удалось вскарабкаться наверх. Ей помогли какие-то корни, свисавшие вниз из рыжей стены песка. Происхождение висячих корней осталось загадкой: поблизости от залива не росли деревья, не было даже ни одного куста.

Выбравшись наверх, она снова оказалась в объятиях дня, едва ощутимо клонившегося к вечеру. Перед ней лежал открытый путь вдоль озера, среди просторного, светлого леса. Ей оставалось только идти вперёд, и через двадцать, а то и меньше, километров она будет в Матвейцево.

«Неужели уже сегодня доберусь до места?» – с робкой надеждой подумала Ирина, пытаясь ускорить темп ходьбы. Только ноги не очень-то слушались её.

«Что же это такое? Почему ноги совсем не идут?» – думала она, чувствуя сильную дрожь в коленях. Такого с ней ещё никогда не случалось. Ноги дрожали, да так, что каждый шаг стоил ей огромных усилий. В конце концов, правую ногу свела судорога. Ирина рухнула на колени, ободрала ладони о прошлогодние сосновые шишки и даже не заметила этого.

Когда судорога мало-помалу прошла, она попыталась подняться. Нижние конечности стали как будто ватными. Через несколько шагов они снова подкосились, и Ирина опять упала на землю. Теперь, когда до цели оставалось совсем недалеко, было особенно обидно тратить светлые часы суток на вынужденный отдых.

А что если и отдых не поможет? Есть, конечно, ещё телефон, можно попытаться включить его. Только просох ли он? И настал ли уже тот самый, последний критический момент? Нет, у неё ещё были силы. Где-то очень глубоко внутри себя она чувствовала, что ещё не побеждена.

Если бы у неё был нож, она смогла бы вырезать себе костыль, наподобие того, который изготовил Володя для Сергея Сергеевича. Впрочем, и без ножа можно было отыскать какую-нибудь палку.

Ирина принялась ползать по земле в поисках подходящей рогатины. Ничего путного не находилось: палки были то слишком толстыми, то слишком короткими, то слишком гнилыми или трухлявыми. Вместо костыля пришлось довольствоваться длинным, лёгким шестом, бывшим некогда стволом молодого дерева. Засохшее деревце торчало из земли под острым углом, сломанное у самого корня упавшей рядом с ним старой сосной. Ирина без особого труда отломала его, очистила от веток и попробовала встать, опираясь руками на получившийся шест.

Чтобы дать отдых усталым ногам, при ходьбе на опору должна была приходиться как можно большая часть массы тела. Ирина взялась за шест обеими руками, выставила его на пару шагов вперёд, оперлась на него руками, потом сделала два коротких шага, в результате чего её тело оказалось плотно прижатым к вертикально стоящему шесту. Повторив эти действия несколько раз, она инстинктивно нащупала баланс между мышцами плечей, спины, рук и

слабеющими мускулами ног. Выработанная техника позволила ей медленно, но верно ковылять вперёд.

К счастью, дорога оказалась нетрудной. На пути практически не встречались препятствия, даже трава была низкой и совсем не мешала ходьбе. Таким образом, Ирина прошла несколько километров, лишь однажды остановившись, чтобы выпить воды из бутылки. Теперь о воде можно было не беспокоиться – справа от неё, между деревьями, мерцало тёмное зеркало озера.

К вечеру Ирина была совершенно измождена, и всё же долго не решалась остановиться: как знать, сможет ли она подняться завтра? Судороги продолжали терзать её ноги, особенно голени и икры.

Когда в лесу начало смеркаться, идти стало небезопасно – можно было запнуться за какой-нибудь сучок или ушибить ногу о корягу, скрывавшуюся среди травы. Пора было подумать об убежище на ночь. Ирина решила не привередничать и остановиться в первом попавшемся месте, мало-мальски пригодном для ночлега. В качестве такового она выбрала крошечную лужайку, поперёк которой лежал старинный, совершенно истлевший ствол упавшего дерева. Вокруг ствола, подобно застывшему пламени, обвивалась какая-то сухая травка с длинными, тонкими листьями. Травы было много, и выглядела она довольно мягкой, но на самом деле лежать на ней оказалось не очень удобно. Впрочем, такие пустяки совсем не беспокоили Ирину: отсутствие необходимости двигаться было для неё более чем достаточным утешением.

Она снова достала телефон. «Включить или не включить? Нет, рано. Может быть, завтра, если ноги опять откажутся идти. Пусть ещё посохнет». И она засунула телефон за пазуху, поближе к теплу своего тела.

Глава 11

Утром Ирина с трудом продрала слипшиеся за ночь глаза. Холод. Холод и ужас охватили её. Она часто и мелко дышала, как будто ей не хватало воздуха. Страшно было пошевелиться. Не шевелиться было ещё страшней. С трудом согнув отёкшие за ночь ноги, она кое-как помассировала их негнушимися пальцами рук. Это помогло только отчасти. Всё тело её одеревенело. Несмотря на очень тёплую, почти душную ночь, холод держал её в ледяных ладонях и не спешил отпускать, причём чувствовался он не снаружи, а словно просачивался откуда-то изнутри.

«Теперь я, по крайней мере, знаю, что значит промёрзнуть до костей», – подумала Ирина, пытаясь взбодриться. Впереди её ждал ещё один, весьма вероятно – последний день пути. Раскисать пока ещё было рано. Может быть, потом, когда она будет в безопасности, среди людей. Но не сейчас. Не в эту минуту. Не сегодня.

Она села на корточки, посидела так с минуту, потом медленно поднялась, опираясь на шест, буквально карабкаясь по нему руками.

Был ранний час. Невидимые полчища птиц приветствовали его нестройным хором. Вся полянка вокруг неё оказалась усыпанной белыми цветами земляники. Ирина совсем не заметила их накануне. Теперь, глядя на их простые, деликатные очертания, она почувствовала, как холод стал понемногу ослаблять свои цепкие лапы. Ягод, разумеется, ещё не было.

Не медля понапрасну, она неспешно побрела неуклюжей, шаркающей походкой по направлению к озеру, за водой. Сегодня ноги почти не дрожали, хотя по-прежнему с трудом сгибались в коленях. «Авось, расходятся», – решила Ирина.

Набрав воды, она пошла вдоль берега. Спустя какое-то время путь преградили камыши, и ей пришлось повернуть обратно в лес. Всё шло хорошо до полудня, когда снова участились судороги в ногах. Редкие вначале, они становились всё чаще, уступая, однако, вчерашним по продолжительности и интенсивности. Тем не менее ей то и дело приходилось останавливаться, садиться на землю, переждать приступы, затем подниматься и идти дальше. Вынужденные остановки сбивали убаюкивающий ритм ходьбы, не давая Ирине погрузиться в блаженное беспмятство, когда тело механически выполняет монотонную работу, а ум молчит, занятый примитивной координацией движений. В результате ей никак не удавалось выбросить из головы назойливые мысли, беспокоившие её воображение.

«Вдруг не дойду? – думала она. – Вот откажут ноги, упаду и не смогу больше подняться».

– Не откажут, – успокоил неожиданно прозвучавший в её голове противный голос, который не казался теперь таким уж противным.

– Отказали же вчера, – ответила Ирина.

– Не совсем. Сколько ты прошла до вечера, километров пять?

– Не знаю.

– Порядочно прошла, и сегодня, между прочим, дела идут совсем неплохо.

– Какое там неплохо! Посмотри, как отекли руки и ноги. Наверно от голода. На сколько меня ещё хватит?

– Бывали случаи, когда люди голодали месяцами, и ничего, оставались живыми-здоровыми, – утешал переставший быть противным голос. – А ты – всего-то неделю.

– Неужели всего лишь неделю?

– Если быть точным, восемь дней.

– И правда, не долго. Но всё равно страшно. Ты знаешь, я сегодня утром не проснулась, а как будто вынырнула из какого-то тумана.

– Знаю, знаю.

– Очень долго искала из него выход. Мне казалось, ещё немного – и я останусь там навсегда. И так было холодно! Я даже испугалась на минуту, что уже умерла. Не хочу больше ночевать в лесу! Боюсь, в следующий раз я уже не проснусь.

– Чепуха! Лёгкая гипотермия. Не придавай значения. Тебе теперь надо сосредоточиться на чём-нибудь хорошем.

– На чём, например?

– На каком-нибудь ангеле.

– Я не верю в ангелов, – внутренне улыбнулась Ирина. Она уже несколько дней не улыбалась губами. Во-первых, это было больно – губы сильно потрескались и кровоточили, а главное – улыбаться было нечему.

– Так я не про божественных ангелов говорю, – менторским тоном наставлял голос. – И вообще, «ангелы» – это просто термин, в данном случае не имеющий никакого отношения к религии. Сейчас у тебя в жизни трудный момент, так?

– Не то слово.

– И твои силы, как тебе кажется, на исходе, верно?

– Ты сам не хуже меня знаешь.

– Потому и беспокоюсь, – подтвердил приятный голос.

– Давай конкретнее, к чему ты клонишь? – спросила Ирина, готовая выслушать всё, что угодно, лишь бы не думать о ногах и километрах, отделявших её от Матвейцева.

– Когда кончаются силы, надо их у кого-нибудь позаимствовать. Разумеется, не в прямом смысле. Точнее было бы выразиться следующим образом: нужно обратиться к кому-нибудь, кто поможет тебе мобилизовать твои собственные резервы. Таких людей я и называю ангелами-хранителями. Подчёркиваю – только в качестве термина, без всякой мистической подоплёки. Это непременно должен быть объект, вызывающий у тебя любовь и уважение, другими словами – твой идеал. Думая о нём, ты не сможешь поддаться слабости, потому что он ни за что не поддался бы, не сможешь совершить подлый поступок – он осудил бы его, не сможешь струсить, потому что это было бы недостойно его. Попросту говоря, настало время черпать силы в любви. Странный, иррациональный, но действенный способ не умереть в лесу от голода и гипотермии.

– Это бессовестная эксплуатация высокого чувства! Любовь нельзя использовать для достижения практических целей, какими бы благородными они ни были или, по крайней мере, ни казались, иначе это будет профанация любви! – возмущённо вскричал молчавший доселе адвокат дьявола.

– Ничего подобного! – тотчас ввязался в спор приятный голос. – Как бы банально это не звучало, любовь делает человека лучше. Если мы используем её для обретения дополнительных сил – наших собственных сил, прошу заметить, духовных сил, а не физических, то мы не совершим преступления против любви, а напротив – возвысим её, возвышаясь сами.

– Казуистика! – возразил адвокат дьявола. – Чувство должно быть первичным, а результат – вторичным. Если мы начинаем с результата, чувство становится всего лишь низменным инструментом. Для истинного чувства не важен никакой результат, кроме него самого.

– О каких чувствах вы толкуете? – перебила их Ирина. – Разве у меня есть какие-то такие чувства?

– Конечно, есть, – сказал приятный голос. – Куда же без них? Человек не может полноценно жить без идеала. В Бога ты не веришь, это факт, зато веришь в людей. Люди являются причиной многих подлостей, гадостей и уродств, но они же иной раз выступают источником величайшей красоты. Нельзя оставаться равнодушным, соприкасаясь с красотой, думая о ней нельзя не чувствовать восторга и любви. Значит, любовь может сохранить тебя от зла, по крайней мере, до тех пор, пока ты способна на неё.

– Я, наверно, неспособна, – немного подумав, сказала Ирина.

– Чепуха! – одновременно воскликнули приятный голос и адвокат дьявола.

– Правда, так думаете? – обрадовалась Ирина.

Вопрос, однако, остался без ответа. Задумавшись, она запнулась за что-то и упала на землю, больно ссадив обнажённый локоть о торчавшие из земли сухие пеньки прошлогоднего купыря.

Лёжа правой щекой на траве, Ирина некоторое время наблюдала за крупным, синим, блестящим жуком, ползавшим по стеблю тысячелистника. Земля пахла прелыми листьями и трухой: поблизости стоял истлевший пень, рассыпавшийся от времени на мягкие, невесомые деревянные иголки. Ирине захотелось потрогать их, помять между пальцами, превратить в тончайшую пыль. Она протянула руку и набрала целую пригоршню тёплой трухи. Усталая ладонь не ощущала веса, только приятный объем, странным образом заполнявший необъяснимую пустоту, возникшую где-то внутри грудной клетки.

Тем временем жук продолжал деловито очищать свою спинку задними лапками, как будто пытался придать ей ещё более интенсивный блеск. В надкрыльях уже и без того отражался свет от проплывавших по небу облаков. Почистив спину, жук начал деловито потирать задние лапки о средние, средние – о передние и закончил свой туалет тщательным соскабливанием одному ему видимых кусочков микроскопической грязи с длинных усов.

Непостижимая тайна жизни проступала в его незамысловатых движениях. Что делало жука живым? Что такое – его жизнь? Как невероятно сложна она и как проста в своём выражении! Это маленькое, трогательное чудо жизни было очень легко игнорировать. Точно так же, впрочем, как и жизнь самой Ирины. Что появилось в этом мире вместе с жуком? Что уйдёт из него, когда его не станет? Что-то непременно изменится, но никто этого не заметит. Всё, что не рвётся на передний план, причиняя попутно то вред, то пользу другим существам, остаётся за горизонтом человеческого восприятия. Миллионы незаметных людей каждое утро встают с постели, чтобы заниматься своими никому не заметными делами, думать свои незаметные мысли, незаметно страдать, иногда – радоваться, скрыто тосковать по прошлому, тайно надеяться на будущее. А как же жизнь, непосредственная, сиюминутная, лишённая протяжённости во времени, существующая только в пределах настоящей минуты, секунды, мгновения, подвешенного на ниточке бытия?

Неужели она ничего не значит для нас, раз нам важны только её проявления? Ради чего мы цепляемся за неё? Саму ли жизнь мы ценим или что-то совсем другое? Например, какой-нибудь суррогат, вроде личного потенциала, ещё не успевшего реализоваться в действиях, или недополученного удовольствия, ожидающего впереди. А жизнь... Что мы, люди, вообще знаем о жизни? У нас даже нет для неё общепринятого определения. То мы думаем о ней как о череде событий, поступков и впечатлений, то как о совокупности химических процессов. Должно быть что-то помимо этого. Сам факт существования должен иметь какое-то значение, иначе нет смысла бороться за жизнь. Что проку спасать незаметного человека? Ради добра, которое он когда-нибудь совершит? Он может никогда не совершить какого-нибудь особенного добра. Нет, не поступки, не их последствия лежат в основе гуманизма, и жизнь священна не из-за присущих ей сомнительных добродетелей. Жизнь – это, пожалуй, единственное чудо, которое можно потрогать руками, но, видимо, нельзя осознать, подобно тому, как нельзя представить себе бесконечность.

Да, несомненно, нужно было держаться за что-то, за что-то светлое, яркое и доброе, за что-то неподвластное времени и обстоятельствам. За что-то, что составляет самую суть человека. Не его тело, не его желания, амбиции, самомнение, принципы или даже страх смерти – всё это лишь оболочки. Но что скрывают они? Что таится внутри, столь хорошо защищённое многослойным панцирем своих проявлений? Неужели этот стержень, на который нанизаны растущие из него чувства, мысли и эмоции, и есть тот самый идеал, о котором говорил приятный голос? Какая-то центральная идея, которая движет человеком? А может быть, не одна такая идея, а целый клубок, растущий или съёживающийся с течением времени, но непременно живой, пока жив сам человек. Где же ещё искать силы, как не здесь – в самом центре своего собственного «я». Идеалы принадлежат к другому, идеальному миру, где царят красота, гармония и совершенство. Сбежать туда от трудностей, порождаемых реальностью? – Нет, это невозможно. Что же тогда? Попытаться преобразовать мир в соответствии с идеалом? – Уже ближе, но всё ещё не то. Да и мир всегда противится преобразованиям. Остаётся только преобразовать себя. Но как? Направить своё стремление к идеалу на достижение конкретной цели! Вот о чём спорили голоса в её голове!

«Откуда вообще взялись эти голоса? Кто они такие? Как они могут быть частью меня, когда мне самой в жизни не приходили в голову такие мысли?» – думала Ирина.

Она перевернулась на спину и, все ещё сжимая в ладони труху, стала смотреть в пронзительную синеву летнего неба. До него нельзя было дотянуться, прикоснуться к нему было невысказано. Но только в этом, физическом мире, с его вечными ограничениями. В идеальном мире, теплившемся в глубине её души, она могла летать, если бы захотела. Когда столкнувшись с железобетонной реальностью, одно за другим исчезают желания, не имеющие надежды воплотиться, когда даже страх отступает перед усталостью, когда оцепенение

сковывает душу цепями безнадёжности, стремление прикоснуться к голубому небу остаётся последней искоркой, способной разжечь огонёк надежды.

«Да что же я, в самом деле! – подумала Ирина. – В конце концов, я человек! У меня должно быть достоинство! Пойду вперёд и буду идти, пока не упаду замертво. Да, достоинство немислимо без любви, без неё оно превращается в спесь или чванство, но ведь я умею чувствовать любовь! И голоса то же самое говорили! Или я потеряла право на любовь, и вообще на всё высокое и чистое, когда бросила Володю одного в лесу? Но кто, кроме меня самой, может лишить меня такого права? А я не желаю отказываться от него!»

Несколько менее быстро и решительно, чем ей хотелось бы, она поднялась на усталые ноги. В двух шагах от неё лежала палка с рогатиной на конце, как будто нарочно созданная, чтобы служить ей костылём. Даже длинная палка оказалась идеальной.

Ирина обвязала седло костыля своей курткой, которую с полудня, из-за жары, носила в рюкзаке. Идти с костылём оказалось намного легче. Вначале левая нога получила давно заслуженный отдых, через полчаса пути – правая. Перспектива сегодня же добраться до Матвейцева начала казаться вполне осуществимой. Но тут дорогу Ирине преградил глубокий овраг.

Глава 12

Ручей тёк с юга. По пути он собирал воду из лесных ложбинок, с заброшенных, одичавших сельскохозяйственных полей, с косогоров, ошетилившихся сорными травами. Набрав силу, переставал петлять, вгрызался в рыхлый песок моренного холма и, наконец, впадал в озеро, образуя в нём длинную песчаную отмель. Правый берег его, возле устья, там, где вода подмывала холм, был крутым, почти вертикальным. Трава и кусты, росшие на поверхности, скрепляли своими корнями верхний слой почвы. Какое-то время, иногда довольно долгое, этот слой держался, нависал над водой, постепенно теряя ненадёжную песчаную опору, подпиравшую его снизу, потом, обыкновенно весной, в половодье, с грохотом обрушивался в ручей. Повторяясь год за годом, этот процесс постепенно создал высокий, метров в десять, обрыв, на краю которого стояла теперь Ирина.

Противоположный берег ручья был гораздо ниже – от силы метра полтора высотой и выглядел совсем не таким крутым. Она вполне могла вскарабкаться по нему. Но спуститься по обрыву вниз, даже с помощью верёвки, было бы непросто. А верёвки у неё не было. Она осталась в лесу, в рюкзаке, висевшем рядом с убежищем Володи.

Ирина в изнеможении опустила на землю. Она очень устала, поэтому ей не хотелось сразу же решать, что она будет делать дальше. Впрочем, выбор был невелик: либо прыгнуть с обрыва в ручей, надеясь, что он достаточно глубок и она не переломает в нём ноги, либо идти в обход оврага в поисках

менее крутого спуска. Дорога вокруг сулила меньше риска, но, без сомнения, значительно удлинила путь.

Как ни жаль было тратить дневные часы на отдых, однако усталость брала своё. Глаза её слипались, мысли путались в голове. Ирина предприняла последнюю, отчаянную попытку встряхнуться, встать и продолжить путь, но попытка вышла слабой, совсем неубедительной. Вздохнув, она сомкнула глаза, отдавшись бессвязному потоку умозрительных образов, уносивших её в дебри сна.

Когда она очнулась, порозовевшее солнце висело над самым горизонтом. День заканчивался. Это было заметно и по комарам, выбравшимся из своих дневных убежищ: они безжалостно атаковали её лицо, а также не прикрытые курткой руки, шею и грудь.

Ирина поскорее надела куртку и, с трудом шевеля затёкшими от долгой неподвижности руками, до самого верха застегнула металлическую молнию. Глядя на свои ободранные ладони, она представила себя сидящей в ванне, наполненной горячей водой. Интересно, как бы отреагировала мама на её теперешний внешний вид? Куртка была мятой, грязной, от неё пахло потом, тиной и ещё чем-то странным, неприятным, похожим на запах мокрой бродячей собаки. Цвет некогда синих джинсов можно было определить как смесь коричневого и зеленовато-болотного оттенков. Только на вытянутых коленях блестели белесоватые пятна хлопчатобумажной ткани. Ирина не видела собственного лица, но судя по красным, исцарапанным, искусанным комарами кистям рук, оно тоже выглядело неважно. Волосы, забранные сзади в длинный хвост, слиплись от засохшей глины, перепутались и несли в себе невообразимое количество разнообразных семян и колючек. Мама, без сомнения, пришла бы в ужас, но даже этот ужас Ирина восприняла бы сейчас с восторгом.

Она встала и подошла к берёзе, нависавшей над краем обрыва, чтобы ещё раз посмотреть вниз: высоко ли? Каково же было её удивление, когда она увидела аккуратно скрученную бухту толстой верёвки, висевшую на нижней, сломанной ветке дерева. Это была даже не верёвка, а настоящий канат неровного плетения, сделанный из каких-то растительных волокон. Он отдалённо напоминал пеньковую бечеву, но был намного толще, грубее, ворсистее и состоял из почти воздушных на вид волокон с включением узеньких полосок, похожих на старую газетную бумагу.

«Как же я не заметила её прежде? – подумала Ирина, с изумлением глядя на верёвку. – Ведь стояла почти на этом самом месте. Или свет падал как-то иначе? Солнце ведь тогда светило с другой стороны. Нет, это вряд ли. Видимо, просто настолько устала, что не замечала ничего вокруг, или же... её здесь не было».

Последняя догадка показалась ей самой правдоподобной, но она неизбежно влекла за собой ряд тревожных умозаключений. Кто-то приходил сюда,

пока она спала. Возможно, этот человек всё время следил за ней, шёл по пятам, преследуя какую-то непонятную цель. Несмотря на тоску по человеческому обществу, Ирина была совсем не рада тайному попутчику. Или попутчикам? На душе у неё стало неуютно.

«Но они же не причинили мне вреда, а очень кстати оставили верёвку. Кажется, они хотят мне помочь», – решила она, поразмыслив.

– Эй! – крикнула она негромко, от всей души надеясь, что её не услышат, а если услышат, то не ответят. – Эй! Есть здесь кто-нибудь? Хватит прятаться! Выходите!

Никто не отозвался на её призыв. Ирина не стала повторять его, её вполне устраивало молчание. Очевидно, эти люди – если это действительно были люди, а не бредовые фантазии её измученного сознания... Словом, если они предпочитали оставаться невидимыми, она ничего не могла с этим поделать. У неё не было ощущения, будто кто-то наблюдает за ней из леса, как тогда, возле заимки. Напротив, чувство одиночества, разбуженное неожиданным появлением верёвки посреди дикого, безлюдного леса, стало ещё сильнее.

Медлить, однако, было нельзя. Если она намеревалась перебраться через ручей, нужно было действовать, пока в воздухе оставалось ещё немного солнечного света. Ирина размотала бухту, привязала один конец каната к берёзе. Второй конец она сбросила вниз и с удовлетворением услышала, как он шлёпнулся в воду. Потом она разделась, достала телефон и плотно замотала его в одежду, сложила вещи в рюкзак, а сам рюкзак накрепко завязала шнурками. При попадании в воду телефон был, по крайней мере, на несколько минут защищён от влаги. Костыль, к сожалению, пришлось оставить на берегу. Спускаться с ним было рискованно: в случае падения он мог сильно поранить ее обнажённое, беззащитное тело.

Она сняла носки, но оставила кеды, надев их на босу ногу. В трусах и кедах, с рюкзаком за плечами, Ирина приблизилась к краю обрыва. Она не боялась высоты. Куда страшнее самого спуска была опасность вымочить вещи. Вечером в лесу ей негде будет согреться, а ведь даже в сухой одежде она мёрзла по ночам. Что же будет, если ей придётся облачиться во всё мокрое?

«Может быть, всё-таки отложить переправу до утра?» – подумала она, но тотчас отбросила эту мысль: каждый час пребывания в лесу отдалял её от конечной цели. К тому же ночью мог разразиться дождь, подуть северный ветер. По сравнению с такой перспективой мокрая одежда казалась сущим пустяком.

Ирина обхватила руками канат, подёргала его, попробовав на прочность. Сухая волокнистая поверхность почти не скользила в её ладонях. Собравшись с духом, она оторвала обе ноги от земли и обхватила ими верёвку, как делала когда-то в школе, на уроке физкультуры, лазая по канату. Резиновые подошвы кедов эффективно препятствовали скольжению. Она попробовала слегка ослабить захват ногами и почувствовала, как начинает съезжать вниз. Песчаная стена оврага была совсем рядом, до неё можно было дотянуться

рукой. Верёвка свисала вертикально, не задевая стены. Течение ручья слегка раскачивало её нижний конец, плававший на поверхности воды.

Очень медленно, сантиметр за сантиметром, Ирина начала спускаться вниз с десятиметровой высоты. Когда ей оставалось преодолеть не более двух метров, правую ногу свело судорогой. Ноги потеряли хват, выпрямились и бессильно повисли в воздухе. Ирина осталась висеть над водой, вцепившись в канат одними руками.

«Когда же пройдёт эта судорога? Скорей бы, скорей бы!» – думала она, концентрируя всю свою волю, чтобы не выпустить верёвку. Одной воли оказалось недостаточно. Усталые руки сами собой разжались.

«И вы, руки!..» – укоризненно подумала Ирина, падая в воду.

Глубина ручья оказалась небольшой. Едва коснувшись ногами мягкого, песчаного дна, Ирина вынырнула наружу. Доплыть до противоположного берега не составило труда. Через пару минут она уже стояла на берегу, дрожа мелкой, противной дрожью. Вечерний воздух сохранял дневное тепло, но почему-то совсем не согревал её. От удара об воду лопнула резинка, державшая хвост. Распушенные, мокрые волосы липли к спине, способствуя ещё большему охлаждению тела. Наспех завязав волосы в какой-то невероятный узел, Ирина кое-как закрепила его на затылке.

«Одежда! Что с одеждой? Насколько сильно она успела промокнуть?» Она вытряхнула из рюкзака слегка влажноватый узелок и развернула его. Телефон, завёрнутый в футболку, был практически сухим, также как и сама футболка. Куртка и джинсы оказались частично мокрыми: влажные участки ткани соприкасались с сухими, но преобладали всё-таки влажные.

«Могло быть и хуже», – сделала вывод Ирина, натягивая сухую футболку, некогда белую, а теперь пятнистую, с сероватым оттенком, наиболее выраженным на груди и подмышками. Стоило ли одевать полумокрую одежду или лучше было попытаться просушить её, разложив на берегу? Немного подумав, Ирина натянула джинсы и чуть влажные носки, а куртку решила нести в руке, вместе с мокрым рюкзаком.

Единственным доступным ей способом согреться было интенсивное движение. В её распоряжении оставалось ещё несколько часов, пока солнце окончательно не скроется за горизонтом. За это время можно было пройти значительное расстояние. Ирина сделала несколько шагов, затем обернулась и посмотрела на верёвку, свисавшую с обрыва. Вернутся ли за ней её хозяева? Следовало ли выразить им свою признательность? Помогали ли они ей или хладнокровно созерцали её мучения, сохраняя полное безразличие к её судьбе? Да и вообще – существовали ли эти «они»?

– Спасибо! – громко крикнула Ирина в сторону ручья. Постояв ещё несколько секунд, она повернулась спиной к обрыву и углубилась в лес.

После купания в холодной воде ноги повиновались ей несколько лучше. Они почти не дрожали, стали реже случаться судороги. В основном от них страдала правая нога. Левая держалась молодцом. Ирина нашла подходящую

толстую ветку, на которую опиралась, как на посох, облегчавший нагрузку на правую ногу.

В лесу темнело. Мало-помалу смолкал птичий гомон, только где-то далеко-далеко продолжала куковать какая-то особенно упрямая кукушка. Комары не отставали. С каждой минутой их становилось всё больше, так что Ирине пришлось-таки надеть мокрую куртку.

Серые сумерки постепенно сменились полной темнотой. К счастью, мерцавшие блики озера служили надёжным ориентиром. Покрытая мелкой рябью вода светилась отблесками луны, лишь изредка скрывавшейся за полупрозрачными облаками.

Ирина решила идти всю ночь или до тех пор, пока совсем не обессилеет. Воспоминание об утреннем пробуждении до сих пор наполняло её душу скользким, леденящим ужасом. Днём этот ужас отступил, превратился в отдалённое, полузабытое воспоминание. Теперь, наглотившись лесного мрака, призрак холодной ночи вновь обрёл свою кошмарную, всепроникающую силу.

Тьма, как губка, впитывала очертания предметов, звуки, бессвязные мысли Ирины. Тьма стремилась поглотить её, сделать частью крошечной пустоты потерявшегося во мраке мира. Ирина, как могла, боролась с темнотой, тихонько декламировала вслух любимые стихи, напевала популярные песенки, которые всегда презирала за крайнюю примитивность. Тем не менее их навязчивые мелодии и бесхитростные слова служили хорошим способом обуздать хаотический поток мыслей, расплывавшийся наподобие жидкого киселя. Как только она умолкала, сознание стремительно наполнялось чёрным вакуумом, в котором решительно не за что было ухватиться.

В очередной раз вынырнув из тёмной бездны, Ирина обнаружила, что больше не видит озера. До тех пор оно всё время блесело справа от неё. Тьма в лесу сгустилась до степени полной непроглядности. И лес изменился: на смену светлому ельнику пришёл тёмный, старый лиственный бор, состоявший из нескольких ярусов растительности, каждый из которых боролся за свою долю солнечного света. Лунные лучи не достигали земли, пойманные и отражённые массивными, многослойными завесами листвы. Ирина оказалась в абсолютной темноте. Она вытянула руку и не увидела не только кисти, но даже плеча. Да что там плечо, она не видела кончика собственного носа! В столь неблагоприятных условиях следовало быть крайне осторожной. Для начала найти озеро – скорее всего, оно всё ещё находится где-то справа. Ирина попробовала пойти направо, наткнулась не то на пень, не то на кусок поваленного ствола, обошла его ощупью и тут же поняла, что потеряла направление, в котором намеревалась идти.

Двигаться дальше было невозможно, но и оставаться на месте она не могла. Комфортное чувство тепла, возникавшее во время ходьбы, начинало быстро улетучиваться, как только она останавливалась хотя бы на несколько минут.

«Не буду, ни за что не буду останавливаться!» – приказала себе Ирина. Сделав ещё несколько шагов наугад, она наткнулась щекой на ветку и едва не осталась без глаза.

«Ну что же это такое? – подумала она. – Всё против меня! Ну, так подождите же!»

Ирина опустилась на колени и поползла в сторону озера, а может быть, и прочь от него – в темноте все направления казались ей совершенно одинаковыми. Она ощупывала руками землю прямо перед собой, и только потом, убедившись в безопасности манёвра, двигалась сама, осторожно переставляя колени. Оказалось, что передвигаться на четвереньках было проще, чем идти пешком: работали другие группы мышц, менее утомлённые длительными нагрузками. Правда скорость передвижения оставляла желать много лучшего, но это отнюдь не смущало Ирину: куда важнее было двигаться, ни на минуту не оставаясь на месте, не поддаваться предательской сонливости.

«Если выберусь отсюда, никому ни за что не расскажу, как ползала ночью по лесу на коленях, – думала она. – Есть в этом что-то такое... неприличное, что ли? Впрочем, какие там приличия? Это роскошь для скучающих горожан. В любом случае, распространяться об этом всё-таки не стоит».

Так она ползла долгое время, не останавливаясь, не разбирая пути. Иногда ей встречались стволы деревьев – их было легко обойти. Периодически дорогу преграждали более крупные препятствия, вроде кустарников или мелких оврагов, которые приходилось огибать, делая длинный крюк. Однажды она чуть не провалилась в рытвину, наощупь очень похожую на ту, где они прятались с Володей, но эта, по-видимому, была значительно больше в диаметре. Её обход занял у Ирины не менее получаса.

Она совершенно не представляла, где находится. Время тоже потеряло для неё всякое значение. Всё, что оставалось в пределах её досягаемости – это крошечный участок земли, который она ощупывала руками. Остальное пространство было спрятано от непосредственного восприятия.

Где-то в глубине души Ирина чувствовала, что на этот раз её силы действительно подходят к концу. Ей было уже всё равно, доберётся ли она до озера, тем более до Матвейцева. Единственным её желанием было снова увидеть хотя бы краешек неба, выкарабкаться из этой всепроникающей темноты, обволакивавшей её снаружи и изнутри. Там, за пределами мрака, должно было лежать необъятное пространство света. Чем дольше она оставалась во тьме, тем труднее было убедить себя в его существовании. Воля гнала её вперёд, следуя за надеждой. Природа этой надежды претерпела странное превращение. Её уже нельзя было определить как нечто цельное, она стала синонимом действия, смыслом и следствием продолжавшегося движения. Остановиться – значило потерять её, а вместе с ней – и самоё себя. Только движения слабеющего тела всё ещё были подвластны её контролю. Всё остальное стало тьмой – аморфной, безграничной, пропитанной духом обречённости. Ирина не думала больше о выживании, о семье, о Володе.

Она была один на один с темнотой, и она не собиралась сдаваться. Пусть её усилия были тщетны, пусть неравной была борьба, пусть она заведомо была обречена на поражение, но схватка не закончится по её вине, не будет никакой капитуляции, никаких трусливых переговоров о перемирии. Она не позволит темноте прикоснуться к маленькой искорке света, упрямо тлеющей в её груди.

Прошло ещё несколько часов. Ирине стало казаться, что вокруг неё начали просвечивать смутные очертания деревьев. Вначале она боялась поверить своему впечатлению, но поднеся ладонь к глазам, отчётливо разглядела на ней пять пальцев. Начинало светать. Лёгкий туман рассеивал свет, разливая его по лесу как парное молоко.

Ирина остановилась, села под деревом и заплакала без слёз. Её плечи сотрясались от беззвучных рыданий. То был прощальный плач, плач по самой себе. Она простила себе всё, полностью помирилась с собой, стала чистым листом, и от этого ей было грустно, как бывает, когда навсегда расстаёшься с давно знакомым человеком. То был очистительный плач, смывавший с неё последние обрывки сомнений, нерешительности и страха. То был плач триумфа, следующего за горькой победой.

Немного успокоившись и переведя дух, Ирина заметила, что сидит возле самой опушки леса. Сквозь редкие деревья было видно дикое поле, укрытое мягким покрывалом прозрачного тумана. Она с трудом, на локтях, выползла из леса и легла на спину в зарослях душистой полыни. Неба ещё не было видно, но свет, ослепительно яркий после ночи, заливал её целым океаном серебряных лучей. Вскоре лучи станут золотыми. Тогда она сможет увидеть небо и солнце. А до тех пор можно было закрыть глаза...

«А как же телефон? У меня же есть телефон!» – пришло в голову Ирине. Но она даже не пошевелилась, чтобы достать его. Теперь это было уже неважно. Она не позволила темноте одолеть себя. Победа осталась за ней. У неё не было больше сил.

«Ну что же, вот, кажется, и всё...» – мелькнула в её голове последняя мысль, прежде чем она начала медленно погружаться в холодное оцепенение.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1

Вернувшись с озера после тщетной попытки разыскать ребят, Николай долго не мог уснуть, вздыхал, глядя в темноту бессонными глазами.

«Вот, если бы у меня было ружьё! – размышлял он. – Переправился бы завтра на ту сторону, начал бы палить в воздух, они бы непременно услышали и вышли на меня. А без ружья что же остаётся? Не колотить же, в самом деле, в чугунную сковородку, – толку всё равно не будет, в лесу не услышат».

Проворочавшись до двух часов ночи, он поднялся, и, не одеваясь, босыми ногами побрёл на кухню, выпить воды. Кипячёной не оказалось, пришлось зачерпнуть ковшиком из ведра простой, колодезной. Вода была холодной, в ней чувствовался привычный, горьковатый привкус железа.

Напившись, Николай вздохнул. Опыт подсказывал ему, что возвращаться в постель было бесполезно. Бесцельно побродив из угла в угол по тёмной кухне, он накинул ватник, натянул сапоги и вышел на улицу.

На востоке светлело. Серая полоска тусклого света просачивалась сквозь неровную щель в плотных тёмно-сиреневых облаках. Природа продолжала спать. Всё движение остановилось, замерло в ожидании скорого утра.

Николай забрался на крышу и уселся на конёк, кутаясь в ватник от ночной прохлады. Днём отсюда открывался красивый вид на окрестности Матвейцева. Когда село было обитаемым, он нечасто сиживал наверху, опасаясь любопытных взглядов и насмешек соседей. Сейчас он мог сидеть на крыше сколько угодно. Правда, в светлое время суток для этого, как правило, не оставалось времени, а ночью не было видно простора, ради которого, собственно, он и любил подниматься сюда. Созерцая пёструю, безбрежную даль, ему как-то особенно легко думалось о самых разных вещах.

На сей раз размышления Николая носили сугубо практический характер. Он мысленно составил список дел, ожидавших его днём, разделив их на совершенно неотложные, условно неотложные и не слишком важные. Последними двумя категориями можно было пренебречь. Например, он мог преспокойно обойтись без обеда, отложить стирку и прочие мелкие хлопоты. В конце концов, одно из сомнительных, но полезных преимуществ уединённого образа жизни заключалось в том, что никто не следил за чистотой его воротничка. Таким образом, у него освобождалась вся вторая половина дня. Николай решил потратить её на поиски Ирины и Володи. Шансов на успех было мало, приходилось рассчитывать на слепую удачу и надеяться, и всё-таки он не мог оставаться безучастным к судьбе ребят. Тяжёлое напряжение, копившееся в его груди, искало скорейшего выхода в простых, конкретных действиях.

Твёрдо пообещав себе завтра же, после обеда, отправиться на болото, он в последний раз взглянул на озеро: не мелькнёт ли среди темноты огонёк костра. Но по-прежнему непроницаемо тёмным был северный горизонт. Николай спустился с крыши, вернулся в постель и тотчас уснул.

О, сколько мыслей и планов, рождённых душными, бессонными ночами, пало жертвами безжалостного утра! Даже самые гениальные плоды тягучих ночных озарений рассыпаются в прах под натиском дня. Не стал исключением и скромный план Николая. Едва успело серое, пасмурное утро опуститься на землю, как на дороге, соединяющей Матвейцево с Центральной усадьбой, показался длинный караван автомобилей. Шум моторов и лязг подвесок, работавших на пределе прочности, стали слышны задолго до появления самих машин.

Николай, собиравшийся было кормить кур, бросил своё занятие, забежал в дом, схватил шапку, опомнился, что на дворе лето, бросил шапку в угол и выскочил за ворота, на улицу, пребывая в полном замешательстве и неведении, чего ему следует ожидать. Дорога в Центральную усадьбу уже много лет была непроезжей из-за частично обрушившегося моста. Лет десять тому назад, сразу же после обрушения, мост осмотрели специалисты и признали его аварийным. Само собой, в дырявом районном бюджете не нашлось денег на капитальный ремонт. Мост закрыли до лучших времён, которые так и не наступили. Спустя несколько лет он как-то незаметно пропал из планов по ремонту и реконструкции и был окончательно забыт людьми. Только Николай с его лёгкой тележкой до сих пор умудрялся переправляться через него, всякий раз рискуя провалиться в реку, да всё как-то не проваливался и не проваливался. Все остальные люди, приезжавшие в Матвейцево, главным образом – рыбаки и охотники, попадали сюда по другой дороге, длинной и запутанной, но зато верно выведившей на асфальтированное шоссе.

И всё же нельзя было отрицать очевидного факта: по главной улице села двигалась внушительная колонна автомашин. Особенно выделялся своими размерами и цветом огромный красный тягач, тащивший платформу, нагруженную чем-то большим и громоздким. Что именно находилось на платформе, понять было нельзя, так как объект был со всех сторон укутан брезентом. Впереди тягача ехали легковые автомобили военного образца и пара микроавтобусов. Сзади следовали четыре военных грузовика с тентами, вроде тех, в которых до сих пор перевозят солдат на полевые учения. К одному из грузовиков была прицеплена не то бочка с квасом, не то полевая кухня. Замыкал колонну пыльный автокран.

Некоторые из легковых автомобилей, ехавших впереди, остановились перед домом Николая. Остальная техника проследовала дальше, по направлению к озеру. Воздух наполнился мелкой дорожной пылью и гарью выхлопных газов. С непривычки у Николая заслезились глаза и зачесалось в носу. Он принялся чихать и не останавливался до тех пор, пока последние пассажиры не высадились из своих кабин. Приезжие столпились вокруг автомобилей. Они разминали ноги и с удивлением рассматривали странного, чихающего гиганта в вытертой, застиранной до дыр клетчатой рубашке. Самый высокий из них был ниже Николая на полголовы.

Приезжая публика оказалась довольно неоднородной: два милиционера, несколько длинноногих молодых людей, очень симпатичная девушка в ослепительно белой блузке и строгой, безукоризненно наглаженной чёрной юбке, пять или шесть серьёзных мужчин в военно-полевых костюмах, горстка водителей, человек средних лет в мятом костюме и галстуке и, наконец, маленькая женщина, лет пятидесяти, со строгим выражением лица и ясными, умными серыми глазами. В облике женщины читалась усталость, но вид беспомощно чихающего бородатого великана разбудил в её глазах искорки нечаянного веселья. В одно мгновение её лицо озарилось мягким, дружелюбным светом. С первого же взгляда она покорила сердце Николая, не вымолвив при этом ни единого слова.

Тем временем человек в мятом костюме отделился от группы приезжих и уверенным шагом приблизился к Николаю. Перестав чихать, Николай сделал несколько шагов навстречу, не зная, следует ли ему самому начать разговор или лучше предоставить это незнакомцу. От смущения он даже забыл поздороваться.

– Здравствуйте! – сказал человек в костюме, пристально глядя прямо в глаза собеседнику.

– И вы будьте здоровы! – выдавил из себя растерявшийся Николай, невольно отводя взгляд.

– Вы – Николай Иванович Соболев, я полагаю?

– Да, он самый.

– Мне хотелось бы с вами поговорить. Пройдёмте в дом?

Николаю ничего не оставалось, как пригласить человека в костюме к себе домой, вернее – последовать вслед за ним, так как незнакомец, очевидно, не очень нуждался в его приглашении. Остальные приезжие остались стоять на дороге. Это было нехорошо, так как противоречило общепринятым правилам гостеприимства. Но человек в костюме всем своим видом, походкой и даже привычной, небрежной манерой носить костюм создавал впечатление принадлежности к власти, поэтому Николай счёл за лучшее подчиниться.

Они вошли в дом и сели за кухонный стол, друг напротив друга.

– Вы извините, я не представился, – начал незнакомец. – Меня зовут Александр Михайлович Протасов. Я – следователь МВД, уполномоченный осуществлять предварительное следствие по делу о краже, имевшей место в вашем районе несколько дней назад, о чём свидетельствует заявление гражданина Кочеткова Сергея Сергеевича, выступающего в данном деле в качестве потерпевшего.

Николай лишь кивнул головой. В его мыслях творилась полнейшая неразбериха. Он не очень хорошо понимал, чего хочет от него этот человек, и надеялся как-нибудь поскорее покончить с делом, в чём бы оно ни состояло, чтобы перейти к исполнению обязанностей хозяина по отношению к гостю. В них он разбирался куда лучше, чем в сухих казённых фразах.

«А не предложить ли ему прямо сейчас чаю?» – подумал Николай. Украдкой взглянув на невозмутимое лицо следователя, он решил повременить.

– Прежде всего, я попросил бы вас рассказать о вашей встрече с гражданином Кочетковым: при каких обстоятельствах она произошла, какие у вас были взаимоотношения, а также как можно подробнее описать всё, что случилось с момента его приезда к вам вплоть до вчерашнего дня, – сказал Александр Михайлович.

Николай медленно, с трудом подбирая слова, начал рассказывать. Следователь слушал его внимательно, не перебивая вопросами. Время от времени он что-то записывал в потрёпанный блокнот, который достал из бокового кармана пиджака.

– То есть весь позавчерашний день вы провели в Центральной усадьбе? – спросил он, когда Николай закончил повествование.

– Весь день там провёл, – подтвердил хозяин. – И ночевал там же. Земляки уговорили остаться. Я не хотел, у меня ведь с хозяйством дел по горло: огород, скотина, два поля пшеницы. Нынче, знаете ли, пшеницу в первый раз посеял, думал – не взойдёт. А она стоит! Дружно так пошла, на удивление даже. Надо бы пугал наделать, от ворон, да всё руки не доходят. Потом, картошка! Ботва вымахала высоченная, того и гляди падать начнёт, пора опять её окучивать. Только как тут откажешься, когда приглашают? Неудобно...

Следователь жестом остановил Николая.

– Скажите, а в течение прошлой недели вы были здесь один? – спросил он.

– Да какое там! Рыбаки ко мне приезжали. В тот же самый день, как проводил я Сергея Сергеевича с ребятами на тот берег, они и пожаловали, к вечеру уже. Несколько дней стояли. И рыбы-то не поймали ничего, так только, баловались больше, чем ловили. Вот, как они уехали к себе в город, так и я вслед за ними – за продуктами в Центральную.

– А можете назвать фамилии или адреса этих людей?

– Рыбаков-то? – Николай долго тёр переносицу, пытаясь вспомнить хоть какую-нибудь фамилию, но так и не смог:

– Нет, не знаю фамилий. Я к ним всё больше по имени-отчеству обращался. Они говорят: «зови нас запросто, по именам!» Но я – ни в какую! Люди-то, сразу видно, непростые. Как бы это вам объяснить? Солидного человека даже по походке видно: ходит он этак неспешно, как будто ему не к лицу торопиться, мол, такого, как он, не грех и подождать. Понимаете?

Следователь кивнул, скорее из вежливости. Он пропускал мимо ушей большинство рассуждений Николая, продолжая, однако, очень пристально наблюдать за лицом собеседника.

– Ну, а хотя бы имена и отчества вы можете мне назвать? – попросил он.

– Могу. – Николай стал перечислять имена и отчества, загибая пальцы на левой руке.

– Тимур Захарович, говорите? – неожиданно переспросил следователь, видимо, сильно заинтересовавшийся очередным именем. – А вы не опишете, как он выглядит?

– Конечно, опишу! – разговорившись, Николай уже не лез за словом в карман. Ему было даже приятно беседовать, особенно на такую простую и понятную тему.

– Ну, как выглядит... Высокого роста, чуть ли не с меня. Из себя худой такой, как будто сушёный, не в обиду ему будь сказано. Так ведь не ест ничего: язва, говорит, где ж тут жирку-то нагулять? Зато голос – как у попа, густой, басовитый. Волосы прямые, светлые, а глаза голубые или зелёные, точнее не скажу. Он частенько у меня бывает, только всё больше не на рыбалку ходит, а на охоту, по осени. А рыбачит редко.

– Понятно, – проговорил следователь, что-то быстро записывая в блокнот. – А других людей не видели? Может, кто-нибудь посторонний мимо проезжал?

– Нет, не видел, – ответил Николай. – Куда ж тут ехать? Все дороги здесь заканчиваются. Дальше – никаких дорог, одни лесные тропы, если, конечно, повезёт их найти.

– Кто же прокладывает эти тропы?

– Не знаю. Наверно, звери. А может ещё с прежних времён остались.

– А вы сами разве не ходите в лес?

– На что мне туда ходить? Ружья у меня нет, а за грибами и ходить не нужно: почитай, возле самого дома растут. Разве что по осени, за дровами да за хворостом.

– Что ж, тогда перейду к самому щепетильному делу, – сказал следователь, пряча авторучку в карман пиджака. Утратив твёрдые нотки официально-сти, его голос смягчился, стал почти вкрадчивым. – Николай Иванович! Для прояснения некоторых обстоятельств дела нам хотелось бы осмотреть ваше жилище.

– Да пожалуйста! Осматривайте сколько хотите! – обрадовался Николай, узнав, наконец, главную цель прихода своего гостя. До этого момента у него были лишь смутные, ни на чём не основанные опасения, что разговорами дело не закончится. Подобно большинству людей, редко имеющих дело с представителями власти, он не ждал от встречи с ними ничего хорошего.

– Если бы всё было так просто! – улыбнулся следователь, заметивший и оценивший искренний энтузиазм Николая. – Видите ли, мы не имеем официального разрешения, то есть ордера на осмотр. Я ещё не оформил необходимых документов, и у нас, разумеется, нет соответствующего постановления суда. Без него осмотр (он нарочно воздерживался от слова «обыск», чтобы не пугать хозяина) не будет иметь законной силы.

Следователь поднял руку ладонью вперёд, чтобы остановить возражения Николая, а сам продолжал:

– Честно говоря, я сомневаюсь в необходимости осмотра. Если делать всё по правилам, мы утонем в бумажной волоките. Она отнимает уйму времени,

которую можно было бы потратить с большей пользой. Поэтому я хочу подчеркнуть: в эту минуту мы действуем не в рамках закона, но в интересах следствия. Вам это понятно?

Николай кивнул.

– Прекрасно, – сказал следователь. – Но я всё-таки приглашу несколько понятых, то есть свидетелей, если вы не возражаете.

– Само собой, – согласился Николай, не понимая, зачем следователь тратит так много слов ради такого простого дела.

– Вот и славно!

Александр Михайлович вышел на улицу и вернулся в сопровождении двух милиционеров и ещё двоих мужчин, очевидно, водителей.

– Прежде всего, при свидетелях, я должен спросить: нет ли у вас каких-нибудь вещей, принадлежащих потерпевшим? Я имею в виду самого профессора Кочеткова и обоих студентов, – сказал следователь, снова переходя на официальный тон.

Николай задумался. Кажется, они ничего не оставляли у него. Он ещё раз провёл тщательную мысленную инвентаризацию, но ничего не вспомнил.

– Нет, ничего нет, кажется, – ответил он.

– Так, кажется или на самом деле нет? – настаивал следователь.

– Кажется, нет, – ляпнул Николай, потом поскорее добавил: – нет.

– Хорошо, а где находятся вещи, которые они не взяли с собой?

– Наверно, заперты у них в машине. – Николаю вдруг пришла в голову страшная мысль: «А что если они, без его ведома, оставили какие-нибудь вещи у него в сарае? Получится, что он, сам того не желая, обманул следователя».

– Ключи от машины у вас?

– Нет. Они забрали их с собой.

– А если вам понадобится убрать машину со двора?

– Не понадобится. Двор большой, она там никому не мешает, пусть хоть целый год стоит.

– Понятно. – Следователь, кажется, был чем-то разочарован. Николай никак не мог взять в толк – чем именно.

– В таком случае приступим к осмотру жилища, – заключил Александр Михайлович. – Давайте, ребята, – обратился он к милиционерам. – Только аккуратно, без фанатизма!

Были открыты и снова закрыты шкафы. Милиционеры слезали под пол и на чердак, осмотрели сарай и хозяйственные пристройки, заглянули даже в курятник. В числе прочего была поднята с пола и тщательно осмотрена валявшаяся в углу старая, вытертая меховая шапка Николая. Ничего инкриминирующего или хотя бы представлявшего маломальский интерес для следствия обнаружено не было.

– Ну что ж, Николай Иванович, – сказал следователь, после того как милиционеры и понятые вышли во двор. – Как я и предполагал, осмотр не дал

никаких результатов. Благодарю вас за сотрудничество и за то, что вы сэкономили нам время.

– Пожалуйста! – улыбнулся Николай. – Чайку не выпьете?

– Спасибо, в другой раз, – отказался следователь, но, видя разочарование, ясно написанное на лице хозяина, опять улыбнулся своей натянутой улыбкой, затрагивавшей лишь уголки губ, и добавил:

– А вот ребят, если хотите, можете угостить. Сейчас я их позову.

Николай остался дома пить чай с милиционерами и водителями. Между прочим, разговаривая с ними, он узнал немало интересного. В частности, выяснилось, что один из студентов – Володя – был сыном какой-то крупной шишки из областного центра. Когда в городе стало известно о его исчезновении, поднялась необыкновенная суматоха. На поиски были подняты МЧС, армия и полиция. К слову сказать, Николай очень удивился, узнав от милиционеров, что теперь их следует звать полицейскими.

В считанные часы, буквально за ночь, военные навели рядом с аварийным мостом другой, передвижной. По нему-то и переправилась автомобильная колонна.

– А видели, какой у них катер? – говорил один из полицейских, полный, усатый мужчина средних лет, с удовольствием прихлёбывавший чай из стакана в старинном мельхиоровом подстаканнике.

– Да уж! – отвечал другой полицейский, молодой и худощавый, со слегка желтоватым лицом. – Может взять на борт сразу сорок человек, не считая двоих из команды.

– Не сорок, а сорок восемь, – поправил его усатый. – Здоровенный! Еле провезли. Ребятам из МЧС пришлось по дороге спилить несколько деревьев.

– На что же им такой катер? – поинтересовался Николай.

– Так студентов поедут искать!

– Разве катер по болоту пройдёт?

– Этот пройдёт, – уверил его желтолицый. – Амфибия на воздушной подушке: и по суше проедет, и по воде, и по болоту.

– Ну вот! – расстроился Николай. – А я как раз сегодня сам собирался идти искать ребят. Теперь уж, верно, нет смысла.

– Что, один? – удивился усатый. – Вот заблудишься на болоте, потом ещё тебя придётся разыскивать. Ты уж лучше сиди дома. Там теперь профессионалы орудуют, в два счёта их найдут.

– Хорошо бы, а то мне как-то не по себе: ведь это же я их туда отвёз. Не надо было соглашаться, – ответил Николай.

– Они взрослые люди, – успокоил его усатый полицейский, допивая третий стакан чая и поднимаясь из-за стола. – Значит, сами должны отвечать за свои поступки. Ну, пойдём что ли? – обратился он к желтолицему. – Посмотрим на эту твою амфибию. Скоро генерал должен прилететь.

Поблагодарив хозяина, гости вышли на улицу. Николай убрал со стола посуду и последовал за ними. Не то чтобы ему очень хотелось посмотреть на амфибию или на генерала, но его демонстративное отсутствие в центре событий могло быть воспринято приезжими как невежливость.

Выйдя на крыльцо, он сразу же понял, что мог бы со спокойной совестью заняться домашними делами, уйти в поле или даже провалиться сквозь землю: никто бы этого не заметил и никто бы не вспомнил о нём. Напротив его ворот не было ни машин, ни людей. Зато на берегу озера наблюдалась невероятная кутерьма. Там уже были разбиты высокие палатки из серой ткани, вокруг которых кишел людской муравейник. Автокран снимал с платформы странного вида катер, слегка покачивавшийся в воздухе на невидимых издали стропях. Он был похож на длинное бревно, вывороченное из земли вместе с корнями, лежавшее поверх толстого, продолговатого синего матраса. На корме катера были видны два гигантских воздушных пропеллера. Повисев в воздухе, катер стал опускаться вниз, но не в воду, как ожидал Николай, а на берег. Вокруг него суетились люди. Судя по всему, каждый из них был занят каким-то своим, заранее определённым делом, но общая суматоха от этого отнюдь не уменьшалась.

Поглазев на суету, Николай ушёл в огород. Через час любопытство снова выгнало его на улицу. На берегу ничего не изменилось: люди продолжали сновать взад и вперёд, однако результат их деятельности, если таковой имелся, был незаметен постороннему взгляду. Казалось, они чего-то ждут.

Пожав плечами, Николай хотел уже возвращаться к своим делам, как вдруг из-за горизонта над лесом показался тёмно-серый вертолёт, быстро приближавшийся к Матвейцеву. Спустя всего несколько секунд он превратился в огромного, пузатого монстра, зависшего над берегом озера.

Николай никогда не видел вертолётов вблизи и не предполагал, что они бывают такими большими. После приземления летающей машины берег стал походить на военный плацдарм во время учений. Выстроенные в ряд, словно по линейке, автомобили усиливали это впечатление. Доминировал в общей картине, разумеется, вертолёт. Он напоминал закопчённый, приземистый самовар, стоявший в окружении перевёрнутых чашек. В качестве последних выступали разбитые на берегу палатки.

Постепенно остановились и обвисли вниз лопасти винта, открылась дверь, был спущен трап. Из вертолёта вышли четыре человека. С того места, где стоял Николай, было довольно трудно разглядеть новоприбывших. Кажется, среди них была женщина.

«Неужели этакая махина привезла всего четверых?» – недоумевал Николай. Столь вопиющее расточительство показалось ему невероятным: «Это всё равно, как если я поеду в магазин и привезу оттуда всего одну спичечную коробку, только намного хуже», – думал он.

С появлением вертолёта деятельность людей на берегу приняла новый характер. Они закончили беспорядочную беготню и выстроились в две шеренги. Постояв некоторое время, шеренги рассыпались. Люди стали забираться

в катер, по-прежнему лежавший без движения на берегу. Когда посадка завершилась, катер взревел, плюхнулся в воду, подмял прибрежные камыши, оставив в них глубокую просеку, и, поднимая в воздух тучи водяной пыли, понёсся по зеркальной поверхности озера на запад, в сторону болот.

Глава 2

Забытый приезжими, Николай занялся приготовлением варёной картошки в чугушке. Он уже слил воду и собирался покрошить свежей зелени, принесённой с огорода, когда в дверь постучали.

На крыльце стоял один из длинноногих молодых людей, сильно запыхавшийся, с раскрасневшимся от бега лицом.

– Пойдёмте скорее! Вас там ждут! – сказал он Николаю, указывая рукой в сторону озера.

– Кто ждёт? Зачем? – удивился Николай, искренне полагавший, что его участие в утреннем представлении с вертолётom и катером на сегодня закончено.

– Телевидение! Новости! – выговорил молодой человек, тщательно сясь отдышаться.

– А что там показывают?

– Да не показывают! Вас хотят снимать. Ждут.

– Чего меня снимать? – застеснялся Николай. – Я ничего не знаю, ни к чему такому особенному не причастен.

– Да пойдёте же! – настаивал молодой человек, явно нервничая. – У нас мало времени! До вечерних новостей осталось всего восемь часов, а нам ещё видео смонтировать надо!

Заразительная нервозность гостя передалась Николаю. Он засуетился, повернул было в дом, чтобы положить на стол кухонное полотенце, которое держал в руках, потом махнул рукой, запихнул полотенце под перила крыльца и побежал вслед за молодым человеком по направлению к берегу.

Оказалось, что катер уже вернулся. Последние пассажиры как раз выходили из него на берег по складному трапу. Поблизости от трапа, возле микроавтобуса, подъехавшего почти к самой кромке воды, стоял оператор с видеокамерой, снимавший высадку. Красивая девушка в белой блузке суетилась, заговаривала то с одним участником поездки, то с другим, очевидно, спрашивая их о чём-то. Двое молодых людей, освещённых яркой лампой прожектора, деловито устанавливали сбоку от автобуса какой-то экран или стенд.

Николай попал в самую гущу событий и снова был забыт. Молодой человек, прибежавший за ним, подскочил к стенду и принялся помогать с его установкой. Озабоченные люди сновали мимо автобуса с весьма серьёзным видом. Над берегом висел гул голосов, смешанный с шуршанием, постукиванием и низким воем разнообразных механизмов. Николай почувствовал себя совершенно лишним в этой хорошо отлаженной кутерьме. Ему захотелось спрятаться, но прятаться было негде.

Внезапно возле микроавтобуса, как будто из-под земли, появилась молодая девушка. Её сопровождал солидный человек в форме военного образца. На одном кармане его синего кителя золотом были вышиты слова: «МЧС России». На другом была вышита фамилия, которую Николай не успел прочитать. Судя по большим звёздам на погонах, это был генерал. Его суровое лицо, с крупными, резко выделявшимися чертами, казалось высеченным из цельной глыбы обветренного песчаника. Девушка держала генерала под руку и что-то быстро говорила ему, бешено жестикулируя свободной рукой.

Они подошли к стенду, на который кто-то уже успел повесить большую топографическую карту с изображением озера. Николай только теперь заметил эту карту. Ему ужасно хотелось взглянуть на неё поближе, но момент был явно неподходящим.

Оператор бросил снимать пассажиров катера, продолжавших толпиться возле трапа. В мгновение ока камера была установлена на штатив и направлена в сторону девушки и её спутника.

Николай подошёл немного ближе, стараясь не попадаться на глаза членам телевизионной команды. Он заметил, что с появлением девушки вокруг микроавтобуса образовалась пустое пространство, как будто окружавшие люди нарочно обходили место съёмок стороной. Здесь не было толчеи, и Николай не путался ни у кого под ногами. Спрятавшись за открытую заднюю дверь автобуса, он мог незаметно наблюдать за происходящим сквозь тонированное стекло.

– Семён Евгеньевич! – громко обратилась девушка к человеку в форме. Тон её голоса был неестественным, полным фальшивого воодушевления, свойственного некоторым особенно экспансивным телеведущим. – Какое впечатление произвёл на вас осмотр местности?

Её собеседник, очевидно привыкший давать интервью, несколько не смутился. Он принял ещё более суровый вид, нахмурил брови, словно его впечатление было самым что ни на есть ужасным:

– Местность сложная, – ответил он, произнося слова нарочито медленно, как будто разговаривал с детьми или с публикой, слабо владеющей русским языком. – Но мы располагаем всеми необходимыми средствами для организации успешных поисков.

– Приходилось ли вам когда-нибудь работать на болотах?

– Безусловно.

– Что, на ваш взгляд, самое сложное в подобной операции?

– Логистика. Например, совершенно очевидно, что теперешнее расположение лагеря отнюдь не оптимально. Мы слишком далеко от района поисков, к тому же доставка продовольствия и горючего по земле требует значительных затрат времени и ресурсов.

Он подошёл к карте и продолжал:

– Мы осмотрели местность, посоветовались с товарищами и решили перенести лагерь вот сюда. – Генерал указал рукой на участок западного берега

озера. – Там мы будем находиться в непосредственной близости от зоны операции, что позволит сэкономить не только топливо, но и время, а время, как вы понимаете, имеет первостепенное значение. Нам уже не придётся перевозить через озеро личный состав, занятый в поисках, а всё необходимое на новую базу мы будем доставлять по воздуху.

– Когда вы собираетесь переносить лагерь? – спросила девушка, не переставая улыбаться.

– Тянуть с этим не будем. Подготовка уже началась. Сейчас у нас по расписанию обед. Сразу же после его окончания запланирована переброска на место первой группы спасателей, которая займётся расчисткой посадочной площадки для вертолёта. Это крайне важно, поскольку, как я уже говорил, логистика в подобной ситуации – наиболее узкое место.

– Расскажите немного о плане самой операции.

– План включает в себя последовательное прочёсывание тех квадратов территории, где, по нашему мнению, наиболее высока вероятность обнаружения объектов поиска. – Генерал принялся показывать на карте квадраты, перечисляя их условные обозначения и координаты. Все они были расположены к западу от озера. – Если не обнаружим их поблизости от берега, углубим поиски внутрь, в том числе в эту лесную зону, – он указал пальцем на большое зелёное пятно, занимавшее весь верх карты.

– Как вы расцениваете шансы на успех? – спросила девушка, блистая ослепительной улыбкой.

– Не будем забегать вперёд. Пока я могу сказать только одно: мы полны оптимизма!

Даже во время произнесения этой воодушевляющей фразы генерал, не переставая, хмурил брови.

Когда отключилась камера, и генерал, ни с кем не попрощавшись, ушёл, улыбка девушки погасла вместе с прожектором. Её лицо сделалось озабоченным и раздражённым.

– Ну, где мать девушки? Карпов! Ты почему до сих пор её не привёл? – с едва сдерживаемой злостью набросилась она на молодого человека, прибежавшего звать Николая.

Карпов стремглав умчался куда-то. Спустя несколько минут он вернулся в сопровождении маленькой женщины, той самой, которая так понравилась Николаю минувшим утром.

Девушка в белой блузке немедленно просияла приветливой улыбкой. Перемена произошла мгновенно. Маска доброжелательности была настолько убедительной, что Николай, вопреки себе, опять поверил в её искренность. Слишком велик был контраст, слишком противоречивы впечатления. Два образа столкнулись в стремительной схватке: один – раздражительный и капризный, другой – приветливый и добродушный. В один миг капризный образ был повержен и улетучился из памяти Николая, как крошечное облачко разочарования, рассеянное свежим ветром.

На площадке перед микроавтобусом снова зажётся прожектор. Его яркий свет невыгодно подчеркнул темноту и без того мрачного, пасмурного неба. Залитая резким светом, маленькая женщина невольно зажмурилась.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросила её девушка, не переставая улыбаться.

– Мария Александровна Залеская, – ответила женщина.

– Вы – мать пропавшей студентки, Ирины?

– Да.

– Что вы почувствовали, когда узнали об исчезновении дочери?

– Я в это не поверила. – голос женщины звучал твёрдо, уверенно, в нём были отчётливо слышны мелодичные переливы тембра и музыкальные интонации, присущие людям, привыкшим часто и много разговаривать перед аудиторией.

– Действительно, трудно бывает осознать внезапно случившуюся беду, – посочувствовала девушка с телевидения всё тем же неестественно бодрым, ликующим тоном.

– Вы меня не поняли, – спокойно возразила мать Ирины. – Я не думаю, что моя дочь пропала. Она обязательно вернётся домой. Возможно, ей потребуется для этого несколько дней или даже несколько недель, но я уверена: если кто-то и способен вывести её из этих лесов, то только она сама.

– Я понимаю, вы, как и всякая мать, гордитесь своим ребёнком, но разве можно недооценивать помощь государства? – сказала девушка с некоторой снисходительностью. – Посмотрите, сколько техники задействовано в спасательной операции, сколько людей! А какая оперативность: только позавчера стало известно о случившемся, а сегодня поиски уже идут полным ходом. Кстати, удовлетворены ли вы их организацией?

– Насколько я могу судить, поиски ещё не начинались, – ответила Мария Александровна. – Я только что вернулась с болот. Не знаю, зачем меня туда возили, потому что вместо поисков ребят мы всё время искали подходящее место для устройства лагеря. Кажется, они хотят перебросить людей и технику поближе к болотам, чтобы сэкономить горючее.

– Вполне разумный план с точки зрения логистики, – подтвердила девушка.

– Может быть, – ответила мать Ирины. – Вы знаете, что это за вертолёт? – неожиданно спросила она, указывая рукой на гигантский летательный аппарат, стоявший поблизости.

В первый раз за всё время интервью улыбка девушки притухла, потеряв не менее половины своей первоначальной интенсивности.

– Нет, – ответила она, чувствуя, как инициатива в разговоре начинает ускользать от неё. Интервью шло совсем не так, как она ожидала. Пора было заканчивать с ним.

– Это МИ-26. Сказать вам, сколько топлива он потребляет за час полёта?

Девушка пожалала плечами. От улыбки не осталось и следа.

– Три тысячи литров. О какой же экономии горючего мы говорим?

– Но экономия времени... – пролепетала девушка.

– Если бы кого-то действительно заботило время, мы бы не тратили его на пустые разговоры, а прочёсывали бы лес на противоположной стороне озера, – всё также твёрдо и спокойно ответила мать Ирины.

– Спасибо, – сказала девушка, сделав знак оператору. Проектор погас, камера отключилась. Карпов подбежал к Марии Александровне, взял её под ручку и, не переставая оживлённо болтать, ловко увлёк её прочь с места съёмок.

Девушка постояла несколько секунд с задумчивым видом, размышляя о чём-то. Лицо её смягчилось, сделалось усталым и ещё более красивым. Впрочем, плоды её размышлений, судя по всему, оказались не слишком приятными. Она повела рукой, отбросив волосы с лица, посмотрела вокруг и закричала пронзительно:

– Карпов! Где Карпов?

Вездесущий Карпов уже успел вернуться назад и терпеливо околачивался неподалёку, ожидая распоряжений.

– Слушай, Карпов, где этот местный абориген? Ты за ним ходил?

– Здесь он! – ответил Карпов, указывая на Николая, притаившегося за задней дверью микроавтобуса.

– Ах, вот вы где! – сказала девушка, с трудом скрывая своё раздражение. – Что же это у вас за рубашка? Неужели не могли одеться как следует? В таком затрапезном виде пришли сниматься для телевидения!

– Да откуда ж я знал? – воскликнул Николай, опешивший от неожиданного нападения этого многоликого существа.

– Карпов! Ты ему не сказал?

– Сказал, Елена Станиславовна!

– Ну вот! – торжествуя воскликнула Елена Станиславовна. – Других рубашек у вас нет?

– Есть, – промямлил Николай, – только все нестиранные. Не было времени.

– Значит, нет?

– Могу надеть отцовскую.

– Тогда идите поскорее домой, наденьте чистую рубашку, не вытертую до неприличия, не рваную на локтях, и возвращайтесь сюда, – велела Елена Станиславовна. Покончив с инструкциями, она отвернулась от Николая, потеряв к нему всякий интерес.

– Карпов! – сказала она. – Дуй за Лебедянским. И не слушай ничего, что он будет тебе говорить. Через пять минут он должен быть здесь. Через тридцать минут снимаемся и уезжаем. Понял?

– Понял! – ответил Карпов, бегом удаляясь в сторону самой большой палатки.

Прошло десять минут. Всё это время Елена Станиславовна провела, нервно шагая взад и вперёд перед микроавтобусом, морщась и покусывая губы. Потом из палатки показался мужчина в дорогом тёмно-сером костюме и ослепительно

белой рубашке без галстука. Его круглое лицо, обрамлённое сверху щёткой коротко стриженных, седоватых волос, а снизу – довольно увесистым вторым подбородком, буквально источало добродушие. Маленькие, цепкие глазки быстро обежали окрестности, остановившись на съёмочной бригаде. Это был не кто иной, как Михаил Сергеевич Лебединский, предприниматель, депутат областной думы, отец Володи.

Увидев Лебединского, Елена Станиславовна в очередной раз преобразилась. От нервозности не осталось и следа. Как солнце, проглядывающее сквозь случайный разрыв в грозовых облаках, яркая улыбка снова засияла на её лице.

Подскочивший откуда-то сбоку, из-за палатки Карпов подхватил Михаила Сергеевича под руку, мягко направив его к месту съёмок. Угловатая фигура молодого человека, его прыгающая походка, мешковатый костюм и озабоченное выражение лица выглядели нелепо и почти комично на фоне спокойного, уверенного достоинства, с которым держал себя Лебединский. Когда они приблизились к камере, Карпов быстро и незаметно исчез, как будто растворился в прозрачном воздухе. Теперь гость всецело принадлежал Елене Станиславовне. По всей видимости, они были хорошо знакомы. Об этом свидетельствовали любезности, произнесённые игривым тоном, а также привычное «ты», с которым обращался к ней Михаил Сергеевич.

Зажёгся прожектор. Заработала камера.

– Михаил Сергеевич! – совсем другим, лишённым фамильярности, почти-тельным тоном начала Елена Станиславовна. – Я понимаю, сейчас не время для интервью, каждая минута – на вес золота, но всё же не согласитесь ли вы поделиться с нами своими чувствами? Что вы испытываете в эту минуту как отец, как человек?

– В этот трудный для меня и моей семьи момент я, конечно же, переживаю, как и всякий другой переживал бы на моём месте, – ответил Лебединский, глядя прямо в камеру. – И в то же время я полон надежды, потому что не остался один на один с моей бедой. Помощь и поддержка совершенно посторонних людей превзошли все мои ожидания. Не поверите: когда мне сообщили об исчезновении сына, я был совершенно обескуражен. «Что делать? Как быть?» – спрашивал я себя. Немедленно отправиться искать его всей семьёй? Позвонить спасателям? Согласитесь, не каждый день случаются такие происшествия, да ещё так неожиданно, как гром среди ясного неба. Тут любой растеряется. Ну вот, сижу я в полной растерянности, как вдруг мне звонят из МЧС. Оказывается, поиски уже начались! Даже армию привлекли! Вот это, я понимаю, оперативность! Мне самому не пришлось ничего делать. Всё было организовано быстро, чётко, с большим профессионализмом. Но я всё-таки говорю: «Ребята! Не могу сидеть в городе! Хочу сам поехать, принять участие в поисках!» И вот, как видите, я здесь, хотя пользы от меня, наверно, не очень много.

Лебединский скромно улыбнулся, подчеркнув свои последние слова неопределённым, несколько жеманным жестом правой руки.

– В подобной ситуации важно любое участие, – сочувственно возразила Елена Станиславовна.

– Безусловно! Именно поэтому бескорыстная поддержка людей вселяет в меня такую уверенность. Мне без конца звонят знакомые и незнакомые люди, предлагают свою помощь. Теперь я знаю, что могу рассчитывать на земляков, на простых горожан, на жителей наших сёл, деревень. Вы не оставили меня в беде, – прочувствованно сказал Лебедянский, обращаясь к телезрителям, – и за это я вам бесконечно благодарен! А теперь простите, меня ждут дела, – закончил он срывающимся от волнения голосом, поспешно оторвав взгляд от камеры, как будто устыдившись невольного проявления чувств.

Довольная Елена Станиславовна тепло попрощалась с отцом Володи, но тут же её настроение опять ухудшилось. Перед ней стоял Николай в голубой нейлоновой рубашке. Верхняя пуговица на воротничке была расстёгнута, и застегнуть её не представлялось возможным: рубашка была безнадежно мала. Рукава были коротки. Мало того, от долгого лежания в шкафу на спине и груди рубашки появились глубокие складки, неуничтожимые даже с помощью утюга.

– Ну что же это такое? Вы издеваетесь? – воскликнула Елена Станиславовна, борясь с желанием огреть Николая микрофоном.

Николай лишь пожал плечами и ничего не ответил. Он чувствовал полную бесполезность любых оправданий.

– Есть у вас какая-нибудь верхняя одежда? – со вздохом спросила Елена Станиславовна. Последняя вспышка гнева полностью истощила её силы.

– Есть ватник, – ответил Николай.

– Так наденьте его!

– Сейчас, только домой сбегая!

– Не надо домой! Идите сюда!

Николай подошёл к камере. Съёмочная бригада в полном составе, включая опять материализовавшегося откуда-то Карпова, тихо посоветовалась о чём-то. Елена Станиславовна с обречённым видом кивнула головой и вновь повернулась к Николаю.

– Значит так, – сказала она ему устало, – мы сейчас будем вас снимать, а вы говорите что-нибудь. Понятно?

– Что же говорить?

– Что хотите. Знаете какие-нибудь стихи?

– Знаю, – нерешительно сказал Николай.

– Ну вот, читайте. А ты, – обратилась она к оператору, – возьми его так, чтобы в кадр попадали только голова и плечи. Всё! Поехали!

Камера заработала. Николай продолжал молчать.

– Что же вы молчите? – нарочито спокойно спросила Елена Станиславовна.

– Уже сейчас читать? – спросил Николай.

– Конечно, сейчас!

– Однажды в студеную, зимнюю пору... – начал Николай, стараясь читать с выражением. Когда он дошёл до строчки «В лесу раздавался топор

дровосека...», Елена Станиславовна махнула рукой. Проектор погас, теперь уже окончательно. Оператор быстро сложил камеру в чехол. Через несколько минут микроавтобус уже взбирался на холм, удаляясь в сторону Центральной усадьбы.

Николай остался стоять на вытопанной траве, ошеломлённый непривычно быстрой сменой событий, столь чуждой его неторопливому образу жизни. Оборванная на полуслове поэма продолжала звучать в его голове сама по себе, рождаясь из памяти непрощенной, строчка за строчкой, куплет за куплетом:

«Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимою, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы...»

«Что за русские мысли такие?» – подумал Николай. В глубине души он понимал, что хотел сказать поэт. Ему самому не однажды приходилось испытывать всплески нечаянной радости, густо замешанной на печали, но почему они возникали, оставалось для него загадкой.

– Вам нравятся стихи Некрасова? – спросил кто-то тихим голосом.

Николай вздрогнул от неожиданности. Обернувшись, он увидел стоявшую рядом с ним Марию Александровну, мать Ирины. Её лицо было бледным и усталым, седоватые волосы выбились из узла, наспех закрученного на голове, под глазами синели тёмные мешки.

– Хорошие стихи, – неуверенно пробормотал Николай, – только неясные. Вроде как ходит вокруг да около, хочет что-то сказать, а прямо не говорит.

– Это потому, что он обращается к вашим чувствам, а не к сознанию.

– Вот, и то правда, – подтвердил Николай. – Только он же сам зовёт их мыслями. Я и думаю: что же это за мысли?

«Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти – дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!» – тихо, выразительно процитировала она

вместо ответа.

– Чувства, мысли... запутался я совсем, – признался Николай, застенчиво улыбаясь.

– Ничего, разберётесь, – уверила его Мария Александровна. – Хотя, честно сказать, иногда лучше не разбираться, а оставить всё как есть, не расплестать радугу¹. К сожалению, чтобы заглянуть внутрь чего-нибудь чудесного, при-

¹ Намёк на известное четверостишие из поэмы Джона Китса «Ламия», в котором говорится о разрушении поэтического образа радуги по вине науки, объяснившей физический смысл этого природного явления:

«Дивились радуге на небесах
Когда-то все, а ныне - что нам в ней,
Разложенной на тысячу частей?»
(Перевод Сергея Сухарева).

В наше время эти строки были использованы Ричардом Докинзом в качестве заголовка для его книги «Расплетая радугу». (Прим. автора).

ходится сломать его. Потом непременно будет жалко сломанного, это я по себе знаю.

Николай, за неимением подходящих слов, невнятно покряхтел, выражая, таким образом, своё согласие.

– Не знаете, где здесь можно найти колодец или родник? – спросила Мария Александровна, меняя тему разговора.

– Знаю! – ответил Николай, – как не знать!

– Очень хочется пить, – пояснила она.

– А что же у них, – Николай указал рукой в сторону военных, – нет воды?

– Они не предлагают, а просить не хочется, особенно если есть альтернатива.

– Пойдёмте-ка лучше я вас чаем напою! – предложил Николай. – А вы обедали?

– Нет.

– Вот незадача! – огорчился он. – Пойдёмте, пойдёмте же скорее! Я как раз картошку сварил! Горячая ещё!

Не дожидаясь ответа и не желая выслушивать никаких возражений, он зашагал вверх по холму. Потом внезапно остановился, обернулся и объявил:

– Да! Меня зовут Николай!

– А отчество как? – спросила Мария Александровна, едва ли не бегом следовавшая за ним и всё равно не поспевавшая за его широченными шагами.

– Зачем отчество? Если хотите, можете звать просто Колей.

– А я – Мария.

– Очень приятно, – сказал Николай. Он постоял, не зная, что нужно делать и стоит ли подать ей руку для рукопожатия. Мария Александровна с любопытством наблюдала за ним. Спустя несколько секунд, Николай не говоря ни слова, повернулся и зашагал дальше, качая головой.

Глава 3

Картошка показалась Марии Александровне необыкновенно вкусной. Едва уловимый аромат дыма, смешанный с запахом горьковатого лука и пряных трав, придавал ей особенную пикантность. Крупные кристаллы каменной соли восхитительно скрипели на зубах.

Кухня, освещённая тусклым светом пасмурного неба, вливающимся внутрь сквозь два небольших окна, изобиловала тенями. От горячей русской печи распространялось тепло, накапливавшееся под потолком и медленно опускавшееся вниз.

За едой почти не разговаривали. Гостя была слишком голодна, чтобы отвлекаться на беседу, а хозяин, предоставленный собственным мыслям, погрузился в задумчивость. События текущего дня ещё не успели уложиться в его голове, в путаных мыслях царил полнейший кавардак. Чтобы разобраться в нём, Николаю нужно было время, много времени, проведённого наедине с самим собой.

Пообедав, принялись пить чай из большого медного самовара со снятой трубой. В тёмном чреве самовара, на металлической решётке, тихо потрескивали остывавшие угли. Прогорев, они с шорохом высыпались вниз, на железный поднос. У Марии Александровны создавалось впечатление, будто тлеющие угольки весело подмигивали ей крохотными красными глазками.

После чая Марию Александровну стало клонить ко сну. Всю предыдущую ночь она провела на ногах, столь стремительно двигаясь вперёд, что усталость, гнавшаяся за ней по пятам, никак не успевала настичь её.

Всё началось накануне. Около двенадцати часов дня в её рабочем кабинете раздался телефонный звонок. На проводе оказалась старая школьная подруга, большая болтунья и интриганка, всю жизнь подвизавшаяся на кафедре организации здравоохранения медицинского университета. Её буквально распирало от желания поскорее поделиться последними университетскими сплетнями.

Мария Александровна не очень интересовалась слухами, но на сей раз история действительно выходила за рамки скучных служебных интриг. По словам подруги, один из молодых профессоров, фамилию которого Мария Александровна тут же забыла, распродал налево вверенное ему университетское имущество и уехал развлекаться на природу, прихватив с собой двух студенток. В самый разгар пикника на их весёлую компанию напали грабители. Профессор, серьёзно раненный в ногу, спасся бегством. Обе студентки исчезли без следа.

Мария Александровна вежливо выслушала повествование, не придав ему особого значения. Выпуски телевизионных новостей давно уже приучили её к леденящим душу, отборным кошмарам. Прodelки какого-то незадачливого профессора, безусловно, бросали тень на уважаемый ВУЗ, в котором к тому же училась её дочь. Но они, конечно же, не шли ни в какое сравнение с ошеломляющими бытовыми ужасами, ежедневно наполнявшими экраны телевизоров и страницы газет.

Природа наделила Марию Александровну чутким характером, неизменно откликавшимся на чужую беду неподдельным, искренним сочувствием, равнившим её душу. Каково же было ей раз за разом узнавать о чужих несчастьях, которым она не могла помочь ни словом, ни делом. Само невероятное количество рукотворных человеческих бед повергало её в уныние, грозило подорвать веру в человечество, глубоко укоренённую в её сердце.

И всё-таки вера устояла, но какой ценой! Мало-помалу, регулярные ледяные души новостей закалили её, сделали безучастной к отзвукам чужих страданий, ревербериовавших в гулком лабиринте средств массовой информации. Да и сами страдания отодвинулись куда-то в область абстрактного, выпали из реальности повседневного бытия в трансцендентную сферу общественного сознания.

«Это ужасно, – думала Мария Александровна, замечая в себе какое-нибудь очередное проявление чёрствости. – Но нельзя же сочувствовать по несколько

раз на дню, будучи окружённой целым морем людских несчастий, бесстыдно выставленных напоказ. Во мне теперь осталось так мало сострадания, что даже на себя не хватает, не то, что на всех остальных».

Очень скоро история о беспутном профессоре выветрилась из её головы. Однако, спустя несколько часов, ей снова позвонила всё та же неугомонная подруга.

– Слушай, Маришка! – сказала она неуверенно, – ты только не паникуй!

– И не собиралась, – рассеянно ответила Мария Александровна, чьи мысли были полностью поглощены каким-то текущим служебным делом.

– Помнишь, я тебе рассказывала про Кочеткова?

– Про кого?

– Да сегодня же с утра звонила, неужели забыла? Про профессора Кочеткова.

– А, как же, конечно помню. Что с ним?

– С ним-то ничего. Говорят, лежит в больнице, вроде бы ему сделали операцию. Жить будет. Я не про него хочу сказать.

– А про кого же?

– Про твою Иру.

– А с ней-то что?

– Знаешь, ведь это она ездила в лес вместе с Кочетковым.

Мария Александровна встала с кресла, в котором сидела, разбирая бумаги. Шариковая ручка покатила по столу, упала на пол, отскочила куда-то и исчезла из виду. Воцарилось полная тишина, продолжавшаяся целую минуту. Подруга тоже молчала, чувствуя свою вину: как-никак теперь ей приходилось выступать в роли вестницы беды.

– Что же это такое? – произнесла, наконец, Мария Александровна, первой нарушив затянувшееся молчание. – Она же поехала в экспедицию на две недели. Звонила мне несколько дней назад, сказала, что они добрались до какого-то села, и дальше связи не будет. Я была совершенно уверена, что вместе с ней там находится большая группа людей.

– Никакая не группа! – воскликнула подруга. – Они были втроём: она, Кочетков и ещё один её сокурсник – Володя Лебединский.

– Что же с ними теперь?

– Ну, Кочетков – в больнице...

– Да я не про него – что с Ириной?

– Кажется, они с Володей пропали. Якобы пошли искать дорогу домой вокруг какого-то озера и заблудились в лесу, с тех пор никто их не видел. У нас тут говорят, МЧС организует поиски. Знаешь ведь папашу Лебединского – скользкий тип! Наверняка надавил на какие-нибудь рычаги. Все носятся как угорелые: милиция, МЧС... К нам только что следователь приезжал. Правда, я сама его не видела, но мне про него рассказали. Судя по всему, суровый мужчина...

– Да подожди ты со следователем! Скажи, давно ли всё это произошло?

– Дня три назад, если не ошибаюсь.

– Если они, как ты говоришь, пошли вокруг озера, значит, грабители их не ранили, не убили?

– Бог с тобой! Конечно, нет. И вообще неизвестно, было ли ограбление. Какая-то тёмная история. Толком никто ничего не знает. Может, Кочетков нарочно всё подстроил, чтобы списать на грабителей украденное оборудование. У нас, между прочим, многие именно так и думают.

Мария Александровна перевела дыхание, потом медленно опустилась назад, в кресло, судорожно прижимая к уху трубку телефона и пытаясь сосредоточиться.

– Слушай, как фамилия того следователя? – спросила она.

– Вот, чего не знаю, того не знаю. Могу спросить.

– Спроси, пожалуйста!

Через десять минут разговор возобновился:

– Маришка, я всё узнала! – ликующим тоном сообщила подруга. – Следователя зовут Александр Михайлович Протасов. У меня даже есть номер его телефона. Записывай!

Кое-как нацарапав номер на обрывке бумаги, Мария Александровна быстро попрощалась с подругой. Она хотела как можно скорее позвонить следователю, но у неё ничего не выходило: руки тряслись и не слушались её. Мелкая дрожь рассыпалась по телу, холодный пот каплями катился по спине. В голове было пусто. Даже знакомый до мельчайших деталей кабинет, в котором она проводила основную часть своего рабочего времени, казался ей теперь странным, чужим местом, полным непонятных, бессмысленно нагромождённых вещей.

Она сделала над собой усилие, с трудом вытолкнув из головы тугую, упругую пустоту. На столе перед ней лежала бумажка с номером телефона. Телефон! Конечно же! Позвонить следователю – вот что она собиралась сделать в первую очередь!

Мария Александровна набрала номер, ещё раз сверилась с бумажкой, потом нажала кнопку вызова. Длинные гудки. Вслед за ними из трубки слышался спокойный, уверенный мужской голос:

– Да! Слушаю вас!

– Здравствуйте! – сказала Мария Александровна, не зная, с чего начать. Ей хотелось немедленно спросить про дочь: где она, что с ней? Но ведь этак, пожалуй, и не ответят. Поэтому она начала с того, что представилась. Её имя, по-видимому, не произвело на следователя никакого впечатления.

– Чем я могу вам помочь? – спросил он.

– Я мать потерявшейся в лесу студентки, Ирины Залесской. Мне сказали, вы ведёте это дело.

– Ах вот оно что! – ответил следователь. – Вас неправильно информировали. Я веду дело о краже имущества. Поиском заблудившихся на болоте занимается МЧС.

– Но не могли бы вы, по крайней мере, сказать, что случилось с моей дочерью?

– По словам потерпевшего, ваша дочь вместе с одним из её сокурсников отправилась в обход озера, чтобы пешком добраться до села Матвейцево. Село находится примерно в сорока или пятидесяти километрах от того места, где их видели в последний раз. Больше никаких сведений на этот счёт у меня не имеется. Мне очень жаль.

– А они не ранены? Грабители не причинили им вреда?

– Какие грабители? – удивился следователь.

– Ну как же, – те, что напали на них во время пикника.

– С чего вы это взяли?

– Разве это не так?

– Успокойтесь. Никаких грабителей не было. Вещи были похищены тайно.

На вашу дочь никто не нападал.

– Но профессора же ранили в ногу!

– И тут ошибаетесь: он сам повредил её, провалившись в какой-то колодец.

У Марии Александровны закружилась голова, не то от облегчения, не то от противоречивости обрушивавшихся на неё сведений.

– А где находится это озеро? – спросила она.

– Возле заброшенного села Матвейцево, на самом севере области. Может быть, слышали про совхоз «Абакумовку»? Когда-то это было очень богатое и знаменитое хозяйство. Ну вот, озеро расположено примерно в тридцати километрах к северу от его Центральной усадьбы.

– Да, да, конечно, слышала, – сказала Мария Александровна. – Значит, это МЧС занимается поисками? А вы не знаете их номера телефона?

– К сожалению, не знаю. У них должен быть отдел по работе с общественностью, попробуйте позвонить туда, они вам всё расскажут, – посоветовал следователь. – А мне, извините, пора. Мы теперь как раз работаем со свидетелями в Центральной усадьбе. Завтра утром выезжаем на место происшествия, в Матвейцево. Туда ведь, знаете ли, даже дороги нет. Военные сапёры сейчас наводят мост, а иначе и не проехать.

– Александр Михайлович! Возьмите меня с собой, пожалуйста, – неожиданно для самой себя попросила Мария Александровна.

– Не могу, – ответил следователь после едва уловимой паузы. – Не положено это. Всё-таки существуют такие понятия, как конфиденциальность и тайна следствия.

– Да я не собираюсь вникать в ваши тайны. Вы меня только до места доведите, а уж там я вам мешать не стану.

– Нет, не могу, – сказал следователь, на этот раз более решительно. – Извините.

Попрощались, Мария Александровна набрала номер МЧС. С её точки зрения, разговор вышел крайне неудовлетворительным. Нет, пресс-служба МЧС не располагает дополнительными сведениями о судьбе пропавших студентов.

Нет, они не могут сказать, какие поисковые мероприятия осуществляются в настоящее время, поскольку данные мероприятия находятся в стадии активного планирования. Нет, они не уполномочены разглашать телефонный номер ответственного лица. Нет, родственники и близкие не могут быть допущены к месту проведения спасательных работ и следственных мероприятий, за исключением особых случаев. И нет, в настоящее время данный случай не рассматривается, как особый.

Нет, нет, нет и нет. Желание Марии Александровны непременно отправиться к озеру крепло с каждым новым отказом. Она и сама не была уверена, зачем хотела поехать туда, но сидеть, покорно ожидая развязки, было невыносимо. Она ухватилась за первое попавшееся решение, пришедшее ей на ум, спрятавшись за ним от холодного ужаса, поселившегося в её душе. Действовать, делать всё, что угодно, ехать, куда угодно, лишь бы не отвечать на назойливо вертевшиеся в её голове вопросы, неизменно начинавшиеся с «А что если?..»

«Никаких «если», – твёрдо сказала себе Мария Александровна. – Поеду, посмотрю, что там за место, тогда буду делать выводы».

Она отпросилась с работы и пошла домой пешком. Ходьба всегда успокаивала её. К тому же по дороге нужно было придумать какой-нибудь щадящий способ сообщить о случившемся больному мужу. Он лежал дома с приступом радикулита, вызванного застарелой травмой позвоночника, полученной им ещё в юности, во время службы в армии. В последнее время подобные приступы случались с ним всё чаще, и Мария Александровна была серьёзно озабочена его здоровьем, поэтому она старалась ограждать мужа от сильных эмоций, способных провоцировать обострение болезни.

Муж, Илья Анатольевич Залесский, воспринял новость лучше, чем она ожидала.

– Ну что ты разохалась! – сказал он, улыбаясь своей доброй, несколько отрешённой улыбкой. – Иришка у нас – молодец. Если ей представится хотя бы один шанс, она им обязательно воспользуется и выберется из этих болот. Может быть, я и стал бы беспокоиться за кого-нибудь другого, но не за неё: у нашей дочери достаточно здравого смысла, упрямства и что важнее всего – потрясающей внутренней дисциплины.

– Она же девушка! – возразила Мария Александровна, впрочем, весьма благодарная мужу за деликатное, необременительное утешение.

– Ну и что? – ответил тот. – Я иной раз думаю, что из неё вышла бы прекрасная жена для декабриста.

– Что ты такое несёшь! – помимо воли улыбнулась Мария Александровна.

– А что, скажешь, неправда?

– Понятия не имею.

– Всё ты имеешь, просто сформулировать не можешь.

– Зачем мне самой формулировать, когда у меня есть ты? – поддразнила она мужа.

– Тогда слушай, что я тебе скажу, – ответил Илья Анатольевич, совершенно не тронутый её сарказмом. – Иришка – одна из тех редких натур, которые готовы сражаться и даже умереть за идею. Это делает её непобедимой.

– Не бывает непобедимых людей. Обстоятельства способны сломить кого угодно.

– Обстоятельства могут убить, но убить и победить – совсем не одно и то же.

– Так какая же тогда ей польза, там, на болоте, от этой твоей непобедимости?

– Я бы не стал говорить о пользе. Скорее это важное контробстоятельство, выступающее против всех тех враждебных обстоятельств, которые встретятся на её пути. Я уверен: она не сдастся до последнего, и эта уверенность вселяет в меня оптимизм.

– Хотелось бы и мне его разделять, – ответила Мария Александровна. – Знаешь, я поеду туда, в Абакумовку. Ты не против?

– Непременно поезжай, – согласился муж. – Я бы и сам с тобой поехал, да, боюсь, с моей спиной буду тебе только обузой.

– Правда? Отпустишь?

– Конечно! Иначе ты и меня, и себя изведёшь, сидя дома и волнуясь без толку.

– Ты – противный сухарь! – заявила Мария Александровна. В эту минуту она испытывала невероятную любовь к своему несчастному, больному мужу. Чувство было настолько сильным, что мешало ей дышать.

– Не всем же быть сахарными сухарями, – парировал Илья Анатольевич, повернувшись на постели и взяв её за руку. – Только будь там благоразумна, хорошо? – попросил он тихим, серьёзным голосом.

Она лишь кивнула в ответ. На её глаза того и гляди готовы были навернуться предательские слёзы.

– Да, а деньги на такси возьми из коробки в шкафу, – деловитым тоном продолжал Илья Анатольевич, не давая ей возможности расплакаться. Он терпеть не мог и очень боялся женских слёз. При виде их у него возникало необоснованное, но настойчивое чувство вины.

– Зачем на такси? – тут же предсказуемо перешла на деловые рельсы Мария Александровна. – Можно же поехать на автобусе.

– Это двести-то с лишним километров? Потом, пригородные автобусы обычно уходят с утра иначе, если выехать вечером, то приедешь уже далеко за полночь.

– Я всё-таки позвоню на автовокзал, – сказала Мария Александровна.

Илья Анатольевич оказался прав: никаких автобусов до Абакумовки в тот день более не предвиделось.

– Так мы с тобой никогда не накопим на новый холодильник, – вздохнула Мария Александровна, вынимая деньги из коробки.

– На что нам новый? У нас и старый очень даже хорош.

- Это для тебя хорош, а я по ночам просыпаюсь от его скрежета и воя.
- Главное – морозит, – философски заключил Ильи Анатольевича. Эта сентенция, рождённая житейской мудростью, поставила точку в их дискуссии.

Следуя совету мужа, Мария Александровна решила выехать ночью. Она намеревалась прибыть в Абакумовку ранним утром, до того, как следователь Протасов отправится в Матвейцево. Так и случилось, что восходивший на востоке красноватый серп луны застал её уютно устроившейся на заднем сидении такси, мчавшегося по тёмной, пустой дороге.

Молчаливый водитель гнал машину. Стремительно проносились мимо и исчезали таинственные огоньки, бог весть зачем горевшие посреди леса. Придорожные деревушки выглядели пустыми и безжизненными. Чем дальше она отъезжала от города, тем беднее и непригляднее становились селения. Кромешная тьма, слабо разбавленная тусклым светом одиноких фонарей, милосердно прятала их убожество, отчего завуалированная скудность человеческого быта представала перед неискущённой наблюдательницей в виде уютных, почти пасторальных в своём спокойствии картин. Проходило мгновение, и картины меркли, как будто кто-то задёргивал за окном машины плотный чёрный занавес.

Чтобы отвлечься от мучительно тревожных мыслей об Ирине, Мария Александровна начала представлять себе, что за люди живут в этих деревушках, чем они занимаются днём, рано ли встают, есть ли у них какие-нибудь увлечения. Выходило у неё на удивление плохо: вместо настоящих, живых людей ей представлялись какие-то картонные персонажи, похожие на героев скверно нарисованных мультфильмов.

Поразмыслив немного, она пришла к выводу, что и вправду очень мало знает жизнь за пределами своего узкого круга общения. Она привыкла находиться в окружении таких же, как она сама, образованных, интеллигентных людей, в основном разделявших её ценности. Образ жизни её знакомых и коллег был в общих чертах сходен с её собственным. Все они избегали грубости, насилия, безудержных эмоций, сквернословия, хотя подлость, зависть, тщеславие и высокомерие были отнюдь не чужды им. Оказавшись нечаянными свидетелями явных проявлений человеческих пороков, они делали вид, будто не замечают их, продолжая вести себя согласно схемам «приличного» поведения, раз и навсегда запечатлённым в их привычках. Неизмеримая глубина людских страстей, диких, необузданных эмоций существовала где-то в другом, отдельном мире. Никто из её знакомых не рисковал опускаться туда, вниз, чтобы лицом к лицу столкнуться с истоками автохтонного варварства. Все они, как тонкая плёнка нефти на поверхности океана, беспечно плавали над бездной, о которой не имели ни малейшего представления и о которой не любили даже вспоминать, с радостью платя конформизмом за свой искусственный комфорт и безопасность. Оставалась ли ещё у них способность к ярости, агрессии, безумной, всепоглощающей любви, или все подобные

излишества атрофировались, не найдя себе применения в так называемом «культурном обществе»? Нет, человек всегда остаётся человеком. Сколько бы ни прятал он свою звериную сущность, она не исчезает насовсем. Если перестать мыслить шаблонами, можно, наверное, добраться до неё. Вот только как избавиться от шаблонов? Они давно уже стали чем-то бóльшим, чем расхожие фразы или общепринятые мнения. Теперь это ключи, открывающие немыслимо сложные механизмы огромной машины человеческого общества. Не владея ключами нельзя добраться до рычагов машины, а не добравшись до рычагов, невозможно устроить свою жизнь.

«Мы учим шаблоны и следуем им не из лени, а из необходимости, – думала Мария Александровна. – Никто из нас не хочет оказаться затёртым между шестернями и быть размолотым в прах. Машина никогда не останавливается, никогда не спит, никого не ждёт. Ей нет дела до наших желаний, поэтому мы научились желать того же, чего и она, вернее того, чего следует желать, чтобы оставаться её частью. Значит и наши желания – тоже шаблоны. Пока находишься внутри машины, не замечаешь этого, но стоит нарушить заведённый порядок, выйти из привычного графика, как начинаешь понимать, насколько велик мир всего человеческого по сравнению с той истоптанной площадкой, где мы толпимся в поисках личного счастья. Неужели территория счастья так мала? Или мы умеем добывать его только из редко встречающейся, особо обогащённой руды? Например, власти, денег, известности, всего, чего слишком просто желать. Легко мечтать о новом холодильнике, и воплотить такое желание не так уж трудно. Куда труднее выучить японский язык или научиться играть на скрипке. И то, и другое – огромный труд, выгоду от которого нельзя определить ни количественно, ни качественно. Деньги – проще, понятнее, их легко посчитать. Поэтому все мы выбрали деньги и теперь должны служить им, разменивая наши души на кучки монет и скармливая их машине. Конечно, если бы у меня самой была куча денег, я бы так не считала, – ехидно заметила про себя Мария Александровна. – Многие из тех, у кого мало денег, делают вид, будто им и не нужно больше, а предложи им какую угодно сумму – непременно возьмут, не откажутся. Лицемеры».

Потом она стала вспоминать свою молодость. Спустя много лет после распада Советского Союза в её сердце всё ещё сидела, как застрявшая тупая игла, тоска по той эпохе, когда её душа была полна юношеского идеализма, впитанного впоследствии до последней капли сухим, горячим песком времени.

Она очнулась от грёз, только когда машина съехала с ровного участка шоссе на разбитую дорогу, ведущую в Центральную усадьбу. Шёл пятый час утра. На улице светало. За окном такси показались некрашенные, покосившиеся деревянные заборы. По мере приближения к центру посёлка их сменили более крепкие и нарядные изгороди. С дороги не было видно окон домов, но судя по всему, люди ещё спали.

- Куда везти-то? – спросил водитель хриплым, усталым голосом.
- «Действительно, куда?» – подумала Мария Александровна.
- А где здесь центр посёлка? – спросила она.
- Не знаю, – равнодушно ответил водитель.
- Давайте проедем до конца дороги!
- Как скажете!

Они доехали до того места, где дорога упиралась в небольшое каменное здание с крыльцом. Прямо перед зданием находилась маленькая площадь.

- Вот здесь и остановите! – попросила Мария Александровна.

Водитель высадил её, дважды пересчитал протянутые деньги, буркнул что-то себе под нос, и уехал, подняв в воздух облачко пыли. Она осталась стоять посреди площади, совершенно одна. Было прохладно. На земле до сих пор лежало покрывало ночи, приглушавшее звуки. Впрочем, прислушавшись, Мария Александровна уловила шум тяжёлых машин, работавших где-то неподалёку. Она напрягла слух, пытаясь определить направление, откуда доносился звук моторов, но тут в воздухе раздался петушиный крик, мгновенно размножившийся и превратившийся в торжественный гимн Солнцу, пока ещё скрывавшемуся за горизонтом.

Мария Александровна пошла по улице, любуясь свежей зеленью деревьев, непривычно высокой, сочной травой, маленькими, весёлыми домиками сельчан и разноцветными заборами, охранявшими их покой. Всё это казалось ей новым, чистым, целомудренным в своей непритязательной простоте.

Добравшись до первого перекрёстка, она повернула направо и через несколько сотен метров вышла к палаточному лагерю, расположившемуся на северной окраине села. Несмотря на ранний час, в лагере было оживлённо. Повсюду сновали люди, одетые в костюмы защитного цвета. Огромный тягач тащил платформу, на которой виднелось что-то гигантское, похожее на кусок подводной лодки. Некоторые палатки были свёрнуты. В свете прожекторов военные разбирали оставшиеся шатры. Видимо, лагерь готовился к переезду.

Никто не заметил появления Марии Александровны. Она прошла к самой большой из оставшихся палаток. Из её крошечного, непрозрачного окошка сочился наружу тусклый электрический свет. Постучать было невозможно, поэтому Мария Александровна приподняла полог и негромко покашляла.

– Что такое? – услышала она раздражённый мужской голос, донёсшийся до неё изнутри палатки. Плохо скрытая враждебность голоса остановила её. Так и не решившись войти, она спросила:

- Не подскажете, где можно найти Александра Михайловича Протасова?

– Понятия не имею! – ответил голос. – Иван! Тут какого-то Протасова спрашивают!

Через несколько секунд из-под полога высунулась голова.

- А вы к нему по какому делу? – с подозрением спросила она.

– По личному, – ответила Мария Александровна.

Голова внимательно осмотрела её с ног до головы, потом ответила нехотя:

– Он должен быть где-нибудь поблизости от вон той палатки, – рядом с головой возникла рука, указала нужную палатку, после чего обе части тела без лишних слов исчезли за пологом.

Протасов не спал. Он сидел на переднем пассажирском сидении УАЗика, высунув наружу свои длинные ноги, и бесстрастно наблюдал за творившейся вокруг него суматохой. Задумчивый взгляд Александра Михайловича скользил по территории лагеря, перескакивал с одного объекта на другой, ни на чём не останавливаясь. Создавалось впечатление, будто он погружён в свои мысли и не слишком интересуется происходящим. Впечатление было обманчивым: как только в поле зрения следователя попала Мария Александровна, он сейчас же сосредоточил на ней всё своё внимание.

Когда она приблизилась, Протасов встал с сиденья, ощупывая свой небритый со вчерашнего утра подбородок.

– Мария Александровна, не правда ли? – обратился он к ней, чуть прищурив глаза.

– Да, – ответила она просто. – А вы – Александр Михайлович?

– Так точно.

– Подвезёте меня до озера?

– Вы очень упрямы.

– Я предпочитаю называть это настойчивостью.

– Хорошо, – согласился Протасов, – так и быть, подвезу. Только уговор: как только прибудем на место – вы сами по себе. У меня работа.

– Я понимаю, – поспешила согласиться Мария Александровна.

Таким образом она оказалась в Матвейцеве, где сидела теперь за столом в кухне у Николая и с поистине волчьим аппетитом уплетала варёный картофель.

Глава 4

– Никогда ещё, кажется, не едала такой вкусной картошки, – сказала Мария Александровна, переводя дух. Её лицо покраснелось от горячего чая, в голове слегка шумело, как после бокала крепкого вина.

– У меня хороший подвал, – не совсем понятно ответил Николай.

– Что же вы, в подвале готовите? – с недоверием спросила Мария Александровна.

– Нет, зачем же в подвале, – в печке готовлю. Я к тому, что картошка хоть и прошлогодняя, а совсем как свежая: не позеленела, не проросла и не слатит. Подвал этот ещё мой дед строил. Стены и пол – каменные, внизу – подушка из песка. Никакой сырости!

– Ах, вот оно что! А я-то ведь хотела похвалить ваш кулинарный талант: уж больно хорошо вы её приготовили.

– Обычно, – пожал плечами Николай, втайне очень довольный похвалой.

– Скажите, а вы на самом деле живёте здесь совсем один?

– Один. Так уж вышло.

– И вам не страшно?

– Чего мне бояться? Нет же вокруг никого.

– Как раз про это я и говорю: жутковато. Вот мы с вами шли сейчас по улице, и я вдруг стала замечать звуки своих шагов. В городе их совсем не слышно, хотя там твёрдый асфальт, а тут – просто утоптанная земля. Потом, все эти дома вокруг: пустые, а выглядят так, как будто кто-то в них живёт. Стёкла целые, ничего не осыпалось, не покосилось, словно в них обитают какие-то духи, охраняют и не дают развалиться. Знаете ведь, как быстро приходят в упадок необитаемые жилища. Даже каменные, и те через несколько лет рассыпаются, а здесь – деревянные, и стоят.

– Так ведь народ уехал только прошлой осенью. Не успели ещё развалиться.

– А какие тут у вас болота! От горизонта до горизонта, и краёв не видно. Ужас! Трудно себе представить более унылое и дикое место! Как же там кого-то искать, ведь ни человеку, ни зверю прохода нет! Смотришь и чувствуешь такую безнадежность! Скажите, как по-вашему, есть у моей Иринки хотя бы маленький шанс оттуда выбраться? Только честно!

– А вы бы сами пошли через это болото? – спросил Николай, вместо ответа.

– Да ни за что на свете!

– И они не пойдут, помяните моё слово! Никто в своём уме туда не сунется. Вообще, с той стороны озера есть всего два пути: либо обогнуть его с запада, либо – с востока. На западе вы сами видели: сплошная топь. Чтобы обойти её посуху, потребуется не одна неделя. Вряд ли они решатся на такое, да ещё без еды. На востоке берег повыше, но тоже нет ни дорог, ни тропинок. Шагать опять же придётся порядочно. Кто не привык ходить по лесу, тот может долго проплутать.

– А что бы вы сделали на их месте?

– Вернулся бы на берег, в то место, где я их высадил в самый первый день, и ждал бы там. Я ведь обещал забрать их оттуда через две недели. Как раз вчера ездил, хотел оставить им записку, чтобы ночью зажигали костёр, да только, как назло, из-за дождя пришлось вернуться. А записку в лодке забыл, садовая моя голова! Сегодня вечером опять поеду и буду ездить каждый день до тех пор, пока они не найдутся.

– Надо рассказать обо всём этом спасателям! – воскликнула Мария Александровна.

– Расскажите, расскажите, – одобрил Николай.

– Только станут ли они меня слушать? – усомнилась она, снова опускаясь на стул, с которого привстала было в кратком порыве решимости. – Гражданские лица у них не в чести. Всё равно надо попробовать поговорить с их генералом. Он ведь хочет помочь Иринке, верно? Так же, как и та девушка с камерой. Зря я на неё набросилась. Просто устала, и впечатление от болот было самым ужасным, а тут ещё этот их план с вертолётom и лагерем...

– Ловко вы ей про вертолёт, – сказал Николай усмехнувшись. – Видели, какое у неё было лицо? А я, вот, совсем не разбираюсь в технике.

– И я не разбираюсь. Это всё муж – он с детства мечтал стать лётчиком, готовился пойти в армию, чтобы служить в лётных частях, но вместо этого попал на границу с Афганистаном и угодил там под обстрел. Пуля прошла рядом с позвоночником. С тех пор мучается со спиной. После армии в лётчики его, конечно, не взяли по состоянию здоровья, зато теперь наша квартира набита моделями самолётов, вертолётов, дирижаблей, не говоря уже про книги по воздухоплаванию, авиации, физике крыла и тому подобной литературе. Он даже из Америки авиационные журналы выписывает. А про тот вертолёт, что стоит на берегу, я знаю, потому что у нас на кухне целый год висел календарь, на котором был изображён точно такой же. Муж про него много рассказывал. Мне казалось, я его совершенно не слушала, а выходит, кое-что всё-таки запомнила.

– Знаете, а может не говорить ничего генералу, – предложил Николай. – Пусть себе ищут ребят на болоте на всякий случай, а я тем временем сам покараулю их на том берегу. Ну, а уж если они направились на восток, то там их так просто не найти. Это всё равно, что искать две иголки в стоге сена. Разве что послать туда вертолёт, так ведь, наверно, не пошлют. Вот и вы говорите, что нас с вами слушать не станут. Значит, будем ждать, пока они сами вернуться. Женщины в наших лесах ещё никогда не пропадали.

– А мужчины?

– Случалось.

– Что же, женщины лучше ориентируются в лесу?

– Да нет... – Николай замаялся.

– Что же тогда? – настаивала Мария Александровна.

Николай вспомнил о предостережении фельдшера: он пообещал Егору Ивановичу не рассказывать чужим про лешего. Но перед испытующим взглядом Марии Александровны его язык сам собой развязался, и он выложил как на духу краткое содержание всех местных преданий, не забыв упомянуть о монахах и о золоте, спрятанном на болоте.

– Народ говорит, что леший охраняет золото, – закончил он. – Правда, женщин он не обижает, наоборот, бывали случаи, даже помогал им найти дорогу из лесу домой.

– Вы ведь это всё серьёзно говорите? – удивилась Мария Александровна.

Николай пожал плечами, словно сам не был вполне уверен в своей серьёзности.

– Вы бы не стали выдумывать такое, просто чтобы утешить меня?

Николай, по-прежнему молча, развёл руками.

– Теперь уж даже и не знаю, на кого мне больше надеяться: на вас, на спасателей или на лешего, – сказала Мария Александровна, и маленькая озорная искорка снова затанцевала в её глазах.

Николай густо покраснел, закашлялся, пробормотал что-то, встал, зачем-то схватил со стола пустую тарелку и вышел на улицу. Он остановился на крыльце,

постоял там немного, продолжая крепко сжимать тарелку в своих огромных ладонях. Как же хорошо дышалось на воле!

Сыпал мелкий дождик. Некрашенные деревянные постройки во дворе покрылись тёмными пятнами сырости. Пропало из виду озеро, слившееся с небом в единое, расплывчатое пятно. Неподвижный воздух обдавал лицо Николая прохладной влагой. В тающем свете дня, окрасившем мир в коричневатые оттенки сепии, очертания предметов, ещё не размытые темнотой, вышли на передний план. Тени исчезли. Вместе с ними стёрлись все острые грани и углы. Свет больше не падал с неба, а просто висел в пространстве, наполняя его прозрачным перламутром, светившимся изнутри. В ровном, чистом, умытом воздухе мерцали крошечные капельки воды, создававшие тоненькую сеточку, почти невидимую для глаз. С крыши падали увесистые капли, медленно, мерно шлёпались о землю, отмеряя секунды, подобно маятникам десятков настенных часов.

Николай набрал полную грудь влажного воздуха, насыщенного запахом мокрой травы. «Вот вернусь сегодня с озера, затоплю баню! – с удовольствием подумал он. – Лишь бы все эти люди успели убраться отсюда подобру-поздорову!»

Воспоминание о незваных гостях, по-хозяйски расположившихся на берегу, разрушило его идиллическое настроение. Пора было возвращаться в дом. Он обернулся и чуть не столкнулся с Марией Александровной, выходившей наружу. Николай поскорее спрятал тарелку за спину.

– Простите, что я заставил вас ждать, – сказал он.

– Ничего, – ответила она, глядя на небо. – Мне, пожалуй, пора.

– Как же? Куда же вы? – спросил Николай.

– Надо ехать домой. Муж там один остался. Он ведь еле ходит. Попробую упротестовать кого-нибудь довести меня до города или хотя бы до Абакумовки, а там вызову такси.

– Да стоит ли, на ночь глядя? – запротестовал Николай. – Давайте-ка лучше вот что! – сказал он решительно. – Оставайтесь-ка ночевать, а завтра утром я сам отвезу вас в Центральную на тележке! Или это неприлично? Я не очень разбираюсь.

– Наверно, неприлично, – ответила Мария Александровна, с неподдельным интересом взглянув на Николая, как будто перед ней был ценный экспонат, неожиданно обнаруженный в каком-нибудь заштатном провинциальном музее.

– Так я и знал! – разочарованно воскликнул Николай.

– Да вы не расстраивайтесь, – утешила его Мария Александровна. – Не в приличиях дело. Просто здесь от меня всё равно нет никакого толку, а муж действительно нуждается в моём уходе. Пока не вернусь домой, буду чувствовать себя не в своей тарелке. Понимаете?

Николай кивнул.

– Давайте договоримся! – продолжала она. – Если узнаете хоть что-нибудь об Ирине, позвоните мне, пожалуйста, хорошо? Найдите какой-нибудь способ,

ведь это можно, правда? Вот мои номера телефонов: вверху ручкой написан домашний, чуть пониже – сотовый, а на самой визитке напечатан рабочий.

Она протянула ему прямоугольный кусочек картона. Николай взял его, повертел в руках и засунул в нагрудный карман рубашки.

– Ну, так давайте я вас хоть до озера провожу! – вызвался он. – У меня есть зонтик. Где-то был, – поправился он. – А то промокнете.

– Хорошо, – согласилась Мария Александровна. По правде говоря, ей совсем не хотелось уходить из тёплого дома в серую, промозглую мглу. На кухне у Николая, в компании горячего самовара и пышущей жаром русской печи, было так уютно. Идти, однако же, было необходимо: если спасатели уедут, ей не на чем будет добраться до города. Мысленно она уже укоряла себя за то, что приехала сюда, бросив большого мужа. И всё же... И всё же на душе у неё стало немного спокойнее. Рассказ Николая про лешего, несмотря на всю свою нелепость, глубоко проник в её сознание. Возможно, виной тому были физическая усталость и бессонница, а может быть, где-то в глубине её души теплилась почти забытая потребность верить, нашедшая опору в незамысловатом народном суеверии. Как бы то ни было, она покидала Матвейцево с надеждой, сменившей так и не успевшее созреть отчаяние.

Николай вышел из дома, победно потрясая старомодным зонтиком. Впрочем, ему так и не удалось проводить Марию Александровну к озеру. Выходя из ворот, они наткнулись на полицейских, тех самых, что утром проводили обыск, а потом пили чай на кухне у Николая.

– Николай Иванович! – сказал старший по возрасту и званию полицейский, используя весьма официальный тон. – Нам нужно с вами поговорить.

– Давайте поговорим по дороге, – предложил Николай. – Мы с Марией Александровной как раз идём на озеро.

– За Марию Александровну не беспокойтесь, генерал уже распорядился, чтобы её отправили в город. Сейчас как раз уходит тягач. Её там ждут. Серёга, проводи даму! – велел он молодому желтолицему полицейскому.

– Ну, что же делать! До свидания, – сказал разочарованный Николай, обращаясь к своей новой знакомой

– До свидания, – ответила она. – Вы обязательно звоните! Я буду ждать!

– Хорошо! – пообещал Николай, плохо представляя себе, как и когда он сможет выполнить данное обещание.

Глава 5

Пока Мария Александровна с Николаем обедали, в большой палатке, разбитой на берегу озера, происходил разговор между отцом Володи, Михаилом Сергеевичем Лебедянским и генералом полиции – толстым человеком с одутловатым лицом. Генерал сидел на складном матерчатом стуле, прогибавшемся под его весом. Лебедянский пристроился на ящике, напротив него. С длинного, узкого стола, расположенного между ними, только что убрали

остатки походной трапезы. Перед генералом остался лишь гранёный стакан, до половины наполненный марочным хересом. Целая коробка с непочатыми бутылками точно такого же хереса стояла под столом.

Генерал отхлебнул глоток вина из стакана и поморщился:

– Как только ты пьёшь эту кислятину? – спросил он Лебедянского. – Нет бы водки взять.

– Иван не велел, – ответил Лебедянский, кивнув в сторону командира спасателей, громко говорившего что-то десятку своих подчинённых, столпившихся у входа в палатку. – Дескать, начнётся пьянка, и вся операция – псу под хвост.

– Тогда зачем было тащить эту дрянь?

– Я что ли её притащил? Официанты привезли из ресторана прямо к вертолёту вместе с едой. Не бросать же было эту коробку. За неё, между прочим, заплачено. Я велел записать всю еду на мой счёт. Чёрт их знает, сколько они там всего понаписали. Приеду – нарочно проверю.

– Это в армянском ресторане что ли?

– Да нет, в «Трёх дубках».

– Нашёл, где заказывать!

– Наташка, дура, звонила. Ничего нельзя ей доверить.

Генерал насмешливо хмыкнул, выражая своё согласие с невысокой оценкой интеллектуальных способностей Наташки.

– Слушай, Семёныч, – сказал Лебедянский, наклоняясь над столом, чтобы придвинуться ближе к генералу. – Как у вас дела с расследованием ограбления? Выяснили что-нибудь?

– Пока ничего.

– Как же так? Мне казалось – дело ясное.

– Слушай, я самого лучшего следователя от дела об убийстве оторвал. Понятно, что вся эта история с твоим сыном может иметь, как теперь принято выражаться, «широкий общественный резонанс». – Генерал сплюнул на пол, как будто от последних произнесённых им слов у него сделалось горько во рту. – Так вот, если он говорит – пока ничего, значит – пока ничего.

– А этот подозрительный тип с бородой?

– Кто? Местный-то?

– Ага.

– Протасов с ним разговаривал, да ещё умудрился провести обыск без ордера. Даже курятник, и тот обыскали, представляешь? Говорю же – лучший следователь. Его мнение такое – этот мужик не причём. По крайней мере, напрямую ни к чему такому он не причастен. К тому же у него алиби: в день кражи он был в Абакумовке, и ночевал там. Свидетели подтверждают.

– Ты его рожу видел?

– Чью? Этого мужика-то? Нет.

– Бандит бандитом. Ходит, как оборванец, чтобы пыль в глаза пустить. А чем он тут живёт, по-твоему?

- Откуда я знаю? Это не моё дело.
- Наверняка тут что-то нечисто, я тебе говорю! У меня глаз на жуликов наметан.
- Твой глаз к делу не пришьёшь.
- Так ты его даже не арестуешь?
- За что же мне его арестовывать?
- Ну, удержи для выяснения обстоятельств.
- Нет оснований. Думаешь, это так просто – взял и задержал, кого вздумается?
- Думаю, ты сможешь, если захочешь.
- Я не понимаю, у тебя-то какой тут интерес? Ну, допустим, я его арестую, тебе-то что от этого за польза?
- А тебе самому разве не интересно задержать подозреваемого? Для стигматики, там, или для укрепления имиджа правоохранительных органов?
- О своих интересах я как-нибудь сам позабочусь, – ответил генерал, приподнимаясь, чтобы встать из-за стола. Но Лебедянский удержал его:
- Погоди, Семёныч! Мы с тобой друг друга не первый день знаем, верно? Я тебе услуги оказывал, ты – мне. В этом вся суть жизни. Прошу – арестуй этого типа. Неужели так трудно?
- Да не могу я, как ты не понимаешь! – ответил генерал, начиная кипятиться.
- Помнишь, прошлой осенью ты ко мне приходил, просил замять скандалчик с нецелевым расходованием бюджетных средств? – спросил Лебедянский, не отводя взгляда от лица собеседника. – Я ведь тоже мог тогда сказать: «не могу», и был бы совершенно прав. Это вообще не моя юрисдикция. Так ведь нет – пошёл унижаться, просить за тебя. Через Москву, между прочим, всё дело тогда решилось. А ты мне теперь в такой ерунде отказываешь?
- Генерал облокотился локтями о стол и как будто обмяк:
- Так и знал, что ты мне когда-нибудь это припомнишь, – сказал он.
- Ну, так ты сам виноват, – укорил его Лебедянский. – Согласился бы сразу, и не было бы никакого разговора.
- Ладно. Ты мне только одно скажи – для чего тебе это нужно? Не поверю, что ты это делаешь ради прихоти.
- Конечно, не ради прихоти. Ты же меня знаешь. Потакание прихотям – верный путь к разорению, тюрьме и скоростижной смерти, не обязательно в таком порядке.
- Тогда для чего же?
- Пока не скажу. Давай рассматривать этот шаг как нематериальную инвестицию в будущее.
- Мудришь! – сказал генерал, вздыхая. – И сколько нам его держать?
- Сколько сможете, – ответил Лебедянский.
- Так и быть, сейчас поговорю с моими ребятами, – сдался генерал. Он встал, вышел из палатки и грузно пошагал по мокрой траве сквозь дождь разыскивать следователя Протасова.

Долго искать ему не пришлось. Следователь сидел в полицейском УАЗике, припаркованном вместе с остальными автомобилями недалеко от вертолётки. В одной руке Протасов держал алюминиевую кружку с кофе, в другой – какие-то бумаги, которые сосредоточенно читал, слегка шевеля губами.

– Как дела, Александр Михайлович? – обратился к нему генерал, подходя ближе.

Протасов вздрогнул от неожиданности. Увидев начальство, он сделал попытку выбраться из УАЗика, но генерал остановил его:

– Сиди, сиди. Я проветриться вышел, а тебе-то чего зря мокнуть?

– У меня тут зонт! – сказал Протасов, выходя из машины и раскрывая зонтик над головой генерала. Вдвоём под зонтом было тесно, поэтому следователь остался стоять под дождём.

– Слушай, Александр Михайлович! – начал генерал. – Мы можем сейчас хоть на каких-нибудь основаниях задержать этого местного жителя, как его там?

– Соболева?

– Да.

– Не вижу никаких оснований, – осторожно ответил Протасов, пытаясь догадаться, куда клонит генерал.

– А задержать-то его надо бы.

– Для чего? – спросил удивлённый следователь.

– Понимаешь, тут дело не только уголовное, но ещё и политическое, получившее широкую огласку. В ближайшее время интерес к нему только усилится. Я рассудил: будет лучше, если у нас появится какой-нибудь подозреваемый, чтобы обнадёжить общественность, так сказать. А когда дело уляжется – отпустим его восвояси. Найдутся детишки, и через неделю об этой краже никто и не вспомнит, а пока нам нужно подумать о нашем имидже в глазах населения.

– Тогда почему бы просто не заявить, что у нас есть подозреваемый и никого не задерживать? – спросил Протасов.

– «Просто подозреваемый» звучит как-то слабовато, а вот «задержанный подозреваемый» – совсем другое дело.

– Другое-то другое, только задержание без веских причин – противозаконно. Тут можно нарваться на серьёзные неприятности.

– Как будто я не знаю! – воскликнул генерал, с отвращением думая о своём унижительном положении. – Вот ты же сегодня провёл обыск без всяких документов. Это тоже противозаконно.

– Ну, так то в интересах следствия.

– А тут – в интересах нашей с тобой репутации.

– Не знаю, – протянул Протасов. – Если оформлять задержание, потащится бумажный след. Кто знает, куда он может привести. Скорее всего – никуда, но как тут быть уверенным? Ладно, протокол – если его не регистрировать, то потом можно будет просто выбросить. Так ведь в изолятор-то без протокола

задержания не примут, а там – своя куча документов. Как хотите, но я не могу поставить свою подпись под такими бумагами. Я уж не говорю об этической стороне дела.

– Хорошо, а если не составлять никаких бумаг?

– Совсем?

– Совсем.

– Как же тогда задерживать?

– Мы же имеем право задержать человека для препровождения в органы дознания. Привезём его к нам якобы для допроса и составления протокола, но протокол составлять не будем. И прокурора незачем по этому поводу беспокоить.

– Вы отдаёте себе отчёт, чем я рискую?

– Знаю, знаю: заведомо незаконное задержание. Но ведь это ещё доказать надо. Сам говоришь: в показаниях профессора... как там его фамилия?

– Кочетков.

– Да, Кочетков же прямо показал, что видел на болоте человека с бородой, очень похожего на Соболева. То есть сам потерпевший прямо указывает на него, как на лицо, причастное к совершению преступления. Чего тебе ещё нужно? Закон на нашей стороне. Показания потерпевшего – вполне законное основание для задержания, тут уже не придерёшься.

– Как хотите, Евгений Семёнович, я не могу.

– Тебе сколько лет? – ни с того, ни с сего спросил генерал.

– В мае исполнилось тридцать четыре.

– Вот видишь: тридцать четыре, а ты всё ещё в следователях ходишь. Тебе бы о карьере подумать надо, с твоими-то способностями!

– Я прежде думаю о жене и детях, потом о совести, а уж только потом – о карьере.

– Когда обыск без документов проводил, о совести, небось, не вспоминал, – ехидно заметил генерал. – И об этике тоже.

– От осмотра жилища никто не пострадал, в этом заключается вся разница. Если я сделаю то, о чём вы меня просите, то пострадает не только Соболев. Я пострадаю вместе с ним, даже если меня не посадят по триста первой статье.

– Чистеньким хочешь остаться?

– По возможности.

– Ну и чёрт с тобой. Кстати, я договорился – забирай вертолёт. Слетаешь на место преступления – и мигом назад. Три часа тебе хватит?

– Четыре, на всякий случай.

– Три. Давай, дуй прямо сейчас, пока светло.

Протасов быстро схватил сумку с документами и побежал в сторону вертолёта. Генерал, погружённый в задумчивость, остался стоять возле УАЗика, продолжая держать над головой зонтик, оставленный ему следователем. Тут его внимание привлекли двое полицейских, куривших под соседним тентом.

Генерал поманил их рукой. Полицейские приблизились и вытянулись перед ним по стойке «мирно».

– Вот что, ребята, – добродушно сказал генерал. – В этом селе проживает некто Соболев Николай... как-то там, не помню отчества. Видели его?

– Видели, – бодро ответил круглолицый полицейский с усами. – С утра пили с ним чай.

– Вот оно что! А не знаете, где он сейчас?

– Они вместе с матерью пропавшей девушки ушли наверх. Наверно, сидят у него дома.

– Понятно. Значит так, Протасов полетел на место преступления, а вам велел препроводить Соболева в следственный отдел для продолжения дознания. Привезёте и оставите его там до утра. Ничего не оформляйте, не надо никаких бумаг. Протасов завтра вернётся и сам разберётся с документами. Всё ясно?

Полицейские помялись, не зная, что отвечать.

– Выполняйте! – приказал им генерал. – Или нет, подождите! Пойдёмте со мной!

Втроём они приблизились к центральной палатке. Генерал зашёл внутрь. Полицейские остались ждать снаружи. Через несколько минут генерал снова появился из-под полога шатра.

– По поводу женщины, – сказал он. – Сейчас в город уходит тягач. Сходите за ней, посадите её в тягач и отправьте восвояси. Потом займётесь Соболевым. Можете идти!

Глава 6

– Как в город? – спросил ошеломлённый Николай. – Мне нельзя! У меня же хозяйство! Корова, козы, курицы: на кого же я их оставлю? Перловку на завтра замочил... – Он беспомощно развёл руками, недоумевая, за что на него свалилась эта внезапная напасть.

– Да ты не расстраивайся, – успокаивал его усатый полицейский. – Генерал сказал, бумаги оформлять не нужно. Скорее всего, запишут показания и отпустят. Если бы на самом деле хотели задержать, так и сказали бы.

– Да я же ничего больше не знаю. Что там записывать?

– Начальству виднее.

– Давайте, я пойду к Александру Михайловичу и сам с ним потолкую.

– Не получится. Он улетел на вертолёт.

– Ну, так с генералом.

– Станет он с тобой разговаривать! Я сам-то с ним в первый раз вот так один на один говорю.

– Что же делать?

– Да ничего. Пошли в машину. Завтра в городе с Протасовым разберётесь.

– А как же корова?

- Ничего не случится с твоей коровой.
- Вот беда! – воскликнул Николай, совершенно потерянный.
- Ну, едем что ли? – настаивал полицейский.
- А нельзя подождать хотя бы полчаса?
- Зачем?
- Выгоню скотину на луг. Не могу же я бросить их взаперти.
- А не сбежишь? – подозрительно спросил полицейский.
- Не сбегу! – пообещал Николай.
- Всё-таки я лучше с тобой пойду.

На том и порешили. Николай, сопровождаемый полицейским, выгнал скотину на луг, начинавшийся сразу же за задним забором, с противоположной стороны от улицы. Потом насыпал корма курам, проследив, чтобы дверца курятника оставалась открытой. Чтобы куры не убежали со двора, он тщательно затворил все калитки и накрепко запер ворота на примитивный деревянный засов.

– Ну, готов, что ли? – спросил полицейский, которому не терпелось поскорее отправиться домой.

– Готов, – обречённо ответил Николай.

– Ты хоть ватник свой возьми, – посоветовал полицейский. – Куда ж ты в одной рубашке?

Николай натянул ватник, с тоской посмотрел на замоченную перловку, стоящую на столе в алюминиевой кастрюльке, вздохнул и вышел на улицу к полицейской машине. В последний раз он надолго покидал свой дом очень давно, полжизни назад, когда ездил учиться в город, а потом служил в армии. Теперь он чувствовал себя, как дерево, которое начали вырывать из земли вместе с корнями.

– Погоди-ка! А паспорт ты взял? – вспомнил вдруг усатый полицейский.

– Нет, – ответил Николай, которому, разумеется, было не до паспорта.

– Так беги скорей, возьми его и возвращайся!

Николай побрёл за паспортом, с трудом переставляя ватные ноги, подгибавшиеся в коленях. Ему было странно тяжело дышать из-за скопившейся в груди свинцовой тяжести, того и гляди грозившей хлынуть наружу через горло. Стук сердца громовым эхом отдавался в его голове. Каждый вдох стоил осознанных усилий, каждый выдох прерывался, как будто кто-то периодически сдавливал его грудь железным обручем.

– Ну, наконец-то! – проворчал усатый полицейский, увидев возвращавшегося Николая. Мотор взревел. Машина тронулась. Дождь тут же залепил переднее стекло полупрозрачной плёнкой. Заработали дворники. Завыл вентилятор обогревателя. Мир, существовавший снаружи, потерялся, от него остался только крошечный плоский квадратик, кое-как умещавшийся в рамке грязного окна. Николаю хотелось распахнуть заднюю дверь и прямо на ходу выпрыгнуть из машины, но он не мог пошевелиться. Им завладело колючее оцепенение, сковавшее его волю.

Всю дорогу он сидел молча, почти не двигаясь. Впоследствии он никак не мог припомнить обстоятельств поездки: в его памяти не осталось ни картин, мелькавших за окном, ни собственных мыслей, ни слов полицейских, беспрестанно беседовавших о чём-то в течение всего пути.

Когда, подъезжая к областному центру, они остановились на заправке, усатый полицейский впервые обратился к Николаю:

– Эй! Ты не спишь? Не хочешь выйти проветриться? Тут есть туалет.

Николай перевёл на него невидящие глаза, смотревшие куда-то вдаль, прямо сквозь стоявшего перед ним полицейского, и ничего не ответил.

– Э, да что с тобой такое? – забеспокоился усатый. Не получив ответа, он пожал плечами, плюнул на асфальт и захлопнул заднюю дверь.

В город въехали глубокой ночью. Миновав большой проспект, красиво освещённую площадь и несколько темноватых улиц, машина остановилась перед старинным трёхэтажным зданием. Окна во всех этажах были тёмными, только в просторном вестибюле горело несколько неярких светильников, зажжённых взамен стеклянной люстры, выключенной по случаю позднего времени. Вестибюль был пуст за исключением одинокого полицейского, сидевшего за стеклянной перегородкой с окошечком.

Николая провели внутрь и усадили на один из стульев, расставленных в ряд вдоль длинного простенка. Усатый приблизил лицо к окошку. Между ним и дежурным полицейским завязался следующий разговор:

– Слышь, ты сегодня с кем дежуришь? – спросил усатый.

– А ни с кем. Напарник заболел. Взамен никого не прислали, так и сижу один, – ответил дежурный, довольный возможностью пожаловаться на жизнь со всеми её несправедливостями, которые, как ему всегда казалось, по какой-то неясной причине чаще всего обращались именно против него.

– Мы тут человека привезли. Протасов велел его доставить, вроде как, для беседы. Завтра он сам будет с ним заниматься.

– Ну, привезли, и хорошо. Я-то тут причём?

– Видишь ли, какое дело: бумаги не велели оформлять, так что на него нет никаких документов, и сдать мы его никуда не можем. Ну, и сами охранять до завтра – тоже. Только что вернулись чёрт знает из какой глуши, двое суток на ногах без отдыха. Не в машине же с ним сидеть до утра!

– Отвезите его к себе в отдел, – посоветовал дежурный.

– Нельзя! Говорю же тебе – тут что-то особенное. Я так понимаю: чем меньше народу знает об этом деле, тем лучше. Протасов с генералом задумали что-то такое сделать по-тихому, а я возьму и заявлюсь в отдел! И чего я там скажу?

– Это с каким генералом?

– С Меленцом.

– Что, с самим?

– То-то и оно.

– Что же это за дело такое?

– Слышал, сын Лебедянского пропал?

– Слышал. Сегодня в вечерних новостях про это рассказывали. А Протасов с генералом каким макарком к этому причастны?

– Там ещё не то кража была, не то ограбление, непонятно. Кто-то этого парня здорово напугал, вот он и убежал на болота.

– Ну, тогда всё ясно, – заявил дежурный. – Если тут замешан Лебедянский, значит дело нечисто. Лучше ничего об этом не знать и не спрашивать. В курсе, какие слухи о нём ходят?

– В курсе. Только наше дело – маленькое. Ты мне лучше скажи, куда мне с этим мужиком теперь деваться? Не к себе же домой его вести – жена убьёт. Представь: ввалюсь ночью с этим бородатым громилой в телогрейке!

– А что за человек? Откуда?

– Да тамошний, местный житель. Он, кажется, последним видел потерявших. Представляешь, живёт один-одинёшенек в заброшенной деревне посреди леса, месяцами людей не видит. Одичал малость, всё молчит. Я ему сегодня говорю: выйди, мол, из машины, прогуляйся, шесть часов уже едем. Так он на меня так глянул, как будто я – пустое место. Но в целом – безобидный тип, чаем нас угощал. Ты бы его у себя до завтра оставил, а? Протасов с утра придёт на работу – пусть он с ним сам и разбирается. Всё равно ведь один сидишь, а тут – вдвоём будете, вроде как за компанию...

– Нужна мне такая компания! – не согласился дежурный. – Сторожи его тут за вас всю ночь, а потом, в случае чего, с кого спрашивать станут?

– Да не станут спрашивать, говорю же тебе! Никто ничего не знает! И сторожить его не надо. Куда он денется? Бежать ему некуда, до дому двести пятьдесят километров. Ну, выручи! За мной не заржавеет!

– Ладно, по всему видно, дело необычное. Одно странно: не такой человек Протасов, чтобы ввязываться в сомнительные делишки. Кто бы другой, а бы не удивился, а тут...

– Да брось! – не согласился усатый. – Иногда выбирать не приходится. Я слышал, у него мальчик недавно родился?

– Да уж месяца два назад. Третий ребёнок в семье.

– Вот сам и рассуди: чего не сделаешь ради троих детей? Уволят с работы – куда ему идти? Обрато уже не возьмут. Придётся всю жизнь заново начинать, с детишками-то на руках.

– Может быть, – грустно покачал головой дежурный.

– Ну, так берёшь его? – с надеждой спросил усатый.

– Ладно, веди его сюда.

Услышав такой вердикт, усатый просиял:

– Ну, спасибо! За мной должок!

– Брось, – махнул рукой дежурный, вставая с места, чтобы отпереть дверь.

Николая подвели к вертушке, миновав которую ему пришлось пройти сквозь выключенный металлоискатель. Лишь затем он смог протиснуться в узкую дверь, за которой находилось дежурное помещение.

Внутри дежурки царил спартанский порядок. Кроме стола с установленным на нём тонким компьютерным монитором, двух стульев, большого железного шкафа и маленькой полочки, на которой стоял переносной телевизор, в комнате ничего не было. Телевизор показывал что-то без звука. На экране спорили, оживлённо размахивая руками, две очень толстые дамы.

– Садись, – сказал дежурный, указывая на единственный свободный стул.

Николай сел. Он предпочёл бы остаться стоять: от непривычно долгого сидения в машине у него болела спина. Однако несмотря на это он не решился перечить дежурному, довольно пожилому человеку с добродушным выражением лица.

– Давай так, – предложил дежурный. – Я тебя ни о чём спрашивать не буду, и ты мне про своё дело с Протасовым ничего не говори. Мне о ваших делах знать ни к чему. Это раз. Я вообще-то не имею право тебя тут держать, поэтому никому про это не рассказывай, особенно начальству, это – два. И три – есть хочешь?

Николай кивнул.

– А деньги у тебя имеются? – спросил дежурный.

Николай покачал головой, потом, спохватившись, полез в карман телогрейки, достал оттуда мятую пятидесятирублёвую бумажку и протянул её дежурному.

– И правда, неразговорчив ты, брат, – посетовал дежурный, принимая деньги. – Пятидесяти рублей мало. Ладно, я добавлю ещё двести. Сейчас закажем пиццу.

Он достал из кармана сотовый телефон, набрал номер и стал громко разговаривать с кем-то. Николай не следил за разговором. Он не мог оторвать глаз от дам, споривших на экране телевизора. Спор перерос в ссору. Судя по всему, дамы уже готовы были наброситься друг на друга с кулаками. Тщедушный, низкорослый ведущий с трудом разнимал споривших, пытаясь протиснуться в узкое пространство, разделявшее их массивные тела. Дамы, поглощённые яростью, совершенно не обращали на него внимания, продолжая кричать, тарашить глаза и размахивать руками. Нелепость и дикость этого зрелища, усугублявшиеся отсутствием звука, сильно поразили Николая.

– Тебя как звать-то? – услышал он краем уха вопрос дежурного.

– Николай, – ответил Николай, отрывая глаза от экрана.

– Смотри-ка! Значит, всё-таки не немой. Интересуешься программой? Может, звук включить?

– Нет, нет!

– Да уж, пожалуй, не стоит, – согласился дежурный. – С ума сойдёшь от ихнего визгу. А тебя ведь, между прочим, тоже сегодня вечером показывали, только вот не помню, что ты там такое говорил.

– Стихи читал, – угрюмо ответил Николай.

– Какие ещё стихи?

– Некрасова.

– Нет, я сейчас припоминаю: ты, кажется, рассказывал, какие дикие там у вас места, мол, то того гиблые, что людям и жить нельзя. Пошёл на болото – считай, пропал. Что-то в этом роде.

– Ничего подобного не было! – возмутился Николай.

– Как же не было? Я сам слышал.

– Я такого не говорил.

– Да, пожалуй, и не говорил, – усмехнулся дежурный. – Из тебя, вон, и двух слов не вытянешь, а там – целую тираду сплёл.

Николай промолчал.

– Ну, молчи, если тебе так больше нравится, – сказал дежурный, потягиваясь. – Впереди ночь длинная.

– А что говорить? – вдруг вспыхнул Николай. – Схватили невинного человека, и... и... – Он не знал, как закончить, поэтому попросту махнул рукой, выразив этим жестом львиную долю своего негодования, плохо умещавшегося в словах.

– Да ты не переживай, – утешил дежурный, отличавшийся любопытством, но, сдерживаемый вполне разумной предосторожностью, не желавший глубоко вникать в ситуацию Николая. – Тебя пока ещё не арестовали, не задержали даже. Наверно, хотят узнать какую-нибудь информацию, интересующую Лебедянского. Выспросят, что им нужно, и отпустят.

– Ничего я не знаю! – упрямо заявил Николай.

– Это тебе кажется, что не знаешь.

– Ничего не знаю, ни в чём не виноват! – стоял на своём Николай.

– Прямо-таки ни в чём! Не бывает ни в чём не повинных людей, – возразил дежурный. – У нас ведь как? У нас во главе всего стоит государство, без него ни родиться, ни жить, ни помереть нельзя. Оно везде суётся, всем норовит руководить, всё регулировать. В нём так много законов, указов, постановлений, нормативных актов и чёрт-те каких ещё правил, что выполнить их все никак невозможно. Будь ты хоть самый святой человек на свете, а что-нибудь да нарушишь. Можешь вообще ничего не делать, сидеть себе на месте, а от вины всё равно не уйдёшь. Даже только что родившийся младенец, едва появившийся на свет, и тот сразу же нарушает закон.

– Какой такой закон? – спросил Николай, поневоле втягиваясь в беседу.

– А такой, что люди, понимаешь ли, рождаются без документов: без паспорта, без прописки, без ИНН, без медицинской страховки. Пока у тебя нет паспорта и прописки – какой же ты гражданин? Хвост ты собачий, а не гражданин. Хочешь поехать на поезде – предъяви паспорт. В больницу пришёл – опять его показывай. Самое плёвое заявление пишешь – непременно укажи номер и дату выдачи паспорта. Скоро в общественный туалет будут по паспорту пускать – всё к этому идёт. А у младенца – обрати внимание – нету никаких документов. Значит он вне закона.

– Он же в этом не виноват.

– Нет, виноват! Он, конечно, об этом не знает, но законы можно нарушать и бессознательно. Государству важен факт, а не умысел. Если ты нечаянно

переедешь старушку на пешеходном переходе, отсутствие умысла не будет тебе оправданием. Я больше скажу: большинство преступлений так и случается: не нарочно. Но вины-то это не снимает.

– Я считаю, если человек не причиняет никому вреда, значит, и не в чем его обвинять, – возразил Николай.

– Откуда ж ему знать, что не причиняет? – воскликнул дежурный, всё больше воодушевляясь. Очевидно, тема разговора была близка его сердцу, и он уже не однажды обсуждал её с другими людьми.

– Да что же он, не понимает что ли? – возмутился Николай.

– Не понимает, в том-то вся и загвоздка. Вот ты, небось, думаешь, будто различаешь добро и зло, и очень может быть, я не спорю. Только ты рассуждаешь о морали, о других людях, а я говорю о государстве, то есть о законе. Преступления против государства у нас в порядке вещей. Все привыкли. Власть у нас либо ненавидят, либо презирают, либо боятся, иногда и то, и другое, и третье одновременно. Я имею в виду и местную власть, и центральную, и законодательную – всякую. Поэтому и законы, придуманные властью, выполняют неохотно, только если заставят, а по собственной воле – ни-ни! А не выполняешь закон – наносишь вред государству. Вот ты, например, живёшь один на болоте...

– Не живу я на болоте, с чего вы это взяли? – возразил Николай.

– Ну, где-то там, в глуши, не важно. Чем ты там занимаешься?

– Скотину держу. Огород у меня. Землю пашу, картошку выращиваю, капусту. Пшеничку в этом году посеял. Думал, не уродится, а она...

– Ладно, ладно, я понял, – прервал его дежурный. – А землю-то чью пашешь?

– Как это чью? – не понял Николай.

– Кому она принадлежит?

– Никому. Просто земля.

– Не бывает ничейной земли. Всякий кусочек теперь имеет хозяина.

– Нету у неё никакого хозяина! Никто больше на ней не пашет, не сеет. Совхоз её совсем забросил. Если бы я не пахал, давно заросло бы всё бурьяном, как в других местах.

– Может, оно и так, но с точки зрения закона ты неправ: пользуешься землёй и никому за это не платишь ни арендной платы, ни налога. Верно?

– Верно, – вынужден был согласиться Николай, несколько сбитый с толку.

– А пшеницу, картошку и прочее продаёшь?

– Изредка. Не всегда хватает на продажу.

– А деньги где берёшь?

– Охотники ко мне приезжают, рыбаки, платят за лодки, за постой, за продукты тоже: овощи, яйца, молоко.

– Это называется – денежный доход. А подходящий налог с него ты платишь?

– Нет, – признался Николай.

– То-то! А ведь, наверно, считаешь себя законопослушным гражданином! – торжествующе воскликнул дежурный.

– Я даже не думал об этом, – развёл руками Николай. – Не из-за этого ли меня сюда привезли?

– Вряд ли, – ответил дежурный. – Слишком мелкий повод для нашего ведомства.

В этот момент сонный курьер в жёлтой форменной кепочке привёз пиццу.

– Давай поедим, пока горячая! – предложил дежурный.

Во время еды он не переставал говорить:

– Государство – это как религия, только заповедей у него намного больше, чем у христианства. Там всего-то навсего десять, а тут каждый сочиняет, кто во что горазд: всякие думы, министерства, губернаторы, департаменты. Где же простому человеку помнить такую уйму правил и законов, я уж не говорю – соблюдать. С точки зрения государства все мы – грешники, а оно нас карает или прощает по грехам нашим и пользуется чувством вины, чтобы держать народ в повиновении.

– Зачем же вы служите государству, если так думаете? – поинтересовался Николай.

– Как зачем? Я лучше буду на карающей стороне, чем на той, которую карают.

– Разве с вас не спрашивают по тем же законам?

– Спрашивают, только в последнюю очередь, когда уже больше не с кого спросить.

Они доели пиццу, залили её водой из кулера, стоявшего в коридоре.

– Значит так! – распорядился дежурный. – Там, за перегородкой, есть кушетка. Ложись на неё, поспи. Подушки, правда, нет, и одеяла тоже. Устройся как-нибудь. Мне спать не положено. С утра я тебя разбужу.

Кушетка оказалась слишком короткой. Николай лёг на неё спиной, поставив на пол согнутые в коленях ноги и укрывшись ватником. Спустя несколько минут он уже спал, освещённый мерцающим, синеватым светом старой люминесцентной лампы, доживавшей свои последние дни в потемневшем от времени светильнике, уныло висевшем под растрескавшимся потолком.

Глава 7

– Что значит, не полетишь? – спросил генерал полиции, глядя на Лебедянского с неподдельным недоумением.

Вертолётчики уже заняли свои места. Сквозь окна кабины было видно, как они надевают шлемы, готовясь к скорому взлёту. Берег озера был практически пуст. Дежурная группа спасателей покинула его, отправившись обживать новый лагерь. Последняя машина уехала полчаса назад. Теперь улетал и вертолёт с тем, чтобы доставить в город старших офицеров, не собиравшихся проводить на болоте всю ночь.

– Не полечу и всё, – невозмутимо ответил Лебедянский.

– Не дури! – предостерег генерал. – Скоро ночь. Чего ты тут будешь делать один?

– Зачем же один? Вот, Наталья Дмитриевна составит мне компанию, – ответил Лебедянский, кивая головой в сторону своей личной секретарши. Та стояла рядом с ним, кутаясь в зелёное солдатское одеяло, спасавшее её от холода и дождя. В левой руке она держала клетчатый дамский зонтик, под которым пыталась спрятаться от мелкой водяной пыли, с лёгкостью разносимой ветром в горизонтальном направлении. Влажные белокурые волосы липли к её миловидному лицу, придавая ему жалкое выражение.

– Михаил Сергеевич! – обратилась она к Лебедянскому. – У вас сегодня вечером встреча в торгово-промышленной палате!

– Пустяки, – ответил тот. – Позвони им, скажи, что я не успеваю.

– Не могу, здесь нет сотовой связи.

– Ну, так и чёрт с ними! Без меня обойдутся.

– Так летишь или не летишь? – зарычал генерал, теряя терпение.

– Не лечу, – ответил Лебедянский.

Генерал махнул рукой, повернулся и пошёл к трапу. Закрутились лопасти огромного винта, воздух наполнился физически ощутимым рокотом. Вертолёт слегка накренился вперёд, поднялся над берегом, повисел пару секунд, развернулся и стремительно заскользил по воздуху на юго-запад, в сторону города. Лебедянский и секретарша остались стоять на берегу.

Было ещё довольно светло. Тем не менее в последней палатке, остававшейся к этому часу на своём месте, уже зажгли электрический свет. Он был единственным источником уюта на этом промокшем берегу, висевшем над пропастью неминуемой ночи.

– Ну что, Наташка, пойдём? – сказал Лебедянский, подхватывая её под ручку.

– Куда? – спросила она, не отрывая глаз от освещённой палатки.

– В деревню.

– Зачем? – она посмотрела на своего начальника так, как будто сомневалась в его здравом уме.

– Заберём машину.

– Какую машину?

– Володькину, какую же ещё?

– Так ты ради неё здесь остался? – удивилась Наташа.

– Не только.

– Зачем же ещё?

– Хочу полюбоваться видом с холма.

– Ты сошёл с ума! – воскликнула секретарша, окончательно отбросив формальности.

– Ошибаешься, – улыбнулся Лебедянский. – Я никогда и не был в своём уме. Ну, пошли что ли? А то оставайся тут, прокатишься с парнями на болото. Они будут рады твоей компании.

Секретарша неохотно побрела вместе с Лебедянским, неуверенно ступая по мокрой дороге, ещё не успевшей впитать достаточно влаги, чтобы сделаться совсем непроходимой. Но уйти далеко ей всё-таки не удалось: тонкие шпильки туфель вязли в земле, а вслед за ними и сами туфли чуть ли не до самого верха погружались в липкую, холодную грязь.

– Вот беда! – весело воскликнул Лебедянский, глядя, как Наташа пытается высвободить каблуки. – А ведь я тебя предупреждал: едем на природу. Неужели нельзя было надеть туфли без каблуков?

– У меня нет туфель без каблуков, – заявила секретарша, стараясь идти на носочках. Это не очень помогало. На глаза Наташи навернулись слёзы. Лебедянский ещё несколько мгновений понаблюдал за её мучениями, потом засмеялся, подхватил девушку на руки и быстро пошёл вверх холма по скользкой грязи, совершенно не заботясь о судьбе своих дорогих итальянских полуботинок из поддельной крокодиловой кожи.

– Мишка! Ты точно спятил! – завопила секретарша. Но Лебедянский не обращал ни малейшего внимания на её слабые протесты. Только поднявшись вверх, он, запыхавшись, вынужден был опустить Наташу на землю.

– То ли ты растолстела, – сказал он, тяжело дыша и улыбаясь счастливой улыбкой, – то ли я – в плохой физической форме.

Секретарша не удостоила его ответом. Она была занята приведением в порядок своего платья и восстановлением исходного положения шерстяного одеяла, свалившегося с её плеч. Задача осложнялась тем, что ей приходилось действовать одной правой рукой. В левой она продолжала держать открытый зонтик.

– Пойдём, – сказал Лебедянский, отдышавшись. Здесь где-то недалеко. Не знаешь, который дом?

– Нет.

– Будем ориентироваться по большой чёрной машине.

Они прошли до конца села, не обнаружив ни чёрной, ни какой бы то ни было другой машины.

– Что за дьявольщина! – возмутился Лебедянский. – Я же нарочно спрашивал следователя. Кстати, весьма опасный человек. Фамилия его – Протасов, запомни на всякий случай. Так вот, он сказал: машина стоит у дома. У какого же дома? Подожди-ка! Наверно, они закатали её во двор!

Он стал заглядывать во дворы. Большинство калиток и ворот были открыты. Некоторые заборы покосились, в иных образовались дыры. Очень скоро все дворы были осмотрены прямо с улицы. Лишь одни массивные ворота оказались наглухо запертыми на засов. Лебедянский подошёл к ним и заглянул в щель.

– Вот она! – ликующе воскликнул Михаил Сергеевич.

В центре ворот имелось круглое отверстие. Просунув в него руку, можно было поднять засов, составлявший весь нехитрый запорный механизм. Через несколько секунд ворота отворились, обнаружив скрывавшийся за ними широкий, просторный двор.

– Можно я заберусь в машину? – попросила Наташа.

– Валяй, забирайся, – разрешил Лебедянский, одновременно отпирая двери автомобиля и заводя двигатель с помощью кнопок на брелоке. Сам он занялся осмотром двора. Несмотря на скудное освещение ненастного вечера, вид на окрестности оказался действительно впечатляющим. Лебедянский забрался на крыльцо и долго не мог оторвать взгляда от призрачного, туманного горизонта. В машину он вернулся очень довольным.

– Не хочешь пойти посмотреть? – спросил он Наташу.

– Поедем отсюда поскорей, – ответила она, ещё плотнее кутаясь во влажное одеяло.

– Нет в тебе понимания романтики, – укорил её Лебедянский, включая заднюю передачу.

– Я не знала, что оно есть у тебя.

– Ты ещё очень многого обо мне не знаешь, – произнёс он нарочито-серьёзным, театральным тоном.

Наташа скептически посмотрела на Михаила Сергеевича, но воздержалась от дальнейшей дискуссии. Её молчание нисколько не смутило Лебедянского.

– Знаешь, ведь эту машину я для себя заказывал, – начал рассказывать он, осторожно выводя автомобиль за ворота, которые не удосужился затворить и так и оставил распахнутыми настежь. – Специальная серия, все опции – под заказ, многие узлы собраны и отрегулированы вручную. Представляешь, сколько мне стоило привезти такое авто из Германии? Целый год в очереди за ней отстоял. Приходит, значит, машина, осталось только растаможить, и тут мне звонит Гольдберг. Помнишь его?

Наташа неопределённо пожала плечами.

– Да как же! Венька Гольдберг! Он тогда работал заместителем губернатора. На него ещё покушение было года два назад. Чего-то там не поделили с контрактом на ремонт дорог. Ну, вспомнила?

– Нет, – ответила Наташа равнодушным тоном.

– Впрочем, да! Откуда тебе помнить! – согласился Лебедянский. – Ты тогда ещё в детский сад ходила. Но суть не в этом. После покушения Венька заказал себе бронированный лимузин. И надо было так случиться, что его машина пришла аккурат в то же время, что и моя. Надо выкупать! Только скандал с дорогами уже до прокуратуры дошёл. Начались проверки. Венька, понятное дело, в самом центре неприятностей, сидит тише воды, ниже травы. Все свои активы и пассивы переписал на родственников, а тут этот броневи́к за двадцать миллионов свалился ему прямо на голову, естественно, в переносном смысле. Что делать? И брать никак нельзя – засветишься, и отказаться невозможно: надо поддерживать репутацию, иначе – конец. У нас ведь всё держится на взаимном доверии, понимаешь? И главное – денег наготове нет, все спрятаны, а занять не у кого. Никто не хочет связываться, все шарахаются от него, как от чумы: поди, свяжись, так потом себе дорожке выйдет. Кто ж тогда знал, чем это разбирательство закончится? Тут он мне этот лимузин и предложил с хорошей скидкой. Пришлось взять. Ну, а свою машину я решил

Володьке на день рождения подарить. Думал, ему понравится, а он знаешь, что мне заявил? «Я бы предпочёл спортивный седан», – говорит. Можешь себе представить? Я ему внушаю: ты на этой машине от девчонок баллонным ключом отмахиваться будешь! Если бы у меня в твоём возрасте был такой автомобиль, я бы каждый день подружек менял. А у меня что было? Разбитая шестёрка с двумястами тысячами пробега. Хотя я и на ней был не промах!

– Если даришь человеку подарок, надо ориентироваться на его вкусы, а не на свои, – ответила Наташа.

– Да какие у него вкусы? Вечерами напролёт малюет какие-то дурацкие картины, или сидит за компьютером с утра до ночи. Или вот ещё: играет в гандбол. Представляешь? Ну какой в этом смысл? Хоть бы деньги за это платили! А так... – Лебедянский чуть не выругался с досады. – Ты принюхайся! – сказал он. – Чувствуешь?

– Что?

– Запах нового автомобиля! И это после целого года эксплуатации! Я уверен: он сюда ни одну девчонку ещё не затаскивал. Что, может, лишим машинку девственности? – игриво спросил Михаил Сергеевич, пытаясь правой рукой забраться под платье Наташи, а левой – маневрировать на мокрой, неровной дороге.

– Смотри на дорогу! – взвизгнула секретарша, отталкивая его руку. – И вообще, у тебя сын пропал, а ты ведёшь себя как ни в чём не бывало. Такое ощущение, что ты даже рад.

– Да куда он денется? Погуляет по лесу с этой своей подружкой и вернётся. Если бы я был наследником такого состояния, я бы из Владивостока на брюхе приполз, не то, что с какого-то занюханного озера.

– Тогда зачем было организовывать поиски?

– Кому зачем, у всех свои интересы. Парни из МЧС освоят на этом деле кучу средств. Ну, ты понимаешь. Потом, этих ребят хлебом не корми – дай полетать на вертолётах, побегать по лесам, поиграть в индейцев, – сама видела. Армия тоже обретёт что-нибудь утраченное в затяжных, суровых боях с бухгалтерской отчётностью. К тому же я лично, и весьма настоятельно, просил их принять активное участие в операции, пообещав взамен кое-какие уступки по государственным контрактам. Милиция... тьфу ты – полиция – вынуждена. Не могут же они пустить дело на обычный самотёк, когда поднялась такая шумиха.

– А тебе это зачем?

– Лишний повод засветиться. Осенью, между прочим, выборы в думу, если ты не знала. И тут я – в роли пострадавшего. Неутешный отец опирается на плечи и головы своих избирателей. Что может быть трогательнее? К весне, когда будут выбирать губернатора, об этом инциденте, конечно же, забудут. Но чувства какие-нибудь, положительные эмоции обязательно останутся. Они в памяти глубже всего сидят, не в голове, а в сердце. Как раз мне на руку придутся.

– А ты что же, в губернаторы собрался? – удивилась Наташа.

– Почему бы нет? Пора двигаться наверх, не сидеть же всю жизнь в каком-то местном недопарламенте вместе с кучкой идиотов. Сама подумай – ну что это за уровень? А тут такая реклама! Никак нельзя было пропускать! Да ещё дармовая, не считая обеда и того ящика с вином.

– Я уже извинилась за вино! – сказала Наташа.

– Да ладно тебе, забудь! – ответил Лебединский. – Мост всё окупит.

– Какой мост?

– Который сапёры построили, чтобы смогла проехать вся эта спасательная дружина. Скоро мы с тобой его увидим. Любопытно будет посмотреть. Кстати, они вдобавок ещё и дорогу расширили.

– Причём тут мост, какая-то дорога?

– Не какая-то, а та самая, по которой мы с тобой сейчас едем. Если бы не мост, нам бы нипочём отсюда не выбраться.

– В этом, разумеется, огромная ценность моста! – съязвила Наташа.

– В этом, и не только. Он мне пригодится. Жаль, Володька раньше времени потерялся. Из-за этого всё пошло через пень-колоду, скомкано как-то вышло. Терпеть не могу всех этих импровизаций.

– Что ты имеешь в виду? Как это: «раньше времени»?

– Действительно хочешь это знать?

– Хочу, иначе не спрашивала бы. Рассказывай, раз начал.

– Ну ладно, – вздохнул Лебединский. – Только, чур – никому об этом не говорить! Ни одной живой душе!

– Знаешь же, что не скажу. Если бы хотела, давно бы уже про тебя такого порассказала!

– Ты поосторожней. Не надо играть с огнём.

– Да хватит тебе! Рассказывай, наконец, в чём там дело!

– Значит, вот как всё было: неделю назад звонит мне Володька и говорит: «я сейчас нахожусь в селе Матвейцеве», и подробно описывает это самое село, как до него добраться, где оно находится, в общем, всё, вплоть до географических координат. Если, мол, не вернусь через пару недель, ищите меня на противоположной стороне озера, мы уезжаем туда собирать гербарии. Вроде как сообщает мне об этом на всякий случай, из предосторожности. Вполне разумно, да?

Наташа не удостоила Михаила Сергеевича ни ответом, ни даже кивком головы.

– А ведь я в этом селе уже бывал, – продолжал Лебединский. – Ездил туда позапрошлой весной с мужиками на рыбалку. Ты знаешь, мне эта рыба – как кость в глотке, воняет от неё! Но бизнес – превыше всего: надо было утрясти кое-какие вопросы в неформальной, так сказать, обстановке. Ну вот, как только мне Володька позвонил, я сейчас же вспомнил про лодки. На всём озере их только три штуки. Мужик, который там живёт, сдаёт их в аренду рыбакам. Мы у него тоже, помню, брали и ночевали, кстати, у него на сеновале, хотя в то время в селе жило много народу. Словом, что я хочу сказать: без лодок на

дальний берег не перебраться. Володька обязательно должен был арендовать одну из них. Я и подумал: а что, если взять да и увести его лодку, спрятать где-нибудь до поры до времени. Тогда он никак не сможет вернуться назад, позвонит мне, я вызову подмогу, и вся история с его спасением закончится ко всеобщей выгоде и удовольствию за один день, включая интервью телевидению и наведение мостов. Улавливаешь мою мысль?

– Нет, – ответила Наташа.

– Господи! – воскликнул Михаил Сергеевич, расстраиваясь, что ему приходится растолковывать вслух столь очевидно взаимосвязанные факты. – Я нарочно подстроил так, чтобы Володька якобы пропал! Послал надёжных ребят. Они взяли с собой резиновую лодку с мотором и поехали на озеро. И всего-то нужно было проплыть вдоль дальнего берега, найти оставленную лодку, потихоньку отбуксировать её куда-нибудь, и дело в шляпе. Кто же мог знать, что этот болван – их профессор, вывихнет ногу! Да и мои ребята тоже хороши: нет бы привязать эту лодку где-нибудь подальше, с глаз долой. Так ведь нет, нужно было непременно притащить её к самому причалу! Мужик эту лодку, конечно же, нашёл, переполошился, попёрся на ту сторону озера, и вся каша заварилась ещё до того, как я успел подготовить тылы. А может, оно и к лучшему: не я оказался формальным инициатором поисков, так что почти не пришлось выкручивать руки и давать взятки.

– Ну и мерзавец же ты! – сказала Наташа. – Так подставить своего собственного сына! Хоть бы предупредил его!

– Толку-то! Он бы нипочём не согласился! Нету в нём понимания, хватки. Бесхитростная душа! Что бы такой тюфяк без меня делал, ума не приложу. И потом, я же говорю: ничего такого экстремального не планировалось. Даже теперь, ну что с ним может случиться? Найдут! Парни из МЧС всю землю носом перероют, вот увидишь.

– Хорошо, а зачем нужна была вся эта драма с арестом мужика? Он-то тебе чем не угодил? Тем, что вмешался в твои «гениальные» планы?

– Вот вы с Семёнычем заладили: зачем, да зачем?

– А всё-таки?

– Знаешь, может быть, я делаю ему одолжение.

– Странное одолжение.

– Ну, сама посуди: живёт человек в глуши, как медведь, а там, за этим лесом, – целый мир, которого он знать не знает, и знать не хочет. Должен же он иметь возможность посмотреть, как живут нормальные люди, верно? А то сидит тут и думает, будто ничего его не касается. В последнее время наш мир стал очень и очень тесным местом, от него нельзя так просто спрятаться, в какую глушь не залезь. Наивно надеяться. Мир всё равно до тебя дотянется и схватит за горло какой-нибудь своей клешней. Тогда поздно будет выяснять, как работает система. Лучше заранее понять, что человек в ней – статистическая единица, абстракция в широкой картине общественного устройства. Не умеешь приспособливаться – попадаешь в пассив, умеешь – в актив. А что мешает

приспособиться? – недостаток информации, вот что, главным образом – собственного опыта. Ты посмотри вокруг! Всё меняется, Наташа, всё меняется...

Наташа незаметно взглянула на Лебедянского. Она уже не однажды видела такое выражение на его лице и знала: он что-то просчитывает в уме, строит какие-то планы, но какие именно, догадаться было нельзя и спрашивать тоже было бесполезно. Возможно, и сам Михаил Сергеевич ещё не вполне определил их для себя. Некоторые поступки Лебедянский совершал инстинктивно, лишь позже осознавая их истинное значение. Эта почти сверхъестественная интуиция не раз служила ему добрую службу.

Пожав плечами, Наташа закрыла глаза. Тепло, растекавшееся по салону просторного автомобиля, начало проникать под высохшее одеяло. Мало-помалу она задремала, слегка кивая головой в такт раскачивавшейся машине. А Лебедянский всё смотрел вперёд, в темноту, молчал и думал о чём-то своём.

Глава 8

Дежурный разбудил Николая в половине восьмого утра.

– Вставай! – сказал он негромко. – Сейчас дневная смена придёт. Тебе с ними встречаться ни к чему.

Пока дежурный передавал дела, Николай ожидал его в холле, где с каждой минутой становилось всё более многолюдно. Освободившись от своих обязанностей, полицейский повёл его вверх по широкой лестнице с выщербленными ступенями. Они поднялись на второй этаж, где находился кабинет следователя Протасова.

– Вот он! – объявил дежурный, указывая на высокую двухстворчатую дверь с номером 35. – Ожидай возле этого кабинета, а мне пора. Ну, прощай!

Не предлагая руки для рукопожатия, дежурный повернулся и ушёл. Николай остался сидеть в длинном, узком коридоре, глядя на мрачные, обшарпанные стены, окрашенные в тёмно-зелёный цвет. С одной стороны прохода располагались двери, с другой стояли стулья для посетителей. Несмотря на ранний час, в коридоре наблюдалось сильное оживление. В кабинетах тоже кипела жизнь. Беспрестанно раздавались резкие телефонные звонки, скрипели и хлопали двери. Время от времени мимо Николая проносились какие-то люди, некоторые – с охалками бумаг, другие – с сотовыми телефонами в руках. Лишь кабинет номер 35 оставался пустым.

Никто не спрашивал у Николая, чего он здесь ждёт, никто не предлагал помощь или участие. Рядом с ним сидели другие посетители, ожидавшие приёма. Все они молчали: гнетущая атмосфера проходного двора не способствовала общению.

Чтобы как-то занять себя, Николай принялся рассматривать узор на вытертом линолеуме. Этого развлечения хватило ему ненадолго. Минуты тянулись невыносимо медленно. Вскоре ощущение времени совершенно оставило его. В коридоре не было ни одного окна. Лампы дневного света, висевшие под высоким потолком, освещали помещение равномерным, мерцающим светом.

Ничто не менялось в этом свете. Каждая секунда в точности походила на предыдущую, как будто время вытекло из коридора, оставив его навечно застывшим в холодных лучах электрических ламп.

Николай не имел ни малейшего представления о том, как долго он просидел возле закрытых дверей кабинета номер 35. Должно быть, он задремал, поскольку снова открыл глаза только после того, как услышал какие-то слова, громко произнесённые над самым его ухом.

– Что? – спросил он, пытаясь сбросить с себя остатки дремоты и собраться с мыслями.

– Я говорю, что вы здесь делаете?

Подняв глаза, Николай увидел Протасова. Следователь был одет всё в тот же костюм, что и накануне, только теперь пиджак выглядел ещё более мятым, а низ брюк был забрызган рыжей глиной. Лицо Александра Михайловича несло на себе нездоровый, сероватый оттенок, на бледных щеках синели крупные мешки подглазин.

– Вас жду, – ответил Николай.

– Я имею в виду: как вы здесь оказались?

– Вы же сами давеча велели меня привезти.

– Ничего подобного я не велел! – воскликнул следователь. – Эх, Евгений Семёнович, Евгений Семёнович! – добавил он вполголоса.

– Что? – опять спросил Николай.

– Давайте-ка лучше зайдём в кабинет, – предложил Протасов.

Николай поднялся и чуть не рухнул на пол. Затёкшие от долгого сидения ноги отказывались держать его.

– Что с вами? – озабоченно спросил следователь.

– Ничего, – пробормотал Николай. – Ноги немного затекли.

– Давно сидите?

– С утра.

– Как с утра? А вас хоть кормили, поили?

– Сегодня – нет, – признался Николай.

Протасов всплеснул руками:

– Безобразие! – воскликнул он, отпирая дверь. Войдя внутрь кабинета, он снял пиджак и небрежно бросил его на стул.

– Ладно, сейчас поставим чайник. В холодильнике должна быть колбаса. Словом, что-нибудь придумаем!

Александр Михайлович вышел из комнаты. Спустя несколько минут он вернулся с электрическим чайником, наполненным холодной водой. Поставив чайник кипятиться, Протасов вынул из маленького холодильника копчёную колбасу и целый батон хлеба, упакованный в полиэтиленовый пакет. Вооружившись складным ножом, он мигом наделал большую кучу бутербродов и аккуратно разложил их на белых листах бумаги, вытасненных из пачки, лежавшей рядом с небольшим офисным принтером.

– Ну, давайте пить чай! – пригласил он.

– А вы-то отказывались у меня чай пить, – чуть улыбнувшись, припомнил Николай.

– Профессиональная этика не позволяла, – серьёзно ответил Протасов. – Вы ведь, как-никак, тогда ещё были подозреваемым. Отдалённо подозреваемым, надо признаться, но всё-таки...

– А теперь что же? – спросил Николай, усаживаясь за стол рядом со следователем.

– Теперь сам факт преступления под вопросом, – ответил Александр Михайлович, разливая чай. – Да вы кушайте, не стесняйтесь. Вот сахар. Может, варенья?

Николай покачал головой, обдумывая последние слова Протасова.

– Так значит, ребят нашли? – спросил он.

– Нет, поиски всё ещё продолжают. Зато обнаружили пропавшие вещи. Вчера вечером мы летали на вертолёте на место преступления. Заброшенный скит, где оно якобы произошло, на карте не обозначен, точных координат, как выяснилось, никто не знает. Лётчикам пришлось несколько раз пролететь над местом, прежде чем мы заметили крышу среди деревьев. Ну вот, стало быть, приземляемся, подходим к дому. Под описание подходит точь-в-точь. Первым делом осмотрели постройку изнутри. Пыль кругом, паутина, как будто там уже лет сто никто не бывал. Потом стали искать колодец, в который провалился Кочетков. Тут, кстати, я хотел бы у вас кое-что уточнить.

Николай кивнул. В эту минуту его рот был занят энергичным пережёвыванием копчёной колбасы.

– Места там болотистые. Насколько я понимаю, грунтовые воды должны подходить к самой поверхности. Как же можно выкопать сухой колодец, чтобы его сразу же не залило водой?

– Дело действительно хитрое, – согласился Николай. – Сперва надо отыскать подходящее место. Есть такие глинистые участки: копнёшь – и тут же натыкаешься на водоупорный слой. Изредка можно найти целый пласт глины глубиной в несколько метров. Так вот, в нём-то как раз и нужно копать. А потом, когда колодец уже вырыт, делают специальную кладку из обтёсанных валунов, песка и цемента, укладывают камни вдоль всех стен и по полу. Получается такая крепкая, водонепроницаемая стена.

– То есть там, в принципе, может существовать сухой колодец? – уточнил следователь.

– Вполне, – подтвердил Николай.

– Не нашли мы никакого колодца, – сказал Протасов. – Не знаете, где он может быть?

– Не знаю. Я ведь там и бывал-то всего пару раз за всю жизнь, да и то давно, ещё до армии. Никаких колодцев не видел.

– И вот ещё что меня смущает: Кочетков утверждает, будто они втроём провели в окрестностях скита несколько дней. Если так, то там непременно должны были остаться следы их пребывания: кусочки бумаги, обёртки,

окурки, следы от костра. Люди всегда оставляют после себя много разного хлама, а тут – совершенно ничего. Такое чувство, что их там вообще не было. Самое же главное – по дороге назад пилот заметил на берегу озера украденные вещи, аккуратненько разложенные на траве, как будто нарочно, чтобы привлечь наше внимание. Вы их не видели, когда приезжали на лодке за профессором?

– Нет. Некогда было осматриваться, не до того.

– Понятно. А мы, разумеется, спустились, проверили. Всё оказалось на месте, за исключением двух дорогостоящих приборов. Причём эти приборы фигурируют только в списке пропавшего оборудования, который мне дали в университете. В списке Кочеткова их нет. И ещё одна интересная деталь: мы не нашли ни сумок, ни рюкзаков. В чём же они несли вещи?

– Как же, были рюкзаки! Я сам их в лодку переносил.

– Не могли бы вы их описать?

– У профессора был какой-то тёмный, не то чёрный, не то синий, – ответил Николай. – У девушки – яркий, кажется жёлтый, у парня – зелёный.

– Любопытно! А насколько они были тяжёлыми?

– Порядочно. У мужчин – не менее десяти килограммов, а то и все пятнадцать, или даже двадцать. У девушки был самый лёгкий.

– Предположим, ребята взяли свои рюкзаки с собой, когда уходили, но где же рюкзак профессора? Не хватает его рюкзака и двух приборов. Совпадение? Или Кочетков вообще не брал этих приборов, а в университете попросту хотят свалить на него их пропажу. Тоже возможно. Что тут прикажете думать?

Николай пожал плечами:

– Ребят бы найти, у них спросить, – ответил он.

– Хорошо бы, а то дела самого профессора начинают выглядеть весьма неважно. Создаётся впечатление, что он предоставил нам заведомо ложные факты, может быть, даже сам инсценировал кражу. Но зачем? И куда в действительности подевались студенты? А вдруг он каким-то образом причастен к их исчезновению? В таком случае вся эта история приняла бы куда более серьёзный оборот.

– Видели бы вы его тогда, на озере, – задумчиво сказал Николай, вспоминая потерянный, жалкий вид Сергея Сергеевича. – Ведь еле жив был, даже не в себе немного, заговаривался, словом, был похож скорее на жертву, чем на злодея. И нога у него болела не на шутку. Мне наш фельдшер так прямо и сказал: ещё денёк-другой, и остался бы совсем без ноги. Не появись я тогда – пропал бы человек. Как-то не верится, что он всё это нарочно подстроил.

– Внешность бывает обманчивой, – не согласился следователь. – А планы далеко не всегда сбываются так, как хотелось бы. Скажите, а вы точно не видели в те дни кого-нибудь чужого? Может быть, замечали чьи-нибудь следы, какой-нибудь шум?

– Нет, не видел. Только рыбаки были.

– Рыбаки отпадают. Я установил их личности. Помните, вы мне рассказывали про одного из них – Тимура Захаровича?

– Как не помнить!

– Это мне очень помогло. Имя, согласитесь, не очень распространённое. А после того, как вы описали его внешность, я сразу догадался, о ком идёт речь – это заместитель нашего областного прокурора. Сегодня утром мы беседовали по телефону. Он тоже не видел никого постороннего, только в последний день, уже по дороге домой, заметил в лесу, недалеко от Матвейцева, припаркованную машину, но не придавал этому особого значения. Подумал, грибники, хотя какие грибы могут быть в июне! Марку и цвет автомобиля, к сожалению, не запомнил. Кстати, он за вас буквально ручается головой, говорит, что много раз оставлял у вас деньги, документы, ружья, разные ценные вещи и никогда в жизни ничего не пропадало.

Николай пожал плечами, а следователь продолжал:

– Сдаётся мне, Кочетков действовал не один. Помимо студентов был кто-то четвёртый. И вот почему: из-за вашей лодки.

– Из-за какой лодки?

– Из-за той, которую вы обнаружили, когда вернулись из Центральной усадьбы. Вы же сами мне вчера про неё рассказывали: как оставили её на противоположном берегу озера, а потом заметили возле вашего причала.

– Ах, эта! – вспомнил Николай. – Так её, наверно, ветром принесло.

– Маловероятно. Я послал запрос в гидрометцентр и получил подробные сведения о погоде за последнюю неделю. Действительно, накануне происшествия почти целые сутки дул сильный ветер, даже очень сильный, но с юга, а не с севера. Он прибил бы лодку к дальнему берегу. Сама по себе она не приплыла бы против ветра, но если у Кочеткова был сообщник, он мог переправиться на ней через озеро и бросить у пристани. В тот день вас не было дома, поэтому вы его не видели.

Николай не спеша отпил глоток сладкого чая из фарфоровой чашки. Ему тоже было непонятно, каким образом эта лодка оказалась возле причала. Впрочем, как уже упоминалось, будучи коренным жителем Матвейцева, он не слишком удивлялся мелким загадкам и таинственным происшествиям, случавшимся в окрестностях села. Происходили они, чаще всего неожиданно, однако мало влияли на привычный ход его жизни. Более того, они сами были неотъемлемой частью жизни и потому не казались ему чем-то необыкновенным. К сожалению или к счастью, Николай не мог объяснить следователю эту удивительную особенность своего мировоззрения.

– Как хотите, а всё-таки там непременно должен был участвовать по крайней мере ещё один человек. Но какова его роль, каким образом он связан с Кочетковым и, вообще, каков смысл всех этих происшествий, я, убей бог, не понимаю! – закончил свою мысль следователь, допивая вторую чашку чая и откидываясь на спинку стула.

Николай, успевший к тому времени выпить целых три чашки, вытер ладонью пот, выступивший у него на лбу, и сказал, как будто ненароком:

– Может быть, всё дело в золоте?

– В каком золоте? – оживился Протасов.

Николаю пришлось рассказать легенду о сокровищах, спрятанных монахами на болоте. Следователь слушал, задумчиво вращая в руках тонкую шариковую ручку. Когда Николай окончил своё повествование, он некоторое время молчал, размышляя, потом достал из портфеля толстую папку, покопался в ней и извлёк желтоватый листок.

– Теперь мне становится ясным значение этого документа, – сказал он и начал читать: «Данный полевой прибор может использоваться для проведения подземной разведки металлических и неметаллических трубопроводов, поиска пустот, водяных жил, захоронений...» Это, к вашему сведению, не что иное, как описание прибора, пропавшего из университета, и вообще – пропавшего. Нам так и не удалось его найти, так же, как и рюкзака профессора. Подозрительно, не правда ли?

Николай нерешительно хмыкнул, а Протасов продолжал сосредоточенно:

– И всё-таки что-то здесь не сходится. Ладно Кочетков, фигура, насколько я понимаю, довольно тёмная. Представьте себе, много лет работает в университете, и никто из его коллег не может его как следует описать. Не внешне, разумеется. Я имею в виду характер, увлечения, личную жизнь, в общем, всё, что не связано со служебной деятельностью. Гораздо больше меня смущают ребята. Например, я не думаю, что сын Лебедянского до такой степени нуждается в деньгах, чтобы втягиваться в сомнительные авантюры. Вы знаете, сколько стоит его машина?

– Нет, – ответил Николай, плохо разбирающийся в современных автомобилях.

– Следовало бы поинтересоваться, прежде чем принимать на хранение, – серьёзно заметил Протасов. – А девушка! Я разговаривал с её мамой: очень порядочная, интеллигентная женщина. Конечно, и у приличных родителей бывают дочери-авантюристки, но тут явно не тот случай. В университете её охарактеризовали с самой положительной стороны. Какое у вас сложилось впечатление о студентах?

– Девушка хорошая, простая. Она мне очень понравилась. А парень... Парень, по-моему, самый обыкновенный. Я ведь с ними почти не разговаривал.

– Не знаю, что может связывать Кочеткова с этой парой. Кстати, они – пара? Как вам показалось?

– Нет! – с уверенностью сказал Николай. – Не похоже.

– Ещё более странно, – вздохнул Протасов. – Нехорошее у меня предчувствие. А что если их совсем не найдут?

– Типун вам на язык! – поспешно воскликнул Николай, но вспомнив, где находится и с кем разговаривает, тут же осёкся: – Извините!

Следователь прищурил глаза в редкой улыбке.

– Ладно, – сказал он. – Время позднее. Что же мне с вами делать? Хорошо ещё, что на работу зашёл, а то ведь хотел прямо домой проехать. Три дня дома

не бывал. Всю прошлую ночь занимался описью и фотосъёмкой найденных вещей, пока вертолёт нас с утра не забрал. Признаться, устал, как собака. И пришёл-то сюда только для того, чтобы забрать кое-какие бумаги, а тут вы сидите. Так и просидели бы до завтра, ведь вас отсюда, из здания, без пропуска не выпустят. Вот что: отправляйтесь-ка назад, к себе, в Матвейцево. У вас деньги на дорогу есть?

– Нет, – смутившись, ответил Николай.

– Значит, раз мы вас сюда привезли, нам вас и обратно отвозить, – сказал Протасов, поднимаясь из-за стола. – Чего это вы за свой счёт добираться станете? Пойдёмте!

Они вышли в коридор, миновали его и оказались перед неприметной железной дверью. Александр Михайлович отпер её ключом. За дверью обнаружилась узкая боковая лестница. Они спустились по ней в подвал, где располагался гараж. Пройдя сквозь три ряда автомобилей, Протасов подвёл Николая к двери, украшенной крупной табличкой с надписью: «Начальник транспортного отдела». Следователь вошёл внутрь, Николай последовал за ним.

Начальник оказался полным человеком с маленькими глазками, маленьким носиком и тонкими губами. Увидев Протасова, он расплылся в улыбке, с неожиданной лёгкостью вскочил со стула и вышел в центр комнаты, чтобы первым протянуть руку для рукопожатия. Николай остался стоять в дверях. Александр Михайлович негромко заговорил о чём-то. Начальник гаража внимательно выслушал его и энергично кивнул.

– Ну вот, всё устроилось, – сказал Протасов Николаю. – Здесь проследят, чтобы вас доставили поближе к дому. До самого Матвейцева, конечно, не довезут, но до Центральной усадьбы – обязательно. О деталях уж сами договоритесь, а я побегу домой, – жена ждёт. До свиданья! И, пожалуйста, не обижайтесь, что мы напрасно привезли вас сюда! Вы мне сегодня действительно очень помогли!

Не подав руки, Александр Михайлович вышел за дверь. Николай остался стоять на пороге кабинета. Начальник вернулся к себе за стол, водрузил на нос очки и посмотрел на Николая с выражением плохо скрытого высокомерия, неприятно исказившего его круглое, обрюзгшее лицо.

– Ну, чего стоишь? – спросил он Николая надтреснутым, хрипловатым голосом. – Иди сюда!

Николай подошёл ближе. Начальник стал разгребать бумаги, толстым слоем покрывавшие всю поверхность стола. Откопав какой-то график, он принялся изучать его, как будто бы совершенно позабыв о существовании стоявшего перед ним посетителя. Оторвавшись, наконец, от бумаг, он строго произнёс:

– Сегодня у нас четверг. Машина в Абакумовку пойдёт во вторник. Значит, будь здесь во вторник, часиков в восемь утра. Понятно?

– Понятно, – ответил Николай. – А до вторника куда же мне деваться?

– Какое мне дело? – нетерпеливо спросил начальник. – У меня тут не санаторий. Александр Михайлович просил подвезти тебя до Абакумовки, больше я ничего не знаю. Приходи во вторник.

Николай пожал плечами. По всей видимости, спорить было бесполезно.

– Чего ждёшь-то? – в голосе начальника стали слышны визгливые нотки. – Иди!

– Разве меня выпустят без пропуска? – спросил Николай.

– Через гараж иди! Выпустят. За дверью – налево. Ну, давай, давай!

Не прощаясь, Николай вышел из кабинета, повернул налево и долго плутал по скудно освещённым закоулкам гаража, пока какой-то человек в промасленной куртке не подсказал ему, где находится выход.

Оказавшись во дворе, он с удивлением обнаружил, что настал вечер. В узкой щели между крышами соседних домов, отведённой для неба, были видны серые облака. Николай по привычке понюхал воздух, чтобы определить, будет ли дождь, и не смог. Воздух был полон непривычных ему запахов, перебивавших друг друга. Особенно выделялся едкий аромат выхлопных газов, смешанный с чем-то приторно-сладким. Николай вздохнул, надел ватник, который держал в руке, и, миновав темноватую подворотню, вышел на улицу.

Глава 9

Город поразил Николая. В последний раз ему приходилось бывать в областном центре в середине девяностых, проездом, по дороге домой, когда он возвращался со службы в армии. Многие изменилось с тех пор. Исчезли уличные торговцы вместе со своим немудрёным товаром. Пропали безобразные нищие. Нигде не было видно неопрятных киосков с узенькими оконцами, скрывавшимися за стальными решётками. Растрескавшиеся, облупленные фасады домов были отремонтированы и покрашены. Каменная плитка сменила дырявый асфальт тротуаров. Улицы, докуда только дотягивался взгляд, были затоплены реками автомобилей. С грохотом проносились мимо новенькие троллейбусы, обдавая прохожих волнами тёплого воздуха. Всё говорило, гремело, звенело, шипело, стучало и рычало вокруг. В глазах рябило от разноцветных машин, рекламных вывесок, светящихся табло и людей, людей, людей полубежавших мимо нескончаемой, спешащей процессией. Куда текли эти автомобильные реки? Куда впадали ручьи из человеческих тел? Что за неведомая сила приводила их в движение, синхронизировала шаги, определяла направления?

Николай стоял в воротах, выходивших на улицу, смотрел вокруг и не решался сделать следующий шаг. У него возник иррациональный страх, что если сейчас он шагнёт на тротуар, то сразу же растворится в общем потоке, потеряет собственную волю и вместе со всеми будет увлечён к какой-то неведомой цели, где от него потребуют делать то же самое, что делают все остальные люди, стремящиеся туда. А ведь он, скорее всего, не умеет этого делать. Чувство одиночества больно укололо Николая. Он представил самого

себя, стоящего в подворотне. В его голове возник образ человека без лица, без имени, без малейших признаков индивидуальности.

«Что за чертовщина лезет в голову!» – подумал Николай и ступил на камни тротуара. Идти было некуда, поэтому он просто пошёл вперёд, без всякой цели. Люди спешили по своим делам. Никто не смотрел ему в лицо, ни один любопытный взгляд не устремлялся в его сторону, но как-то само собой выходило, что прохожие избегали столкновения с ним, как будто Николая окружало невидимое силовое поле. Постепенно он тоже приспособился к общему ритму, перестал то и дело останавливаться из-за опасения налететь на кого-нибудь спереди или сзади. Секрет заключался в плавной смене скорости ходьбы. Здесь нельзя было идти в каком-нибудь одном темпе. Нужно было соизмерять собственную скорость с постоянно менявшимся расположением людей и, кроме того, учитывать многочисленные неодушевлённые предметы, встречавшиеся на пути. Прогулка в час пик по одной из центральных улиц города была похожа на причудливый менуэт, все участники которого двигались в полном согласии, несмотря на отсутствие танцмейстера.

Освоив простейшие навыки передвижения, Николай рискнул отвлечься от управления собственными ногами, занимавшими всё его внимание на протяжении целого получаса. Он поднял глаза и присмотрелся к улице, по которой шёл. В ней не было ничего особенного, кроме того, что она казалась до отказа наполненной чуждыми ему вещами. На что бы ни падал его взгляд, всё было чужим, вырванным из контекста его собственного существования: окна многочисленных квартир и офисов, принадлежавших незнакомым людям, чьи жизни катились по отдельным траекториям, никак не соприкасавшимся с миром Николая; вывески магазинов, предлагавших товары, которые ему не суждено было купить; даже серые бордюрные камни под ногами выглядели, как орнамент для чьей-то чужой жизни, в которой они занимали вполне определённое место и имели какое-то значение.

Странное дело: когда речь заходила о родине, Николай всегда представлял себе Россию примерно так, как её изображают на географических картах. Почему же он ощущал себя таким чужим здесь, совсем недалеко от дома, не на Камчатке, не в уссурийской тайге, а в собственном областном центре? Что отличало его от других людей, с лёгкостью принимавших звание граждан мира, вечно переезжавших с места на место в поисках лучшей доли или просто более обеспеченного существования? Почему круг его жизни, имевший центром старый дедовский дом в Матвейцеве, не простирался далее Центральной усадьбы? Николай не мог ответить на эти вопросы, да и не искал ответов на них. Абстрактные рассуждения такого рода редко приводят к конкретным выводам, поэтому он относился к ним как к пустой трате времени. Если бы кто-нибудь объяснил ему происхождение тягостного чувства бесприютности, охватившего его, оно всё равно не исчезло бы. Единственным верным способом избавиться от него, было поскорее вернуться домой. Но и тут он ничем не мог помочь самому себе. Оставалось только ждать.

Погуляв некоторое время, Николай свернул в небольшой запущенный скверик, выходящий на улицу одним из своих углов. Внутренняя часть скверика пряталась от взглядов прохожих за буйно разросшимися кустами сирени. Под сенью кустов стояли скамейки, выкрашенные в некогда праздничный жёлтый цвет, поблекший от времени. Почти все скамейки были заняты, пустовала лишь одна из них, расположенная в самом отдалённом, тенистом углу. Николай присел на неё, чтобы отдышаться.

«Что это со мной? – подумал он. – И прошёлся-то всего ничего, а дух совсем перехватило!».

Он не ощущал опасности. Насколько он мог судить, город и его обитатели не таили какой-нибудь скрытой угрозы. И всё же плечи его были приподняты, как будто он ожидал удара или опасался неминуемого нападения. Его дыхание сделалось мелким и прерывистым, живот напрягся, ладони покрылись холодным потом. Он чувствовал, как всё его тело, сжатое в комок, пытается реагировать на неведомо откуда поступающие, смутные сигналы тревоги.

Николай опустил плечи, расслабил живот, сделал несколько глубоких вдохов. Откуда взялось это необъяснимое чувство? Он осмотрелся вокруг. В сквере царила тишина. Скамейки были заняты отнюдь не агрессивной публикой. Здесь сидели в основном молодые женщины с колясками, а также несколько старушек, жарко споривших о чём-то, и парочка молодых людей, не отрывавших глаз от экранов телефонов. Нет, беспокойство было явно подхвачено где-то на улице.

Как бы то ни было, нервное напряжение требовало разрядки. Николаю не сиделось на месте, ему нужно было двигаться, делать что-нибудь, идти куда-нибудь. Он принял решение держаться подальше от наиболее оживлённых городских артерий, встал и углубился во дворы. Но и здесь он чувствовал себя совсем не так спокойно, как ожидал: дорогу то и дело преграждали железные ограды, запертые ворота, кое-где – шлагбаумы, автоматические или находившиеся под присмотром сонных охранников. Внутренняя часть города напоминала лабиринт. Большинство дворов были непроходимыми. Побродив по территории какого-нибудь двора и не обнаружив выхода, Николаю приходилось возвращаться, искать другую дорогу, наткнуться на вездесущие заборы и вновь поворачивать назад. Все подъезды были заперты. Николай, начинавший подумывать о поисках убежища на ночь, был разочарован.

Дороги, газоны и даже детские площадки во дворах были до отказа заставлены разноцветными рядами автомобилей. В остальном дворы выглядели необитаемыми. Лишь изредка в них можно было увидеть людей, беседовавших или копавшихся в крошечных клумбах, устроенных под окнами первых этажей. При появлении Николая они оставляли свои дела, прекращали разговоры и молча смотрели на него, как будто ожидая чего-то скверного. От этих взглядов ему становилось ужасно неловко. Намыкавшись вдоволь, он поспешил поскорее покинуть негостеприимные дворы.

Деваться было некуда: он снова вышел на улицу и медленно побрёл по ней, уже не замечая ни домов, ни вывесок, ни людей. На него неожиданно навалилась страшная усталость. Он боялся даже представить себе невероятный отрезок времени, отделявший его от вторника. Разумеется, можно было бы пойти домой пешком, но удастся ли ему преодолеть двести с лишним километров без еды, воды и денег?

Проходя мимо низенькой арки, соединявшей улицу с одним из дворов, Николай заметил внутри несколько ветхих построек, каким-то чудом уцелевших от парового катка благоустройства, прокатившегося по центру города. Возле сараев, каковыми, судя по всему, и являлись постройки, росли могучие тополя толщиной более двух обхватов, высоко поднимавшие свои кроны над крышами старинных четырёхэтажных домов.

Николай свернул во двор, показавшийся ему уютным, несмотря на запущенность, особенно бросающуюся в глаза после только что покинутой им ярко освещённой улицы. Продавленный, изношенный асфальт, сохранившийся внутри двора, пестрил дырами и трещинами, напоминая лунный ландшафт, представленный в миниатюре. Высокий бурьян, произраставший вдоль разбитых дорожек, доходил ему до пояса. Даже непрменные атрибуты всякого двора – мусорные баки, были здесь какими-то необыкновенно мятыми и как-то уж очень неровно стояли на выщербленной бетонной площадке, окружённой остатками полурассыпавшихся кирпичных стен. Людей во дворе не было.

Николай легко вскарабкался на крышу одного из сараев. Ветви тополей как будто нарочно росли таким образом, чтобы облегчить ему эту задачу. Забравшись наверх, он оказался в полумраке. Огромные, развесистые кроны деревьев скрывали большую часть неба. Не видно было и окон домов. Крыша сарая оказалась плоской, покатой в одну сторону и довольно мягкой. Старый, обветренный рубероид слегка пружинил под ногами. Николай снял с себя ватник, расстелил его, лёг сверху и закрыл глаза.

Глава 10

Его разбудил оглушительный грохот. Что-то рычало, гремело, потом громко бухалось со звуком пустой железной бочки, сброшенной с обрыва и ударявшейся о скалы. Николай вскочил. Крыша прогнулась и закачалась, угрожая провалиться под его ногами. Он медленно опустился на колени и прилёг на ватник, недоумевая, откуда мог происходить столь оглушительный шум, безжалостно нарушивший убаюкивающую тишину спокойного двора. Тут он обратил внимание, что на улице стало совсем светло. Сам того не заметив, Николай проспал весь вечер, всю ночь, всё утро и добрую часть дня. Судя по солнцу, висевшему прямо над головой, было около двенадцати часов пополудни.

Грохот стих также неожиданно, как и начался. Взревел мотор. Машина проехала по периметру двора, прогремела под аркой и исчезла на улице.

Ещё несколько секунд можно было слышать удалявшийся грохот, постепенно смешавшийся со спокойным шелестом листвы. Вверху, на свободе, дул ветер. Вершины тополей купались в его невидимых волнах.

Торопиться было некуда, можно было лежать хоть целый день, дремать или смотреть на небо. Много раз за последние месяцы, устав от бесконечной, однообразной работы в поле или по дому, Николай мечтал об отдыхе. И вот теперь, предавшись ему, обнаружил, что совсем не находит удовольствия в вынужденной праздности. Мало того, с каждой минутой она всё более тяжким бременем ложилась на его от природы деятельную натуру. Он поворочался с боку на бок, потерял подаренную Мариной ладанку, висевшую у него на груди, под рубашкой, а когда и это не помогло – сел, потом поднялся, постоял, осторожно переминаясь с ноги на ногу. Ему ужасно хотелось пить. Это послужило хорошим предлогом для того, чтобы спуститься с крыши.

За ночь двор ничуть не изменился, лишь пустые мусорные баки на колёсиках вместо того, чтобы стоять неровным строем, валялись прямо на дороге. Николай покачал головой, один за другим поднял баки, расставил их по местам, критически осмотрел результаты своего труда и только после этого вышел на улицу.

Несмотря на разгар рабочего дня, улица показалась ему ничуть не менее оживлённой, чем накануне. Николай повернул налево и медленно побрёл по тротуару. Нигде не было видно ни фонтанчика, ни реки, ни пруда. Городская пустыня, уже порядочно накалённая солнцем, была начисто лишена доступных ему источников воды.

Пройдя по длинному бульвару, Николай вышел на большую, просторную площадь. Справа от него, подпирая золотыми куполами белые облака, возвышался великолепно отреставрированный православный храм. Слева, в отдалении, громоздилась кубическая россыпь серых зданий, крайне невыразительных по сравнению с яркими стенами собора, богато украшенными мозаикой и позолотой. Несколько больших фонтанов, расположенных в центре площади, радостно подбрасывали в воздух струйки сверкающей воды.

Николай вздохнул с облегчением. В этот час он, конечно же, не решился подойти к фонтанам: вокруг них толпилось множество людей, в основном – молодёжи. Некоторые сидели на бортиках и ели мороженое, другие читали книги, третьи, разувшись, босыми ногами забирались в воду, доходившую им до колен.

«Приду ночью, – подумал Николай, – тогда и напьюсь. Вот бы раздобыть где-нибудь небольшую бутылку!»

Он был рад, что ему не придётся просить воду у незнакомых людей. Уж лучше и дальше оставаться невидимым в толпе, не привлекать к себе лишнего внимания. Теперь он был избавлен от напрасных мук жажды, нужно было лишь дожидаться ночи. В приподнятом настроении он опять пустился

бродить по городу, выбирая дорогу наугад и нигде не останавливаясь. Его ступни горели от долгой ходьбы по твёрдому асфальту, губы запеклись от жажды, но хорошее настроение не покидало его, упрямо цепляясь за простую мысль: вскоре закончится ещё один день, и он на целые сутки приблизится к дому.

Уже вечерело, когда Николай оказался возле большого, помпезного здания с зелёной крышей, стоявшего на противоположной стороне улицы. Вдоль всего тротуара, по которому он шёл, тянулся низкий бетонный парапет, представлявший собой что-то вроде длинной скамейки, крытой деревянными дощечками. Сразу же за парапетом круто уходила вверх земляная насыпь, зеленевшая аккуратно подстриженной травой.

Николай выбрал свободный участок скамейки, подальше от людей, и уселся на горячие доски, с удовольствием вытянув вперёд свои усталые ноги. Здание с зелёной крышей сразу же властно потребовало его внимания. Трудно было удержаться и не смотреть на него. Взгляд сам собой притягивался к большой светящейся вывеске: «Святой Иероним». Внизу имелась надпись поменьше: «Отель». Ещё ниже ярко блестели на солнце пять маленьких красных звёздочек.

Здание совсем не понравилось Николаю. Во всём его массивном облике читалось что-то нескромное. Оно как будто нарочно задавалось перед окрестными домами – неприметными пятиэтажками типовой советской застройки. Отель был больше, ярче, затейливей и нахальней всех своих соседей, казавшихся кучкой бедных родственников на именинах у генерала наполеоновской эпохи, спустившегося в зал облачённым в полную парадную форму. Вместе с тем в его очертаниях прятался какой-то неуловимый изъян, безнадежно подрывавший претензии на красоту и величественность. То ли архитекторы, в погоне за броской вычурностью слишком сильно пожертвовали симметрией, то ли не были приняты во внимание очертания соседних крыш, невыгодно оттенявших своим цветом или формой те или иные контуры отеля. Так или иначе все сходились во мнении, что в облике здания имеется некий дефект, и сама неясность его природы вызывала невольное раздражение даже у людей, совершенно не разбиравшихся в архитектуре.

Отчаявшись понять, что именно не так со зданием «Святого Иеронима», Николай стал наблюдать за прохожими. В конце концов, его внимание остановилось на девушке с короткими зелёными волосами, показавшейся из дверей отеля. Она направлялась прямо в его сторону, широко, уверенно ступая длинными ногами, обутыми в нелепые квадратные туфли на высокой платформе. Однако что же это были за ноги! В эту минуту Николай готов был поклясться, и не покривил бы при этом душой, что никогда в жизни ему не приходилось видеть столь безукоризненно прекрасных женских ног, также, впрочем, как и зелёных волос.

Девушка была одета в миниатюрную кожаную юбочку и короткую футболку с надписью «Eat me!»¹. И то и другое превосходно подчёркивало её великолепную фигуру. Она продолжала беспечно шагать вперёд, размахивая маленькой белой сумочкой на длинном ремешке. Поравнявшись с Николаем, девушка заметила его восхищённый взгляд, улыбнулась, и вдруг неожиданно села рядом с ним, положив сумочку себе на колени. Ошарашенный Николай подался в сторону, сильно смутившись и покраснев до корней волос.

– Не бойся, не укушу! – сказала девушка. – Что смотришь? Нравлюсь?

– Я... – только и сумел выговорить поражённый Николай.

– Ладно, смотри, – разрешила девушка. – Я за это денег не беру. Откуда ты такой взялся? Не жарко в фуфайке? – она указала длинным, ухоженным пальцем на сложенный ватник, лежавший на коленях у Николая.

– Нет, – выдавил Николай и неопределённо покачал головой.

– Вот врать-то! Посмотри, какая жарница! У самого вся рубашка на спине промокла.

– Ночью холодно, – промямлил Николай.

– А ты до ночи тут собираешься сидеть?

– Надеюсь, что нет.

– Как это? Ждёшь кого-нибудь?

– Что-то вроде того. Время выжидаю.

– И долго ждать?

– Четыре дня.

– А потом?

– Потом поеду домой.

– Я думала, у тебя и дома-то никакого нет, уж больно ты на бродягу похож. Кто ещё будет шататься по улицам в кирзовых сапогах и рубашке а-ля хиппи? Я такие огромные воротники только в кино видела. В семидесятых годах, наверно, покупал?

– Может, и в семидесятых. Её мой отец носил.

– А ты зачем напялил? Она же тебе мала!

– Для телевидения.

– Станный ты тип, – сказала девушка, глядя на него с некоторым интересом. – Не обижаешься на меня. Ведь не обижаешься?

– Нет.

– Почему?

– А разве вы хотите меня обидеть?

– Нет, пожалуй, не хочу, – подумав, ответила девушка. – Так просто, дразнюсь от скуки. Сегодня у меня неудачный день.

– У меня тоже, – ответил Николай.

¹ «Eat me!» (англ.) – буквально «Съешь меня!», двусмысленное словосочетание, служащее для выражения злости или отвращения, а также имеющее другие значения в неформальном английском языке. (Прим. автора).

– Ну, по тебе видно, – не утерпев, опять нагрубил девушку, хитро подмигнув Николаю. Глядя на его потерянный вид, она не удержалась и громко расхохоталась на всю улицу. Стоявшая поблизости строгая дама, беседовавшая с высоким мужчиной в очках, обернулась на громкий смех и наградила девушку неодобрительным взглядом. Девушка не осталась в долгу. Она состроила даме гримасу и показала язык. От такого неожиданного отпора у дамы приоткрылся рот, нижняя губа задрожала, руки согнулись в локтях. Она уже была готова ринуться в схватку с обидчицей, но мужчина в очках вовремя подхватил её под руку и весьма деликатно вытеснил с поля несостоявшегося сражения. Девушка с зелёными волосами, хладнокровно ожидавшая конфронтации, разочарованно повернулась к Николаю:

– Говорю же: чертовски неудачный день! Даже поругаться с кем-нибудь не выходит! Хочешь шоколадку? – предложила она, вынимая из сумочки большую непечатую плитку в ярко-красной упаковке.

При виде шоколада у Николая потекли слюнки, но он всё равно отрицательно покачал головой. Не обращая внимания на его отказ, девушка разломил шоколадку и отдала ему большую часть.

– Мне много шоколада вредно, – объяснила она.

Несколько минут они молча жевали, думая каждый о своём, затем девушка спросила:

– Так что ты там говорил про телевидение?

– Долгая история, – ответил Николай, борясь с желанием облизнуть указательный палец, к которому прилип растаявший кусочек шоколада.

– А ты куда-нибудь торопишься? – спросила она.

– Нет, – признался Николай.

– И я никуда. Вся ночь впереди, успею ещё наторчаться в этом проклятом отеле.

– Вы здесь работаете?

– Можно и так сказать. Ну, давай, рассказывай!

После шоколада у Николая ещё больше прежнего пересохло в горле. Говорить было неприятно: сухой язык с трудом ворочался во рту. Тем не менее он не осмеливался перечить бойкой девушке, и совсем не из страха вызвать её гнев, который не мог бы ему повредить. В её присутствии он испытывал смесь восторга и непонятной печали, поэтому ему очень не хотелось её разочаровывать.

Собравшись с мыслями, он начал рассказ о событиях последней недели, стараясь говорить медленно, чтобы не забыть о каких-нибудь деталях, необходимых для связности повествования. Впрочем, это не очень помогало, потому что девушка постоянно перебивала его, переспрашивала, требовала подробностей, уточняла, словом, очень живо интересовалась рассказом. Особенный интерес вызвал у неё Володя Лебединский.

– Это ведь сын того самого, как его там, богатея-то? – спросила она.

– Да, кажется, – ответил Николай.

– Точно! Я слышала про эту историю! Кто-то вчера говорил, или по телеку видела, не помню. А каков он из себя?

– Высокого роста, чуть-чуть пониже меня, молодой, русые волосы...

– Вот бы познакомиться! – воскликнула девушка, вскакивая со скамейки. – Он тебе свой телефонный номер не оставлял?

– Нет.

– Блин! – выругалась девушка и снова села рядом с Николаем. – Да рассказывай же ты! – велела она.

Кое-как, без конца прерываемый своей новой знакомой Николай окончил рассказ.

– Так, значит, тебе тут до вторника куковать? – спросила она.

– До вторника.

– И пойти некуда?

– Некуда.

– И денег нет?

– Нет.

– И совсем никого знакомых в городе?

Николай хотел было ответить «никого», как вдруг на ум ему пришла одна мысль:

– У меня есть номер телефона мамы той девушки, про которую я рассказывал, Ирины, – сказал он, вынимая из кармана рубашки забытую им визитку.

– Так позвони ей! Вот балда!

– Неудобно! – запротестовал Николай.

– Глупости! – не согласилась девушка. – Что она, сильно злая?

– Кто?

– Ну, эта, мама.

– Совсем она не злая. По-моему, очень хорошая женщина.

– Раз очень хорошая, значит, точно даст денег! – уверила его девушка.

– Да не хочу я брать у неё деньги.

– Гордый что ли?

– Не гордый, просто не хочу.

– Рассказывай! Вот я сейчас предложу тебе тысячу рублей, просто так.

Не возьмёшь?

– Не возьму.

– Отдавать не нужно будет.

– Тем более не возьму.

– Терпеть не могу таких людей! – заявила девушка. – Думаешь, ты лучше меня?

– Совсем я так не думаю! – опешил Николай.

– А я бы взяла, – сказала девушка.

Николай лишь развёл руками, не зная, что возразить.

– Хватит ломаться! Сам по себе ты никогда домой не попадёшь – это факт. Так какая разница, кто тебе поможет? Я бы сама дала тебе денег на дорогу, только сейчас у меня за душой ни гроша. Вчера надо было спрашивать.

– Так я же не спрашиваю.

– Да знаю я всё про тебя! Думаешь, ты мне первый такой попадаешься? Сперва будешь рассказывать, что лучше сдохнешь в канаве от голода, чем пойдёшь просить денег, а потом, как по-настоящему припечёт, прибежишь как миленький. Противно от этого вашего лицемерия, честное слово!

– Видно, не припекло ещё пока, – улыбнулся Николай. Девушка только махнула рукой, не удостоив его ответом.

– Дай-ка мне визитку посмотреть, – попросила она. Взяв карточку, она повертела её в руках, потом вынула из своей, по-видимому, бездонной сумочки огромный телефон, больше похожий на планшетный компьютер, и начала набирать номер.

– Не нужно этого! – запротестовал Николай, но собеседница остановила его властным движением руки.

– Алло! – прокричала она в микрофон. – Мне бы Марию Александровну! Это вы? Тут рядом со мной сидит ваш знакомый из деревни, здоровенный такой бугай, с чёрной бородой, в кирзовых сапогах, голубой рубашке с мегаворотником и ватнике. Что? Какие шутки! Я его только что нашла. Наотрез отказывался вам звонить. Где нашла? Сидел на скамейке напротив «Святого Иеронима».

Девушка некоторое время слушала, потом повернулась к Николаю и спросила:

– Тебя Николаем зовут?

Тот обречённо кивнул, смирившись с неотвратимостью судьбы, пославшей ему эту неугомонную особу. Ах, как хотелось ему сейчас домой! Проснулась, заворчалась в груди тоска по Матвейцеву, разбуженная робкой надеждой. Поплыли перед глазами верхушки елей, как их бывало видно с крыши его дома в погожий летний день. Тут он вспомнил про скотину, оставленную без привязи на лугу, и тоска сменилась противным, зудящим беспокойством.

– Слышишь, чего говорю-то? – сказала девушка, толкнув его плечом. Николай выпал из задумчивости и предпринял безуспешную попытку припомнить её последние слова.

– Что? – спросил он.

– Сейчас за тобой придёт Мария Александровна. Оказывается, она живёт где-то тут, поблизости. Велела мне за тобой присматривать, чтобы ты не сбежал. Я пообещала, так что сиди смирно.

– Сижу, – смирно сказал Николай.

– Слушай, пока она не пришла, давай договоримся! Я тебе помогла, так? Николай кивнул.

– Ну вот, – продолжала она, – а ты мне помоги. Когда сынок Лебедянского объявится, спроси его номер телефона, а потом пошли мне СМС-кой или ещё как-нибудь. Я тебе свой номерок на обратной стороне визитки написала. Видишь? – она показала ему ряд цифр, начертанных уверенным, красивым почерком на обороте карточки Марии Александровны.

– А на что вам его телефон?

– Как на что? Замуж за него пойду.

– Как же? А вдруг он не захочет на вас жениться?

– Куда он денется? Умолять будет. Так, значит, договорились?

– Я не могу, – ответил Николай.

– Ну, теперь-то что? Опять сантименты, или что там у тебя, этика?

– Не в этом дело. У меня нет телефона.

– И сотового нет?

– Никакого.

– Попроси у кого-нибудь в своей деревне!

– Там кроме меня больше никого нет.

– Как же ты там один-то живёшь?

Николай пожал плечами, не совсем поняв, к какому ракурсу его бытия относится данный вопрос.

– А обычное письмо почтой послать сможешь?

– Да, только не сразу, а через месяц или два.

– Годится! – обрадовалась девушка. – Смотри, не обмани! Я тебе сейчас адрес напишу!

Она принялась писать, аккуратно выводя крошечные буквы на кусточке картона, теперь уже густо исписанного с обеих сторон.

– Рафаэлла... – задумчиво сказал Николай, прочитав адрес.

– И что? – воинственно спросила девушка.

– Красивое имя.

– Эта мамаша учудила, назвала меня в честь какой-то итальянской певицы. Можешь звать меня просто Раффа.

– Очень приятно. А я – Николай.

– Вообще-то представляться принято в начале знакомства, а не напоследок, – едко заметила Раффа. – Ну, да ладно, лучше поздно, чем никогда. Слушай, я пойду. Сейчас у вас начнётся встреча старых друзей, лобызания, слёзы... Терпеть этого не могу. Ты без меня не смоешься?

– Нет, – пообещал Николай.

– Тогда – пока! Не забудь написать!

Она легко поднялась, буквально взлетела со скамейки, как магнитом собрав на себе взгляды всех находившихся рядом мужчин.

– До свиданья! – пробормотал Николай, но она уже не слушала его, беспечно скользя над асфальтом и размахивая своей маленькой сумочкой на длинном ремешке.

Глава 11

Мария Александровна ещё издали разглядела фигуру Николая, резко выделяющуюся среди обыкновенных горожан, вечно стремящихся всячески подчёркивать собственную индивидуальность и всё же остающихся на удивление похожими друг на друга, по крайней мере внешне, по крайней мере издали. Не ускользнула от её внимания и Рафаэлла, поднявшаяся со скамейки. Трудно было представить себе более странную пару, однако, при всей их непохожести было у них и что-то общее, отличавшее их от большинства людей. Мария Александровна с одобрением заметила мужские взгляды, провожавшие девушку.

«На мою Иришку мужчины так не заглядываются», – подумала она и тотчас же устыдилась своей мысли. Мысль и вправду была несправедливой. Ирина выросла совсем другой, серьёзной, задумчивой и, может быть, поэтому менее заметной. Её настоящая сущность таилась от глаз людей. В этом смысле она походила на айсберг, скрывавший девять десятых своей массы под водой: мало кто рассмотрит, ещё меньше тех, кто оглянется вслед. «Но она в этом не виновата. Это ведь я её так воспитала, – призналась себе Мария Александровна, – потому что сама такая, другой быть не умею. Нельзя же научить тому, чего сама не знаешь».

После ухода Рафаэллы Николай продолжал сидеть на скамейке, глубоко погружённый в свои невесёлые мысли о далёком доме. Увидев Марию Александровну, он вскочил, уронил на асфальт свой ватник, лежавший у него на коленях, хотел было наклониться, чтобы поднять его, но замешкался, не зная, будет ли это вежливо и не стоит ли прежде подать ей руку. Видя его нерешительность, она сама наклонилась за ватником. Николай опомнился, нагнулся до земли и чуть не ударился лбом о голову Марии Александровны. Выпрямившись, он густо покраснел, окончательно потеряв дар речи. А Мария Александровна, как ни старалась удержаться, всё-таки не смогла не улыбнуться.

– Какой же вы неуклюжий, Николай! – сказала она.

– Так вот... – неопределённо ответил он, пытаясь надеть ватник, чтобы хоть чем-то занять свои совершенно лишние, предательски огромные руки.

– Зачем же вы надеваете левый рукав на правую руку? – вымученно-серьёзным тоном поинтересовалась Мария Александровна. – Посмотрите, воротник у вас оказался внизу!

– Разве? – Николай предпринял попытку стянуть рукав, но тот зацепился разрезом за палец и никак не хотел сниматься. Мария Александровна опять улыбнулась и решила прийти ему на помощь. Она расстегнула пуговицу на рукаве ватника, после чего совместными усилиями рука была благополучно извлечена наружу.

– Здравствуйте, – невольно поздоровался Николай.

– Здравствуйте, – ответила Мария Александровна. – Какими судьбами в городе?

– Незадача вышла, – туманно объяснил Николай. Краска начала постепенно сходить с его лица. Ему вдруг стало смешно от собственной неповоротливости, хотя он и не решался смеяться вслух. Вид знакомого человеческого лица посреди чужого города произвёл в нём разительную перемену. Он почувствовал, как тяжесть спала с его плеч, стало легко и весело, захотелось говорить.

– Я вам сейчас всё расскажу! – заторопился он, собираясь снова опуститься на лавочку.

– Нет-нет, вставайте, идёте к нам! Я обещала мужу вас привести. Он очень хочет с вами познакомиться. Я ему вчера целый день о вас рассказывала.

– Да удобно ли?

– Чего же здесь неудобного? Пойдёмте, и всё! Что за церемонии?

Она взяла его под руку, и они вместе пошли по улице. И какая же замечательная была это улица! Она показалась Николаю самой красивой во всём городе. Даже невзрачные, квадратные коробки домов посветлели фасадами, словно улыбались прохожим своими неказистыми, но добрыми и честными лицами. Весело, задорно проносились мимо автомобили. В воздухе плавал приятный аромат размякшего на солнце асфальта.

– Ну, расскажите же, наконец, как вы здесь очутились! Вот уж, признаться, не ожидала увидеть вас так скоро, да ещё в городе! – сказала Мария Александровна. И Николай, которого так и распирало изнутри неужённое давление жизни, вновь стал рассказывать, волнуясь, путаясь в словах, то и дело повторяясь и прыгая с пятого на десятое. При этом он старался избегать подробностей разговора со следователем.

– Вот ведь, проклятые бюрократы! – возмутилась Мария Александровна, когда он закончил. – Схватили человека, увезли за сотни километров и бросили на произвол судьбы! Что же вы сразу мне не позвонили?

– Как-то не пришло в голову, – ответил Николай. – Да мне и позвонить-то неоткуда было.

– А что это за девушка была вместе с вами?

– Это Раффа. Она хочет выйти замуж за Володю Лебединского.

– А вы что же, выступаете в роли свата? – поддразнила Мария Александровна.

Николаю пришлось рассказать и про Рафаэлла. Повествование вышло ещё более путанным, чем предыдущее, так как Николай никак не мог вразумительно объяснить, почему девушка решила заговорить именно с ним. Тем не менее Мария Александровна осталась очень довольной его рассказом.

– У вас талант привлекать к себе необычных людей, – полусерьёзно объявила она.

В скором времени они подошли к самому обыкновенному подъезду одного из самых обыкновенных пятиэтажных домов. Если бы Николаю самому пришлось искать этот дом, он неминуемо заблудился бы, сбитый с толку

однообразием типовой застройки. Подъезд был узкий, с исцарапанными стенами, осыпавшейся желтоватой побелкой потолков и облупленными перилами. Зато солидные железные двери квартир поблёскивали хромом и позолотой ручек, глазков и дорогих замков. Повсюду: под потолком, над дверями, вдоль стен тянулись связки кое-как закреплённых электрических проводов всевозможных диаметров и расцветок

Мария Александровна с мужем жили на четвёртом этаже. Муж оказался довольно высоким, лысеющим, немного сутулым человеком в очках. Его серые, живые глаза светились любопытством. Лицо было добродушным, но в нём всё же можно было заметить следы бессознательной, по привычке носимой строгости, присущей людям науки и учителям. По случаю прихода гостя он сменил домашний халат на чёрные брюки и жилет, отказавшись от пиджака исключительно из-за жары.

– Знакомьтесь: Николай. А это мой муж – Илья Анатольевич, – представила мужчин Мария Александровна.

– Не нужно никаких отчеств! Это лишнее! – запротестовал Илья Анатольевич, крепко пожимая руку Николая. – Ну, что же вы, раздевайтесь, снимайте сапоги! Разрешите забрать вашу телогрейку!

– Может, я того, здесь постою? – спросил Николай, переминаясь с ноги на ногу. – Мне бы домой поскорей. А вам тут мешать...

– Да что же домой? Успеете вы домой! Я, вон, и ужин уже приготовил, открыл бутылку вина.

– Скотина у меня, – пояснил Николай.

– Неужели ваша скотина не подождёт?

– Николай попросил меня одолжить ему денег на автобус до дома, – сказала Мария Александровна, выходя из комнаты с кошельком.

– Я отдам! – горячо заговорил Николай. – Обязательно верну, вы не сомневайтесь!

– А когда же автобус? – спросил Илья Анатольевич. – Бьюсь об заклад, сегодня его уже не будет.

Позвонили на автовокзал. И в самом деле, до завтрашнего утра никаких автобусов не предвиделось.

– Ну вот, что я вам говорил! – торжествующе воскликнул Илья Анатольевич. – Оставайтесь! Переночуете, а завтра с утра поедете домой!

– Оставайтесь, пожалуйста! – присоединилась к мужу Мария Александровна. – Илюша у меня на больничном. Целыми днями сидит один, скучает, поговорить ему – и то не с кем. Что вам стоит?

– Сказать по правде, я ведь вчера на улице ночевал. Три дня сапог не снимал, не мылся. Портянки у меня несвежие, боюсь провонять ими всё помещение. Честное слово, неудобно. Вы мне только дайте денег, а уж я пойду себе, – ответил Николай, упорно разглядывая пыльные носки своих сапог.

Мария Александровна всплеснула руками и не терпящим возражений тоном велела Николаю раздеваться, и немедленно:

– Если стесняетесь, проходите прямо сюда, в ванную комнату. Здесь есть стиральная машина. Снимайте всё ваше бельё и бросайте внутрь. Посмотрите, какая жара стоит на улице! Повесим выстиранные вещи на балконе, к завтрашнему утру всё будет чистым и сухим. И сами тоже помойтесь. Я вам сейчас халат принесу. И, пожалуйста, без возражений, не желаю ничего слушать!

Отчаянно стеснявшегося гостя прямо в сапогах провели в ванную и оставили там одного. Комнатка была крошечной, как будто извлечённой из миниатюрного кукольного домика. Огромная, косматая фигура Николая заполнила всё её пространство, почти не оставив места для воздуха. Ему было страшно прикасаться к чистеньким, весёлым вещам, окружавшим его со всех сторон: к мыльницам, зубным щёткам, ароматным полотенцам, красивым баночкам с шампунем. Он ужасно боялся сломать или испачкать что-нибудь, неловко повернувшись или резко шевельнув какой-нибудь частью своего неуклюжего тела. Тем не менее он всё-таки начал раздеваться, крайне осторожно, стараясь сохранять равновесие и не выходить за пределы лохматого коврика, лежавшего на белом плиточном полу. Грязные портянки, трусы и рубашка полетели в стиральную машину. Николай не знал, как она включается, поэтому он просто захлопнул крышку, вздохнул и полез в ванну.

Спустя три четверти часа он сидел на кухне, облачённый в чистый, несколько тесноватый для него махровый халат, принадлежавший Илье Анатольевичу. Его только что вымытые, не стриженные волосы благоухали цветочным шампунем. Непокорные вихры буйно торчали во все стороны, вопреки настойчивым попыткам Николая пригладить их большой массажной расчёской. Он практически не шевелился и старался не особенно налегать на табурет, хлипкие ножки которого внушали ему опасение.

Как и все остальные комнаты в квартире, кухня была очень маленькой. Если бы Николай встал в её центре и раздвинул руки, он наверняка дотянулся бы ими до противоположных стен. В столь стеснённых условиях было совершенно невозможно выглядеть незаметным.

Вскоре хозяева сели ужинать. Николаю предложили терпковатого красного вина, бифштекс и полную тарелку тушёных овощей. Кроме того, перед ним поставили тарелочки с маринадами, тонко порезанными копчёными колбасами и солёной рыбой под шубой.

Разговаривал за столом в основном Илья Анатольевич. Он толковал о политике, экономике, последних новостях и прочих, не очень понятных Николаю вещах, каждый раз начиная новую тему с вопроса: «А вы слышали что?..», или: «А что вы думаете по поводу?..» Вскоре выяснилось, что Николай практически ни о чём не слышал и совсем ничего не думал по поводу не слышанного.

– Как же так, вы вообще не интересуетесь новостями? – с некоторым удивлением поинтересовался Илья Анатольевич.

– Не очень, – признался Николай.

– Ну, ладно мировые новости, а как же местные?

– Какие же у меня местные новости? Разве что в Центральной чего-нибудь расскажут, да и то всё больше сплетни, какие и слушать противно. Такого, бывает, наврут!

– Выходит, вы действительно совершенно оторваны от современной информационной культуры?

– Выходит, что так.

– И вам не скучно? Чем же занят ваш разум? Человеческому интеллекту необходима пища, точно так же, как и телу.

– Летом скучать некогда, всё работа да дела. Когда работаешь, как-то не думаешь. А вот зимой туго. Зимой я книжки повадился читать.

– Слышал бы ты, как он стихи Некрасова декламирует, – подтвердила Мария Александровна.

– Не слышал, но видел позавчера по телевизору. Представляете, звук вашей речи полностью заглушили, а сверху наложили слова диктора, как будто вы произносите какие-то фразы, а диктор их за вас пересказывает. И фразы-то всё какие-то пустые, дежурные, совершенно не запомнились, – сказал Илья Анатольевич. – Так, значит, книжки, – продолжил он прерванную мысль. – Это, конечно, хорошо, только ведь они по большей части не имеют отношения к повседневной жизни. Там всё абстрактные идеи, символы, анализ и синтез, словом – инструментарий, который и нужен-то только для того, чтобы уметь оценивать проблемы сегодняшнего дня. Без текущей информации все эти орудия разума становятся бесполезными.

– А вот и неправда, – возразила Мария Александровна, практически ничего не вшая, и оттого до сих пор сидевшая с полной тарелкой. – Это как раз твоя «драгоценная» текущая информация в основном бесполезна. Ну, скажи, для чего тебе нужно знать о событиях, случившихся где-нибудь в Ираке? Ты там даже никогда не бывал. Также и большинство местных новостей не имеют к нам с тобой ровно никакого отношения. Что нам за дело, если где-то сгорел дом? Если бы у нас там жили знакомые или, не дай бог, родственники, тогда ещё понятно, а так эта новость – точно такая же абстракция, как и любое вымышленное событие в какой-нибудь книге. В книгах, по крайней мере, бывает сюжет, и время от времени встречаются поучительные выводы.

– Ты рассуждаешь, как Генри Торо¹, – заявил Илья Анатольевич, с удовольствием ввязываясь в спор.

– А разве он был неправ? Недостаточно один раз прочесть новость о корове, задавленной поездом? Я бы и один раз про это читать не стала.

– Твой Торо – утопист, – возразил Илья Анатольевич. – Его идеи не выдержали проверки практикой.

¹ *Генри Дэвид Торо* – американский писатель XIX века, автор книги «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854), в которой он описывал свою отшельническую жизнь в хижине на берегу Уолденского пруда, расположенного в окрестностях городка Конкорд в штате Массачусетс. (Прим. редактора).

– Это потому, что он слишком верил в людей и совсем не доверял государству. Вера плохо соседствует с прагматизмом. Его идеалистические теории закономерно противоречили логике исторического процесса. Общество развивается по пути интеграции, а он писал о примате личных, духовных ценностей перед общественными, материальными. Но это вовсе не значит, что все его идеи совершенно пусты. Взять, хотя бы, те же самые новости. Вот, Николай, долгое время живёт, не обременяя себя известиями о задавленных коровах, и, между прочим, до сих пор не выпал из культурного пространства. Вы нас извините, – обратилась она к гостю. – Для нас эти споры – привычное дело, а вам, вероятно, неинтересно их слушать.

– Нет, нет! – запротестовал Николай. – Спорьте на здоровье! Можно взять ещё одну печенинку? – добавил он.

– Беда с вами! – воскликнула Мария Александровна, ставя перед ним вазочку, полную печенья. – Кушайте на здоровье, сколько хотите!

Николай осторожно взял двумя большими, огрубелыми пальцами хрупкую печенинку и удовлетворённо захрустел ею, чем напомнил хозяйке большого, полудикого кота, неожиданно получившего горсточку сухого корма. Глядя на него, она снова невольно улыбнулась.

– Ну, хорошо, можно прожить и без новостей, согласен, – не унимался Илья Анатольевич. – Но как же без человеческого общества? Сам Торо, между прочим, долго не выдержал.

– Дался тебе этот Торо, – укорила его Мария Александровна.

– Человек самой природой запрограммирован отдавать частицу себя другим людям, – продолжал Илья Анатольевич, нисколько не смущаясь. – Вот вы, Николай, неужели вам не хочется сделать что-нибудь для людей?

Николай тщательно обдумал вопрос.

– Хочется, – просто ответил он, – только я не умею.

– Разве дело в умении?

– А в чём же ещё?

– Я думаю, в желании, – сказал Илья Анатольевич.

– Может и так. Только людям от меня, похоже, ничего не нужно.

– Откуда вы знаете?

– Никто ничего не спрашивает.

– Так разве станут спрашивать? Тут надо самому предлагать!

– Зачем же я буду навязываться? У людей теперь и без меня всё есть.

Чего же мне им ещё предложить?

– Прямо-таки всё есть?

– Даже больше, чем нужно. Они теперь от себя больше требуют, чем от других. Вот, давеча разговаривал я с одним земляком. Хороший мужик, всё у него как у людей: дом, дети, жена, работа – живи и радуйся. А он мне знаете, что сказал? «Хочу, – говорит, – видеть результат своего труда». Как я ему тут помогу? Да и никто ему, кроме него самого, не поможет.

– Так ведь результат как раз и заключается в общественной пользе, разве не так?

– Похоже, что не так, ведь польза от него, какая-никакая, в кочегарке имеется. Нет, он не то имел в виду.

– Что же тогда?

– Поди, пойми!

– Может быть, ему просто трудно представить себе эту пользу? Вообразите себе: некий человек день за днём, год за годом делает на производстве какие-нибудь шестерни. Ничего у него не меняется, всё одно и то же, и конца этому не видать. Спустя какое-то время ему надоедает его неблагодарный труд, и он начинает спрашивать себя: «Зачем изготавливать такое количество шестерён? Кому они нужны? В чём смысл моей работы и вообще всей моей жизни?» И не знает, бедолага, что его шестерни используются для производства, положим, автомобилей. Чтобы представить себе результат, а значит, и конечную цель труда, требуется воображение. Минули те времена, когда какой-нибудь энтузиаст мог в одиночку собрать машину или самолёт. В наше время каждый делает своё маленькое дело, а уж потом из этих дел складывается общее благо, которого, к сожалению, никто не замечает – привыкли! Привыкли ездить в метро, пользоваться центральным отоплением, водопроводом и тому подобной роскошью, немислимой всего лишь полтора столетия назад. А кто её создаёт? Да все мы вместе и создаём! Каждый вносит свою лепту, и этим надо гордиться! А то у нас в последнее время неправильно ставят акценты: заботятся только о зарплатке, и совсем забывают о смысле труда.

– А тебе не приходило в голову, что сама незначительность вносимой лепты способна удручать и демотивировать некоторых людей? – спросила Мария Александровна.

– Нужно просто больше работать, тогда и вклад в общественное благо будет более значительным.

– Я думаю, земляку Николая попросту хочется почувствовать себя отдельным человеком, а не частью общественной машины, – сказала Мария Александровна.

– Чтобы не быть как все? – уточнил Николай.

– Что-то вроде того, – ответила она. – Он стремится ограничить место, занимаемое его личностью. В нашем материально-ориентированном мире для этого лучше всего подходят конкретные, физические вещи, выступающие в качестве своего рода столбов для ограды. Выстроил забор из вещей и спрятался среди них, ты – внутри, все остальные – снаружи.

– А не проще было бы эти столбы просто купить, вместо того, чтобы изготавливать их самому? – спросил Илья Анатольевич.

– Проще. Многие именно так и поступают. Но тогда они не будут отличаться от других, точно таких же, купленных. Что в них станет говорить об особенностях отдельно взятой личности? Нет, человеку хочется иметь

не просто забор, но чтобы была ещё и надпись сверху: «Это территория такого-то и такого-то», пусть маленькая территория, зато с признаками индивидуальности.

– Рассудите же нас, – попросил Илья Анатольевич Николая. – Чего же вашему земляку нужно на самом деле?

Николай подумал, потерял в смущении бороду. Хозяева с интересом смотрели на него, ожидая ответа.

– Вы всё верно говорили, – начал он, – и про общество, и про забор, всё правильно. Только мне кажется, он не о людях печётся. Люди, они что? Поговорили о тебе и забыли. Нет, он хочет сделать что-то для самого себя, и чтобы он сам был себе в этом судьёй.

– Но зачем?

– Так, если сделает, то будет себя тогда по-настоящему уважать.

– Ну что, съел? – засмеялась Мария Александровна, глядя на задумчивое лицо мужа. – И возразить нечего!

– Ничего и не съел! – ответил Илья Анатольевич, улыбаясь. – Скажите, Николай, а вам самому не хочется сделать что-нибудь для себя, чтобы тоже увидеть результаты ваших трудов? – полюбопытствовал он.

– Я их и так вижу, только и жив благодаря им, – ответил Николай.

– А чем вы вообще живёте?

– Илья! – укоряющим тоном воскликнула хозяйка.

– Простите, если я... – начал Илья Анатольевич.

– Мне скрывать нечего, – перебил его Николай без малейшей тени обиды. – Живу просто: пашу землю, держу скотину, принимаю охотников и рыбаков. Этим и перебиваюсь.

– И не получаете никакого пособия от государства?

– Какого ещё пособия?

– По безработице, например, – сказал Илья Анатольевич. – Я уверен, вам можно за ним обратиться.

– Что же я, инвалид какой-нибудь, чтобы просить пособие? – с искренним недоумением ответил Николай. – Руки есть, ноги тоже пока ещё ходят. Вот было бы стыда-то, приди я за пособием. Сквозь землю можно провалиться!

– А не секрет, сколько у вас выходит в денежном выражении?

– Илья! – уже очень строгим голосом одёрнула его жена.

– Я же не из корысти какой-нибудь интересуюсь! – запротестовал тот.

– Тысяч пятнадцать выходит или чуть поболее, – ответил Николай.

– В месяц?

– В год.

– Ну, хватит уже! – не выдержала Мария Александровна. Поговорить что ли больше не о чем? Николай, между прочим, интересовался МИ-26. Рассказал бы ему лучше что-нибудь о вертолётах.

– Правда? – обрадовался Илья Анатольевич. Так пойдёмте в мой кабинет! Я вам сейчас чертежи покажу! Он увлёк Николая за собой в

одну из комнат, где стоял большой письменный стол, окружённый многочисленными книжными шкафами, закрывавшими все стены от пола до потолка.

– Спасибо, что остались, – прошептал Илья Анатольевич Николаю, прикрыв дверь в комнату. – Маша вчера весь день плакала, сама не своя ходила, а теперь, посмотрите, улыбается. Вы, пожалуйста, только об Иришке не говорите ни слова, не напоминайте! Пусть она хоть немного отдохнёт от своих волнений.

Николай молча кивнул головой.

Засиделись допоздна. Уже были постираны и вывешены сушиться на балкон вещи Николая. Уже трижды кипятили чайник, а от печенья в вазочке не осталось и следа. Уже утих шум улицы за окном. А Илья Анатольевич с Николаем всё ещё сидели на кухне, под люстрой с жёлтым абажуром, и разговаривали, разговаривали о самых разных вещах. Говорил, разумеется, Илья Анатольевич. Николай слушал, время от времени задавал вопросы или вставлял реплики.

Мария Александровна сидела рядом с ними, на стуле, и взяла мужу свитер с рисунком в виде оленей. Олени выходили толстыми, коротконогими, похожими на коров, но распускать связанное было жаль. «Будет надевать зимой под пиджак», – думала хозяйка, почти совсем не обращавшая внимания на разговоры мужчин. Обычно она ложилась спать в одиннадцатом часу. Сейчас приближалась уже половина двенадцатого, а сон не шёл к ней, испуганный нервным напряжением, скопившимся за последние дни.

Внезапно в прихожей раздался громкий телефонный звонок.

– Кто это может быть? – спросил Илья Анатольевич, прерванный на полуслове.

– Наверно, ошиблись номером, – предположила Мария Александровна. – Кто нам будет звонить в такой поздний час на домашний телефон? Не знаю, зачем мы вообще за него платим...

Не договорив, она вскочила, бросила вязание на стол и побежала в прихожую. Мужчины вышли вслед за ней. Дрожащими руками Мария Александровна сняла трубку, поднесла её к уху и на удивление спокойно произнесла:

– Да?

– Мама! Мама! – донеслось из трубки, после чего раздался шорох, застонали короткие гудки. Связь прервалась.

Мария Александровна непременно упала бы на пол, если бы стоявший рядом Николай не подхватил её под руки.

– Что? Что такое? Что случилось? Что с Иришкой? – кричал взволнованный Илья Анатольевич.

– Это была она! Она жива! – слабым голосом ответила Мария Александровна и закрыла лицо руками, чтобы никто не увидел её слёз.

Глава 12

Николаю постелили в комнате Ирины. Кровать оказалась безнадежно короткой, в неё не помещались его длинные ноги, зато на полу места было достаточно. Едва он успел забраться под одеяло, как в дверь комнаты постучали.

– Войдите! – произнёс Николай громким шёпотом.

– Можно я к вам на минутку? – также шёпотом ответил Илья Анатольевич, просовывая голову в полуоткрытую дверь.

– Конечно, можно, заходите!

– Спасибо. Мария уже спит. Я накапал ей лошадиную дозу успокоительных капель, – сказал Илья Анатольевич, пытаясь нащупать низенькое кресло и не находя его в темноте: свет не зажигали.

– Как она? – спросил Николай.

– Как ни странно, лучше. Казалось бы, стресс за стрессом, с ума можно сойти, а вот ведь спит, как младенец. А мне уже третью ночь не спится. Но вы не волнуйтесь, я ненадолго. Вам ведь тоже надо отдохнуть. Я, в общем-то, просто заглянул спросить: что на самом деле произошло с Ириной? Я имею в виду – на болоте.

– Не знаю, – ответил Николай. – Вы меня сегодня просили не упоминать об этом, да я и сам не хотел при Марии Александровне, чтобы не расстраивать её понапрасну. Только в полиции думают, что там не обошлось без тёмных делишек профессора Кочеткова.

Николай вкратце изложил Илье Анатольевичу суть своей беседы с Протасовым, не упомянув лишь о нехорошем предчувствии следователя, что ребята могут совсем не вернуться с болот.

– Значит, никакого открытого нападения на них действительно не было?

– Похоже, что нет.

– Слава богу! – вздохнул Илья Анатольевич. – А каковы их шансы выбраться оттуда живыми?

– Трудно сказать. Слишком много всего неизвестного. Мало ли, что может случиться. Они ведь непривычные, могут не рассчитать своих сил или сделать что-нибудь глупое. А могут и не сделать, кто их знает.

– Ну, а всё-таки?

– Думаю, шансы хорошие: они молодые, здоровые – обязательно выберутся.

– А это правда, что вы рассказывали Марии про лешего?

– Рассказывал, – признался Николай.

– Так я и предполагал, – улыбнулся в темноте Илья Анатольевич. – Самой бы ей нипочём такого не выдумать.

– Хотите, верьте, хотите – нет, а только всей их компании пришлось бы туго на той стороне, если бы с ними не было вашей дочери.

– Я теперь, признаться, даже в лешего готов поверить. Ну ладно, спокойной ночи!

Илья Анатольевич ушёл, а Николаю всё не спалось, как будто хозяин заразил его своей бессонницей. Лёжа на полу с открытыми глазами, он с интересом наблюдал за тонкими лучами света от фар автомобилей, проезжавших по улице. Свет неумолимо, раз за разом пробегал по потолку, разбавляя, потом снова сгущая темноту. Постепенно его глаза привыкли к полумраку. Стали видны мельчайшие подробности обстановки: узоры на обоях, корешки книг, контуры комнатных цветов, стоявших на окне за занавеской. Маленький незнакомый мир, в котором оказался Николай, стал захватывать его воображение. Это был мир Ирины, молодой девушки, затерявшейся где-то на болотах, самый центр её существования, как понимал его Николай. Отсюда тянулись её корни. В этой просто, почти аскетически обставленной комнате она росла, точно так же, как он сейчас, наблюдала по ночам за светом, скользившим по потолку. Каждый предмет, находившийся здесь, был важен для неё, каждая книга знала тепло прикосновения её рук, каждый цветок на обоях был свидетелем её триумфов и поражений.

Николай представил, как Ирина маленькой девочкой впервые собиралась в первый класс школы: белые банты, веснушки, ободранные колени и букварь. Безжалостное время стёрло эту реальность, превратив её в туманное прошлое, подвешенное на тонком, ненадёжном волоске человеческих воспоминаний. Но комната помнила, хранила незаметные следы ушедших дней, накапливала их на поверхности своих стен, на предметах обстановки, на вещах, на окнах. Крошечные царапинки, осколки и вмятинки могли рассказать немало историй, но, будучи лишёнными собственного голоса, молчали, оставаясь вечным фоном для стремительно проносившейся мимо них жизни.

В Николае росла невыносимая нежность к этой жизни, заключённой в маленьком человеческом существе. Ему было одновременно больно и радостно, хотелось плакать и смеяться, но он был не в силах, не умел ни того, ни другого и лишь наслаждался и мучился невесть откуда нахлынувшей на него бескорыстной, целомудренной любовью к совершенно незнакомому человеку. Он не имел права находиться в её храме. Странная судьба занесла его сюда. Ночь обострила его чувства. О, время, время! Как бы ему хотелось остановить его, поворотить его вспять, собрать по крупицам минуты радости, надежды, счастья и вернуть их ей навсегда. В эту секунду он, пожалуй, готов был отдать ради этого даже собственную жизнь. Но секунда прошла, погасли отблески вечности, терзавшие его душу сладкой безнадёжностью. Остались лишь отсветы фар на потолке и чувство нежности, приглушённое, неяркое, чистое, как ручеёк, рождённый из глубокого родника.

Глава 13

Он испытывал отзвуки этого чувства и на следующий день, когда сидел в автобусе, следовавшем в Абакумовку. По случаю субботы салон был до отказа

набит дачниками. В проходе размещались сельскохозяйственные инструменты, ящики с рассадой, молодые деревца с обмотанными корнями, клетки с кроликами и бог весть какой ещё скарб, необходимый в дачном хозяйстве.

Николай с недоумением смотрел на пассажиров. Все они пребывали в приподнятом настроении, смеялись, громко обсуждали урожайность сортов моркови, устройство систем полива, эффективность различных удобрений. Послушав отрывки их разговоров, он с удивлением обнаружил, что они знают о сельском хозяйстве намного больше, нежели он сам.

«Если им так нравится работать на земле, почему же они не приедут в Матвейцево и не поселятся там навсегда? – думал Николай. – Это сэкономило бы им уйму времени, оживило бы умирающее село. Вслед за людьми вернулось бы в дома электричество, снова заработал бы водопровод. Тогда они зажили бы припеваючи, все вместе, и возделывали бы землю не только по выходным».

Старый автобус с охрипшим двигателем тащился медленно, останавливаясь на всех остановках и между ними, во всяком месте, где было удобнее выходить пассажирам. До конечной остановки доехал только сам Николай да ещё какой-то не то монах, не то священник в чёрной рясе и скуфье.

Николаю было приятно выйти из раскалённого, душного салона и позволить лёгкому ветерку осушить пот, собиравшийся каплями на его лбу и спине. От остановки до Центральной усадьбы можно было добраться по асфальтированной дороге, полуразрушенной и усыпанной песчаной противогололёдной смесью, оставшейся с прошлой зимы. Для пешеходов, не обременённых поклажей, существовал другой путь, напрямик, по тропинке, ведущей через овраг. Николай нырнул в заросли лопухов, прошёл несколько десятков шагов и начал спускаться по пологому склону. Несмотря на жару, в тенистом овраге было прохладно. В нём пахло сыростью и тленом. Дойдя до самого низу, Николай остановился, нагнулся к траве и стал тихонечко гладить своей огромной ладонью её нежные, сочные стебельки, с удовольствием ощущая их деликатные прикосновения.

Выбравшись из оврага, он бодро зашагал по улице. У него пока ещё не было какого-то определённого плана. Он просто шёл, задумавшись, не замечая, как ноги сами несут его к дому Марины. В десятке шагов от её калитки его остановил оглушительный скрип тормозов, неожиданно раздавшийся за его спиной. Николай обернулся. Из открытого водительского окна зелёного УАЗика на него смотрел фельдшер Егор Иванович Кузьмин.

– Привет, Коля! – весело прокричал он. – Зачастил ты к нам в последнее время!

– Здравствуйте! – ответил Николай, останавливаясь. – И то, правда, да ведь не по своей воле.

– Кто ж тебя неволит?

– Милиция, будь она неладна.

– Теперь надо говорить «полиция», – поправил его фельдшер.

– Да знаю я, – махнул рукой Николай. – Как не назови, суть одна и та же.
– Во что ты вляпался на этот раз? Неужто всё из-за тех пропавших ребяташек?

– Из-за них. Слушай, Егор Иванович, ты не подбросишь меня до дому? Хоть до полдороги! Мост теперь проезжий, сам видел, меня по нему в город везли. А я уж как-нибудь тебе отплачу.

– Сейчас не могу, пациентка у меня, – ответил фельдшер.

– Так я тут подожду.

– Я слышал, у Марины Валентиновны на днях мужа из больницы выписали, дома теперь долечивается, – как бы невзначай сообщил Егор Иванович.

– Вот оно что! – протянул Николай. – Хорошо, хорошо. Рад за него.

– Давай так договоримся, – предложил фельдшер. – Ты мне сейчас поможешь с пациенткой, а я ближе к вечеру так и быть, подвезу тебя домой. Идёт?

– Идёт! – радостно согласился Николай.

– Ну, так чего ж ты стоишь, как пень? Полезай в машину!

Николай втиснулся на переднее сиденье, несколько раз дёрнув за дверь, прежде чем ему удалось надёжно захлопнуть замок.

– В Касимовку поедем, – объявил Егор Иванович, со скрежетом нащупывая первую передачу в капризной трансмиссии. – Старушку одну надо забрать. Мне одному несподручно, а местные там – одни бабки, помощи от них не дождёшься, только и умеют, что галдеть, как гуси! Хорошо, что я тебя встретил.

– А что с ней? – спросил Николай.

– Старость, – ответил фельдшер. – Ноги отнимаются, совсем ходить не может.

– Вот ведь, беда какая!

– Беда, беда, – подтвердил Егор Иванович. – Держись! Дорога там неважная.

Неважная дорога оказалась полузаросшей тропинкой, пересекавшей большое одичавшее поле, противоположный край которого терялся за горизонтом. УАЗик медленно полз вперёд, одним колесом – по тропинке, другим – прямо по траве, доходившей до самых окон машины. Под днищем раздавалось мерное шуршание, сопровождавшеесябряканьем, когда то одно, то другое колесо проваливалось в очередную яму. Егор Иванович был полностью поглощён управлением. Николай не отрывал его. Он смотрел в окно, впитывая глазами простор, полный травы, солнца и жаворонков.

Наконец, поле кончилось. Из последних сил завывая мотором, УАЗик пересёк канаву, некогда служившую дорогой для сельскохозяйственной техники. Впереди показалась деревня. Она имела куда более жалкий вид, чем Матвейцево, и всё же была обитаемой. Машина остановилась у одного из домов. Серый, некрашенный забор, окружавший запущенный двор, лежал на земле, скрытый зарослями лебеды и крапивы. Калитки не было. Прямо с дороги к дому вела утоптанная тропинка.

– Ну, пошли! – распорядился Егор Иванович. Он достал из машины потёртые кожаные носилки и отдал их Николаю.

Дом был совсем худым, деревянным, на деревянном же фундаменте. Середина постройки ушла в землю, шиферная крыша просела, завалившись назад. Только фасад, смотревший на улицу, всё ещё стоял более или менее прямо. Стёкла в окнах полопались и были заменены наспех приколоченными кусками фанеры. Крыльцо давно разрушилось. Перекошенная дверь выходила прямо на улицу. Перед дверью, для удобства, были сложены стопочкой несколько гнилых брусьев, очевидно служивших когда-то опорами для крыльца.

– Обожди, дай покурю! – сказал фельдшер, останавливаясь перед дверью.

– Как же она тут одна? – спросил Николай, рассматривая плотные стены из сорняков, тянувшиеся по обеим сторонам тропинки.

– В том-то и дело, что никак, – ответил фельдшер, лицо которого, против обыкновения, выглядело серьёзным, даже угрюмым. – Отказывается ехать в больницу, хоть тресни! А местные бабки сами на ладан дышат, куда им ещё за ней смотреть? Вот, послали ко мне ходока: «Так и так, Иваныч, забирай Глафиру, умаялись мы с ней». А мне что прикажешь делать? Ну, привезу я её в район, а там таких, может, ещё два десятка в очереди сидят. Ладно, попрошу, найдут у неё какую-нибудь болезнь – как не найти? Положат недели на две в стационар, а потом всё равно выпишут, – у них там не богадельня, настоящим больным мест не хватает. Стало быть, повезу назад. Морока одна.

– А разве нельзя определить её в какой-нибудь дом для престарелых?

– Можно было бы, если б она сама того захотела. Так ведь ни в какую! Значит, надо идти в суд. Кто, по-твоему, всем этим заниматься станет?

– А родственников что же, никого нет?

– Сам посмотри. – Егор Иванович обвёл рукой заросший двор.

– Да, беда, – подтвердил Николай свою первоначальную оценку ситуации.

Вдвоём они быстро погрузили на носилки сухонькую старушку, ругавшуюся самыми последними словами, и без особого труда отнесли её в машину. Всю дорогу до районной больницы она, не переставая, бранила Егора Ивановича, а тот только ухмылялся, иронично покачивая головой в ответ на самые отборные эпитеты, обращённые в его адрес.

– Ишь, бойкая какая, – сказал он Николаю, возвращаясь из приёмного покоя. – Так откостерила врачей, что пришлось срочно эвакуировать всех слабонервных. Ну, давай, рассказывай, что там с тобой приключилось!

Николай вздохнул и в который раз за последние несколько суток принялся за свой рассказ.

Глава 14

До Матвейцева добрались только к вечеру. Егор Иванович наотрез отказался ужинать, сославшись на поздний час и ожидавшую его дома жену. Он

быстро развернул машину, помахал Николаю рукой из окна и был таков.

Николай остался стоять у дороги, оглушённый глубокой, несколько дней не слышанной им тишиной. Вдохнув полную грудь тёплого воздуха, но, так и не решившись закричать от радости, чтобы не нарушить вечерний покой, ступившийся над землёй, он счастливо улыбнулся и что было духу помчался к своему дому.

Берег озера был пуст. Спасатели покинули его, оставив после себя только примятую траву. Ворота, открытые, да так и брошенные Лебедянским, оказались затворёнными и накрепко запертыми на засов. Это несколько не удивило Николая, потому что он сам запирает ворота перед отъездом. Удивительно было другое: все его животные, брошенные пастись в поле, находились в своих стойлах. Мало того, чья-то заботливая рука задала им корма. Даже полы были чистыми. Нигде: ни в стойлах, ни во дворе не было видно следов грязи или навоза.

Николай постоял посреди двора, озадаченно глядя на пустое место, где прежде был припаркован внедорожник Володи. Кроме исчезновения машины, во дворе ничего не изменилось. Все предметы находились на своих обычных местах.

Внутри дома всё также оставалось по-прежнему. Замоченная несколько дней назад перловка, впитавшая воду, набухла и покрылась плесенью. Всё остальное выглядело точь-в-точь, как в день отъезда, включая немытую посуду, покрытую засохшими остатками пищи. У Николая возникло впечатление, что все последние дни померещились ему в припадке болезненного бреда.

За окном было ещё светло. Николай положил на стол свой ватник, вышел на улицу, прошёл через двор к задней калитке и очутился в поле. Повернувшись лицом к лесу, он по-старомодному поклонился в пояс на три стороны, потом тихонечко, на цыпочках вернулся на двор и аккуратно, без стука притворил за собой дверцу калитки.

В этот момент на конюшне захрапел конь, почуявший запах хозяина. Словно получив команду, весь мир разом вернулся к своему обычному состоянию, влившись в неспешную реку прозрачной, тягучей повседневности. Только теперь Николай по-настоящему почувствовал себя дома. Волна счастья накатила на него так внезапно, что чуть не свалила его с ног. Он высоко подпрыгнул, как мальчишка, и помчался в дом переодеться и готовить ужин.

Весь следующий день прошёл в хозяйственных хлопотах. Его совершенно оставили впечатления предыдущих дней. Час за часом они становились всё призрачней, пока не исчезли совсем, скрывшись за смутным горизонтом памяти. Вечером была баня с паром, берёзовым веником, а после – чаепитие перед запахнутым окном. Недоставало только свежего хлеба, но это несколько не омрачало настроения Николая. На столе стояла ещё с утра вынутая из шкафа ручная меленка, специально приготовленная, чтобы назавтра смолоть зерно и испечь два ржаных, подовых караваев, точно таких же, какие

когда-то давно пекла его бабушка. Он лёг спать усталым и таким умиротворённым, каким не чувствовал себя уже много лет. Тишина ночи окружила его мягким покрывалом, прошитым тонким, шёлковым пискком комаров.

Ранним утром покров тишины был разорван мерно пульсировавшим гулом, происходившим как будто из-под земли. В окошке спальни заходило, задребезжало стекло. Николай вскочил с постели, стараясь понять, что происходит. Ему уже доводилось слышать подобные звуки. Как правило, они доносились со стороны озера и были особенно хорошо слышны в безветренные дни, перед закатом. Никто не знал истинной природы этих звуков, поэтому их попросту считали одной из матвейцевских странностей, не нуждавшихся в рациональном объяснении. Теперь гул раздавался совсем близко, судя по всему, где-то на заднем дворе.

Николай вскочил, впопыхах натянул штаны задом наперёд, махнул рукой, стащил их и выбежал на крыльцо как был, в одних трусах. Во дворе было пусто, зато в самом его центре, на видном месте, торчал красный бумажный флажок на длинной пластмассовой ножке. Николай опасливо приблизился к нему, осторожно ступая босыми ногами и оглядываясь. Флажок легко вынимался из земли. В нём не было ровным счётом ничего угрожающего, но на душе у Николая стало тревожно. Он повернулся назад, к крыльцу, и заметил ещё один, точно такой же флажок, торчавший возле дальнего угла дома. Кто-то явно пытался подать ему знак.

Перескакивая через две ступеньки, Николай поднялся в дом, наспех оделся, подумал было захватить топор для самозащиты, но что-то подсказывало ему, что топор, скорее всего, не понадобится. Через несколько минут, полностью одетый и окончательно проснувшийся, он стоял возле дальнего угла своего дома. С места, где торчал второй флажок, был виден третий, просунутый между досками ограды с обратной стороны забора. Николай последовал за флажками. В поле они были расставлены намного дальше друг от друга, но всегда в пределах прямой видимости один от другого. Без всякого сомнения, они вели его к лесу.

Он хорошо знал это поле, не без основания считая его продолжением собственного заднего двора. На нём давно ничего не сеяли, и только постоянный выпас скотины не давал ему зарастать бурьяном и кустарниками. И всё же возле самой опушки леса, зацепились и теперь нахально поднимались в человеческий рост высокие, буйные сорняки. Туда, к этим зарослям, и вели его красные флажки.

Николай вломился в траву, приминая её своим мощным телом. Через несколько шагов ему пришлось остановиться: флажков больше не было видно. Не было видно и цели, ради которой он пришёл сюда. Всё было тихо. Молчал, насупившись, лес, недовольный его ранним визитом. Даже ветер смолк, ожидая чего-то. Николай постоял несколько секунд. Тут его внимание привлёк громкий шорох: кто-то ворочался в траве. Судя по звуку, это был какой-то зверь, и не маленький. Николай пожалел, что не

захватил с собой топор. Впрочем, разве топор испугает медведя, если тот всерьёз решится напасть?

Зверь притих, должно быть, замер, почувствовав присутствие человека. «Пойду-ка я отсюда подобру-поздорову», – решил Николай, но вместо этого тихонько позвал: «Эй!». В траве снова зашуршало. «Есть тут кто-нибудь?» – уже громче спросил он. Шуршание прекратилось. Тогда Николай оставил осторожность и приблизился к зверю. Каково же было его удивление, когда оказалось, что то был не зверь, а человек, лежавший на земле лицом вниз и предпринимавший слабые попытки подняться на ноги. Он не смотрел в сторону Николая и, по-видимому, не замечал его.

– Господи! Батюшки! Боже мой! – заговорил Николай, сам не понимая, что произносит, и даже не пытаясь выразить свои чувства в этих бессмысленных словах. Он узнал Ирину! Вид её был ужасен: вся одежда девушки была покрыта грязью, лицо распухло от комариных укусов, превратившись в сплошной красный волдырь; ладони рук и торчавшие сквозь прорехи в джинсах колени были ободраны до крови; в спутанных волосах застряли хвоинки, прошлогодний репейник, трава и паутина. Но это, несомненно, была Ирина. Услышав бормотание Николая, она повернула к нему свою голову, слабо улыбнулась и рухнула обратно в траву, лицом вниз.

– Ах ты, господи! Ах, мать честная! – воскликнул Николай, подбегая к ней и подхватывая её на руки. Измождённое тело Ирины показалось ему невесомым.

– Батюшки родные! Что же это такое творится! – раз за разом повторял он бестолковые старушечьи причитания по дороге домой. Да и какая была ему разница? Он был так счастлив видеть Ирину живой, что ему всё равно не хватило бы слов, чтобы выразить свои чувства. Девушка неподвижно лежала у него на руках, закрыв глаза. Она как будто спала. Тело её было холодным, очень холодным. Николай страшно испугался этого холода, пошёл скорее, почти побежал, думая только, как бы не упасть, как бы донести её до дома. А уж там...

«Что же я буду делать? Что делать? – плясали у него в голове тревожные мысли. – Как согреть? Что с ней? Батюшки! Батюшки!»

Он, как вихрь, ворвался в дом, заметался, заходил из угла в угол, роняя на пол стулья, посуду со стола и разные предметы, висевшие на стенах. Грохот падающих вещей заставил Ирину приоткрыть глаза. Увидев, что она очнулась, Николай остановился посреди кухни, как вкопанный.

– Балда! Как есть балда! – пробормотал он и бросился в спальню. Там он бережно уложил Ирину в свою постель и хотел накрыть её одеялом, но тут спохватился, осторожно стянул с неё грязные, ободранные кеды, пустой рюкзак и начал было раздевать, но опять засомневался, размышляя, прилично ли ему будет снимать с девушки одежду. В конце концов, он оставил Ирину одетой.

Через несколько минут над кирпичной трубой бани возник тоненький дымок и тут же растаял, пронизанный лучами солнца, поднимавшегося над лесом. Вместо дыма из трубы пошёл чистый жар, весело колыхавшийся призрачным маревом на фоне ясного утреннего неба. Воздух наполнился запахами смолы, сухих берёзовых листьев и горькой полыни.

Николай натаскал воды из колодца, достал с чердака самый лучший берёзовый веник и мешочек с сушёными травами для запарки. Кажется, всё было готово, оставалось только принести Ирину.

«Как же, всё-таки, мне её раздеть? – недоумевал он. – Ах ты, господи!»

Впрочем, раздевать Ирину ему всё-таки не пришлось. Когда Николай вносил её в баню, она очнулась от своего полузабытья и спросила чуть слышно:

– Куда вы меня несёте?

– В баньку! Погреться!

– Хорошо, – согласилась Ирина. – Мне бы воды, попить, – попросила она.

– Сейчас принесу! Вы пока раздевайтесь, а одежду бросайте за дверь.

– А там есть горячая вода?

– Есть, конечно, есть! И мыло! Шампуня у меня, правда, нет. А вы воду-то не берегите, я ещё натаскаю!

Он оставил Ирину мыться, а сам побежал в дом за кипячёной водой. Вернувшись, Николай не нашёл снаружи грязной одежды.

– Можно войти? – прокричал он сквозь дверь. – Я воду принёс!

Ответа не последовало. Николай заволновался: не случилось ли чего неладного? Он приоткрыл дверь в предбанник и заглянул внутрь. Ирина полулежала на лавке, почти раздетая. Увидев Николая, она повернула к нему голову и сказала, как будто извиняясь:

– Вам придётся мне помочь. У меня что-то ужасно кружится голова.

Николай, как был, в одежде и сапогах, вошёл в горячую баню. Осторожно, словно обращаясь с драгоценной и очень хрупкой фарфоровой статуэткой, он помог Ирине вымыть волосы, а потом и всё тело. Затем он вытер её большим махровым полотенцем, обернул в покрывало и отнёс обратно в спальню, уложив на свою кровать, где уже было постелено свежее бельё.

– Не уходите, – попросила его Ирина.

– Да я никуда! Только на кухню, покушать вам принесу! Вы что будете? Хотите яичницы?

– Нет, мне нельзя теперь яичницы, – со слабой улыбкой ответила Ирина.

– Так куриного бульона! Я мигом!

– И бульона нельзя.

– А чего же можно?

– Нет ли у вас молока?

– Есть! Сейчас будет!

– Можно немного молока с сахаром. Только сахара чуть-чуть – одну ложечку на стакан.

Николай помчался за молоком. Ирина отчётливо слышала громкий топот его сапог по деревянному полу.

– Вот, молоко! – торжествующе объявил Николай по возвращении. – Пейте на здоровье! Если надо, я ещё принесу.

– Я лучше помаленьку, – сказала Ирина. Сделав несколько глотков, она поставила стакан на столик, стоявший возле кровати. У неё совсем не было аппетита, но она и не ожидала ничего другого.

– Вот какая странная получается штука, – говорил между тем Николай, сидевший на простом, деревянном стуле подле кровати. – Давеча я у вас в комнате ночевал, а теперь, может быть, вам у меня придётся.

– Вы? У меня в комнате? – удивилась Ирина. – Пожалуйста, скажите, что вы пошутили! Хватит с меня галлюцинаций!

– Какие уж тут шутки! Если бы не ваша мама, я бы до сих пор в городе по улицам мыкался. Она меня приютила и денег на дорогу дала.

– Вы знаете мою маму? О чём вы вообще говорите?

Николаю уже столько раз приходилось рассказывать одну и ту же историю, что на сей раз она вышла у него довольно складной. Ирина слушала, не отрывая глаз от его лица, как будто сомневалась в реальности текущей минуты. Рассказ Николая казался ей совершенно невероятным.

– Ну, вот, значит, проснулся я сегодня с утра пораньше, пошёл в поле, за домом, посмотреть... эээ... как трава, и тут, как раз, на вас и наткнулся! Сперва подумал, зверь какой-то в чапыжнике ворочается, испугался! Топора-то ведь с собой не захватил...

– Подождите, подождите, – перебила его Ирина, до которой, наконец, начал доходить смысл слов Николая. – Так значит, это вы забрали Сергея Сергеевича?

– Я забрал, – с довольным видом подтвердил Николай. – Между прочим, спас человеку ногу. Фельдшер сказал – ушиб надкостницы. Ещё немного...

– Пойдите! – вновь остановила его Ирина. – Выходит, мы напрасно пошли вокруг озера? Всё было зря? А как же Володя? Его не нашли?

Николай стукнул себя ладошкой по лбу. За хлопотами с Ириной он совершенно забыл о существовании Володи!

– Я думал, вы были вместе. Что с ним случилось? – спросил он.

Ирина рассказала о своём расставании с Володей, описав, как могла, то место, где она оставила его несколько дней назад.

– Так это на той стороне озера? – уточнил Николай.

Ирина кивнула в ответ.

– Плохо дело! Мне одному его там нипочём не найти, а пока доеду до Центральной да сообщу, кому следует, пройдёт ещё один день.

– У меня есть сотовый телефон, – сказала Ирина. – Он лежит в верхнем кармане рюкзака. Не знаю, работает ли он. Давайте попробуем!

Телефон был мигом извлечён из кармана. Он выглядел совершенно новым, как будто только что купленным в магазине. В тёмном, чуть зеленоватом экране виднелись слабые отражения предметов, находившихся в комнате. Николай

повертел телефон в руках, не зная, что с ним делать, после чего протянул его Ирине.

Затаив дыхание, Ирина нажала на кнопку. Экран мелькнул, потом зажегся, излучая холодный, синеватый свет.

– Работает! – сказала она с облегчением. – Теперь подумаем, кому нам следует позвонить в первую очередь.

– Марии Александровне! – без колебаний ответил Николай. – Я ей обещал!

– Ладно, – согласилась Ирина. – Только здесь у вас нет приёма. Надо выйти во двор.

– Давайте, я вас вынесу! – предложил Николай.

– Что же, вы так и будете целый день носить меня на руках?

– С удовольствием! – ответил он.

Выйдя во двор, они набрали номер домашнего телефона Залесских. Ирина включила громкую связь. Им ответили сразу же. Мария Александровна почувствовалась, заплакала и никак не могла взять себя в руки, так что разговор пришлось продолжать Илье Анатольевичу. Ирине позволили повесить трубку только после того, как она трижды повторила, что с ней всё в порядке, что ей не угрожает никакая опасность и что в скором времени она вернётся домой. Беседа с родителями длилась не менее получаса. В течение всего этого времени Николай продолжал держать девушку на руках, не проявляя при этом ни малейших признаков усталости или нетерпения.

– Да поставьте же меня на ноги! – возмутилась Ирина.

– Куда же я вас поставлю? На вас же нет никакой одежды! А вот одеяло развернётся? Озябнете опять!

– Так ведь жара на улице!

– Какая же это жара? Ветер северный, очень холодный, – не сдавался Николай.

– Ну ладно, – смирилась Ирина. – Кому теперь будем звонить?

– Я думаю, Егору Ивановичу.

– Кто это?

– Это наш фельдшер. Мы ему обо всём сообщим, а уж он сам знает, с кем дальше связаться. Вон, вашего Сергея Сергеевича мигом пристроил.

– Хорошо, – согласилась Ирина. – Какой у него номер?

– Он у меня дома в книжке записан, – сказал Николай.

– Вы знаете, Николай, давайте-ка я наберу вам номер, а вы уж сами разговаривайте. Не могу же я всё время сидеть у вас на руках!

На том и согласились. Войдя в дом, Николай достал старинную, потрёпанную записную книжку в кожаном переплёте, хранившуюся за маленьким зеркалом, висевшим в красном углу вместо иконы. Листы в ней были ветхие, пожелтевшие от времени, с загнутыми сверху уголками. В эту книжку заносились самые важные сведения: семейные рецепты, восходившие к временам прабабушек, даты церковных и светских праздников, названия

лечебных трав, списки морозостойких сортов капусты и, конечно же, телефонные номера. Последних было немного. Особое место среди них занимал номер фельдшера, записанный на переднем форзаце.

– Вот он! – сказал Николай, указывая на номер.

– А местный код у вас разве не изменился? – спросила Ирина, разглядывая цифры, тщательно выведенные мудрёным каллиграфическим почерком. – Кажется, несколько лет назад меняли.

Николай пожал плечами. Ему самому никогда ещё не приходилось пользоваться этим номером.

– Наберу с учётом последних изменений, – сказала Ирина. – Вот, нажмёте на эту зелёную кнопку и можете разговаривать.

Николай вернулся во двор и тихонечко нажал своим несоразмерно огромным, загрубелым пальцем на маленькую зелёную кнопку, горевшую в углу экрана. Потом он приложил телефон к уху, как это делала Ирина. Из телефона слышались длинные гудки.

– Да, – ответил ворчливый голос Егора Ивановича. – Я же тебе говорю, шприцы все кончились! Да писал я заявку, писал! – закричал фельдшер, явно обращаясь не к Николаю, а к кому-то другому, находившемуся рядом с ним в помещении медпункта. – Слушаю! – продолжал он, несколько понизив голос. – Ну, чего молчите-то? Уж если позвонили, так говорите!

– Егор Иванович! Это Николай из Матвейцева.

– А, Коля? Чего у тебя приключилось?

– Я нашёл пропавшую девушку!

– Да ты что? – удивился фельдшер. – Эй, Наталья! Выйди из кабинета! Говорю тебе, у меня важный разговор! Да хватит орать! Через час приходи!

Николай терпеливо ждал, пока Егор Иванович выдворял из комнаты упрямую Наталью. В телефоне раздался резкий грохот захлопнутой двери, вслед за ним слышался тяжёлый вздох фельдшера.

– Коля? Ты ещё там?

– Тут.

– Так что, говоришь, нашёл? Где нашёл-то?

– Сама вышла из лесу прямо у меня за домом.

– Ах, ты! – воскликнул Егор Иванович. – А парень?

– Парень остался в лесу. Захворал он сильно. Она его оставила, чтобы идти за помощью.

– Давно оставила?

– Да дня три или четыре тому назад, я толком не понял.

– Надо спасателям звонить!

– Егор Иванович, так ты позвони, а?

– Позвоню, позвоню, не беспокойся. А девушку я у тебя заберу. В каком она состоянии?

– В нормальном состоянии. То есть сейчас в нормальном, а как нашёл, так думал не жилица – такая холодная была, ужас! И губы синие, как у утопленницы.

– Гипотермия, понятное дело.

– Ещё она есть отказывается. Одного только молоко велела принести, – пожаловался Николай.

– Это правильно. Молодец, девка! Делай, что она велит! Она ведь медик?

– Студентка.

– Ну, да всё равно, можно сказать, коллега. Значит так, – жди меня, я прямо сейчас выезжаю. Пока спасатели ко мне доберутся, я уж её от тебя привезу. Всё, пока!

И фельдшер, не говоря более ни слова, повесил трубку.

Николаю сделалось грустно. Ему хотелось подольше побыть с Ириной, выходить её, поставить на ноги, и только потом отпустить обратно в большой мир, в котором не было места для него самого. А теперь приедет фельдшер, заберёт её, и они, может быть, никогда больше с ней не увидятся.

Он вошёл в спальню и обнаружил, что девушка крепко спит. стакан с молоком был пуст лишь наполовину. Осторожно, стараясь не шуметь, Николай положил телефон рядом со стаканом. Он пристально посмотрел на Ирину, удивляясь необыкновенной хрупкости её фигуры, покачал головой, вышел на улицу и занялся своими вечно неубывающими хлопотами. «А хлеба уж завтра испеку», – решил он.

Покончив с делами, Николай забрался на крышу. Солнце немилосердно жгло землю. Было душно: самое время пойти на озеро, купаться. Вот только фельдшер должен был пожаловать с минуты на минуту. «Экое палево. Должно быть, к грозе», – подумал Николай.

Егор Иванович прибыл довольно скоро. Николай издали услышал скрип тормозов его старого УАЗика. Спустившись с крыши, он вышел из ворот, чтобы поприветствовать гостя.

– Ну, где она? – нетерпеливо спросил фельдшер.

– Спит.

– Буди, буди! За ней уже из города едут!

Скрепя сердце, Николай пошёл будить Ирину. Вслед за ним в комнату без всяких церемоний проследовал и Егор Иванович.

– Ну что, голубушка, как вы себя чувствуете? – спросил фельдшер подчёркнуто бодрым тоном.

– Хорошо, – прохрипела Ирина, совершенно дезориентированная после глубокого сна.

– Вот и чудесно. Одевайтесь скорей!

– Одежда! – воскликнул Николай. – Я же забыл постирать её одежду!

– Ничего, чай, не в театр едем. Тащи нестиранную, – велел фельдшер.

Николай пошёл за одеждой Ирины, которая так и осталась лежать под скамейкой в предбаннике.

– Это и есть её одежда? – недоверчиво спросил Егор Иванович, с недоумением глядя на кучку грязных рваных тряпок в руках Николая. – Ты, значит, Коля, того, сложи-ка её в пакет. Там разберёмся.

– Что же ей надеть?

– А у тебя нет ничего подходящего?
– Ничего такого маленького, одни только рубашки да штаны.
– Давай какую-нибудь рубашку, а вместо штанов сделаем юбку из простыни. Кеды ещё сойдут. Вещи я тебе потом назад привезу или сам заберёшь, когда будешь в наших краях. И шевелитесь же вы, шевелитесь! Время не терпит!

Николай убежал за рубашкой. Вернувшись, он застал Егора Ивановича за рассказом о каком-то нелепом случае из его врачебной практики. Слушая это, по-видимому, весёлое повествование, Ирина тихо смеялась. Маленькие, озорные искорки прыгали в её серых глазах. «Совсем как у матери, – подумал Николай. – Значит, не всё безнадежно». И на сердце у него снова стало хорошо и приятно.

Он не позволил Ирине идти до машины. Как только она оделась и сделала попытку подняться, он тотчас подхватил её на руки. Егор Иванович одобрительно кивнул и первым вышел из комнаты.

Свет на улице изменился. Полнеба было затянуто низкими свинцовыми тучами. Где-то в отдалении погромыхивало. С озера налетал холодный ветерок, приятно скользивший по мокрой от пота спине Николая.

– Ну что ж, до свидания! – сказал он Ирине, просовывая свою косматую голову в открытое окно УАЗика.

– До свидания, – ответила она. – Вы нам непременно звоните!

– Откуда ж я позвоню?

– Ну, так напишите письмо. Можно я вам тоже напишу?

– У меня здесь и почты-то нет, – сокрушённо сказал Николай.

– Пишите, пишите, – встрял Егор Иванович. – Вы лучше на мой адрес присылайте, а я передам, обязательно передам!

Николай с благодарностью взглянул на добродушного фельдшера. Тот подмигнул в ответ и завёл мотор. Сотрясаясь всем кузовом, УАЗик тронулся. Вслед за ним, как стайка дельфинов за кораблём, полетели, подгоняемые ветром, клубы пыли. На голову и плечи Николая упали первые крупные капли дождя.

Глава 15

Прошло несколько месяцев. Наступил сентябрь. Солнце ещё по-хорошему грело днём, а по ночам уже начинало холодать. Выцветшее за лето небо стало всё гуще окрашиваться в тёмно-синий цвет. То и дело задували студёные северные ветры, правда, пока ещё понарошку, словно тренируясь перед долгой зимой. В безветренные дни в воздухе подолгу висел туман.

Несмотря на треволения, ознаменовавшие собой начало лета, Николай собрал превосходный урожай. Сразу же после прощания с Ириной он с головой погрузился в работу. Когда дел совсем уже не оставалось, он придумывал себе какое-нибудь новое занятие, загонял себя до последней степени, по

вечерам буквально валился с ног от усталости, а на следующее утро начинал всё сначала, всячески избегая праздности. Как только он садился передохнуть, в голову ему начинали приходиться неудобные мысли. В душе Николая постепенно происходил перелом, сути которого он не понимал, а может быть, просто отказывался понимать. Он не любил перемен, поэтому непонятные изменения, неожиданно начавшиеся в нём самом, пугали его.

В августе к нему приезжали погостить Залесские, Мария Александровна и Илья Анатольевич. Их привёз на своём УАЗике всё тот же неунывающий Егор Иванович. Старый фельдшер был до того очарован Марией Александровной, что даже остался обедать, а потом просидел вместе с гостями до позднего вечера, жарко дискутируя с отцом Ирины о международной политике и поглощая неимоверное количество чая с клубничным вареньем.

Сама Ирина не смогла приехать, так как должна была весь месяц работать в больнице дежурной сестрой. Она прислала с родителями порядочную кипу книг и длинное письмо, которое Николай читал и перечитывал, хранил за зеркалом вместе с семейной записной книжкой и на которое всё время порывался ответить, но никак не мог собраться с мыслями. Взяться за карандаш означало заглянуть внутрь своей души, а к этому Николай в то время ещё не был готов.

Залесские, заглянув на пару дней, прогостили целую неделю. После их отъезда Николай сделался ещё более угрюмым, чем прежде. Его привычный маленький мир, некогда удовлетворявший большинство его скромных потребностей, стал казаться тесным, лишённым выхода, замкнутым в самом себе, как лента Мёбиуса. Николай упорно делал вид, будто с ним ничего не происходит, и в то же время тайком от самого себя раз за разом мысленно проходил по этой ленте, пытаясь найти разрыв, и не находил ничего, за что бы мог зацепиться, дабы остановить свой мучительный бег по бесконечному кругу. Он чувствовал, что в простой системе его существования чего-то катастрофически не хватает, но не мог понять, чего именно, и лишь смутно угадывал какую-то грозную силу, беспокойно ворочавшуюся внутри его разума, не дававшую ему покоя.

В этот нелёгкий для него период случилось нечто, кардинально изменившее всю его жизнь. В конце сентября в Матвейцево нагрянула тяжёлая строительная техника. Бульдозеры, грейдеры, самосвалы, экскаваторы расположились на лугу между селом и озером. Привлечённый невероятным шумом, расколовшим тонкий, деликатный купол осенней тишины, Николай с недоумением наблюдал, как всего за несколько минут зелёный луг превратился в грязную, исполосованную колеями плешь. Хлипкий дёрн, кое-как цеплявшийся за бедную подзолистую почву, проседал под гусеницами машин. Обнажилась, вышла наверх рыжая глина, столетиями не выдавшая солнца.

Николай подошёл к одному из грузовиков. В кабине сидел водитель, пожилой человек лет пятидесяти в старомодной кепке, со скучающим видом куривший сигарету с фильтром.

– Это что же? – спросил Николай, обводя рукой технику, заполнившую бывший луг.

- Чего? – ответил водитель, видимо, не понявший вопроса.
- Что же такое будет? – не менее туманно уточнил Николай.
- Что будет? Дом отдыха тут будет. Спортивная база.
- Где?

– Как где? На месте этой заброшенной деревни! – водитель кивнул головой в сторону Матвейцева.

– Как заброшенной? Я же здесь живу!

– Почём я знаю? – пожал плечами водитель. – Ты пойдёшь, у начальства спроси. Моё-то дело маленькое.

– А кто у вас тут начальство?

– Не знаю. Поспрашивай у людей.

Николай стал искать начальство. Ему указали на молодого человека в синем, чистом, с иголочки комбинезоне, стоявшего на ступеньках зелёного вагончика и что-то объяснявшего группе водителей. Подождав, пока молодой человек освободится, Николай подошёл к нему со своим вопросом.

– Как вы можете здесь жить? – спросил начальник, с подозрением глядя на Николая. – У меня есть все необходимые бумаги, – он указал рукой на вагончик. – Согласно документам, село нежилое.

– Врут эти ваши документы!

– Ну, знаете ли! – возмутился начальник. – А у вас самого документы имеются?

– Конечно!

– И в них указана прописка в этом селе?

– Да, да! – обрадовался Николай. Всё-таки и на его стороне имелись кое-какие документальные доказательства.

– Странно, – сказал молодой человек. – Принесите-ка ваш паспорт, а я пока позвоню руководству.

Спустя полчаса Николай вернулся с паспортом.

– Всё ясно! – сказал начальник, даже не взглянув на штамп с пропиской. – Гражданин Соболев, ваш дом, в числе прочих, был признан непригодным для проживания, не так ли? В соответствии с законом вам была предоставлена жилплощадь в Абакумовке. Вот туда и поезжайте.

– Да не хочу я туда ехать!

– Придётся. Вы свой дом не приватизировали? Не приватизировали. И земля вам тоже не принадлежит. Значит, вы не имеете права распоряжаться данной недвижимостью. Раньше надо было думать.

– Так ведь я на этой земле всю жизнь прожил! Как же она может мне не принадлежать? Чья же она тогда?

– Прежде была государственной, а теперь это – частная собственность.

– Чья собственность?

– Компании, которая будет строить объект.

– Что же, эта ваша компания пахала здесь землю, косила траву, сажала картошку?

– Компания заплатила деньги и получила право на использование участка земли бывшего сельского поселения.

– А у меня, стало быть, нет никаких прав?

– У вас, если не ошибаюсь, есть право на внеочередное предоставление жилья. Поезжайте в Абакумовку, мой вам совет.

– Никуда я не поеду! – упёрся Николай.

– Как хотите! – развёл руками начальник. – Только село ваше мы всё равно снесём. В этом году расчистим территорию, а в будущем начнём строительство.

– Что? Всё село? – ужаснулся Николай.

– Да много ли тут? – улыбнулся начальник. На пару недель работы.

– И мой дом?

– И ваш дом. Единственное, что я могу для вас сделать – начать с противоположной стороны. Успеете вынести вещи. Машина в Абакумовку пойдёт – захватит.

Николаю хотелось схватиться руками за голову, но руки не поднимались. Перед глазами плыли тёмные пятна. В его голове всё ещё не мог уместиться масштаб постигшей его катастрофы. Он стоял на разломе. Позади него стремительно уходило вдаль ясное, незатейливое, но такое родное прошлое. Впереди сплошной стеной клубился непроницаемый туман. Граница между прошлым и будущим была почти осязаемым барьером, в котором он застрял, как муха в паутине.

На следующее утро начался снос села. Первыми пали дома и деревья со стороны озера. Старинные яблони, гигантские стволы тополей, покрытые жёлтыми лишайниками, заборы, сараи, дома, всё качалось, стонало, хрипело и щёлкало, и падало на землю не в силах противостоять чудовищной мощи машин. Люди, как муравьи, облепляли поверженные деревья, мгновенно превращая их в грудки коротеньких брёвен. Равнодушные ноги ступали по молодым ветвям, ещё минуту назад прикасавшимся к небу. Шеренга машин, как огромный пылесос, продвигалась внутрь села, оставляя за собой ровное пространство, начисто лишённое жизни.

Спустя три дня левая сторона Матвейцева превратилась в ровное поле. На четвёртый день настала очередь правой стороны. За всё это время никто из рабочих не видел Николая. Впрочем, никто и не искал его. По вечерам строители собирались у своих вагончиков, ужинали, обменивались вялыми шутками, курили и укладывались спать. Никому из них не приходило в голову поговорить со странным отшельником, поинтересоваться, что он делает, спросить о его планах на будущее.

Не появился он и перед сносом собственного дома. Начальник опасался, что Николай мог запереться внутри. Он остановил работы, устроив подчинённым ранний обед, а сам стал громко стучать в ворота. Ответа не последовало. Ворота оказались не запертыми. Начальник отворил их и заглянул внутрь. Двор был пуст. Жутковатая тишина висела в тёмных углах,

в открытых настежь сараях, под кроной гигантской липы, не шевелившей ни единым листом. Всё замерло в воздухе. По спине начальника поползли мурашки. Он стоял посреди двора, прислушиваясь. В нём невольно возникло и поднялось впечатление, будто кто-то невидимый смотрит на него укоризненным, недобрый взглядом. Затянувшаяся пауза росла напряжением, пока не разразилась внезапным крещендо ожившего мотора. Затарактел, заводясь, один из бульдозеров, стоявших вдоль забора. И тотчас пропало мимолётное наваждение, развеянное бодрым, напористым звуком прогресса.

Рабочие возвращались с обеда. Стали искать Николая, но никого не нашли. Дом выглядел так, как будто его покинули много лет назад. Ничто в нём не выдавало недавнего присутствия хозяина. Комнаты были пусты: в них не было ни мебели, ни хозяйственной утвари, в них не было совсем ничего. Рабочие пожалы плечами, с облегчением вышли на улицу и принялись за своё дело. Через несколько часов от дома, где жил Николай, не осталось даже следов.

Дальнейшие работы продвигались быстро, с опережением графика. Могло показаться, что побеждённое Матвейцево сдалось, перестало сопротивляться, смирилось со своей участью. Но это, разумеется, было бы не более чем иллюзией. Просто дело близилось к концу, и рабочим не терпелось поскорее разехаться по домам, тем более что погода совсем испортилась. Пошёл мелкий, затяжной, уже по-настоящему осенний дождь, грозивший сделать непроезжими и без того ненадёжные лесные дороги. Рабочие торопились и в результате закончили на два дня раньше срока. Техника исчезла также быстро, как появилась. Село Матвейцево, простоявшее над озером двести лет, было разрушено менее чем за две недели.

Глава 16

– Егор Иванович! – воскликнула запыхавшаяся Марина, вбегая в кабинет фельдшера.

– Ох ты, господи, напугала! – проворчал тот, отрывая взгляд от бумаг, которые с нескрываемым отвращением разглядывал сквозь очки, висевшие на самом кончике его носа.

– Матвейцево собираются сносить! – выпалила она, пытаясь отдышаться.

– Да ты что?

– Сама видела! Целая куча техники только что переправилась по солдатскому мосту!

Тут надо заметить, что мост, возведённый сапёрами для поддержки спасательной операции на болоте, так и остался стоять на своём месте, а поскольку строили его военные, то он, вполне объяснимо, получил в народе название «солдатского». Местные жители поначалу недоумевали, отчего этот мост не разберут, так как стоил он, без сомнения, порядочно, а пользы не приносил ровно никакой. Потраченные деньги, однако же, были государственными,

то есть ненастоящими, падающими то ли с неба, то ли ещё бог весть откуда. Цены таких денег никто не знает, никто их не считает, но, по привычке, нет-нет да и пожалеет какой-нибудь обычный русский человек, наткнувшись на новый пример вопиющего, ничем не оправданного расточительства. Нет, вовсе не жаль ему государства, потерявшего деньги, потому что нельзя постичь убыль неизмеримого. Там, откуда пропало, остаётся ещё без счёта. Но если деньги воплощаются в какой-нибудь никому не нужный материальный объект, вроде моста, то как тут не пожалеть, фантазируя о пользе, которую он мог бы принести, будучи употреблённым с надлежащей рачительностью. Делать, однако же, никто ничего не делает, в особенности если объект нельзя украсть, чтобы как-нибудь приспособить его в личном хозяйстве.

– Так вот, значит, почему этот мост до сих пор не разобрали! – воскликнул пронизательный Егор Иванович, всё ещё не понявший как следует отчего так беспокоится Марина.

– Так ведь Коля там остался! – навела она его на нужную мысль.

– И правда! – вспомнил фельдшер. – Ну, уж теперь ему деваться некуда, переедет сюда, как миленький. Кончилась пора его отшельничества.

– А вдруг не переедет?

– Что же, по-твоему, останется зимовать в лесу?

– Не знаете вы его!

– А ты-то откуда его так хорошо знаешь?

– Я не знаю, я чувствую. Не приедет он, вот увидите!

– Тем хуже для него. Не могу же я тащить его силой, этакого-то бугая. Ты на меня посмотри, а потом на него!

– Егор Иванович, миленький, давайте съездим туда! Ему сейчас наверняка нужна наша помощь!

– Какая же ему от нас с тобой помощь? Тебе так вообще надо в первую очередь за мужем смотреть. Чего это он у тебя в последнее время разболтался? Работу бросил, ходит ко мне чуть ли не каждый день, всё толкует про какую-то инвалидность. Запил он что ли?

– Причём тут муж?

– А притом! У Николая есть своя голова. Он как-нибудь без нас с тобой разберётся.

– В том-то и беда! Ему всегда приходится самому разбираться. Вы представьте себя на его месте!

Егор Иванович задумался. Что-то внутри подсказывало ему, что и в самом деле надо бы съездить. Одна беда – ехать было не на чем.

– Пока что нельзя поехать, – сказал он.

– Почему? – спросила Марина.

– Колесо прохудилось. Вся боковина отслоилась напрочь, ремонту не подлежит.

– Так поставьте запаску!

– А я на чём, по-твоему, последние полгода езжу?

– Что же делать?

– Сын обещал поискать в городе пару подержанных шин для УАЗика. Вот уж когда прийдёт, тогда и съездим.

– Так ведь поздно будет!

– Авось не помрёт он там за неделю. А то, глядишь, и сам объявится через пару дней.

Расстроенная Марина была вынуждена уйти ни с чем. Как она и ожидала, Николай не появился в Центральной усадьбе ни через пару дней, ни через пару недель.

Шины пришли из города только в середине октября. Месяц выдался дождливым. Дорога в Матвейцево, и в прежние годы практически непроезжая в распутицу, теперь была ещё больше разбита тяжёлой строительной техникой. Пришлось ждать первых заморозков, которые всё не наступали и не наступали. Октябрь сменился ноябрём, таким же гнилым и промозглым. Лишь после ноябрьских праздников влажный западный ветер уступил место северному. Дожди перестали, хотя небо продолжало угрюмо чернеть плотными, тяжёлыми облаками.

Почувствовав в воздухе первый по-настоящему морозный запах, Марина отпросилась с работы и прямо с утра заявила в медпункт. Против обыкновения Егор Иванович был сильно не в духе. Он сидел за столом, подперев ладонями щёки, и смотрел в окно, хотя в нём ровным счётом ничего не было видно, кроме его собственного лица, отражённого тёмными стёклами.

– Никуда не уйду! – с порога, не здороваясь, заявила Марина, усаживаясь на стул.

– Ну, так сиди, – согласился Егор Иванович, ничуть не тронутый её решительным заявлением.

– Что с вами? – спросила Марина, только теперь разглядевшая на лица фельдшера нехарактерное для него печальное выражение.

– Со мной ничего, а вот медпункт закрывают. Оптимизация, говорят. Всех больных будут возить в район.

– А вы как же?

– Я – под сокращение. После Нового года буду сам по себе.

Марина помолчала, не зная, что сказать. В это раннее утро у неё не находилось слов утешения. Да и как могли помочь какие-то слова?

– Насчёт Николая пришла? – поинтересовался Егор Иванович, не меняя позы.

– Ага, – подтвердила Марина, уже без вызова, почти робко.

– Поедем!

– Правда?

– Ну, а что? Пускай наши привыкают к новым порядкам. Пусть едут в район со своими занозами и синяками. Чего я тут ношусь, как проклятый? Ты знаешь, когда я в последний раз был в отпуске?

– Когда?

– Никогда! Вот теперь и отдохну за все прежние годы.

Он встал, надел старенькое драповое пальто, в котором ходил до наступления холодов, потом подумал, снял его и полез в стенной шкаф за тулупом.

– Ты того, Марина Валентиновна, ступай-ка домой, надень чего-нибудь потеплее, – сказал он.

– Так ведь вроде не холодно ещё! – возразила Марина. Ей не хотелось возвращаться домой и отвечать на вопросы мужа.

– Сейчас не холодно, а до вечера всякое может случиться. Не ровен час сломается машина в лесу, так замёрзнешь там до смерти в своём плаще. Барахлит она у меня, совсем старая стала, не любит холода, как и все старики.

Марина побежала домой, сопровождаемая любопытными взглядами и перешёптыванием односельчан, спешивших на работу. К счастью, муж продолжал спать и не заметил её прихода. Ещё с крыльца она с облегчением услышала его громкий храп. Помимо дублёнки, Марина захватила с собой короткие валенки и маленькую бутылочку коньяка, которую хранила в укромном месте, подальше от мужа.

Поехали. Миновали солдатский мост, и тут же с обеих сторон машину обступил лес, тёмный, хмурый, неприветливый. Дорога держала. За ночь она промёрзла, приготовилась принять первый снег, и тот не заставил себя долго ждать. Вначале на переднее стекло УАЗика ложились одинокие снежинки. Ветер подхватывал их и уносил прочь. Запрыгали, завертелись по дороге белые вьюнки, состоявшие наполовину из снега, наполовину из вымерзшей дорожной пыли. Зима неумолимо накатывалась на землю. Вскоре снегопад усилился. Дорога покрылась белой пеленой, мягко светившейся в серых утренних сумерках. Только в лесу по-прежнему было черно. Марина зябко поёжилась, представив себе, что будет, если машина на самом деле сломается посреди этого бесприютного леса.

За всё время пути они не произнесли ни единого слова. Обыкновенно словоохотливый фельдшер угрюмо смотрел на дорогу. Марина вынужденно следовала его примеру. Ей очень хотелось поговорить или хотя бы услышать звук человеческого голоса, но Егор Иванович, задававший тон в любой беседе, происходившей с его участием, на сей раз подчёркнуто избегал общения. На худой конец сгодились бы даже радио, но в спартанской машине фельдшера не было радиоприёмника.

Спустя пару часов, показавшихся Марине самыми длинными в её жизни, они выехали из леса. Их встретило широкое белое поле. Снег милосердно скрыл шрамы, оставшиеся на земле после уничтожения Матвейцева. Холм стоял голый, открытый всем ветрам, жалкий в своей беззащитности перед стихиями.

Егор Иванович побоялся съезжать с дороги, опасаясь наткнуться на невидимые препятствия, скрывавшиеся под снегом. Не доехав до того места, где раньше начиналось село, он остановил машину и заглушил двигатель. Стало слышно пощёлкивание радиатора, а пуще того – завывание ветра, проникавшего в салон через щели в неплотно прилегавших дверях.

– Послушай, как воеет сквозняк! – сказал Егор Иванович, первым нарушив долгое молчание. – Люблю этот звук, потому что как бы ни было тебе грустно, а всё покажется весело против этакой тоски. Ну, пойдём что ли?

Марина кивнула. Они вышли на улицу. Ветер вольно гулял по озеру, разгонялся над водой и, не встречая на своём пути никаких препятствий, стремительно взбирался на холм, усыпая его горизонтально летящими хлопьями снега. Вода ещё не подёрнулась льдом. Даже издали было видно, как по озеру ходят чёрные валы высоких, пенистых волн.

– Оценишь теперь шубу-то! – проговорил Егор Иванович, запахивая свой тулуп.

– Никого не видно, – ответила Марина. Она изо всех сил старалась разглядеть хоть какие-нибудь признаки человеческого присутствия. Тщетно.

– Не видно, – подтвердил Егор Иванович. – А ты что же думала, он будет сидеть посреди этого пустыря и нас с тобой дожидаться, в такой-то ветрище?

– Тогда где же он?

– Не знаю. Пойдём, пройдемся вокруг, – предложил фельдшер.

Гораздо легче было сказать «пройдемся», нежели сделать это. Ветер лепил им в глаза колючим снегом. Земля, издали казавшаяся ровной, на самом деле изобиловала кочками, рытвинами, повсюду были разбросаны ветви деревьев, брёвна, кирпичи и прочий мусор, едва прикрытый тонким снежным покровом. Они спустились с холма, договорившись разделить и обойти его вокруг в поисках каких-нибудь следов. Но напрасны были их усилия. Только сильнее мела пурга да валил снег, безучастный к их маленьким человеческим судьбам.

– Марина! Пошли отсюда! – крикнул Егор Иванович, когда они снова встретились, обогнув холм, каждый со своей стороны. Да, теперь ему уже приходилось кричать, чтобы быть услышанным среди бешеного завывания ветра.

– Ещё немного! – закричала она в ответ, прикрывая лицо покрасневшей рукой без варежки.

– Нельзя! – отвечал фельдшер, подавая ей свои лохматые меховые перчатки. – Дорогу заметёт! Не выберемся!

Побеждённая, она согласилась. Искать дальше было опасно и, пожалуй, бессмысленно. Сама природа противилась им. Несмотря на едва начавшийся день, на улице сделалось темно, как ночью. Видимость не превышала нескольких шагов. Всё, что располагалось дальше, скрывалось за сплошной стеной падающего снега. Их собственные следы исчезали в считанные секунды, навсегда теряясь в холодной белизне.

Взявшись за руки и поддерживая друг друга, подгоняемые торжествующим северным ветром, они добрались до УАЗика. Перед кабиной, обращённой в сторону озера, уже успела образоваться высокая снежная дюна. Внутри машины было почти так же холодно, как и снаружи, зато здесь не было ветра. Это принесло им обоим ощутимое физическое облегчение, но душевные муки

Марины только усилились. Она тихонько плакала, беззвучно роняя слезинки с длинных ресниц. Егор Иванович сделал вид, будто не замечает её слёз. Он молча завёл мотор и осторожно развернул машину, оставив глубокие колеи в свежих сугробах. Однако проехав всего несколько сотен шагов, он снова нажал на тормоз.

– Смотри-ка, – сказал он, указывая рукой налево, в сторону от дороги. – А кладбище-то не тронули. Верно, не нашли.

Действительно, сквозь неровный частокोल обнажённых стволов с дороги было видно старое матвейцевское кладбище. Летом оно полностью скрывалось за завесами листвы. Зимой деревья опадали, и кладбище представало взорам редких прохожих во всём своём печальном запустении. Вот и теперь покосившиеся кресты и выщербленные временем каменные плиты скромно смотрели на проезжавший автомобиль, как будто удивлялись его неожиданно-му появлению в этих безлюдных местах, давно покинутых живыми.

Вид кладбища навёл на них ещё большее уныние. Марина, уставшая бороться со своими эмоциями, достала из кармана маленькую бутылочку.

– Хотите коньяку? – предложила она Егору Ивановичу.

– Ишь ты! – воскликнул фельдшер. – Армянский?

Марина кивнула.

– Только давайте поедем отсюда поскорей! – попросила она.

Они отъехали на несколько километров вглубь леса. Встреченный дремучим ельником, ветер немного утих, да и снег валил уже не так плотно, как на открытом пространстве вокруг озера.

– Ну, доставай свой коньяк! – сказал Егор Иванович. – Я, конечно, за рулём, но от пары глотков вреда не будет. Гори оно всё! – добавил он почему-то.

Они выпили коньяк пополам, прямо из горлышка. Доза алкоголя была совсем небольшой, но она произвела поистине целительное действие на приунывшего было Егора Ивановича. Он повеселел, разговорился. Правда, говорить пришлось ему одному. Марина молчала. Лишь прощаясь с фельдшером возле калитки своего дома, она прошептала: «Спасибо!» и крепко сжала его руку в своих холодных ладонях. Егор Иванович понимающе кивнул ей в ответ.

Задние фары УАЗика скрылись в снежной мгле. Марина осталась стоять на улице, пряча озябшие руки в рукава дублёнки. В Центральной усадьбе начали зажигаться фонари. Дорога была пустынной: на ней не было ни машин, ни пешеходов, ни даже собак. Улица казалась вымершей. Тем не менее она знала, что в соседних домах живут люди. Зайди она сейчас в любой из них, и её пустят внутрь, позволят обогреться, а кое-где могут даже угостить ужином или чаем.

Она представила себе голый холм, воющий ветер и снег, снег, снег без конца и края. «И никого вокруг! – подумала она. – Только старое кладбище». Эта мысль больно обожгла её сердце. Она повернулась и медленно побрела домой.

Ночью у неё начался жар, сопровождавшийся странными, пугающими сновидениями. Наутро вызвали фельдшера. Егор Иванович покачал головой,

прописал каких-то таблеток, а потом долго сидел у постели больной, держа её за руку. А с неба на землю всё падал и падал снег.

Глава 17

Тёмными были для Марины длинные зимние месяцы. Едва поправившись после тяжёлой болезни, она вернулась на работу. Привычный распорядок жизни вновь затянул её в однообразную череду бесцветных дней, наполненных бледными образами, размытыми пустотой. Каждый новый день как две капли воды походил на предыдущий, ничего не менялось, не двигалось. Ею целиком завладело чувство усталого безразличия. Она едва помнила, какой месяц шёл на дворе, совсем перестала следить за днями недели. Все выходные, включая праздники, Марина проводила на работе, почти ни с кем не разговаривая, мало улыбаясь, без особенного желания, но с каким-то механическим усердием выполняя свои трудовые обязанности.

Перемена, произошедшая в её характере, не осталась незамеченной. Вначале рабочие с фермы относили её на счёт недавней болезни. Видя, что выздоровление всё не наступает, они попробовали втянуть Марину обратно в центр общественной жизни, потерпели неудачу и в конце концов оставили её в покое. Лишь время от времени кто-нибудь, забывшись, заводил с ней разговор. Она отвечала коротко, односложно, порой – невпопад, отчего создавалось впечатление, что она не слышала слов, обращённых к ней собеседником.

На работе шептались, будто муж Марины сильно обижает её, даже бьёт, но подобные слухи не находили ни малейшего фактического или хотя бы косвенного подтверждения. Никто не замечал на её лице следов побоев, не мелькали на нём плохо скрытые отражения страха, смирения или злобы, свойственные жертвам домашнего насилия. Она как будто спала или ждала чего-то. Знакомые Марины, сами давно уже ничего не ожидавшие и ни на что особенно не надеявшиеся, не могли понять её состояния. Они попросту махнули на неё рукой в надежде, что рано или поздно она образумится и станет такой же, как прежде: весёлой, неунывающей оптимисткой, душой компании, одним словом – их Мариной.

Пришла весна. Только-только успели вернуться грачи, как вслед за ними хлынуло с юга тепло, в считанные дни обнажившее поля от снега. Небывало быстро просохла земля. На месяц раньше срока начали набухать на деревьях почки. Древние старушки, дивившиеся невиданному потеплению, выносили на улицу скамейки, усаживались на них и с удовольствием грели на слабом солнышке озябшие за зиму кости. Детишкам тоже не сиделось в душевной школе, где, несмотря на тёплую погоду, продолжали жарить раскалённые батареи. В связи с внеплановой жарой малышей отпускали с занятий пораньше, а детям постарше приходилось терпеть: в школе строго-настрого запрещалось открывать окна.

Однажды тёплым апрельским утром Марина как всегда поднялась затемно. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить мужа, она позавтракала, набросила на плечи новое пальто, купленное взамен плаща, и вышла на улицу. Внезапно что-то мягкое, почти невесомое, коснулось её волос. Марина осторожно ощупала странный предмет, и сердце бешено заколотилось в её груди: на перекрытии крыльца, практически незаметная в тусклом предутреннем свете, висела ладанка, та самая, которую она подарила Николаю прошлым летом.

Марина бегом вернулась обратно в дом, чтобы как следует рассмотреть находку. При свете электрической лампы у неё не осталось никаких сомнений: это была её ладанка, потрёпанная, выцветшая, с разлохмаченными нитками, торчавшими по бокам. Как она оказалась здесь? Был ли это знак, и если знак, то какой? В голове Марины поднялась кутерьма, состоявшая из сталкивавшихся и отскакивавших друг от друга вопросов и ответов. Впрочем, они не имели ровно никакого значения: всё уже было передумано и решено зимой, оставалось только выполнить принятое решение.

Она поднялась из-за стола, взяла большой квадратный платок, расстелила его на столе, положила сверху немного одежды и белья, аккуратно сложенное пальто, паспорт, документы и завязала платок в плотный узел. Помешкав несколько мгновений, Марина достала из хлебницы четверть каравая хлеба и засунула её в карман дублёнки, которую, невзирая на тёплую погоду, надела на себя. При этом ей пришлось испытать невольный укол совести: в доме не оставалось более ничего съестного. Она вздохнула, взяла узел и вышла на улицу, затворив за собой дверь.

Через полчаса её можно было видеть в конторе фермы, где она заполняла бланк заявления об увольнении по собственному желанию. Вследствие раннего часа в помещении было пусто. Марине открыла уборщица, худенькая, пожилая женщина, подметавшая полы в коридоре.

– Я написала заявление, положила его на стол, там, – сказала Марина уборщице, выходя из комнаты и указывая на дверь. – Пожалуйста, напомните про него начальству, когда все придут на работу.

Уборщица равнодушно посмотрела на неё и нехотя кивнула головой.

Снаружи светало. Воздух был свеж и как-то особенно, по-весеннему прозрачен. Алел восточный горизонт, подёрнутый розовыми облаками. Марина остановилась, чтобы полюбоваться на них. Она уже давным-давно не смотрела на небо, не обращала внимания на красоту, скромно таившуюся вокруг в ожидании быть пойманной её нечаянным взглядом. Сейчас она могла смотреть и видеть одновременно. Эта заново обретенная ею способность удивительным образом преобразила весь мир, величественно поднимавшийся из глубин ночи прямо на её глазах.

Быстро-быстро, чтобы не встретить никого из знакомых, Марина прошла через центр села. И дальше – по тропинке, вдоль задних дворов, через солдатский мост, в лес, к озеру, вслед за тонкой ниточкой судьбы, сорвавшейся с катушки будничных дней. Она не думала, что ждёт её впереди,

не знала, жив ли Николай, только надеялась, что жив и, может быть, ждёт её. Единственное, в чём она была абсолютно уверена, это то, что ей уже никогда не вернуться назад, к прежней жизни.

Дорога к озеру заняла у неё целый день. Тени деревьев появились, сделались совсем короткими, потом опять удлинились, а Марина всё шла, не чувствуя усталости. Около полудня она остановилась, чтобы поесть хлеба. Вдоль дороги лежала мёртвая сосна, спиленная спасателями прошлым летом, да так и брошенная гнить на земле. Спустя полгода на ней ещё виднелись зелёные иголки, продолжавшие упрямо цепляться за безнадежно потерянную жизнь. Марина присела на шершавый ствол. Солнце припекало землю. По дороге катились крохотные ручейки. Было ясно: ещё день-два, и дорога раскиснет, тогда по ней нельзя уже будет пройти даже пешком.

«Ещё не поздно вернуться!» – мелькнуло у неё в голове. Вернуться к чему? К дому с перегоревшими лампочками под потолком, пустым холодильником и нетопленной печью? К мужу, переставшему даже замечать её, как будто она была призраком без плоти и крови? К бессонным ночам, наполненным пьяными воплями его собутельников, грубыми спорами и драками, происходившими в соседней комнате? К отупляющей, монотонной работе на ферме? Если это составляло суть её жизни, то что именно стоило в ней того, чтобы жить?

Марина, сколько помнила себя, будто и не жила вовсе, а всё только готовилась к будущей жизни. Шли годы, а эта настоящая, взаправдашняя жизнь не становилась ближе. Как мираж, она неуловимо маячила на горизонте, обещая всамделишное счастье там, впереди. Потом мираж растаял, и стало очевидно, что впереди так же пусто, как и сзади, что никто не ждёт её там, за близким горизонтом, что она есть и будет ужасно одинока, что нет ни цели, ни смысла в её убогом существовании. Накатанная дорога пролегла сквозь безрадостную пустыню горького самозабвения. Единственным способом не остаться там навсегда было повернуть в сторону. Но как же трудно было это сделать! Сколько усилий потребовалось от неё, сколько внутренней борьбы! Скорее всего, она так и не решилась бы выбраться из колеи, если бы не было Николая.

В том, что он любит её, она не сомневалась нисколько. Неумение проявлять свои чувства, свойственное некоторым мужчинам, отнюдь не мешает женщинам в полной мере ощущать их любовь. Впрочем, само слово «любовь» было для Марины если и не пустым звуком, то, по крайней мере, довольно туманной концепцией. Она не мыслила категориями любви, ненависти или ещё какими-нибудь понятиями, нуждавшимися в сложных, подчас противоречивых определениях. Ей было достаточно простых эмоций, незамутнённых сомнительной логикой. Поэтому она знала, вне всяких сомнений, что никто за всю её жизнь не относился к ней лучше, ласковее, нежнее, чем Николай. И она инстинктивно, не задумываясь, отвечала ему той же монетой, и так же, как он, боясь обжечься, прикоснувшись к великому в своей душе, прятала чувства, не решаясь облечь их во что-то конкретное.

После ноябрьской поездки в Матвейцево, предпринятой вместе с Егором Ивановичем, Марина с ужасом осознала, что самая дорогая, заповедная часть её души того и гляди опустеет. Без Николая у неё не осталось бы ничего, только пустота, скука, безнадёжность. Она поглубже спрятала искорку своей надежды, укрыла её от внешнего мира, как снег укрывает землю от зимних холодов. И слабая искорка продолжала гореть, сквозь осень и зиму, чтобы вспыхнуть отчаянным пламенем подснежника, пылающим во имя короткого триумфа непокорённой жизни. Теперь она несла это пламя в себе, но не для себя. Она хотела поделиться им с Николаем и надеялась только, что ещё не слишком поздно.

Марина вскочила на ноги. Впереди её ждал долгий путь. Подхватив узел, она решительно зашагала вперёд, туда, где лежало скованное льдами длинное озеро, терпеливо ожидавшее часа своего освобождения.

Глава 18

Николай сидел на толстом, почерневшем бревне, выступавшем из земли аккурат подле того места, где когда-то находилось крыльцо его дома. Низкое вечернее солнце слепило ему глаза, но он не отворачивал лица, с удовольствием купаясь в ярких, живительных лучах. Прямо перед ним торчал свежеструганный черенок для лопаты, который он воткнул в землю и теперь опирался на него обеими ладонями и подбородком. Его вытертая меховая шапка лежала тут же, на бревне. Длинные, засаленные волосы Николая, с хорошо заметными прядями седины на висках, слегка развевались на южном ветру, приносявшем дыхание неминуемой весны.

Его лицо было повернуто к озеру, поэтому он не заметил Марину, появившуюся из леса и ступившую на развороченный пустырь, оставшийся на месте Матвейцева. Вначале она растерялась, подавленная открывшимся перед ней хаосом. Повсюду рыжими, размытыми пластами лежала мокрая глина вперемешку с брёвнами, гнилыми досками, торчавшими из земли валунами, битым кирпичом, ветками деревьев, кусками проволоки и прочим, не поддающимся описанию хламом. Она уже готова была пасть духом, как вдруг уловила доносившийся откуда-то слабый запах дыма. Где-то поблизости топили печь.

Марина побрела через пустырь, осторожно обходя многочисленные препятствия. Она собиралась подняться на холм, чтобы осмотреть оттуда горизонт и отыскать источник дыма, но вместо этого заметила спину Николая, всё так же неподвижно сидевшего на бревне. Марина замерла, как вкопанная, не веря своим глазам, потом бросилась бежать к нему, споткнулась обо что-то и чуть не упала. Бежать с узлом было невозможно, а бросить его она не решалась: уж очень страшно было прикасаться к земле, истерзанной железными монстрами прогресса. Поверхность холма выглядела как одна большая рана, до сих пор кровоточившая ручейками талой воды. Даже ступать по ней обутыми ногами было как-то неудобно и совестно.

Губы Марины задрожали. Она медленно пошла в сторону Николая, надеясь взять себя в руки прежде, чем он обратит на неё внимание. Но Николай, выведенный из полудремоты чавкающими звуками её шагов, обернулся раньше времени. Увидев Марину, он вскочил от неожиданности, а она, не чуя ног, в несколько шагов преодолела разделявшее их расстояние и остановилась перед ним, не говоря ни слова. Вид его лица поразил её своей худобой и странным выражением, мелькнувшим на мгновение и тотчас скрывшимся за смущённой улыбкой. Замеченное ею мимолётное выражение было строгим, суровым, совершенно несвойственным характеру Николая.

– Господи! Как же ты исхудал! – воскликнула Марина. Она уронила на землю забытый узел и бросилась к нему на плечи, сотрясаясь от рыданий.

– Ну, ну! Будет! – утешал растерявшийся Николай, боязливо поглаживая её по голове.

Но Марина никак не могла остановиться. Вот уже готовы были прекратиться всхлипывания, успокаивалось дыхание, и тут новый вдох, наполненный запахом его пота, дёгтя, копоти и прелой ваты, вызывал очередной приступ плача. С каждым новым приступом она сбрасывала с себя тяжесть сомнений, на душе у неё становилось светлее, проще, вольготнее.

– Что ж это такое! Ну, ну! – приговаривал Николай.

В конце концов, Марина отняла лицо от влажного плеча его телогрейки, улыбнулась, совсем как прежде – лукаво, с хитрецей, и сказала:

– Ну что ты всё «ну» да «ну»? Я ведь, чай, не лошадь!

– Так я и не думал... – забормотал он.

– Ах, ты, глупое ты создание! – сказала Марина и поцеловала его в губы.

Совершенно ошеломлённый, Николай уставился на неё выпученными глазами. А она в эту минуту была готова петь, прыгать, смеяться, делать глупости, словом – жить. Кое-как совладав со своим восторгом, Марина спросила:

– Слушай, Коля, можно я тут, с тобой останусь?

– Так ведь разве можно?

– Кто же мне запретит? Разве что ты прогонишь.

– Нет, нет, я не прогоню! Я очень даже не прогоню! – поспешил уверить её Николай.

– Вот и договорились! – торжествующе воскликнула Марина.

– А как же твой муж?

– Да что я ему? Как собаке пятая нога!

– Значит, развелись?

– Нет, так ушла. Давай посидим, – добавила она, – а то я пешком, умаялась.

Они уселись на бревно. Вокруг было тихо-тихо, как бывает ранней весной, до прилёта певчих птиц. Было слышно, как на озере потрескивал лёд, да ещё грачи, не нашедшие на холме деревьев, в кронах которых они привыкли вить свои гнёзда, беспокойно кружились над опушкой леса, издавая короткое, пронзительное карканье.

– Как же ты тут один всю зиму прожил? – спросила Марина, устроившись рядышком с Николаем, но не решившись подсесть к нему вплотную.

– Сам не знаю. Всё благодаря деду: погреб он устроил на славу. Я его, знаешь ли, после откопал, как эти уехали, – он сделал неопределённый жест рукой, очевидно пытаясь пояснить, что под «этими» он подразумевал рабочих, разрушивших село. – Всё осталось в целости – и картошка, и припасы, только новую дверь пришлось сверху приладить.

– И зимовал в погребе? – ужаснулась Марина.

– Зачем же? Тут за рощей есть домик, вроде как мастерская при леспромохозе, видела, наверно. Там ещё прежде делали скипидар. Постройка, конечно, старинная, а всё-таки каменная, прочная. Позапрошлой осенью я её починил, вставил в окна хорошие рамы, заделал крышу, дверь заменил. Когда все уехали, строительных материалов много осталось, да и времени у меня было хоть отбавляй. Заодно наладил скипидарную установку. Возни с ней уйма, а скипидару выходит самая малость. Хотя мне ведь много-то и не нужно, только в лампу. Вот, стало быть, как стали сносить дома, тут я за рощу и перебрался. Жить можно! Печь там большая, хорошая, из красного кирпича. Тесновато, правда, особенно с кроватью.

– А ты что же, и кровать туда перевёз?

– Всё из дому перевёз, что только смог унести, даже заслонки с печи снимал. А подвал укрепил досками и камнями с глиной. Они, – он опять сделал жест рукой, – его даже не заметили. Мне-то что! Вот скотине трудно пришлось. Хорошо ещё, что я не успел всё сено в сарай перевезти, так и осталось стоять в стогах. В общем, кое-как перезимовали. Морозов, слава богу, не было, всё только снег да снег.

– А ведь мы с Егором Ивановичем тебя искали!

– Знаю. Он мне рассказывал.

– Как? Когда?

– Да вот, как вчера был у вас в Центральной...

– Был и ко мне не подошёл?

– Побоялся. Егор Иванович сказал, у тебя с мужем нелады, в общем, отсоветовал с тобой встречаться. Не прямо, конечно, запретил, а как бы намекнул невзначай. Мало ли, дескать, кто увидит ненароком, языки-то у людей длинные.

– А ладанку оставить, значит, не побоялся? И что, ты думал, я буду с ней делать?

Николай пожал плечами.

– Горе ты луковое, – сказала ему Марина с мягкой укоризной, как будто обращалась к маленькому ребёнку. – А в Центральную зачем приезжал?

– Прикупить кое-чего, пока дорога не размякла, тебя повидать да отправить письмо.

– Что за письмо? – насторожилась Марина.

– А помнишь студентов, которые потерялись в лесу прошлым летом? Девушку-то я нашёл, а парень так и пропал. Так вот, эта девушка прислала

мне письмо. Я сперва не очень понимал, о чём оно, а потом, зимой, на досуге, потихоньку докумекал, да и то, наверно, не всё, а только основную суть. После Нового года взялся сочинять ответ, и такая интересная штука получается: казалось бы, о чём можно написать, если ничего особенного с тобой не происходит, а как начал, так и пошло, пошло, как будто не я сам слова придумываю, а кто-то другой. Вот, отвёз Егору Ивановичу, он обещал отправить, у него и адрес есть.

– Что же она там пишет, в письме-то?

– Да вот, сама почитай! – Николай вынул из внутреннего кармана ватника несколько сложенных листов бумаги, завёрнутых в полиэтиленовый пакет. Листы были мятыми, затёртыми и имели землистый цвет, особенно по краям.

«Здравствуйте, Николай! – начиналось письмо. – Сегодня мне пришлось в голову, что я так и не поблагодарила вас за своё спасение. Спасибо! Если бы не вы, я так и осталась бы там, в траве, навсегда. Помню, как пыталась встать, падала, снова вставала, скорее из упрямства, чем от страха умереть. Сил уже совсем не оставалось.

Когда меня привезли в больницу, мне несколько дней не разрешали подниматься с постели, а когда разрешили, я чуть было не рухнула на пол, так ужасно болели ноги. Только через неделю я начала ходить, как прежде. Потом, к восторгу моих родителей, меня выписали, но я с таким же успехом могла бы оставаться в больнице, потому что мама и папа всё время сидели в моей палате, разговаривали со мной и читали мне книжки. Вечером их прогоняла медсестра, а утром они, ни свет ни заря, возвращались назад.

Некоторое время после возвращения домой вокруг меня ходили на цыпочках, кормили с ложечки, потом жизнь вошла в обычную колею. Я не смогла выйти на работу в июле, как планировала. Летом я работаю медсестрой в стационаре, заменяю штатных сестёр во время отпусков. Теперь выйду в августе, а пока у меня целая куча свободного времени.

Я часто вспоминаю вас, и родители тоже. Иногда я думаю, как странно всё вышло: наши с вами судьбы, никак не связанные между собой, далёкие друг от друга, сошлись вместе в самый важный момент, когда это имело наибольшее значение, по крайней мере для меня. Задержись вы тогда в городе хотя бы на день, я не смогла бы сейчас писать это письмо. Случайность, конечно, только, как говорит мой папа: «Случайность – есть закономерность, вытекающая из неустановленных причин». Я всё думаю об этих причинах и никак не могу добраться до самых главных, исходных. Скорее всего, их не существует. Вместо них есть огромное количество разнообразных процессов, цепляющихся друг за друга, переплетающихся, расходящихся в стороны. Наши поступки, и в особенности – принятые решения, задают направление дальнейшему развитию ситуации, но не определяют его целиком. Поэтому получается, что иногда, желая сделать как лучше, люди всё портят, совершенно не нарочно. Мало кто сознательно желает зла, а всё же зло существует, и никто не считает себя виноватым в его существовании, потому что все стремились к добру и пользе,

а зло, – ну что ж, просто так вышло – слишком много было обстоятельств, слишком мало информации для принятия решений.

Если бы мы с Володей не пошли тогда в обход озера, он сейчас был бы с нами. Я хотела написать: «был бы жив», но это было бы неправильно, хотя, насколько я понимаю, не осталось почти никакой надежды отыскать его. Я долго беседовала с полицией, спасателями, с людьми, одетыми в самые разные формы и просто в серые, мятые пиджаки. Я честно рассказала им всё, что знала, и все они, как мне показалось, остались недовольными моим рассказом. Что ещё я могу сделать для Володи? Могу обвинять себя, хотя это не принесёт ему никакой пользы, да и мне тоже. Могу наоборот оправдывать себя в своих глазах, но это как-то противно. Может быть, вы подскажете, что мне делать? Мне не у кого больше спросить. Мама и папа слишком далеки от повседневных проблем. Они способны часами рассуждать на отвлечённые, абстрактные темы, и я хорошо представляю, что они могут мне ответить, потому что месяц назад сама была такой же, как они. Их советы, основанные на рациональной логике, хороши в рациональном мире, подчиняющемся логическим законам. Мне кажется, я больше не способна подниматься до умозрительных высот абсолютной рациональности, также, впрочем, как и опускаться до глубин абсолютного хаоса, поэтому мне приходится искать равновесие между этими полюсами.

Когда я шла вокруг озера, мне встретился высокий холм. Через него пролегал тропинка, ведущая на самую вершину. Сверху холма лежит огромный валун. Если взобраться на него, можно увидеть невероятно красивый вид. Теперь, когда я вспоминаю о нём, мне представляется картина Левитана «Над вечным покоем». Раньше я не задумывалась над этим названием. Почему «над»? – Разумеется, потому что на картине показан вид сверху. Может быть, так оно и есть, а может быть, название несёт и другой смысл: людям редко удаётся достичь покоя, внутреннего баланса между множеством противоречивых желаний. Мы всё время волнуемся, переживаем, расстраиваемся. Беспокоиться – это хорошо, это по-человечески. Плохо, когда беспокоишься только о самой себе. Внутри возникает отвратительная чёрная дыра, высасывающая всё хорошее, что есть в человеке, поглощающая все положительные эмоции, впечатления, всю радость от простого осознания собственного существования. Сколько не корми эту темноту, ей всё время мало. Сколько не бросай туда – ей всегда хочется больше. Поддайся ей, и она обдерёт с тебя последние остатки человечности.

В детстве мне очень хотелось знать, что отличает хороших людей от плохих. Я мечтала быть хорошей, стать хорошей, но не знала как. Теперь я подозреваю, что хороший человек – это тот, кому судьба подарила возможность победить в себе темноту. Кому-то ради этого приходится проходить через жестокие испытания, кому-то – страдать, кому-то – терпеть, ведь победа над собой достигается только в результате борьбы.

Победила ли я свою темноту? Надеюсь, что да. Боюсь, что нет. Хочу есть мороженое, танцевать, купить себе новое, яркое летнее платье. Временами

меня переполняет совершенно непонятно откуда взявшаяся, как с неба упавшая радость. Так отчего я скрываю эту радость? Отчего не иду покупать себе платье? Моя борьба, кажется, всё ещё не окончена. Окончится ли она хоть когда-нибудь, или стоит ей начаться, и это уже навсегда? Не исключено, что мне ещё придётся заслужить мой маленький уголок света, лежащий на границе между непроницаемым мраком будущего и смутными сумерками прошлого.

Простите меня! Мне, наверное, не следовало писать вам про все эти глупые переживания, которые не имеют к вам никакого отношения. И всё-таки я рада, что написала.

Между прочим, хочу сообщить вам одну престранную новость...»

В конце письма Ирина предупреждала Николая о намерении своих родителей приехать к нему в гости. В числе прочего она просила его, если будет возможность, проводить их к тому самому холму с валуном на вершине, с которого открывается такой замечательный вид на окрестности.

– Какой почерк неразборчивый, – проворчала Марина, заканчивая читать. – Что же ты, водил их на холм?

– Было дело, – подтвердил Николай. – Отец девушки хворает: спина у него. Дорогу ему не осилить, так что пришлось везти их на лодке. Путь неблизкий, только-только за день обернулись. Туда, кстати, есть хорошая тропа, можно и пешком дойти, если знать, где сворачивать.

– А ты откуда знаешь?

– Так ведь не первый год здесь живу.

– Правда, красивый вид?

– Очень хорош. Я даже подумал: вот бы там поселиться! Знаешь, построить дом, развести огород. Не на вершине, конечно, потому как нельзя ж без воды, да и спускаться больно далеко, а зимой – и подавно. А вот внизу – благодать! Походил я вокруг, прикинул: возле самого холма, со стороны озера, есть хороший, ровный участок земли, почти на самом берегу, недалеко от воды. А луга там какие! Трава – по пояс. Правда, много сорной, ну, так ведь это дело поправимое.

– За чем же дело стало?

– За тем, что одному мне не потянуть. Это ведь сколько работы! Строиться, обживать, копать колодец, да ещё и едой себя обеспечивать, когда же со всем управиться? И потом, это ведь так, мечта. На самом деле я уже тогда подумывал перебраться в Центральную усадьбу. Вот и Егор Иванович меня вчера звал. Сын у него остался в городе насовсем, так что полдома пустуют. «Приходи, – говорит, – живи бесплатно, вместе плотничать будем!» А то не успел он устроиться на работу, как его оттуда уже попёрли. Народ у нас сама знаешь, какой – днём и ночью идут к нему на приём, иной раз прямо посреди рабочего дня вызовут в какую-нибудь деревню, он всё бросит, уедет, а работа стоит. Месяц, другой потерпели, да и выгнали. А с больных он денег не берёт, упёрся, как бык: «Не уполномочен», – говорит, и всё тут! До того упрямый, не своротишь! Мне и жена его жаловалась. Хорошо, хоть сын немного помогает, тем и живут.

– Как же так? – всплеснула руками Марина. – Уедешь и всё здесь бросишь?
– Бросать-то нечего, – ответил Николай, обводя рукой унылую рыжую плешь, простиравшуюся вокруг них.

– Я тебя знаю, – не уступала Марина. – Затоскуешь ты там! Пропадёшь!

– Авось не пропаду. То есть не пропадём. Ты ведь поедешь со мной?

– Нет, не поеду. Ты езжай, а я тут останусь!

– Ну что ты, брось! – расстроился Николай. – Думаешь, я это с лёгким сердцем решил? Я ведь видел судьбу Матвейцева, видел его будущее. Пусть уж лучше люди его разрушат, чем ждать, пока это сделает время.

– Про что это ты?

– Да прошлым летом мы с Егором Ивановичем ездили в одну деревню. Всего и населения там – несколько старушек, больше никого. Ты бы видела, как они живут: дома разваленные, огороды заросли крапивой, заборы повалились, и поправить некому. Как вспомню это убожество, так руки опускаются, страшно становится.

– А ты не думай о будущем, живи настоящим. Я, вот, тоже всё будущего ждала, думаешь, дождалась чего-нибудь? Пока жив – брыкайся, а уж как померёшь – так тебе всё равно будет.

Николай вздохнул и задумался. Он уже смирился с неизбежностью переезда в Центральную усадьбу, всю зиму постепенно готовил себя к этому шагу, однако теперь, с появлением Марины, обстоятельства изменились до чрезвычайности. Вместе они могли бы попробовать начать заново, может быть, даже поселиться на ничейной земле возле холма с валуном. А уж если не выйдет, тогда придётся перебраться к Егору Ивановичу, но уже со спокойной душой, без тайных сожалений об упущенной возможности.

– А ты и вправду останешься? – робко спросил он Марину.

– Останусь, – ответила она твёрдо и серьёзно, глядя ему прямо в глаза.

– И будешь мне помогать?

– Буду.

– И не бросишь меня, если придётся туго?

– Не брошу.

– Тогда, знаешь, давай-ка завтра, прямо с самого утра, я начну собирать кирпичи! Их тут много разбросано, хватит и на фундамент, и на печку. Потом поищу рамы, доски и всё остальное, что может пригодиться, а то как строители вернуться, нам уже ничего не достанется. Они, вроде бы, по весне обещались.

Вместо ответа Марина повернулась к Николаю, обняла его за шею и положила голову ему на плечо. Ей сделалось хорошо и уютно, как никогда не бывало прежде, и было всё равно, где ночевать, чем питаться, какие терпеть лишения, важно только – с кем. Теперь ей было ради кого жить. Пустое, бесполезное существование наполнилось смыслом. Она была бесконечно благодарна Николаю за то, что он позволил ей заботиться о себе.

– Стёкла можно взять со старого леспромхозовского склада. Я там и рамы сложил, ещё хорошие. А вот чем будем крыть крышу... – продолжал Николай

свои размышления, всё более и более отдаваясь им, пропитываясь радостной идеей нового начала, неожиданно посетившей его этим погожим апрельским вечером.

– Ты на сапоги свои посмотри! – промурлыкала Марина, не отрываясь от его плеча.

– А что сапоги? – рухнул с небес на землю размахивавшийся Николай.

– Дырявые, вот что. А больше ничего.

– Немного всего и дырявые, – сказал он, поспешно прикрывая носком левой ноги дырку в правом сапоге.

– Надо купить новые.

– Надо, но есть вещи и поважнее. Гвозди нужны, скобы...

– И сапоги, – добавила Марина всё тем же мурлыкающим голосом, – и рубашки, и вообще, надо тебя приодеть.

– Вот ещё! – проворчал Николай. – Потом, когда появятся лишние деньги...

– У меня есть деньги, – сказала Марина. – Целый год откладывала зарплату. На книжке держу, нельзя было домой приносить.

– Ну, так ты себе чего-нибудь и купи, а я и так похожу. Не до ерунды! Надо бы добежать до леспромхозовских складов, посмотреть, нет ли там досок. Может, полы разобрать...

И Николай опять принялся строить планы, время от времени почёсывая в затылке и мечтательно улыбаясь. Марина не слушала его. Она размышляла об одежде, посуде, разной утвари, планируя завтра же провести подробнейшую ревизию хозяйства Николая. Их хозяйства. Потом вспомнила про корову, которая, вероятно, уже давным-давно не давала молока. Надо было отвести её на случку к быку. Мысли Марины текли плавно, как облака на весеннем небе. Вдруг одна из них встрепенулась, зацепилась, остановив всю неспешную процессию.

– Коля, а как ты её нашёл? – спросила она.

– Кого?

– Ирину. Неужели случайно?

– Да нет, помогли мне.

– Кто?

– А леший его знает, – ответил Николай, пожимая плечами.

ЭПИЛОГ

Время текло. Месяцы сменяли друг друга в положенном им порядке. Минуло несколько лет. Для кого-то они прошли незаметно, другим принесли неожиданные перемены, к лучшему ли или к худшему – как знать?

Мало что изменилось у бывшего соседа Николая, Петровича. Он продолжает, как и прежде, работать в кочегарке, а в свободное время, если отыщется мало-мальски подходящий повод, устраивает у себя дома шумные застолья.

Муж Марины всё так же пьёт и практически не работает. На что он существует, неизвестно даже ему самому. Жену он не ищет. Когда его изредка спрашивают о ней, отвечает, что Марина уехала к тётке на юг и что сам он в скором времени поедет туда же. Никто ему, разумеется, не верит.

Володю Лебедянского так и не нашли. Поиски продолжались всё лето, до самого сентября. Северный берег озера был прочёсан с земли и с воздуха, но ни самого Володи, ни его тела, ни каких-либо следов его пребывания обнаружено не было. Мрачный, тяжёлый знак вопроса повис над его судьбой.

С приходом осени Лебедянский-старший, финансировавший поисковые мероприятия за свой счёт, был вынужден сдаться. В немалой степени этому способствовали неприятности с правоохранительными органами, заинтересовавшимися некоторыми аспектами его предпринимательской деятельности. Через полгода ему пришлось в срочном порядке уехать за границу, оставив дома жену и дочь. Кое-кто утверждает, что он, будто бы, живёт в Швейцарии, другие называют наиболее вероятным местом его пристанища Лондон. Жена, по её собственным словам, не имеет никаких контактов с Михаилом Сергеевичем и денег от него не получает. Между тем она продолжает жить в трёхэтажном особняке, а её дочь, сестра Володи, поступила в престижный московский ВУЗ, в силу чего на её имя была куплена элитная квартира в центре Москвы. На какие именно средства была приобретена квартира, никто из сотрудников правоохранительных органов не интересовался.

А вот профессор Сергей Сергеевич Кочетков умудрился избежать уголовного преследования. Тем не менее его вынудили возместить значительный материальный ущерб, после чего потихоньку уволили из университета «по собственному желанию». Не имея перспектив в дальнейшей научной карьере, он решил заняться бизнесом, окончательно разорился и уехал из города. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Ирина Залеская заканчивает медицинский университет. По ночам она подрабатывает в больнице, но теперь уже на постоянной основе, а не только на время отпусков. Дополнительный заработок пришёлся очень кстати: семья Залеских обзавелась, наконец, новым холодильником.

Илья Анатольевич, отец Ирины, часто хворает. Сидя дома и страдая от вынужденного безделья, он решил заняться сочинением книги об истории русского авиастроения. Вначале дело пошло неважно. Илья Анатольевич очень расстраивался и даже иронически подтрунивал над собой за неумение составлять связные предложения. Но потом дело понемножку наладилось: истрёпанная, правленая и переправленная рукопись становится всё толще и толще день ото дня.

Мария Александровна Залеская по-прежнему работает в библиотеке. Она очень подружилась с Егором Ивановичем Кузьминым, фельдшером из Абакумовки. Они часто переписываются, изредка звонят друг другу. Иногда добрая Мария Александровна посылает своему новому другу настоящие,

«как раньше» сделанные папиросы, в душе ругая себя за потакание вредным привычкам.

Сам Егор Иванович был восстановлен в должности фельдшера. Глухое недовольство местного населения, удачно совпавшее по времени с выборами губернатора, способствовало возрождению медпункта в его прежнем виде. В приливе заботы об избирателях чиновники даже обещали выдать Егору Ивановичу новую машину, но так до сих пор и не сдержали своего обещания.

Рафаэлла, известная своим друзьям и знакомым как Раффа, не дождалась весточки от Николая и вышла замуж за турка – владельца строительной компании, проживавшего в отеле «Святой Иероним». Молодожёны укатили на родину жениха. Их взаимоотношения были яркими, страстными, но недолгими. Менее чем через год несколько разочарованная семейной жизнью Раффа вернулась домой. Теперь она красит волосы в розовый цвет.

Николай и Марина пропали из поля зрения жителей Центральной усадьбы. Изредка, не чаще трёх или четырёх раз в год, Николай приезжает за покупками. При этом он практически ни с кем не разговаривает, кроме Егора Ивановича, с которым водит какие-то таинственные дела. В суть этих дел не посвящена даже жена фельдшера, поэтому слухи, касающиеся Николая и его жизни, распространяются редко. Только как-то раз по весне в Центральной усадьбе шептались, будто фельдшер увёз куда-то в лес детскую кроватку, игрушки и одежду для младенца. Впрочем, и эти слухи скоро утихли ввиду их явной несуразности.

Спортивная база, планировавшаяся на месте Матвейцева, так и не была построена. Компания, начавшая строительство, потеряла своего основного учредителя, была продана, а потом и вовсе ликвидирована из-за убытков. Никто больше не претендовал на расчищенный пустырь, так что очень скоро он начал зарастать кустарником, да так густо, что даже мыши трудно теперь пробраться сквозь эти заросли.

Ну а озеро... Что же озеро? Над ним, как и прежде, плывут облака, светит солнце, льются дожди. Месяцы и годы проходят здесь незаметно, оставляя лишь узенькие кольца в стволах деревьев, как летопись минувших лет. И всё же... И всё же не все лучи света, упавшие с неба и возвращённые природе зеркальной гладью воды, теряются без возврата в поросших чащобами холмах. Крохотная толика их остаётся неизменной, сохраняется, становится частью чего-то большего, обретает таинственный смысл, отражаясь в чьих-то глазах.

2015-2016.

Послесловие

Уважаемый читатель! Вот вы и достигли окончания книги. Надеюсь, у вас осталось о ней хорошее впечатление. В заключение мне хотелось бы обратиться к вам с просьбой. Во время подготовки этого издания я использовал все доступные мне средства для того, чтобы исправить текст, привести его в соответствие с нормами и правилами русского языка. Роман был выправлен профессиональным корректором. Тем не менее, я не могу с полной уверенностью гарантировать, что его текст лишён каких бы то ни было ошибок. Если вы заметили опечатки, логические неточности и противоречия, неправильную пунктуацию и прочие огрехи, пожалуйста, сообщите мне об этом по адресу электронной почты: *ugoloksveta@gmail.com* или посредством сайта: *www.ugoloksveta.ru*. Я буду вам очень признателен!

Э. К.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Глава 1.....	5
Глава 2.....	8
Глава 3.....	16
Глава 4.....	19
Глава 5.....	23
Глава 6.....	26
Глава 7.....	28
Глава 8.....	30
Глава 9.....	35
Глава 10.....	39
Глава 11.....	45
Глава 12.....	50
Глава 13.....	59
Глава 14.....	66
Глава 15.....	70
Глава 16.....	75
Глава 17.....	84
Глава 18.....	90
Глава 19.....	92
Глава 20.....	97
Глава 21.....	102
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	108
Глава 1.....	109
Глава 2.....	112
Глава 3.....	116
Глава 4.....	120
Глава 5.....	123
Глава 6.....	128
Глава 7.....	135
Глава 8.....	142
Глава 9.....	147
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	150
Глава 1.....	151
Глава 2.....	154
Глава 3.....	159
Глава 4.....	163
Глава 5.....	167
Глава 6.....	172
Глава 7.....	176
Глава 8.....	180

Глава 9	185
Глава 10	190
Глава 11	196
Глава 12	201
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	208
Глава 1	209
Глава 2	217
Глава 3	225
Глава 4	235
Глава 5	239
Глава 6	244
Глава 7	251
Глава 8	258
Глава 9	265
Глава 10	268
Глава 11	276
Глава 12	285
Глава 13	286
Глава 14	289
Глава 15	298
Глава 16	302
Глава 17	308
Глава 18	311
ЭПИЛОГ	318
Послесловие	321

